

1801—1901

Къ столѣтію присоединенія Грузіи къ Россіи.

---

Поманѣхъ днѣ дрѣвнѣа, поучиша...  
(Пс. 142).

*Утвержденіе*  
**РУССКАГО ВЛАДЫЧЕСТВА**  
**НА КАВКАЗѢ.**

---

Томъ IV - й.

Часть 1-я.

---

Подъ руководствомъ бывш. начальника штаба Кавказск. воен. округа ген.-лейт. Н. Н. Бѣлявскаго,  
составленъ въ Военно-Историческомъ отдѣлѣ,  
подъ редакціей генераль-маіора Плотто.

---

ТИФЛИСЪ.

Типографія штаба Кавказскаго военного округа, Лорисъ-Меликовская ул., д. казенный.

1906.

## О Г Л А В Л Е Н И Е.

<b>ГЛАВА ПЕРВАЯ.</b> Обзор сношеній нашихъ съ Персіей съ 1813 по 1816 годъ.—Прибытіе чрезвычайнаго персидскаго посла въ Петербургъ.—Вопросъ о территориальныхъ уступкахъ Персіи.—Инструкція, данная Ермолову при отправленіи его посломъ въ Персію.—Выѣздъ посольства въ Персію.—Прибытіе въ Тавризъ.—Аудіенція у Аббасъ-Мирзы.—Выѣздъ изъ Тавриза.—Торжественный въѣздъ въ Султаніъ.—Аудіенція у шаха и переговоры по дѣламъ.—Конференція 12-го августа.—Прибытіе въ Тавризъ.—Переговоры съ Мирза-Безюрюгою.—Возвращеніе посольства въ Тифлисъ. . . . .	2
<b>ГЛАВА ВТОРАЯ.</b> Признаніе русскимъ правительствомъ Аббасъ-Мирзы наслѣдникомъ персидскаго престола.—Послѣдствія этого признанія.—Пограничный вопросъ и домогательства персіянъ.—Назначеніе комиссаровъ въ 1823 году для опредѣленія границъ.—Противодѣйствіе со стороны персіянъ.—Новые переговоры о границахъ.—Актъ разграниченія 28-го марта 1824 года.—Пограничныя неурядицы.—Приготовленіе персіянъ къ войнѣ.—Посольство князя Меншикова въ Тегеранъ. . . . .	33
<b>ГЛАВА ТРЕТЬЯ.</b> Краткій обзоръ театра военныхъ дѣйствій.—Боевыя силы противниковъ.—Раздѣленіе пограничнаго района на три части: правый флангъ, центръ и лѣвый флангъ.—Положеніе дѣлъ на правомъ флангѣ передъ войною.—Внезапное вторженіе эриванскаго сардаря.—Миракскій бой.—Опустошеніе Ламбакаской и Шурагельской провинцій персіянами.—Сосредоточеніе войскъ въ Большомъ Каракишѣ.—Отступленіе за Безобдалъ.—Дѣйствія на Лорійской степи. . . . .	65
<b>ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.</b> Карабагъ наканунѣ войны.—Вторженіе персидской арміи.—Гибель баталіона Назимки.—Шуша и ея оборонительныя средства.—Начало блокады.—Распоряженія полковника Реута.—Шушинскіе армяне.—Неудачная фуражировка 2-го августа.—Тяжелое положеніе крѣпости.—Сафаръ и Ростомъ Тархановы.—Переговоры, начатыя Аббасъ-Мирзою.—Короткое перемиріе.—Вѣроломное задержаніе Аббасъ-Мирзою русскихъ офицеровъ.—Неудавшійся штурмъ и внезапное отступленіе персіянъ. . . .	97
<b>ГЛАВА ПЯТАЯ.</b> Возстаніе въ Елисаветполѣ.—Ночной бой и отступленіе русскихъ.—Измѣна талышинскаго хана.—Осада Ленкорани и отступленіе майора Ильинскаго на островъ Сару.—Переправа черезъ Куру бакинскаго хана и взятіе имъ Сальянъ.—Стойкая защита Баку.—Событія въ Ширванской и Кубинской провинціяхъ.—Бой у деревни Гарджевани и отступленіе генерала Краббе въ Кубу.—Осада персіянами Кубы.—Мяніе объ этомъ Ермолова.—Происшествія въ Нухѣ и въ Кахетіи . . . . .	119
<b>ГЛАВА ШЕСТАЯ.</b> Затруднительное положеніе главнокомандующаго при первомъ извѣстіи о вторженіи персіянъ.—Первоначальныя распоряженія его.—Рескриптъ государя.—Оправдательное письмо Ермолова и отвѣтъ на него императора.—Планъ военныхъ дѣйствій, присланный изъ Москвы.—Возраженія на него Ермолова.—Неудовольствіе государя.—Командированіе на Кавказъ генералъ-адъютанта Паскевича.—Переходъ Ермолова въ наступленіе.—Князь Мадатовъ.—Пораженіе имъ грузинскаго царевича Александра.—Шамхорскій бой и занятіе Елисаветполя.—Извѣстіе о наступленіи персидской арміи. . .	139



**ГЛАВА СЕДЬМАЯ.** Генераль-адъютантъ Паскевичъ.—Прибытіе его на Кавказъ и походъ къ Елисаветполю.—Инструкція, данная Паскевичу Ермоловымъ.—Взглядъ Паскевича на кавказскія войска въ донесеніяхъ его государю.—Мнѣніе объ этомъ А. А. Вельяминова.—Елисаветпольское сраженіе и разгромъ персидской арміи.—Награды за Елисаветполь.—Черты къ характеристики Паскевича. . . . . 159

**ГЛАВА ВОСЬМАЯ.** Дѣйствія Паскевича послѣ Елисаветпольскаго сраженія.—Неудовольствія его на Ермолова.—Роспускъ отряда Паскевича.—Давыдовъ и дѣйствія его на Эриванской границѣ.—Ермоловъ въ татарскихъ дистанціяхъ.—Усмиреніе имъ татарскихъ ханствъ.—Походъ Ермолова противъ джарцевъ.—Роспускъ войскъ на зимовыя квартиры.—Сношеніе Ермолова съ туркменами.—Экспедиція князя Мадатова за Араксъ, какъ эпилогъ кампаніи 1826 года. . . . . 179

**ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.** Планъ кампаніи 1827 года, составленный Дибичемъ.—Возраженія на него Ермолова.—Государь утверждаетъ планъ Алексѣя Петровича.—Перемѣна на Кавказѣ начальствующихъ лицъ.—Жалобы Паскевича.—Пріѣздъ въ Тифлисъ барона Дибича.—Его неудавшееся посредничество.—Письмо Ермолова къ государю, и назначеніе на мѣсто его Паскевича.—Послѣдніе годы жизни Ермолова. . . . . 195

**ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.** Кампанія 1827 года.—Военныя дѣйствія карабагскаго отряда на Араксъ.—Движеніе отряда Бенкендорфа.—Затрудненія.—Занятіе Бенкендорфомъ Эчмиадзина.—Поиски за продовольствіемъ.—Наступленіе къ Сардаръ-Абаду и пораженіе куртинцевъ.—Движеніе Бенкендорфа къ Эривани.—Обложженіе крѣпости.—Тактика персіанъ.—Вылазки непріятеля.—Кавалерійское дѣло на р. Абаранъ.—Положеніе нашихъ войскъ подъ Эриванью къ половинѣ іюня . . . . . 221

**ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.** Мѣры къ обезпеченію продовольствіемъ дѣйствующаго отряда.—Движеніе главныхъ силъ къ Эривани.—Пріѣздъ Паскевича.—Снятіе блокады Эривани.—Движеніе главныхъ силъ съ Паскевичемъ къ Нахичевани.—Осада и бомбардированіе крѣпости Аббасъ-Абада.—Джеванъ-Булахское сраженіе.—Сдача Аббасъ-Абада.—Настроеніе и планы шаха.—Перенесеніе лагеря главныхъ силъ въ горы къ Кара-баба. 239

**ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.** Устройство коммуникаціонной линіи.—Дѣйствіе отрядовъ генераловъ Краббе и Панкратьева въ Карабагъ.—Стоянка главныхъ силъ Паскевича у Кара-бабы.—Дѣло подъ Ордубадомъ 7-го августа.—Генераль Красовскій.—Расположеніе Эриванскаго отряда у Джингили.—Планы Аббасъ-Мирзы и наступленіе его въ Эриванское ханство.—Движеніе Красовскаго къ Эчмиадзину. . . . . 259

**ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.** Аштаракскій бой и его результаты.—Движеніе Паскевича изъ Кара-бабы къ Эчмиадзину.—Поспѣшное отступленіе Аббасъ-Мирзы.—Взятіе крѣпости Сардаръ-Абада.—Выступленіе къ Эривани и осада крѣпости.—Попытки Гассанъ-хана прорваться изъ крѣпости.—Паденіе Эривани . . . . . 281

**ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.** Нахичеванскій отрядъ князя Эристова.—Попытка Аббасъ-Мурзы вторгнуться въ Нахичеванскую область.—Наступленіе Эристова и взятіе имъ Тавриза.—Вступленіе въ Тавризъ Паскевича.—Мирные переговоры въ Дей-Караганъ.—Внезапный прерывъ ихъ и возобновленіе военныхъ дѣйствій.—Наступленіе Паскевича къ Тегерану.—Взятіе Ардебеля графомъ Сухтеленемъ.—Окончаніе войны и Туркманчайскій миръ.—Присоединеніе къ Россіи ханствъ Эриванскаго и Нахичеванскаго.—Переселеніе армянъ изъ Азербейджана, Урміи и Хоя въ Россію . . . . . 303

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

## Описаніе рисунковъ:

### Портреты:

- 1) Портретъ Императора Николая I . . . . . 1
- 2) Группа портретовъ генераловъ: Вельяминова 2-го, князя Мадатова, Эмануэля и князя Эристова . . . . . 189
- 3) Портретъ графа Паскевича Эриванскаго . . . . . 221

### Рисунки:

- 1) Типъ Кавказскаго солдата временъ А. П. Ермолова . . . . . 163

### Планы и карты:

- 1) Планъ сраженія при гор. Елисаветполѣ 13-го сентября 1827 года . . . 167
- 2) Планъ крѣпости Аббасъ-Абада съ показаніемъ произведенной атаки . . 245
- 3) Планъ сраженія при Джеванъ-Булахѣ 5-го іюля 1827 года . . . . . 251
- 4) Планъ сраженія при с. Ушаганѣ и мон. Эчміадзинѣ 17-го августа 1827 г. 281
- 5) Планъ крѣпости Эривани съ означеніемъ осадныхъ работъ съ 25-го сентября по 1-е октября 1827 года . . . . . 294

---

Карта театра войны съ Персіей 1826—1828 гг.

---

ВРЕМЯ

Ермолова и Паскевича.

---

ПЕРСИДСКАЯ ВОЙНА

1826—1828 годы.

---

Составили: Генерал-Маіоръ Потто, Генеральнаго Штаба Полковникъ Аверьяновъ и Подполковникъ Томкѣевъ.



*Э. Миуслав*

## Глава I.

Обзоръ сношеній нашихъ съ Персіей съ 1813 по 1816 годъ. — Прибытіе чрезвычайнаго персидскаго посла въ Петербургъ. — Вопросъ о территориальныхъ уступкахъ Персіи. — Инструкція, данная Ермолову при отправленіи его посломъ въ Персію. — Выѣздъ посольства въ Персію. — Прибытіе въ Тавризь. — Аудиенція у Аббасъ-Мирзы. — Выѣздъ изъ Тавриза. — Торжественный въѣздъ въ Султанію. — Аудиенція у шаха и переговоры по дѣламъ. — Конференція 12-го августа. — Прибытіе въ Тавризь. — Переговоры съ Мирза-Безюргемъ. — Возвращеніе посольства въ Тифлисъ.

---

Въ эпоху великихъ наполеоновскихъ войнъ, 12-го октября 1813 года, гюлистанскій договоръ заключилъ собою десятилѣтнюю борьбу между Россіей и Персіей. Но слѣдовавшіе затѣмъ тринадцать лѣтъ мира были только продолжительнымъ перемиріемъ.

Гюлистанскій договоръ, заключенный подъ впечатлѣніемъ громкихъ побѣдъ Котляревскаго, отторгнувшій отъ Персіи богатая Закавказскія провинціи,—не могъ не оскорбить слабую, но гордую Персію, несмотря на вѣка бѣдствій, все еще связывавшую свою славу со славою персидскаго царства эпохи калифовъ. Повелитель „сосредоточенія вселенной“, преемникъ грознаго Шахъ-Аббаса и представитель новой династіи, Фетхъ-Али-шахъ, глубоко былъ затронутъ потерей своихъ Закавказскихъ провинцій, послѣ того какъ мечталъ уже отторгнуть отъ Россіи свою древнюю данницу—Грузію; ни-спровергнуты были также честолюбивые замыслы любимаго сына его, Аббасъ-Мирзы, желавшаго ореоломъ побѣдъ обезпечить за собою наслѣдіе шахскаго престола; роптали, подкупленные англичанами, сановники, обманутые въ своихъ расчетахъ; негодовалъ народъ, на который легли всею тяжестью военныя неудачи.

Несмотря на всѣ невыгоды своего положенія, персіяне весьма вѣроятно не заключили бы столь тяжелаго и невыгоднаго мира, если бы англичане, опасавшіеся за свои торговые интересы, въ лицѣ тегеранскаго посланника Горъ-Узелея не увѣрили шаха, что

возвращеніе уступленных намъ провинцій будетъ достигнуто легко при могущественномъ содѣйствіи Англіи. Въ тайной надеждѣ возвратить обратно, хотя часть отошедшихъ къ Россіи земель, персидское правительство не замедлило воспользоваться правомъ ходайства по сепаратному акту <sup>1)</sup> передъ русскимъ императоромъ, и еще за долго до обмѣна ратификацій Мирза-Абуль-Гасанъ-ханъ отправленъ былъ въ Петербургъ въ званіи чрезвычайнаго посла, подѣ официальнымъ предлогомъ передачи подарковъ и принесенія государю поздравленія съ благополучнымъ возстановленіемъ мира <sup>2)</sup>.

Пріѣздъ 21-го іюля 1814 года персидскаго посла въ Тифлисъ поставилъ главнокомандующаго генерала Ртищева въ чрезвычайно затруднительное положеніе. Къ этому времени онъ не только не получилъ ратификаціи мирнаго трактата, но не имѣлъ даже отвѣта на свои донесенія, въ которыхъ, между прочимъ, писалъ „о безпокойствахъ и недовѣріи къ дружественному союзу, поставленному нынѣ между Россіей и Персіей, кои начинаютъ обнаруживаться въ Персіи отъ долговременной неизвѣстности на счетъ утвержденія со стороны Высочайшаго Русскаго Двора мирнаго договора, паче же по коварнымъ дѣйствіямъ сильной въ Персіи партіи, недоброхотствующей миру, а также по тайнымъ внушеніямъ турокъ“. Поэтому Ртищевъ уговорилъ Абуль-Гасанъ-хана выждать въ Тифлисѣ размѣна ратификацій, а чтобы не дать „коварному злословію“ враждебной намъ партіи въ Персіи выводить какіе-либо несправедливые толки относительно остановки персидскаго посла въ столицѣ Грузіи, онъ приказалъ отправить на Кавказскую линію большую часть его свиты и всѣ тяжести <sup>3)</sup>. Только въ концѣ сентября, по полученіи утвержденнаго Александромъ I 14-го мая 1814 года въ Парижѣ гулистанскаго трактата, Абуль-Гасанъ-ханъ выѣхалъ изъ Тифлиса въ Моздокъ, въ сопровожденіи генераль-маіора Лисаневича. Затѣмъ, слѣдуя черезъ Москву, гдѣ былъ задержанъ на три мѣсяца, персидскій посолъ въ концѣ марта 1815 г. прибылъ

---

<sup>1)</sup> Томъ II настоящаго труда, гл. XV, стр. 505—507.

<sup>2)</sup> Акты Кавказской археографической комиссіи, т. V, № 884.

<sup>3)</sup> Акты Кавказской археографич. комиссіи, т. V, № 894. Отношеніе Ртищева къ т. г. Вейдемейру 28-го іюля 1814 г. № 189.

въ Царское Село. Но по случаю пребыванія императора Александра I за границую, ему пришлось ждать аудіенціи до 22-го декабря <sup>1)</sup>).

Въѣздъ чрезвычайнаго персидскаго посла въ Петербургъ, торжественная аудіенція и самое содержаніе его въ столицѣ были обставлены такъ роскошно, что большаго едва ли могъ ожидать представитель не только Персіи, но и самой могущественной въ мірѣ державы. И если бы цѣль посольства состояла только въ одной передачѣ подарковъ и принесеніи поздравленія, то Абуль-Гасанъ-ханъ могъ бы считать себя вполне удовлетвореннымъ. Но онъ пріѣхалъ, главнымъ образомъ, ходатайствовать о возвращеніи шаху нѣкоторыхъ земель, уступленныхъ Россіи по гулистанскому трактату. Представленіе его объ этомъ не привело, однако, ни къ какому положительному результату, несмотря на дѣятельную поддержку со стороны Англіи. Петербургскій кабинетъ хорошо понималъ, что Англія всѣми силами старалась сохранить свое вліяніе на шаха, чтобы отвлечь насъ отъ торговыхъ сношеній черезъ Персію съ Индіей, поэтому всѣ старанія англійскаго посланника лорда Вальполя и случайно находившагося въ Петербургѣ, проѣздомъ изъ Персіи, сира Горъ-Узелея, склонить наше правительство къ уступкѣ желаемыхъ тегеранскимъ дворомъ земель—были отклонены самымъ деликатнымъ образомъ. Съ другой стороны, 20-го января 1816 года, Абуль-Гасанъ-ханъ подалъ графу Нессельроде записку, въ которой уже съ полною откровенностью изложилъ цѣль своего пріѣзда и желаніе шаха. Ссылаясь на краткость трактата, посолъ выражалъ увѣренность о замѣнѣ этого договора другимъ, чтобы точнѣе опредѣлить взаимныя границы и видоизмѣнить нѣкоторые параграфы, сообразно желаніямъ шаха. Онъ домогался, чтобы за Россіей оставались только Дагестанъ и Грузія, а всѣ остальные земли или хотя часть ихъ, уступленные по гулистанскому трактату, были бы возвращены Персіи за денежное вознагражденіе.

Эти чрезмѣрныя домогательства персидскаго посла и въ особенности просьба его о территоріальныхъ уступкахъ за денежное вознагражденіе казались настолько странными, что служили въ

---

<sup>1)</sup> Тамъ же, № 912. Письмо гр. Нессельроде къ генералу Ртищеву 11-го января 1816 г.

нашихъ дипломатическихъ сферахъ предметомъ крайняго удивленія. На эти требованія 22-го марта графъ Нессельроде отвѣчалъ Абуль-Гасанъ-хану <sup>1)</sup>, что императоръ Александръ I, „будучи преисполненъ всегда искреннѣйшимъ благорасположеніемъ споспѣшествовать къ тому, чтобы между обоими государствами, послѣ столь кровопролитной войны, прочно утвердить связи добраго согласія, — не можетъ, однако, послѣдовать токмо единымъ побужденіемъ сердца своего, но долженъ принять прежде во уваженіе пользы своей Имперіи“. Въ то же время графъ Нессельроде объявилъ послу, что рѣшеніе по такому важному вопросу, какъ измѣненіе договора, можетъ послѣдовать только по пополученіи самыхъ точныхъ свѣдѣній о положеніи границъ и областей, уступленныхъ Россіи по силѣ трактата и особенно тѣхъ мѣстностей, которыхъ касались требованія шаха.

„Для сего порученія, — писалъ графъ Нессельроде, — высочайше избранъ генераль-лейтенантъ Ермоловъ и по свѣдѣніямъ, кои отъ него будутъ представлены, Его Императорское Величество изволитъ дать отзывъ рѣшительный, сообразивъ оный съ пользами своей Имперіи и съ искреннимъ желаніемъ сдѣлать угодное его величеству шаху персидскому“. Этотъ отвѣтъ былъ послѣднимъ выраженіемъ воли Александра I, и 29-го мая 1816 года Абуль - Гасанъ - ханъ имѣлъ прощальную аудіенцію въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

Въ подробной инструкціи, данной по этому поводу А. П. Ермолову передъ отъѣздомъ его на Кавказъ, императоръ Александръ I выразилъ свой вполне опредѣленный взглядъ, какъ на политическое положеніе Кавказа и отношенія наши къ сопредѣльнымъ ему азіатскимъ державамъ, такъ и по всѣмъ другимъ вопросамъ, касавшимся миссіи Ермолова <sup>2)</sup>.

„Вся цѣль сношеній моихъ въ Азіи, — писалъ государь, — состоитъ только въ томъ, чтобы сохранился миръ и водворилось спокойствіе между народами, сопредѣльными въ томъ краѣ съ русскими владѣніями, ибо подъ сѣнью мира и общаго спокойствія, я

---

<sup>1)</sup> Акты Кавказской археографической комиссіи, т. V, № 913.

<sup>2)</sup> Акты Кавказской археографической комиссіи, т. VI, ч. 2-я, № 267. Высочайшая инструкция, данная Ермолову 29-го іюня 1816 г., въ гор. Петербургѣ.



надѣюсь утвердить благосостояніе и распространіе просвѣщенія въ земляхъ, лежащихъ за Кавказомъ, а также довершить постепенное покореніе народовъ, на немъ обитающихъ. Сей важный предметъ требуетъ неослабнаго съ вашей стороны попеченія, ибо доколѣ продолжаться будетъ непріязненное положеніе съ сими народами, до тѣхъ поръ нельзя ручаться за прочность нашего военнаго положенія въ Грузіи“.

Установивъ, такимъ образомъ, принципиальный взглядъ на восточную политику нашу за Кавказомъ, государь возлагалъ на обязанность Ермолова лично удостовѣриться: „нельзя ли въ Талышинскомъ и Карабагскомъ ханствахъ“ найти средство къ удовлетворенію домогательствъ Персіи относительно возвращенія ей нѣкоторыхъ земель, присоединенныхъ къ Россіи по гюлистанскому трактату черезъ проведеніе новой пограничной линіи. При этомъ Александръ I указывалъ, что вся цѣль только что оконченной войны съ Персіей заключалась именно въ томъ, чтобы установить естественную границу по рр. Куръ, Араксу и Арпачаю, которая обезпечивала бы христіанское населеніе отъ непріятельскихъ вторженій, была выгодной и удобной для обороны Грузіи и устраняла всякіе поводы къ пограничнымъ недоразумѣніямъ. Поэтому, не отказываясь совершенно уступить нѣкоторыя земли Персіи, государь поручалъ Ермолову, если представится возможность, выговорить перенесеніе границы на Куру, Араксъ и Арпачай.

„Но, буде нельзя пріобрѣсти сего иначе, какъ силою оружія, — писалъ императоръ, — въ такомъ случаѣ бесполезно было бы заниматься сею мыслью, а должно удовольствоваться нынѣшнею границею и стараться токмо о томъ, чтобы извлечь изъ нея какъ можно больше пользы. Я совершенно чуждъ всякаго помышленія о новыхъ завоеваніяхъ, а желаю только, чтобы миръ съ Персіею сохранился и дружественныя сношенія съ нею утвердились и для того при обозрѣніи новыхъ границъ, вы не должны упускать изъ виду сего миролюбиваго моего намѣренія“.

Кромѣ того, императоръ Александръ I желалъ видѣть въ ней державу совершенно нейтральную и потому находилъ болѣе удобнымъ уклониться отъ заключенія какихъ бы то ни было союзныхъ

договоровъ и обязательствъ, которые могли втянуть Россію въ распри Персіи съ сосѣдными ей народами, а также помогать самому шаху или какому-либо изъ сыновей его въ случаѣ внутреннихъ несогласій и мятежей, которые „по всѣмъ соображеніямъ несминуемо должны случиться послѣ смерти шаховой“.

При этомъ былъ затронутъ весьма сложный и крайне щекотливый въ Персіи вопросъ о престолонаслѣдїи и о признаніи наслѣдникомъ младшаго сына Фетхъ-Али-шаха, Аббасъ-Мирзы, помимо старшаго его брата, Мамедъ-Али-Мирзы, управлявшаго южными персидскими провинціями. Аббасъ-Мирза по старшинству рожденія былъ третьимъ сыномъ Фетхъ-Али-шаха. Царствующая и по-нынѣ въ Персіи туркменская династія Каджаровъ, завладѣвъ насильственно персидскимъ престоломъ въ концѣ XVIII столѣтія, сохранила въ первые годы владычества своего въ Иранѣ старый туркменскій обычай допущенія къ власти только лицъ, рожденныхъ отъ свободныхъ женщинъ каджарскаго племени. Старшіе сыновья шаха, Мамедъ-Али-Мирза и Мамедъ-Вали-Мирза, какъ рожденные отъ невольницъ, въ силу указаннаго обычая, были устранены отъ престола и преемникомъ власти назначенъ принцъ Аббасъ-Мирза. Между тѣмъ, свергнутая каджарами старая иранская династія Сефи не дѣлала никакого различія между сыновьями по происхожденію матерей, и потому персидскій народъ считалъ наслѣдникомъ престола по праву старшинства Мамедъ-Али-Мирзу. Принцъ этотъ, человѣкъ выдающихся способностей, былъ сторонникомъ Россіи и въ самой Персіи имѣлъ довольно значительную партію приверженцевъ. Однажды, въ присутствіи самого шаха и придворныхъ, онъ гордо и громогласно объявилъ Аббасъ-Мирзѣ: „по повелѣнію шаха я преклоняю голову свою передъ тобою, какъ передъ наслѣдникомъ престола, но въ свое время мечи наши рѣшатъ, кому изъ насъ владѣть Персіей“. Такимъ образомъ, нарушеніе правъ первородства ничего не обѣщало странѣ, кромѣ потоковъ крови, и если самому шаху, по ироническому замѣчанію Ермолова, достаточно было одной увѣренности „что сего при жизни его не случится“, то Аббасъ-Мирзѣ приходилось серьезно подумать о средствахъ удержатъ за собою, незаконно захваченное наслѣдіе.

Первое, что ему представлялось на этомъ пути, было признаніе его наслѣдникомъ престола со стороны могущественнаго русскаго императора. Поэтому понятно недовольство Аббасъ-Мирзы гюлистанскимъ трактатомъ, статью четвертою котораго, Россія обязалась признать наслѣдникомъ шахской власти, а въ случаѣ надобности и поддержать силою оружія, того изъ сыновей Фетхъ-Али-шаха, который впослѣдствіе будетъ имъ признанъ въ этомъ достоинствѣ. Имя же Аббасъ-Мирзы не было упомянуто въ трактатѣ, такъ какъ шахъ не пожелалъ прежде времени объявлять въ публичныхъ актахъ имени избраннаго наслѣднаго принца изъ опасенія нарушить спокойствіе въ своемъ домѣ и въ государствѣ <sup>1)</sup>).

Поэтому императоръ Александръ I повелѣлъ Ермолу въ вопросѣ о признаніи Аббасъ-Мирзы наслѣдникомъ престола держаться политики Англіи, которая, хотя и признавала за нимъ этотъ титулъ, но не принимала на себя никакихъ въ томъ ручательствъ. „Впрочемъ, увѣряйте Аббасъ-Мирзу, — писалъ государь, — при всякомъ случаѣ, что, по вступленіи его на престолъ, я никакъ не откажусь признать его владѣтелемъ Персіи; если же удостовѣритесь, что, давая сей титулъ шахскаго наслѣдника, мы не подвергаемся ручательству за его право на престолъ, то нѣтъ надобности ему и нынѣ въ томъ отказывать“.

Независимо рѣшенія всѣхъ вышеизложенныхъ вопросовъ, петербургскій кабинетъ признавалъ также необходимымъ войти въ соглашеніе съ тегеранскимъ дворомъ о болѣе широкомъ развитіи торговыхъ сношеній, выговоривъ себѣ право завести на южномъ берегу Каспійскаго моря, въ Астрабатъ и Энзели, русскія торговыя конторы. На Ермолова возлагалось еще порученіе остановить перевѣсъ англійскаго вліянія въ Персіи, — „ослабить оное неприимѣтнымъ образомъ и, наконецъ, вовсе истребить его“. По отъѣздѣ же изъ Тегерана, учредить тамъ всегдашнюю миссію.

По прибытіи своемъ 10-го октября 1816 года въ Тифлисъ, Ермоловъ съ обычной энергіей приступилъ къ выполненію возложеннаго на него государемъ порученія.

---

<sup>1)</sup> Акты Кавказской археографич. комиссіи, т. V, № 883. Донесеніе Ртишева графу Руянцеву 19-го ноября 1813 года № 223.

Тогдашняя государственная граница съ Персіей, установленная гулистанскимъ договоромъ, начиная отъ р. Арпачая (у Каравансарайскаго поста), направлялась вдоль пограничной межи Шурагельской и Памбакской провинцій, черезъ гору Алагезъ и урочище Эшакъ-Мейданъ; далѣе она огибала озеро Гохча и по высокимъ горнымъ хребтамъ, отдѣлявшимъ ханство Эриванское отъ нашихъ татарскихъ дистанцій Казаха и Шамшадиля, тянулась до самаго урочища Даралагеца. Здѣсь сходились границы Елисаветпольскаго округа и ханствъ: Карабагскаго, Эриванскаго и Нахичеванскаго; еще далѣе пограничная черта, охвативъ юго-западную часть Карабага, слѣдовала по горамъ Гимринскимъ и р. Капанакъ-чай до впаденія ея въ р. Араксъ. На дальнѣйшемъ протяженіи граница обозначалась р. Араксъ до Едибулукскаго брода, отсюда шла по Муганской степи и, входя угломъ внутрь Персіи, огибала Талышинское ханство до самаго Каспійскаго моря, гдѣ и заканчивалась <sup>1)</sup>.

Ермоловъ находилъ, что существующая граница не отвѣчала потребностямъ обороны, требуя много войскъ. Несмотря на это, уступка Персіи какой-либо провинціи, Ермоловъ призналъ невозможнымъ безъ вредныхъ для насъ послѣдствій. Карабагской же провинціи Ермоловъ придавалъ особенно важное стратегическое значеніе. Здѣсь проходилъ, хотя и трудный, но за то кратчайшій путь къ Тавризу; изъ Карабага мы могли также защищать Муганскую степь, дѣйствуя въ тылъ наступающему персидскому отряду, такъ какъ „другой обороны никакое искусство не представляетъ“ <sup>2)</sup>.

<sup>1)</sup> Акты Кавказской археографической комиссіи, т. VI, ч. II, № 286. Донесеніе Ермолова 9-го января 1817 года. Кавказскій Сборникъ, т. XXI. Матеріалы по исторіи персидской войны 1826—28 г.г. (Документъ № 1). Статья вторая гулистанскаго договора 12-го октября 1813 г.

<sup>2)</sup> Есеподаннѣйшее донесеніе Ермолова 9-го января 1817 г. Въ этомъ донесеніи Ермоловъ представилъ, между прочимъ, полную картину состоянія нашихъ пограничныхъ областей. Такъ, онъ доносилъ, что *Шурагельская* провинція, насчитывавшая въ себѣ до одной тысячи семей, послѣ войны имѣла всего 200 бѣдныхъ семействъ. *Памбакская*—была также разорена войною и не имѣла никакихъ средствъ. *Казагская* и *Шамшадильская*—богатая скотоводствомъ и хлѣбородная, заселены были татарами, народомъ храбрымъ, воинственнымъ и нѣсколько разъ намъ измѣнявшимъ; но „его можно, — писалъ Ермоловъ, — употребить съ пользою. Въ *Елисаветпольскомъ* округѣ народъ промышленный и къ войнѣ способность одинаковая“. *Нахичеванское* ханство, несмотря на опустошенія, произведенныя послѣдней войной, была несравненно богаче всѣхъ остальныхъ областей, съ населеніемъ воинственнымъ и преданнымъ нашему правительству; „изъ земли, — по словамъ Ермолова, — можно со временемъ извлечь еели-

Императоръ Александръ I вполне раздѣлялъ мнѣніе главнокомандующаго и въ концѣ концовъ призналъ „гораздо полезнѣе не подаваться на желаніе Персіи и не дѣлать никакихъ уступокъ“ <sup>1)</sup>. Въ половинѣ апрѣля посольство находилось въ полной готовности къ отъѣзду.

Но прежде чѣмъ прослѣдить его путешествіе, перенесемся на почву Персіи и въ бѣгломъ очеркѣ познакомимся съ тѣми личностями, которыя въ пріѣздѣ Ермолова стояли во главѣ тогдашняго государственнаго управленія <sup>1)</sup>. Персія въ томъ видѣ, въ какомъ ее наслѣдовалъ Фетхъ-Али-шахъ, не сохранила и тѣни своего прежняго величія. Славныя времена сефивидовъ давно перешли въ область историческихъ преданій и если Надиръ-Шаху удалось вернуть странѣ утраченное ею значеніе, то при преемникахъ его, она снова дошла до крайняго ослабленія. Правленіе персидское, не опираясь ни на какіе законы, было основано на полнѣйшемъ произволѣ. Персія, какъ нынѣ, такъ и въ былое время, дѣлилась на провинціи, управленіе которыми ввѣрялось беглербегамъ (губернаторамъ) съ представленіемъ имъ права суда и расправы, взиманія доходовъ, производства расходовъ на общественныя нужды, — словомъ, всего внутренняго управленія. Должности губернаторовъ предоставлялись преимущественно принцамъ. Въ рукахъ шаха сосредоточивалась власть безпредѣльная: онъ являлся неограниченнымъ властелиномъ надъ своими подданными и ихъ имуществомъ. Отличительною чертою характера повелителя Персіи, Фетхъ-Али-шаха, была непомѣрная жадность къ деньгамъ. Страсть эта у него развилась до громадныхъ размѣровъ и ближе всего эту склонность шаха къ деньгамъ, Берже объясняетъ тѣми расходами, которые поглощалъ его гаремъ. „Нигдѣ на востокѣ,—говоритъ Берже,—полигамія не развилась въ такой силѣ, какъ въ Персіи. У

---

чайшія выгоды“. *Тилъшипекское* ханство, съ населеніемъ около 2000 семей, было мало плодородно; хлѣба производило мало, такъ какъ западная, самая многолюднѣйшая и богатѣйшая часть ханства, по гюлистанскому договору осталась за Персіей.

<sup>1)</sup> Акты Кавказской археографич. комиссіи, т. VI, ч. 2-я, № 293. Отношеніе графа Нессельроде къ Ермолову 13-го марта 1817 года.

<sup>1)</sup> Заимствовано изъ ст. Ад. П. Берже. „Посольство А. П. Ермолова въ Персію“. (Русская Старина 1877 г., іюнь).

Фетхъ-Али-шаха было слишкомъ 300 женъ. Среди этой то обстановки онъ любилъ предаваться самымъ неожиданнымъ прихотямъ чувственныхъ наслаждений, которыя поглощали всё его мысли, все его существо и огромныя денежныя суммы. Государственными дѣлами онъ почти совсѣмъ не занимался. Предоставивъ все управление государствомъ своимъ сыновьямъ и губернаторамъ разныхъ провинцій, онъ не входилъ въ самый образъ ихъ дѣйствій и, мало заботясь объ участи своихъ подданныхъ, изнывавшихъ подъ бременемъ безграничнаго деспотизма, произвола и грабежей, требовалъ отъ нихъ только денегъ“.

Первымъ лицомъ при шахѣ, въ должности верховнаго визиря, былъ Мирза-Шефи, 80-ти-лѣтній старецъ, отличавшійся непопулярною скупостью и, какъ отъявленный взяточникъ, — говоритъ Берже, — нажилъ себѣ огромное состояніе.

Большимъ вліяніемъ пользовался также министръ иностранныхъ дѣлъ, Мамедъ-Гусейнъ-ханъ, который представлялъ наиболѣе свѣтлую личность среди вельможъ шахскаго двора. Строгий мусульманинъ, душою преданный сельскому хозяйству и нерѣдко личнымъ трудомъ поощрявшій крестьянина къ труду, онъ отличался щедростью и нерѣдко тратилъ большія суммы на дѣла благотворительности.

Особымъ уваженіемъ шаха пользовался Мирза-Абдулъ-Вежабъ. Уроженецъ Испагани, онъ, благодаря глубокому знанію восточныхъ языковъ, а главное особенному умѣнію составлять бумаги, успѣлъ достигнуть степени государственнаго секретаря. Состоя болѣе 30-ти лѣтъ при шахѣ, онъ нерѣдко принималъ участіе въ обсужденіи общегосударственныхъ вопросовъ, подлежавшихъ вѣдѣнію перваго министра.

Но среди всѣхъ государственныхъ дѣятелей Персіи первой четверти XIX столѣтія, самую выдающуюся роль въ государствѣ и самымъ могущественнымъ лицомъ при дворѣ былъ наслѣдникъ престола, извѣстный уже намъ Аббасъ-Мирза. Воспитанный въ нѣгѣ и роскоши, принцъ этотъ былъ, однако же, врагомъ всякой пышности, отличался большою доступностью и простотою въ обращеніи. Главнымъ недостаткомъ его являлось чрезмѣрное тще-

славіе и властолюбіе. Къ Россіи и русскимъ Аббасъ-Мирза питаль непримиримую вражду, которую въ немъ поддерживали англичане, смотрѣвшіе далеко неравнодушно на возрастающее вліяніе наше въ этой части Азіи. Резиденціею наслѣдника престола былъ Тавризъ, главный городъ ввѣренной его управленію Азербейджанской провинціи.

При наслѣдникѣ состоялъ своего рода визирь, въ лицѣ кай-макама Мирза-Безюрга. Уроженецъ Ферахана и сеидскаго происхожденія (изъ потомковъ пророка), онъ, по своему значенію, былъ вторымъ лицомъ въ государствѣ и пользовался полнымъ довѣріемъ шаха. Ему было поручено воспитаніе Аббасъ-Мирзы, надъ которымъ онъ имѣлъ неотразимое вліяніе. Не обладая особеннымъ умомъ и будучи скорѣе „une grande tête pour les petites affaires“, какъ о немъ выразился Мазаровичъ, нашъ повѣренный (1818—1827) въ Тегеранѣ, — Мирза-Безюрга отличался азійскою хитростью, а главное, какъ и его воспитанникъ, непримиримою враждою къ Россіи, которой старался вредить всѣми способами.

Въ заключеніе остается еще упомянуть о сардарѣ Гусейнъ-ханѣ, управлявшимъ Эриванскимъ ханствомъ. По происхожденію землепашецъ, онъ былъ обязанъ своимъ положеніемъ также, какъ и братъ его Гасанъ-ханъ, личной храбрости. Сардаръ былъ чловѣкъ необыкновенныхъ дарованій и считался однимъ изъ умнѣйшихъ людей въ Персіи. Онъ совершенно самовластно управлялъ своимъ ханствомъ и, обращая главное вниманіе на развитіе сельскаго хозяйства, привелъ Эриванскую область въ то цвѣтущее положеніе, какимъ не могла похвалиться ни одна изъ персидскихъ провинцій. Братъ же его Гасанъ-ханъ, состоявшій при немъ начальникомъ конницы, пользовался, по словамъ Берже, репутаціей горькаго пьяницы.

Таковы были главные дѣятели персидской монархіи, съ которыми пришлось разрѣшать важнѣйшіе государственные вопросы нашему чрезвычайному посольству. Понимая, какъ вліяетъ на восточные народы внѣшній блескъ и роскошь, безъ которыхъ въ понятіяхъ ихъ не совмѣщаются представленіе о силѣ и могуществѣ государства, — Ермоловъ принялъ всѣ мѣры, чтобы явиться въ Пер-

сію со всевозможною пышністю. Изъ всѣхъ русскихъ посольствъ, когда-либо отправленныхъ въ эту страну, посольство Ермолова безспорно было самымъ блестящимъ, какъ по своему личному составу, такъ и по денежнымъ средствамъ <sup>1)</sup>.

17-го апрѣля 1817 года, послѣ торжественнаго богослуженія, совершеннаго подъ сводами Сіонскаго собора митрополитомъ Грузіи Варлаамомъ, при огромномъ стеченіи народа, посольство выѣхало наконецъ изъ Тифлиса <sup>2)</sup>. Погода стояла ясная и теплая. Слѣдуя безостановочно черезъ сел. Коды, кр. Лори, Караклисъ и Гумры (Александрополь), посольство 28-го апрѣля достигло Талыни,—перваго большаго селенія за пограничною чертою, гдѣ его ожидалъ назначенный состоять при нашемъ послѣ, родственникъ Эриванскаго сардаря и главный приставъ, Аскеръ-ханъ, бывшій нѣкогда посломъ въ Парижъ при Наполеонѣ. Ермоловъ очаровалъ его любезностью, но при этомъ замѣтилъ, однако, что эриванскому сардарю будетъ прилично встрѣтить его при въѣздѣ въ Эривань. За Талыню слѣдовалъ важный пунктъ на пути посольства —Эчміадзинъ, первопрестольный армянскій монастырь. На встрѣчу Ермолова выѣхалъ самъ патріархъ Ефремъ, верхомъ на лошади въ золотой сбруѣ; остальное духовенство въ полномъ облаченіи и съ хоругвями ожидало его у монастырскихъ воротъ, откуда проводило, при колокольномъ звонѣ и стрѣльбѣ изъ фальконетовъ, до приготовленнаго для него помѣщенія. На слѣдующій день нашъ посолъ принималъ у себя патріарха и затѣмъ присутствовалъ при торжественномъ патріаршемъ богослуженіи, окончившимся краткою рѣчью объ упроченіи мира между Россією и Персією. Поже-

---

<sup>1)</sup> Акты Кавказской археографич. комисіи, т. VI, ч. 2, №№ 262, 263—266. Штатъ посольства состоялъ: изъ двухъ совѣтниковъ посольства, секретаря маршала, двухъ адъютантовъ, четырехъ офицеровъ гвардейскаго генеральнаго штаба и по квартирмейстерской части, двухъ живописцевъ, священнослужителя и другихъ, а также 24-хъ донскихъ и линейныхъ казаковъ, 24-хъ гренадеръ и хора музыки изъ 24-хъ человекъ. Всего съ прислугою болѣе 200 человекъ. На содержаніе послу и членамъ посольства отпущено 73,750 р. ассигн. и 75 тыс. серебромъ. Ермолову поручено было также представить шаху и высшимъ сановникамъ подарки, которые отличались богатствомъ и изяществомъ отдѣлки.

<sup>2)</sup> Для описанія этого путешествія служили слѣдующіе источники: Записки А. П. Ермолова—о посольствѣ въ Персію. Акты Кавказской археографич. комисіи, т. VI, ч. 2; Берже—„Посольство Ермолова въ Персію въ 1817 г.“ („Русская Старина“ 1877 г.—іюнь и іюль). Дубровинъ.—Исторія и владычества русскихъ на Кавказѣ, т. VI, гл. XII.



ланія эти были высказаны тѣмъ съ большею искренностью, что армянское духовенство всегда находило въ заступничествѣ Россіи вѣрнѣйшую защитницу противъ всѣхъ насилій и притѣсненій персидскаго правительства.

3-го мая посольство оставило Эчміадзинъ и направилось въ Эривань. На половинѣ пути Ермоловъ встрѣченъ былъ братомъ сардаря, Гасанъ-ханомъ, во главѣ пяти тысячъ куртинскихъ всадниковъ, а за полторы версты отъ города къ нему навстрѣчу выѣхалъ и самъ эриванскій сардаръ Гуссейнъ-ханъ. Проливной дождь много помѣшалъ торжественности встрѣчи и усилилъ еще больше неудовольствіе сардаря, гордость котораго была задѣта необходимостью выѣхать навстрѣчу русскому послу. Дальнѣйшій путь посольства, черезъ Нахичевань, Марандъ и Согланъ къ Тавризу, не представлялъ ничего достойнаго вниманія. Наконецъ, наступило 19-е мая — день въѣзда въ резиденцію наслѣдника престола. По мѣрѣ приближенія къ городу, къ посольству начали присоединяться персидскіе сановники и разнаго званія лица, спѣшившіе одинъ передъ другимъ привѣтствовать русскаго посла съ счастливымъ прибытіемъ въ столицу Адербейджана. Далѣе, по сторонамъ дороги, до самого Тавриза стояло до 16-ти тыс. персидскаго войска. Съ прибытіемъ посольства открылась пушечная пальба. Стеченіе народа было громадное. Между тѣмъ, въ то самое время, какъ Ермоловъ, предшествуемый хоромъ нашей музыки и окруженный свитой, проѣзжалъ войска, отдававшія ему воинскія почести, позади фронта сквозь густую толпу любопытныхъ пробирался на статномъ конѣ всадникъ, тщательно закрывавшій лицо черною епанчею. Незнакомецъ этотъ не сводилъ глазъ съ Ермолова и зорко слѣдилъ за каждымъ его движеніемъ, какъ бы желая проникнуть въ его душу, узнать его мысли. Передъ самымъ городомъ таинственный всадникъ быстро скрылся. То былъ наслѣдникъ персидскаго престола, Аббасъ-Мирза. Торжественная аудіенція нашему послу назначена была 21-го мая.

Обычаи и этикеты персидскаго двора при приѣмѣ дипломатическихъ агентовъ отличались унизительнымъ для послѣднихъ характеромъ, въ особенности въ надѣваніи красныхъ чулокъ, безъ

которыхъ никто не дерзалъ являться ко двору. До прибытія Ермолова, этикету этому слѣдовали безпрекословно всѣ посланники европейскихъ державъ: — „одни съ корыстною цѣлью вкрасться въ довѣренность персіянъ, какъ это случилось съ присланнымъ отъ Наполеона генераломъ Гардономъ; другіе съ иными видами, какъ англичане, искавшіе тѣсною связью пріобрѣсти исключительныя права для торговли“ и уничтожить наше вліяніе въ Персіи. Когда же съ подобнымъ предложеніемъ обратились къ Ермолову, то онъ, какъ „не пріѣхавшій ни съ чувствами наполеонова шпіона, ни съ прибыточными расчетами купечествующей націи“, наотрѣзъ отказался отъ соблюденія унижительнаго этикета и другихъ подобныхъ условій. Склонить Ермолова на уступку оказалось невозможнымъ, и потому Аббасъ-Мирза, не желая нарушеніемъ установившагося при дворѣ этикета сдѣлать угодное русскому послу, рѣшилъ принять Ермолова не въ комнатѣ, а передъ домомъ и не на коврахъ, которыхъ не дерзалъ попираť ни одинъ сапогъ, а на каменномъ помостѣ внутренняго двора, у самаго окна, передъ портретомъ своего отца.

Посольству нашему пришлось пройти нѣсколько узкихъ и темныхъ сводчатыхъ корридоровъ и грязныхъ дворовъ, прежде чѣмъ оно приблизилось къ каменному помосту, гдѣ подъ палаточнымъ навѣсомъ въ простой одеждѣ, безъ всякихъ украшеній, стоялъ Аббасъ-Мирза. Отъ проницательности Ермолова не скрылась причина, побудившая его принять русскаго посла во дворѣ, и онъ рѣшился отплатить персіянамъ подобною же невѣжливостью. Остановившись въ шести шагахъ отъ принца и дѣлая видъ, что его не знаетъ, онъ обратился къ сопровождавшимъ его персидскимъ сановникамъ съ вопросомъ:

„Гдѣ-же его высочество?“ и только послѣ полученнаго отвѣта снялъ шляпу, чему послѣдовала и вся свита посла. Тогда Аббасъ-Мирза сдѣлалъ три шага впередъ и протянулъ руку Ермолову. Послѣ обычныхъ привѣтствій посолъ передалъ принцу высочайшую грамоту, въ которой императоръ Александръ I высказывалъ желаніе относительно „утвержденія и умноженія съ обѣихъ сторонъ постоянной дружбы для пользы обоихъ государствъ и для блага

обоюдныхъ подданныхъ <sup>1)</sup>“. Аббасъ-Мирза принялъ грамоту и поднесъ ее съ почтеніемъ къ головѣ. Послѣ довольно продолжительнаго разговора и представленія свиты, аудіенція была окончена. Раскланявшись съ принцемъ, Ермоловъ повернулся, тутъ-же надѣлъ шляпу, что сдѣлала и свита его, и посольство тѣмъ же порядкомъ направилось въ отведенное ему помѣщеніе въ домѣ, принадлежавшемъ Мирза-Безюрги. Необходимо замѣтить, что съ самаго пріѣзда нашего посольства въ Тавризъ, къ нему былъ представленъ почетный караулъ съ строгимъ приказаніемъ никого не впускать къ послу подъ предлогомъ, не беспокоить его своимъ любопытствомъ. Но такое неумѣстное и даже обидное объясненіе было одною лишь хитрою уловкою, такъ какъ истинная причина заключалась въ томъ, чтобы по возможности скрыть отъ посольства настоящее положеніе страны и, по выраженію Ермолова, „обманчивою наружностью похитить у насъ сколько-нибудь уваженія“. Кромѣ того, каждое появленіе чиновъ посольства на улицахъ тотчасъ же становилось извѣстно мѣстнымъ властямъ, а за городъ ихъ совсѣмъ не выпускали; словомъ, посольство содержалось точно въ крѣпости, что не могло не вызвать на первыхъ же порахъ крайняго неудовольствія Ермолова. Онъ прямо объявилъ каймакаму, что если мѣстная власть не измѣнитъ своего оскорбительнаго поведенія, то онъ предприметъ соотвѣтствующія мѣры. Предупрежденіе это образумѣло Мирза-Безюргу и заставило его быть осторожнѣе.

Между тѣмъ время шло и среди различныхъ празднествъ, устраиваемыхъ Аббасъ-Мирзою въ честь нашего посольства, Ермоловъ видимо томился своимъ пребываніемъ въ Тавризѣ, не получая извѣстій изъ Тегерана о томъ, гдѣ и когда шаху угодно будетъ его принять. Только 24-го мая было получено письмо отъ садри-азама Мирза-Шефи <sup>2)</sup>, съ приглашеніемъ посольству прибыть въ Тегеранъ къ свадьбѣ двухъ принцевъ, или, если по разчету времени оно не поспѣетъ къ сроку, то въ лѣтнюю резиден-

---

<sup>1)</sup> Акты Кавказской археографич. комиссіи, т. VI, ч. 2-я, № 272. Всеподданнѣйшая грамота Аббасъ-Мирзѣ 5-го августа 1816 года.

<sup>2)</sup> Акты Кавказской археографической комиссіи, томъ VI, ч. 2-я, № 297. Письмо Мирза-Шефи къ Ермолову 24-го мая.

цію шаха—Султаніэ. Въ послѣднемъ случаѣ предоставлялось на усмотрѣніе нашего посла ожидать приѣзда шаха въ Султаніэ или въ Уджанѣ. Ермоловъ остановился на Султаніэ и въ отвѣтномъ письмѣ <sup>1)</sup> къ Мирза-Шефи оправдывалъ выборъ свой тѣмъ, что въ виду скорого отъѣзда шаха изъ столицы, а также усилившихся жаровъ, онъ рѣшительно не имѣетъ возможности поспѣть къ сроку въ Тегеранъ. Самъ же онъ рѣшился оставить Тавризъ 26-го мая. Вручая это письмо посланному отъ садри-азама, Ермоловъ разсказалъ ему о тайномъ надзорѣ, которымъ окружилъ его Мирза-Безюргъ и просилъ передать Мирза-Шефи, что если въ дальнѣйшемъ путешествіи онъ встрѣтитъ подобные же поступки, то онъ сочтетъ ихъ за нарушеніе дружественныхъ отношеній и „начертаетъ себѣ другой образъ поведенія“. Такое рѣзкое заявленіе заставило Мирзу-Безюрга, хотя нѣсколько загладить свое поведеніе и по его совѣту Аббасъ-Мирза наканунѣ отъѣзда Ермолова изъ Тавриза пригласилъ его ѣхать съ нимъ въ загородную прогулку. Но Ермоловъ черезъ каймакама же отвѣтилъ, что, отправляясь на слѣдующій день въ дальнѣйшій путь и страдая глазами, онъ не можетъ исполнить желаніе принца. „Я бы дождался облегченія отъ болѣзни, прибавилъ онъ,---чтобы имѣть у принца прощальную аудіенцію, но какъ не былъ принять имъ приличнымъ образомъ, а встрѣтился съ нимъ на дворѣ и за аудіенцію того почестъ не могу, то и не полагаю себѣ въ обязанность откланиваться ему. Впрочемъ, какъ съ человѣкомъ милымъ и любезнымъ, съ которымъ пріятно было мнѣ познакомиться, желалъ бы я еще разъ встрѣтиться“.

Такой неожиданный отвѣтъ какъ громомъ поразилъ Мирзу-Безюрга. Онъ тотчасъ поспѣшилъ увѣрить Ермолова, что пріемъ во дворѣ есть доказательство величайшаго къ нему уваженія и что до него всѣ посланники, будучи принимаемы въ комнатахъ, были обязаны надѣвать красныя чулки. Но Ермоловъ отвѣчалъ, что состоя посломъ могущественнѣйшей державы, онъ не намѣренъ ити въ сравненіе съ другими. Если же красныя чулки должны служить основаніемъ дружбы между двумя державами и безъ нихъ

---

<sup>1)</sup> Тамъ же, № 300. Письмо Ермолова къ Мирза-Шефи отъ 25-го мая.

обойтись нельзя, то онъ просилъ каймакама предупредить шаха, что онъ никогда не надѣнетъ; а чтобы не дѣлать бесполезно излишняго пути, то онъ въ дорогѣ будетъ ожидать отвѣта: ѣхать ли ему далѣе или возвратиться въ Россію. „Извѣстіе это окончательно ужаснуло каймакама,—говоритъ Ермоловъ въ своемъ дневникѣ,— онъ зналъ, что не укрылась отъ меня ненависть его къ русскимъ и мнѣніе мое о немъ, какъ о величайшемъ изъ плутовъ и потому не могъ сомнѣваться, что поставлю его виною всѣхъ могущихъ случиться неудовольствій“. Кромѣ того, Ермоловъ радъ былъ случаю завести съ нимъ ссору, чтобы въ будущемъ устранить его отъ участія въ переговорахъ по поводу уступки Персіи земель. На другой день, 26-го мая, съ восходомъ солнца, Ермолова уже не было въ Тавризѣ; отклоняться наслѣдному принцу отправленъ былъ совѣтникъ посольства Соколовъ.

Выѣхавъ изъ Тавриза, Ермоловъ направился черезъ Басминджъ и Сеидъ-Абадъ къ Уджану и въ двухъ верстахъ отъ этого селенія остановился въ небольшомъ замкѣ Шахъ-гюли, т. е. „царская роза“, построенномъ Аббасъ-Мирзою для своего царственного родителя. Убранство замка было весьма бѣдно. Кромѣ самаго необходимаго, здѣсь было все просто и только на стѣнахъ главной залы висѣло нѣсколько картинъ, изъ которыхъ одна изображала побѣду персіянъ надъ русскими. Разсматривая эту знаменитую картину, Ермоловъ спросилъ сопровождавшихъ его персидскихъ чиновниковъ: не Асландузское ли это сраженіе? „Наморщились рожи ихъ и страхъ, изображавшійся на лицахъ отъ одного объ ономъ воспоминаніи, заставилъ не требовать отвѣта. Я сдѣлалъ другой вопросъ: не Ленкоранское ли сраженіе? Какъ будто окованъ былъ языкъ персіянъ и, ложъ столько обыкновенная въ устахъ ихъ не изобрѣла отвѣта. Наконецъ сказано мнѣ, что картина представляетъ разбитіе баталіона Троицкаго пѣхотнаго полка. Я замолчалъ противъ правды“. Въ Уджанѣ Ермоловъ оставался цѣлую недѣлю и только 5-го іюля посольство прибыло, наконецъ, на урочище Саманъ-архи, лежащее въ 10-ти верстахъ отъ Султаніэ. Здѣсь, на обширной равнинѣ, на берегу р. Зенганъ-чай было разбито два лагеря: одинъ для нашего посольства, а другой

для Мирзы-Абдуль-Вехаба, прибывшаго для встрѣчи Ермолова. Онъ носилъ титулъ музтеמידъ-уд-доуле (опора государства) и пользовался довѣренностью шаха. Этотъ наиболѣе просвѣщенный между персіянами вліятельный дипломатическій чиновникъ встрѣтилъ Ермолова съ особеннымъ вниманіемъ и почтеніемъ, и первый сдѣлалъ визитъ нашему послу. Причина столь необычайной предисмотрительности заключалась въ томъ, что Мирза-Абдуль-Вехабъ былъ присланъ изъ Тегерана предварительно разузнать мнѣніе посла относительно возвращенія областей и съ этою цѣлью имѣлъ даже при себѣ полномочіе шаха на вступленіе въ переговоры.

Но Ермоловъ на всѣ домогательства его отвѣчалъ, что онъ можетъ говорить съ нимъ только какъ съ частнымъ человѣкомъ, въ официальные же переговоры до личнаго свиданія съ шахомъ вдаваться не намѣренъ. Тѣмъ не менѣе, между ними было нѣсколько совѣщаній, сопровождавшихся нерѣдко горячими спорами. Но ни угрозы въ неизбѣжности разрыва, ни указанія на многочисленныя ополченія Персіи, не дѣйствовали на нашего посла. Ермоловъ отвѣчалъ, что изъ земель, уступленныхъ Россіи онъ не отдастъ ни единой пяди; если же замѣтитъ малѣйшую холодность въ пріемъ его шахомъ и намѣреніе прервать дружбу, то, охраняя достоинство своей державы, онъ предупредить объявленіемъ войны и потребуетъ границъ уже по Араксъ <sup>1)</sup>.

Званіе главнокомандующаго войсками въ Грузіи придавало особенный вѣсъ его словамъ, а „угрюмая моя рожа,—пишетъ Ермоловъ въ письмѣ къ графу Закревскому,—всегда изображала чувства мои, и когда я говорилъ о войнѣ, то она принимала выраженіе человѣка, готоваго схватить зубами за горло. Я замѣтилъ, что они (персидскіе министры) того не любятъ и всякій разъ, когда мнѣ не доставало убѣдительныхъ доказательствъ, я дѣйствовалъ звѣрскою рожею, огромною своею фигурою, которая производила ужасное дѣйствіе и широкимъ горломъ, такъ что они убѣждались, что не можетъ же человѣкъ такъ громко кричать, не имѣя основательныхъ и справедливыхъ причинъ“.

---

<sup>1)</sup> Акты Кавказской археографической комиссіи, т. VI, ч. 2-я, № 342. Отношеніе Ермолова къ гр. Нессельроде въ октябрѣ 1817 года.

Такъ прошло время до 19-го іюля—день прибытія Фетхъ-Али-шаха въ Султаніэ. Зрѣлище это обѣщало много любопытнаго, и потому посольствѣ съ нѣкоторыми членами посольства отправился туда инкогнито <sup>1)</sup>).

Едва только на востокъ занялась утренняя заря, какъ въ султанійскомъ лагерѣ уже все было на ногахъ. Около 9-ти часовъ на дальнемъ горизонтѣ показалось шахское шествіе медленно, почти незамѣтно, подвигавшееся къ Султаніэ. Но вотъ подошли джамбазы (регулярная пѣхота), которые выстроились по обѣимъ сторонамъ тегеранской дороги до самаго дворца, „буде таковымъ можно назвать,—говоритъ Ермоловъ,—небольшой, неопратно построенный изъ глины домъ, передъ которымъ посажено нѣсколько рядовъ раки въ по грязному вонючему ручью, между ними пробѣгающему“. Наконецъ, показался самъ Фетхъ-Али-шахъ верхомъ на сѣромъ конѣ, на половину выкрашенномъ оранжевою краскою; позади его слѣдовала толпа сыновей и разныхъ сановниковъ, а все шествіе замыкалъ военный отрядъ. Толпы народа, собравшіяся на это зрѣлище, хранили глубокое молчаніе и, скрестивъ руки на груди, съ невыразимою покорностью взирали на своего повелителя.

Встрѣтивъ во время проѣзда во дворецъ нашихъ офицеровъ, шахъ привсталъ на стременахъ и привѣтствовалъ ихъ словами: „Селямунъ-аляйкумъ, хош-амедидъ (здравствуйте, добро пожаловать)“. Поступокъ этотъ изумилъ персіянъ, не видѣвшихъ отъ своего повелителя такого привѣтствія ни къ одному изъ представителей европейскихъ державъ, тѣмъ болѣе, что рядомъ съ этимъ шахъ не обратилъ никакого вниманія на англійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Виллока, стоявшаго тутъ же въ парадной формѣ.

Черезъ шесть дней, 26-го іюля, при многочисленномъ стеченіи народа совершился парадный выѣздъ и русскаго посольства въ Султаніэ, гдѣ для него былъ устроенъ особый лагерь; когда же Ермоловъ подъѣзжалъ къ посольскому шатру на немъ взвился флагъ съ императорскимъ руссійскимъ гербомъ. Тутъ же отъ имени шаха привѣтствовалъ посла шахскій адъютантъ Махмудъ-ханъ <sup>2)</sup>. На

<sup>1)</sup> А. П. Берже. „Посольство Алексѣя Петровича въ Персію въ 1817 г.“ (Русская Старица на 1877 г., іюль).

<sup>2)</sup> Акты Кавказской археографической комиссіи, т. VI, 2-я ч., стр. 155.

слѣдующее утро Ермоловъ сдѣлалъ визитъ первому министру Мирза-Шефи для врученія императорской грамоты. Хитрый восьмидесятилѣтній старецъ, уже сорокъ лѣтъ занимавшій эту должность, осыпалъ русскаго посла чрезвычайными любезностями. Ермоловъ не остался въ долгу и воспользовался всѣми выгодами, какія ему могли представиться.

„Изъ учтивости,—говоритъ онъ въ своихъ запискахъ,—я платилъ ему тѣмъ же и чтобы не быть совершенно неловкимъ, я сталъ показывать удивленіе къ его высокимъ качествамъ и добродѣтелямъ. Старикъ принялъ лесть за настоящую правду, и я, снискавъ довѣріе къ своему простосердечію, свелъ съ нимъ знакомство. Въ знакъ большой къ нему привязанности, я далъ ему названіе отца и какъ покорный сынъ обѣщалъ ему откровенность во всѣхъ поступкахъ и дѣлахъ. Итакъ, о чемъ невыгодно было трактовать съ нимъ какъ съ верховнымъ визиремъ, я обращался къ нему какъ къ отцу; когда же надобно было возражать ему или даже пристращать, то, храня почтеніе какъ сынъ, я облекался въ образъ посла. Сею эгидою покрывалъ я себя, однако же, въ однихъ крайнихъ случаяхъ и всегда выходилъ торжествующимъ“.

Нѣсколько послѣдующихъ дней было посвящено на составленіе церемоніала шахской аудіенціи. Шахъ оказался сговорчивѣе Аббасъ-Мирзы и вопросъ о красныхъ чулкахъ былъ порѣшенъ безъ затрудненій; условлено было, чтобы за сто шаговъ до шахской палатки одинъ изъ служителей только отеръ пыль съ сапоговъ Ермолова и то потому, что кресло, приготовленное для посла, стояло на томъ коврѣ, на которомъ возсѣдалъ самъ повелитель Персіи. Торжественная аудіенція состоялась 31-го іюля <sup>1)</sup>).

Богатая палатка, въ которой происходила аудіенція, была разбита на обширной площади, обнесенной парусинной оградой. Внутри ея, на возвышеніи, выложенномъ кирпичемъ и покрытомъ сплошь шалевыми коврами, поставленъ былъ богато убранный тронъ съ подножіемъ, изображавшимъ отдыхающаго льва. На тронѣ

---

<sup>1)</sup> Акты Кавказской археографической комиссіи, т. VI, ч. 2-я, № 306, стр. 155—157. Церемоніаль и описаніе первой аудіенціи Ермолова у Фетхъ-Али-шаха въ Султаніѣ 31-го іюля 1817 года.



сидѣлъ шахъ въ большой коронѣ и парчевой одеждѣ, осыпанной драгоценными камнями. Въ глубинѣ палатки около задней стѣны, стояли 14 шахскихъ сыновей, а по сторонамъ трона расположились разные придворные чины, державшіе шахскіе регалии: малую корону, щитъ, саблю, скипетръ и государственную печать. Предшествуемый зятемъ шаха и первымъ его адъютантомъ, Аллах-Ярханомъ, и двумя совѣтниками посольства, изъ которыхъ одинъ несъ на золотомъ блюдѣ императорскую грамоту, показался Ермоловъ. При входѣ на площадку онъ сдѣлалъ поклонъ, на срединѣ — другой и, наконецъ, подойдя къ палаткѣ — третій. Тогда Аллах-Ярханъ громогласно провозгласилъ: „Чрезвычайный и полномочный російско-императорскій посолъ желаетъ имѣть счастье представиться средоточію вселенной и убѣжищу міра“.

— „Хошъ-гельди“ (добро пожаловать), — отвѣчалъ шахъ и жестомъ руки пригласилъ посла войти въ палатку.

Ермоловъ вошелъ, поклонился и, сказавъ краткую привѣтственную рѣчь, передалъ императорскую грамоту, а затѣмъ по приглашенію шаха сѣлъ на предназначенное ему кресло. Разговоръ носилъ вполне офиціальныи характеръ и при всякомъ обращеніи къ нему шаха, посолъ бесѣдовалъ стоя. Шахъ интересовался, между прочимъ, мѣстомъ пребыванія государя въ данную минуту и пожелалъ, дабы „гнѣвъ Аллаха разразился надъ могущими дерзнуть поколебать міръ и тишину, въ коихъ пребываютъ обѣ державы“. Затѣмъ представлялась посольская свита. Шахъ обошелъ каждого изъ членовъ посольства и привѣтствовалъ словами: „хошъ-гельди“. „Представляя находившагося въ свитѣ штабсъ-капитана Коцебу, Ермоловъ замѣтилъ, что офицеръ этотъ, совершившій кругосвѣтное путешествіе, подобно другимъ былъ порываемъ желаніемъ видѣть Персію и великаго государя ея, Фетхъ-Али-шаха,

— „Теперь, — съ видимымъ удовольствіемъ произнесъ шахъ, — конечно онъ все видѣлъ“.

За первую аудіенціею, 3-го августа, слѣдовала вторая, сопровождавшаяся поднесеніемъ подарковъ шаху отъ императора <sup>1)</sup>. Бо-

<sup>1)</sup> Тамъ же, № 306, стр. 157—159. Описаніе второй аудіенціи Ермолова у Фетхъ-Али-шаха 3-го августа 1817 года.

гатство и изящество подарковъ съ перваго взгляда очаровали шаха; онъ невольно остановился у самаго входа въ палатку и, только послѣ изъясненія послу полнаго своего удовольствія, сталъ переходить отъ одного предмета къ другому, разсматривая каждую вещь до мельчайшихъ подробностей. Но ни что, повидимому, не поразило такъ Фетхъ-Али-шаха, какъ громаднхъ размѣровъ зеркала. Никогда еще въ жизни онъ не видѣлъ себя такъ хорошо во весь ростъ и ничто, казалось, не могло сравниться съ тѣмъ глубокимъ впечатлѣніемъ, подъ которымъ находился повелитель Персіи въ данную минуту. Долго и неподвижно всматривался онъ въ себя и въ сверкавшіе на немъ алмазы и брилліанты, въ безчисленныхъ сіяніяхъ отражавшіеся въ глубинѣ волшебнаго трюмо. Осмотрѣвъ остальные подарки, онъ благодарилъ Ермолова и удалился во дворецъ, замѣтивъ на прощанье: „мнѣ было несравненно легче пріобрѣсти милліоны, чѣмъ этотъ подарокъ русскаго вѣнценосца, который не промѣняю ни на какія сокровища въ мірѣ“. Впослѣдствіе шахъ выразилъ своимъ придворнымъ, что передъ нимъ какъ передъ государемъ, болѣе Ермолова почтительнымъ быть невозможно. Умѣнье посла затронуть слабыя струны персидскаго монарха болѣе всего способствовало успѣшному и блестящему окончанію переговоровъ.

Изучивъ слабыя стороны своихъ противниковъ, Ермоловъ вообще широко пользовался всѣмъ, чѣмъ могъ, не пренебрегалъ никакими средствами для внушенія персіянамъ и ихъ правительству должнаго къ себѣ уваженія. „Когда доходило до шаха, — говоритъ онъ, — что я звѣрь неприступный, то при первомъ свиданіи съ нимъ я отравлялъ его лестью, такъ что уже не смѣли ему говорить противъ меня и онъ готовъ былъ обвинять того, кто угодить мнѣ не можетъ“. Далѣе Ермоловъ рассказываетъ, что онъ безтрепетно призывалъ въ свидѣтели великаго пророка Магомета и тѣмъ „снискалъ къ обѣщаніямъ своимъ довѣренность“. Онъ даже увѣрилъ персіянъ, что предки его татары и выдавалъ себя за потомка Чингизъ-Хана.

Постоянною лестью Ермоловъ такъ расположилъ къ себѣ шаха, что онъ оказывалъ ему рѣдкое вниманіе, присылая почти еже-

дневно справляться о здоровьи посла и предоставилъ ему право видѣть повелителя Ирана, когда пожелаетъ. Ермоловъ съ рѣдкимъ тактомъ пользовался этимъ правомъ и хотя бывалъ у шаха часто, но не иначе какъ по приглашенію. Не разъ случалось, что восхваляя рѣдкія и высокія душевныя качества шаха, онъ со слезами умиленія увѣрялъ его о своей преданности и насколько тронуть его совершенствами. И на другой день шахъ уже говорилъ своимъ приближеннымъ о Ермоловѣ, что не было подъ солнцемъ подобнаго ему человѣка. Такое расположеніе шаха къ нашему послу значительно облегчало разрѣшенія весьма трудной задачи, которая предстояла Ермолову: удержать за Россіей тѣ области, которыхъ такъ сильно домогалась Персія и въ то же время сохранить и упрочить дружественныя связи съ этою страной.

Поэтому вскорѣ послѣ второй аудіенціи, при ближайшемъ свиданіи съ премьеромъ тегеранскаго кабинета, Мирза-Шефи, Ермоловъ предложилъ ему приступить къ переговорамъ, при чемъ, не довѣряя словеснымъ объясненіямъ и общаніямъ персіянъ, условился вести ихъ на бумагѣ. Нельзя не отмѣтить здѣсь весьма рѣдкую и замѣчательную черту въ характерѣ Ермолова, который во время переговоровъ всю переписку велъ собственноручно, чтобы въ случаѣ какихъ-либо промаховъ, не подвергать нареканіямъ или упрекамъ другихъ, а за все отвѣчать самому.

Сначала Ермоловъ предполагалъ, что переговоры затянутся и что ему не скоро удастся выѣхать изъ Султаніэ. Но онъ напалъ, камъ мы уже знаемъ, на настоящій путь къ дипломатической побѣдѣ,—путь лести шаху и энергичной настойчивости съ его министрами. Дѣйствуя въ этомъ направленіи, онъ отнялъ у послѣднихъ всякую схоту длить переговоры и все ограничилось небольшою сфиціальной перепиской съ первымъ министромъ <sup>1)</sup> и одною конференціею, происходившею 12-го августа. Кромѣ Мирза-Шефи и Ермолова, въ ней приняли участіе Абдуль-Вегабъ и совѣтники посольства Негри и Соколовъ. Первый и важнѣйшій вопросъ, подлежавшій объясненію, относился до областей, отошедшихъ къ Россіи

---

<sup>1)</sup> Акты Кавказской археографической комиссіи, т. VI, ч. 2-я, №№ 308, 309 и 310. Переписка Ермолова съ Мирза-Шефи.

по гулистанскому трактату. Во время прений, которыя съ обѣихъ сторонъ велись одинаково горячо, Мирза-Шефи и Абдуль-Вехабы истощали всю силу своихъ убѣжденій, чтобы склонить Ермолова на уступку Карабага или хотя части Талышинскаго ханства. Видя непреклонность посла, они объявили, что отказъ по дѣлу, не допускавшему ни малѣйшаго сомнѣнія на благопріятное его разрѣшеніе для Персіи, послѣдовалъ для нихъ столь неожиданно, что они страшатся даже одной мысли заявить о немъ шаху.

— „Въ такомъ случаѣ,—замѣтилъ Ермоловъ,—я готовъ вывести васъ изъ затрудненія и лично объяснюсь съ его величествомъ“.

Этотъ отвѣтъ отрѣзалъ персидскимъ министрамъ всякій путь отступленія, и они чистосердечно сознались, что всѣ предложенія съ ихъ стороны были сдѣланы безъ предварительной на то воли шаха, но что если они рассчитывали на уступку, то единственно потому, что считали ее вполнѣ справедливою. Готовый на борьбу съ какими бы то ни было препятствіями, Ермоловъ рѣшился идти прямо и быстро къ цѣли.

„По возложенному на меня государемъ довѣрію, — отвѣтилъ онъ Мирза-Шефи,—я долженъ объяснить вашему степенству, что никакія обстоятельства не могутъ измѣнить воли государя, и границы на будущее время должны остаться тѣ же, которыя назначены послѣднимъ трактатомъ. Я надѣюсь, что вы прекратите бесполезное о томъ повтореніе, а я съ своей стороны счастливымъ себя почту, если, не повреждая обязанностямъ моимъ отечеству, въ состояніи буду оказать шаху мою услугу, ибо тѣмъ самымъ, я сдѣлаю угодное моему государю <sup>1)</sup>“.

Послѣ столь опредѣленнаго заявленія, тегеранскому двору оставалось одно изъ двухъ: или не подымать болѣе вопроса объ уступкѣ земли, или прервать переговоры и стать въ непріязненныя отношенія къ Россіи. Шахъ, на бывшемъ у него совѣтѣ, высказался, однако, въ миролюбивомъ тонѣ и приказалъ сообщить Ермолову, что дружбу съ Россіей онъ предпочитаетъ всякимъ пріобрѣтеніямъ и не желаетъ предъявить послу такого „требованія,

<sup>1)</sup> Тамъ же.

которое могло бы быть выше его мочи“, а тѣмъ болѣе, „чтобы произошло отъ державы персидской какое-нибудь упущеніе къ российскому государству чести“. Относительно же начертанія границъ въ Талыши и на Мугани, о которыхъ на основаніи второй статьи трактата посоль желалъ изъясненія, „рѣшено было, что Ермоловъ войдетъ въ переговоры съ Аббасъ-Мирзою, который будетъ уполномоченъ къ тому, какъ имѣющій „полное свѣдѣніе о границахъ“ <sup>1)</sup>.

Ермоловъ вполне былъ удовлетворенъ этимъ отвѣтомъ и тотчасъ же воспользовался имъ какъ нельзя лучше. Ему хорошо извѣстно было, что одновременно съ поѣздкою его въ Персію, подвластные ханы, подъ видомъ торговли отправили туда же развѣдать, какъ будетъ принять нашъ посоль и успѣетъ ли тегеранскій дворъ возратить потерянные провинціи; въ простомъ же народѣ распускали слухи, что онѣ скоро перейдутъ подъ власть Персіи <sup>2)</sup>. Поэтому, 14-го августа Ермоловъ отправилъ изъ Султаніе „обвѣщеніе“ жителямъ Дагестана и ханствъ Ширванскаго, Карабагскаго, Шекинскаго, Талышинскаго и всѣмъ прочимъ покорнымъ намъ народамъ Кавказа, въ которомъ писалъ <sup>3)</sup>: „Дошло до моего свѣдѣнія, что люди неблагонамѣренныя разсѣваютъ между вами слухи, что императоръ российский уступаетъ нѣкоторыя изъ областей шаху персидскому. Я главнокомандующій его надъ вами, я полномочный посоль его въ Персіи. Я васъ именемъ великаго нашего государя увѣряю, что не только областей, ниже ни одного шага земли не уступаетъ онъ шаху персидскому, и границы наши не перемѣняются: ихъ охраняетъ всемогущій Богъ, великій государь и вѣрные его народы. Не долгое время я былъ между вами, но вы должны знать меня, что когда я имѣю попеченіе о вашемъ счастьи, то и требовать умѣю, чтобы вы были его достойны. Неблагонамѣренныхъ, разсѣвающихъ между вами безпокойства, постигнетъ наказаніе мое“.

Этотъ суровый тонъ прокламаціи устранялъ всякія дальнѣйшія сомнѣнія относительно уступки земель и показалъ ханамъ, что

1) Акты Кавказской археографической комиссіи, т. VI, ч. 2-я, № 311. Письмо Мирза-Шефи къ Ермолову, полученное 15-го августа 1817 года.

2) Тамъ же, № 343. Отношеніе Ермолова къ гр. Нессельроде въ октябрь 1817 г.

3) Акты Кавказской археографической комиссіи, т. VI, ч. 2-я, № 312.

они и подвластные имъ народы навсегда сдѣлались подданными россійской державы. Обнародывая это воззваніе, Ермоловъ былъ увѣренъ, что содержаніе его станетъ извѣстнымъ также и Аббасъ-Мирзѣ, а потому рассчитывалъ, что переговоры о границахъ будутъ этимъ значительно облегчены. Наконецъ, самый вопросъ о территориальныхъ уступкахъ при тегеранскомъ дворѣ началъ мало по малу предаваться забвенію и 26-го августа, во время пріема Ермолова, шахъ совершенно неожиданно, и какъ бы въ шутку, намекая на отошедшія къ Россіи области, сталъ говорить о томъ, какъ обманулся онъ въ своихъ ожиданіяхъ, и какъ не исполнились тѣ надежды, которыя онъ такъ долго лелѣялъ въ своей душѣ.

— „Взгляни на посла, — сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія своему зятю Аллах-Яр-хану, — какъ ему совѣстно, что не исполнилъ моего желанія, когда я съ своей стороны готовъ сдѣлать все угодное его государю. Онъ не имѣетъ, что сказать на это. Я же въ дружбѣ всѣмъ жертвую охотно“.

Произнося эти слова, шахъ спросилъ Ермолова:

— „Скажи по правдѣ, ты передашь разговоръ нашъ государю“. Ермоловъ отвѣтилъ утвердительно.

Утромъ 27-го августа присланы были шахскіе подарки, а вечеромъ того же дня состоялась прощальная аудіенція. Ермоловъ явился къ шаху въ пожалованной ему персидской лентѣ Льва и Солнца 1-й степени, чѣмъ опять угодилъ ему. Передавая Ермолову письмо къ государю, шахъ сказалъ: „Ты до того расположилъ меня къ себѣ, что языкъ мой не хочетъ произнести, что я отпускаю тебя“.

Посольство Ермолова передъ шахомъ окончилось. Главнѣйшая цѣль его миссіи—разрѣшить вопросъ о пограничныхъ ханствахъ, была достигнута. Оставалось еще нѣсколько неразрѣшенныхъ вопросовъ—о назначеніи повѣреннаго въ дѣлахъ при тегеранскомъ дворѣ и консуловъ въ Гилянѣ и Астрабатѣ, а также объ учрежденіи въ тѣхъ мѣстахъ торговыхъ конторъ, о возвращеніи плѣнныхъ и тѣхъ изъ бѣглыхъ дезертировъ, которые сами пожелали бы возвратиться въ свое отечество. Въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ, хотя со стороны персидскаго правительства не встрѣчалось осо-

быхъ затрудненій, но такъ какъ всѣ пограничныя области находились въ ближайшемъ вѣдѣніи наслѣднаго принца, то и всѣ дѣла эти были переданы на ближайшее разсмотрѣніе Аббасъ-Мирзы съ тѣмъ, чтобы имъ „поступлено было сходственно взаимнымъ дружескимъ переговорамъ и существующему между двумя державами миру“ <sup>1)</sup>.

29-го августа, русское посольство оставило шахскую резиденцію и двинулось въ обратный путь. Оставляя безъ сожалѣнія Султаніэ, Ермоловъ уносилъ съ собою, однако, не мало пріятныхъ воспоминаній, которыя почти исключительно сосредоточивались на Фетхъ-Али-шахѣ, съ такою готовностью скрѣпившаго узы добраго согласія и дружбы между двумя сосѣдними державами. Но онъ не могъ сказать того же объ Аббасъ-Мирзѣ, къ которому направлялъ теперь свой путь и съ которымъ ему предстояло пережить еще нѣсколько тревожныхъ дней. При одной мысли о предстоящемъ ему свиданіи, имъ овладѣвало какое то непріятное чувство, и онъ дорого заплатилъ бы, чтобы миновать Тавризъ и не встрѣчаться болѣе съ наслѣднымъ принцемъ, въ особенности съ ненавистнымъ ему каймакомъ. Между тѣмъ желаніе такъ или иначе окончить дѣла своей миссіи влекло его впередъ, и онъ спѣшилъ, избѣгая частыхъ и продолжительныхъ остановокъ въ пути. 9-го сентября посольство прибыло уже въ Тавризъ.

Милостивый пріемъ, оказанный шахомъ Ермолову, произвелъ глубокое впечатлѣніе на Аббасъ-Мирзу. О прежнихъ требованіяхъ въ соблюденія придворнаго этикета не могло быть и рѣчи, и посла каждый разъ принимали въ аудіенцъ-залѣ, гдѣ для него всегда стояло кресло и куда вмѣстѣ съ нимъ входила и вся свита. Переговоры, по всѣмъ неразрѣшеннымъ дѣламъ въ Султаніэ, начались тотчасъ послѣ свиданія съ Аббасъ-Мирзою и велись непосредственно посломъ и Мирза-Безюргою.

Первый пунктъ, подлежавшій обсужденію и касавшійся опредѣленія времени для постановленія границы между Россіею и Пер-

---

<sup>1)</sup> Акты Кавказской археографической комиссіи, т. VI, ч. 2-я, №№ 313—316. Письма Ермолова къ Мирза-Шефи и послѣдняго къ Ермолову 17-го, 23-го, 24-го и 25-го августа 1817 г. въ Султаніэ.

сией, кончился благополучно и условлено было приступить къ разграниченію съ 18-го апрѣля 1818 г. Не менѣе благопріятно былъ рѣшенъ и другой вопросъ—о допущеніи Россіи имѣть при тегеранскомъ дворѣ своего повѣреннаго въ дѣлахъ, которымъ былъ назначенъ въ томъ же 1818 году коллежскій совѣтникъ Мазаровичъ <sup>1)</sup>. Хитрый каймакамъ поспѣшилъ согласиться на эти требованія въ надеждѣ заручиться расположеніемъ русскаго посла, съ цѣлью добиться удовлетворенія въ разрѣшеніи наиболѣе важнаго вопроса о признаніи Россіею Аббасъ-Мирзы наслѣдникомъ персидскаго престола. Но Ермоловъ не находилъ полезнымъ для Россіи признавать Аббасъ-Мирзу наслѣдникомъ престола, безъ пріобрѣтенія какихъ-либо важныхъ и существенныхъ выгодъ для русскихъ интересовъ. Такъ, онъ писалъ графу Нессельроде, что если признать Аббасъ-Мирзу, то „тѣмъ мы будемъ служить видамъ англичанъ и укоренимъ владычествованіе ихъ въ Персіи, которое не было бы вреднымъ для насъ, если бы ограничивалось одною системою дать выгоды своей торговли; но они, устроя внутренній порядокъ ея и изошряя силы воинственнаго народа, будутъ умѣть дѣйствовать имъ въ политической системѣ Европы, лаская духъ завоеванія Аббасъ-Мирзы“ <sup>2)</sup>.

Наконецъ, въ самой личности этого принца Ермоловъ видѣлъ одну одну изъ главнѣйшихъ причинъ тѣхъ политическихъ затрудненій, которыя въ будущемъ грозили намъ войною.

„Въ Тавризѣ употреблены были всѣ усилія и всѣ убѣжденія, —писалъ онъ въ другомъ донесеніи гр. Нессельроде,—чтобы согласить меня признать Аббасъ-Мирзу наслѣдникомъ..., но я не рассудилъ за благо признать его, тѣмъ болѣе, что въ самомъ Аббасъ-Мирзѣ не только не вижу къ намъ добраго расположенія, но онъ никакъ скрыть не могъ, что онъ съ негодованіемъ видѣлъ во власти нашей тѣ области, которыхъ столько домогался шахъ, дабы возвращеніемъ ихъ усилить Аббасъ-Мирзу противъ старшаго брата, съ которымъ война за наслѣдство—неизбѣжна. Онъ, несмотря да-

<sup>1)</sup> Тамъ же, №№ 325, 327, 328. Переписка между Ермоловымъ и Мирзю-Безюргомъ, а также № 344. Отношеніе Ермолова къ гр. Нессельроде, въ октябрѣ 1817 года.

<sup>2)</sup> Акты Кавказской археографической комиссіи, т. VI, ч. 2-я, № 345. Донесенія Ермолова гр. Нессельроде въ октябрѣ 1817 года.



же на окончаніе дѣлъ дружелюбнымъ образомъ, усиливался доказывать мнѣ права свои на наши области и возраженія мои принималъ съ досадою. При дворѣ его живутъ все иноземцы и всѣ противъ насъ непріязненные замыслы принимаются съ одобреніемъ. Тавризъ походитъ на притонъ разбойниковъ, коихъ начальникомъ потому не поставляется Аббасъ-Мирза, что каймакамъ болѣе его испытанъ въ злодѣяніяхъ и отъемлетъ у него преимущества. Прошу ваше сіятельство обратить на сей предметъ особенное вниманіе. Я разсуждаю о томъ не по предубѣжденіямъ, но по изслѣдованіямъ и опыту“ <sup>1)</sup>).

Ермоловъ ловко уклонился отъ officialнаго шага въ этомъ важномъ для Аббасъ-Мирзы вопросѣ, заявивъ ему, что такъ какъ въ Султаніѣ объ этомъ ничего не было говорено, то онъ не считаетъ себя въ правѣ „входить въ разсужденіе о томъ предметѣ, о коемъ шаху угодно было хранить молчаніе, которое скрывало отъ него точную его волю“ <sup>2)</sup>). Онъ даже не скрывалъ своихъ чувствъ къ Аббасъ-Мирзѣ и съ этихъ поръ сдѣлался личнымъ врагомъ наследника персидскаго престола, въ рукахъ котораго соединялись всѣ нити русско-персидскихъ отношеній.

Отказъ Ермолова былъ особенно непріятенъ наставнику и ближайшему совѣтнику принца Мирза-Безюргѣ, челоѣку, по отзыву Ермолова, „самой черной души и подлыхъ свойствъ“, который въ дальнѣйшихъ переговорахъ съ русскимъ посломъ находилъ уже во всемъ препятствія и затрудненія. Такъ, каймакамъ объявилъ, что на назначеніе русскихъ консуловъ въ Гиланъ и Астрабадъ, Аббасъ-Мирза не можетъ дать согласія, такъ какъ онъ не принималъ на себя управленіе Гиланскою областью. Такой же отзывъ Ермоловъ получилъ и при переговорахъ о возвращеніи плѣнныхъ и бѣглыхъ солдатъ <sup>3)</sup>). Но здѣсь оказалось, что персіяне, какъ выражается Ермоловъ, „сплутовали“, заблаговременно отправивъ баталіонъ русскихъ дезертировъ въ походъ, а тѣхъ, которые оставались въ Тавризѣ, держали подъ крѣпкимъ карауломъ. Узнавъ

---

1) Тамъ же, № 342. Донесеніе Ермолова въ октябрѣ 1817 года.

2) Тамъ же, № 332. Письмо Ермолова къ Аббасъ-Мирзѣ отъ 22-го сентября 1817 года.

3) Акты Кавказской археографической комиссіи, т. VI, ч. 2-я, №№ 327, 328 и 329.

объ этомъ, Ермоловъ въ глаза разругалъ Мирза-Безюргу и прекратилъ переговоры.

20-го сентября, послѣ прощальной аудіенціи у наслѣднаго принца, посольство оставило Тавризъ. Ермоловъ былъ утомленъ борьбою съ вѣроломствомъ и хитростью персіянъ и потому день этотъ, по собственному его признанію, былъ однимъ изъ пріятнѣйшихъ въ его жизни; онъ не иначе согласился бы снова увидѣть Персію какъ съ оружіемъ въ рукахъ. 2-го октября посольство прибыло, наконецъ, на русскую границу въ Башъ-Абаранъ, гдѣ было встрѣчено командою донскихъ казаковъ, а нѣсколько далѣе двумя ротами съ орудіемъ, изъ котораго въ честь благополучнаго его прибытія въ предѣлы Кавказа, былъ произведенъ салютъ изъ семи выстрѣловъ. 10-го октября Ермоловъ со всѣмъ составомъ посольства прибылъ въ Тифлисъ.

Свои впечатлѣнія, вывезенныя изъ Персіи, Ермоловъ резюмируетъ въ слѣдующихъ словахъ <sup>1)</sup>:

„Тебѣ, Персія, не держающая расторгнуть оковы поноснѣйшаго рабства, которая налагаетъ ненасытная власть, никакихъ предѣловъ не признающая; гдѣ подлая свойства народа уничтожаютъ достоинство человѣка и отъемлютъ познаніе правъ его; гдѣ обязанности каждаго истолковываются раболѣпнымъ угожденіемъ властителю; гдѣ самая вѣра научаетъ злодѣяніямъ и дѣла добрыя не получаютъ возмездія,—тебѣ посвящаю я ненависть мою и, отягчая проклятіемъ, прорицаю паденіе твое“.

Но думалъ ли тогда Ермоловъ,—говоритъ Берже въ своей монографіи о посольствѣ Ермолова въ Персію,—что именно то государство, надъ которымъ онъ произносилъ свой приговоръ, прежде чѣмъ распасться самому, приготовить его собственную гибель.

Ермолову дѣйствительно предстояло въ туманномъ будущемъ роковое столкновеніе съ Персіей, тяжело отозвавшееся на его личной судьбѣ.

---

<sup>1)</sup> Записки А. П. Ермолова о посольствѣ въ Персію, стр. 73.

## Глава II.

Признание русскимъ правительствомъ Аббасъ-Мирзы наслѣдникомъ персидскаго престола. — Послѣдствія этого признанія. — Пограничный вопросъ и домогательства персіянъ. — Назначеніе комиссаровъ въ 1823 году для опредѣленія границъ. — Противодѣйствіе со стороны персіянъ. — Новые переговоры о границахъ. — Актъ разграниченія 28-го марта 1824 года. — Пограничныя неурядицы. — Приготовленіе персіянъ къ войнѣ. — Посольство князя Меншикова въ Тегеранъ.

Блестящій результатъ посольства Ермолова въ Персіи вызвалъ полное удовлетвореніе при петербургскомъ дворѣ и въ нашихъ дипломатическихъ сферахъ. Графъ Нессельроде спѣшилъ поздравить Ермолова съ успѣшнымъ окончаніемъ возложеннаго на него дипломатическаго порученія и заявилъ, что „никакое посольство“ въ такой короткій срокъ не было увѣнчано столь выгодными и блистательными послѣдствіями, какъ посольство Ермолова. „Тѣ изъ требованій Персіи, — писалъ онъ Ермолову, — кои могли послужить поводомъ къ нарушенію мира, отклонены навсегда и средства, вами употребленныя для достиженія сей желанной цѣли, представляютъ единственно торжество благоразумія и справедливости безъ помощи угрозъ и насильства“ <sup>1)</sup>.

Но надеждамъ этимъ, однако, не суждено было осуществиться: желаннаго мира мы не достигли, и всѣ послѣдующія политическія событія складывались въ высшей степени неблагопріятно для развитія мирныхъ отношеній между двумя сосѣдними государствами. Несмотря на стараніе шаха поддержать „союзъ добраго согласія“ <sup>2)</sup>, миролюбивыя намѣренія его не согласовались ни съ личными видами могущественнаго Аббасъ-Мирзы и его совѣтниковъ — англичанъ, ни многочисленныхъ сановниковъ тегеранскаго двора и пра-

---

<sup>1)</sup> Акты Кавказской археографической комиссіи, т. VI, ч. 2-я, № 351. Отношеніе графа Нессельроде къ Ермолову 17-го февраля 1818 года.

<sup>2)</sup> Тамъ же, № 385. Изъ письма шаха императору Александру I въ 1818 году.

вителей пограничныхъ областей. Твердая и неуклонная политика, выдвинутая Ермоловымъ, и суровый отпоръ, который встрѣтили съ его стороны государственные дѣятели Персіи въ вопросъ объ уступкахъ, возбуждали ихъ затаенное озлобленіе противъ Россіи. Къ этому прибавился другой, еще болѣе острый и важный вопросъ,--- о признаніи Аббасъ-Мирзы въ званіи валіата, т. е. наслѣдника Персіи.

Въ бытность свою посломъ въ Тегеранѣ, Ермоловъ сумѣлъ ловко обойти этотъ вопросъ и уклониться отъ офиціального признанія столь большихъ правъ за несомнѣннымъ врагомъ Россіи въ прямой ущербъ другому дружественному намъ принцу. Тогда персидское правительство рѣшилось дѣйствовать окольными путями и, обратившись непосредственно къ русскому министерству иностранныхъ дѣлъ, успѣло добиться своей цѣли помимо Ермолова. Еще лѣтомъ 1818 года, когда главнокомандующій былъ занятъ на Кавказской линіи заложеніемъ крѣпости Грозной, въ Петербургъ былъ отправленъ персидскій сановникъ Мамедъ-Гасанъ-ханъ подъ предлогомъ поднесенія подарковъ русскому государю, но съ тайнымъ порученіемъ добиться признанія Аббасъ-Мирзы наслѣдникомъ престола. Ермоловъ, проникавшій въ тайныя интриги персидскаго двора, предупредилъ Нессельроде, что „признаніе Аббасъ-Мирзы наслѣдникомъ не удалитъ отъ Персіи тѣхъ бѣдствій, которыя ей угрожаютъ и не представитъ того благоденствія, котораго государь императоръ въ великодушіи своемъ желаетъ сосѣдственной и пріязненной державѣ“.—„Великодушіемъ,—писалъ онъ съ обычною своею откровенностью,—нельзя пскорить сего злодѣя, и признаніе его наслѣдникомъ дало бы ему новыя къ злодѣяніямъ средства“<sup>1)</sup>. Но взгляды Ермолова не раздѣлялись нашимъ министерствомъ петербургскій кабинетъ не нашелъ возможнымъ отклонить ходатайство шаха и Аббасъ-Мирза былъ признанъ валіатомъ. „Мы увѣрены,—писалъ по этому поводу императоръ Александръ I къ Фетхъ-Али-шаху,---что ваше величество приступили къ сему выбору, признавъ, что его высочество болѣе другихъ спо-

<sup>1)</sup> Тамъ же, № 367. Отношеніе Ермолова къ графу Нессельроде 10-го августа 1818 года. Сунжа.

собенъ не только, чтобы утвердить внутреннее въ государствѣ спокойствіе и содѣлать счастливымъ народъ, предназначенный его управленію, но также, чтобы укрѣпить еще болѣе существующія связи между обоими государствами, охраняя миръ и доброе согласіе“ <sup>1)</sup>).

Утвержденіе Аббасъ-Мирзы въ правахъ наслѣднаго принца, по мнѣнію Ермолова, было крупною политическою ошибкою, и наши отношенія къ Персіи вмѣсто того, чтобы выиграть, напротивъ безконечно проиграли отъ этого неосторожнаго шага. Пока Аббасъ-Мирза не былъ признанъ русскимъ дворомъ, онъ имѣлъ лишь косвенное вліяніе на политическія дѣла, ограничивая ихъ скромною ролью начальника смежныхъ съ Россією провинцій; теперь же съ нимъ приходилось трактовать какъ съ наслѣдникомъ трона и ни одинъ сколько-нибудь важный вопросъ не проходилъ безъ его участія. Между тѣмъ, положеніе самого Аббасъ-Мирзы, какъ человѣка, незаконно овладѣвшаго правами старшаго брата, было таково, что ему и въ личныхъ, и въ династическихъ интересахъ необходимо было искать по крайней мѣрѣ блеска военной славы и побѣдныхъ триумфовъ, чтобы оправдать въ глазахъ народа свое избраніе въ наслѣдники престола.

Ближе всего было, конечно, отторгнуть отъ Россіи покоренныя ею области, но въ то время, когда на сценѣ политической жизни Кавказа и Персіи появился Ермоловъ, рано было еще думать о новой войнѣ съ Россіей, и Аббасъ-Мирза обратилъ свои взоры на Англію. На этомъ пути передъ нимъ не было даже другого выбора: только одни англичане могли снабжать его деньгами, необходимыми для заведенія регулярныхъ войскъ, на которыя онъ смотрѣлъ, какъ на будущій оплотъ своего могущества, и онъ по необходимости сдѣлался слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ англичанъ. {

Съ своей стороны Англія, опасаясь, чтобы Россія не получила преобладающаго значенія въ странѣ, столь близкой къ Индіи, всѣми силами старалась противодействовать успѣхамъ русской политики и принимала тайное участіе во всѣхъ дипломатическихъ сношеніяхъ Персіи. Въ Тегеранѣ и Тавризѣ то и дѣло являлись

<sup>1)</sup> Дубровинъ. Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ, т. VI, стр. 546.

англійскія посольства со сказочною пышностью и блескомъ, такъ много значащимъ въ глазахъ азіятскихъ народовъ. Раболѣпно подчиняясь унизительнымъ требованіямъ персидскаго придворнаго этикета, англичане въ то же время съ такою безумною расточительностью сорили деньгами и дорогими подарками, что все, окружавшее шаха и Аббасъ-Мирзу, было закуплено и отводило интересамъ государственнымъ послѣднее мѣсто. Конечно, разсчетливые англичане не безъ умысла бросали тѣ баснословныя суммы, которыхъ имъ стоила Персія и бороться съ Англіею на этомъ поприщѣ Россія не могла уже потому, что „ни сей торговли, ни разсѣваемыхъ Англіею денегъ, мы ничѣмъ замѣнить не въ состояніи“, —какъ справедливо замѣчалъ Ермоловъ въ своихъ донесеніяхъ.

Такимъ образомъ, при помощи денежной субсидіи Англіи, Аббасъ-Мирза настойчиво началъ трудиться надъ преобразованіемъ своихъ войскъ. Онъ сформировалъ регулярные полки и организовалъ прекрасную артиллерію. Въ Персіи были основаны хорошіе литейные заводы и строились крѣпости по образцу европейскихъ. Стѣсненный скупостью своего отца, но удаленный отъ всякой роскоши, Аббасъ-Мирза употреблялъ собственныя средства на улучшение и усиленіе своихъ боевыхъ средствъ, и скоро Персія имѣла уже до 30-ти регулярныхъ баталіоновъ тысячнаго состава и до 100 орудій. Формированіе новыхъ войскъ продолжалось непрерывно и рекрутскіе наборы производились даже изъ кочующихъ народовъ Персіи <sup>1)</sup>. За невозможностью пока воевать съ Россіей, воинственная политика наслѣднаго принца, направленная исключительно къ пріобрѣтенію себѣ военной славы, нашла исходъ въ другихъ, менѣе значительныхъ войнахъ, которыя, однако, могли послужить ему подготовительной военной школой. Такъ, въ 1818 году Персія начала войну съ авганцами, и шахъ, какъ бы желая напомнить Ермолову о своемъ могуществѣ, прислалъ ему слѣдующее восточно-гиперболическое и цвѣтистое извѣщеніе объ одержанныхъ имъ успѣхахъ.

„Побѣдоноснымъ войскамъ нашимъ, — писалъ шахъ, — всегда покровительствуютъ конные полки небесныхъ силъ, а потому дѣй-

<sup>1)</sup> Акты, т. VI, ч. 2, № 341. Всеподданнѣйшій рапортъ Ермолова 31-го октября 1817 г.

ствія непріятеля на ратномъ полѣ имѣютъ противъ насъ такую же силу, какъ звѣзды противъ восходящаго солнца.... Пламенный мечъ нашъ, устремленный къ пораженію непріятеля - есть молнія, все сожигающая. И звѣзды свѣтомъ побѣды освѣщаютъ на счастливыхъ знаменахъ нашихъ луну“.

Далѣе, описывая самую битву <sup>1)</sup>, шахъ говоритъ:

„Отъ пыли, несущейся нашей конницы, никѣмъ непобѣдимой, мѣсто сраженія померкло такъ, что если бы открытый сарбазами огонь не освѣщалъ его, то стрѣлы, лишающія жизни, не находили бы пути пронзить сердца непріятельскія. Пять часовъ длился бой, и воюющіе не различали бѣлаго и чернаго. Наконецъ, около захожденія солнца, отъ огня пушекъ, сокрушающихъ кавказскія горы, разрушилось и основаніе непріятельскихъ войскъ. Вдругъ, знаменитый сынъ нашъ Али-Мирза-ханъ, хоросанскій валій, со своими богатырями, на подобіе волнъ морскихъ, напалъ на непріятеля и щедрою милостію Бога и нашимъ счастьемъ зефиръ побѣды развѣялъ кисти у знамени побѣдоноснаго сына нашего; несчастное же знамя непріятеля низверглось. Тогда побѣдоносный сынъ нашъ лично устремился на Ширдиль-хана (брата авганскаго владѣтеля) и мечемъ, сверкающимъ какъ Божія молнія, нанесъ ему ударъ въ голову и разрубилъ его до самой груди, отчего тотъ упалъ съ лошади въ примѣръ другимъ зрителямъ“ <sup>2)</sup>.

Надо полагать, что въ дѣйствительности побѣда персіянъ во все не была такъ блистательна; по крайней мѣрѣ, Ермоловъ, конечно не безъ основанія, писалъ министру иностранныхъ дѣлъ графу Нессельроде слѣдующее:

„Хоросанцы вмѣстѣ съ авганцами разбили персидскія войска и уронъ ужаснѣйшій. Начальствующій оными откупилъ свою голову весьма большою суммою денегъ, и шахъ, хотя предложилъ ему командованіе войсками, но, собравъ большія силы, самъ пошелъ на непріятеля. Жители Тегерана полагаютъ, однако же, что онъ далеко не пойдетъ, опасаясь, дабы малѣйшая неудача, подъ его соб-

<sup>1)</sup> Битва эта съ авганцами произошла въ половинѣ мая 1818 г., недалеко отъ крѣпости Гуріанъ, у самыхъ предѣловъ Герата.

<sup>2)</sup> Тамъ же, № 371. Фирманъ Фетхъ-Али-шаха Ермолову въ маѣ 1818 года.

ственнымъ предводительствомъ, не произвела худое въ народѣ впечатлѣніе. Не взирая, однако же, на неудачу, разглашаются ложныя о побѣдахъ извѣстія и отправляются торжества. Такимъ же образомъ увѣдомляетъ меня Аббасъ-Мирза о побѣдѣ надъ курдами-бельбасскими, когда имѣю я извѣстія, что войска его понесли значащій уронъ“ <sup>1)</sup>).

Всѣ эти столкновенія съ авганцами и курдами значительно подняли, однако, духъ персіянъ, и въ 1822 году они начинаютъ войну уже съ Турціей.

Поводомъ къ ней послужило, какъ говоритъ Ермоловъ, давнишнія притѣсненія, дѣлаемыя въ турецкихъ предѣлахъ персидскимъ торговцамъ и обиды, причиняемыя ѣздящимъ на богомолье въ Кербалай. Порта была занята тогда греческою войною и многочисленныя войска ея изъ Анатоліи были выведены. Аббасъ-Мирза, увѣренный, что Россія вступится за грековъ и сама объявитъ войну Оттоманской Портѣ, рѣшилъ воспользоваться именно затруднительнымъ положеніемъ послѣдней, и на ея счетъ создать себѣ военные триумфы. Къ Ермолову онъ писалъ, между тѣмъ, что его подвигаетъ къ войнѣ только чувство негодованія на жестокость турецкаго правительства противъ христіанъ. Съ этою цѣлью онъ ѣздилъ даже въ эчміадзинскій монастырь и тамъ просилъ католика на христіанскомъ алтарѣ освятить его мечъ. „Но, конечно, не мщеніе за христіанъ могъ имѣть въ виду Аббасъ-Мирза, владѣтель мусульманскій. Нельзя усомниться, что въ расчетахъ англійскаго правительства выгоды торговли дороже крови истребленныхъ христіанъ“. Такъ доносилъ Ермоловъ, намекая, что въ этомъ случаѣ Аббасъ-Мирза служилъ только послушнымъ орудіемъ англійской политики <sup>2)</sup>).

Война эта была непродолжительна. Въ сентябрѣ 1822 года персидская армія неожиданно вторглась въ турецкіе предѣлы, взяла Баязетъ и чрезъ Діадинъ и Топрахъ-кале двинулась къ Эрзеруму. Застигнутые врасплохъ, турки нигдѣ не могли противиться, и ими овладѣла такая паника, что жители Карса просили Ермо-

---

<sup>1)</sup> Тамъ же, № 369. Отношеніе Ермолова къ гр. Нессельроде 10-го августа 1818 года.

<sup>2)</sup> Тамъ же, № 464. Отношеніе Ермолова къ гр. Нессельроде 9-го ноября 1821 года.



лова занять ихъ крѣпость русскими войсками. „Не могъ я сдѣлать сего по настоящимъ обстоятельствамъ,—говорить онъ,—но многія селенія спасли мы тѣмъ, что, подъ видомъ охраненія купленного нами хлѣба, расположили въ нихъ небольшіе отряды. Многія армянскія деревни совсѣмъ бѣжали въ наши предѣлы, и турки имъ не препятствовали“<sup>1)</sup>.

Со стороны Эриванскаго ханства военныя дѣйствія шли съ меньшимъ успѣхомъ. Тамъ курды приняли сторону турокъ и производили страшныя опустошенія въ персидскихъ предѣлахъ. Потерпѣлъ сильно около города Вана и баталіонъ, составленный изъ русскихъ дезертировъ. Эти неудачи и явившееся убѣжденіе, что турки, опомнившись, соберутъ достаточныя силы, чтобы остановить персіанъ, заставили Аббасъ-Мирзу удовольствоваться пріобрѣтенной славой, и 27-го октября онъ уже возвратился въ Тавризъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ заключенъ былъ миръ, и наслѣдный принцъ, извѣщая объ этомъ Ермолова, надменно писалъ, что турки принуждены къ тому блистательными успѣхами его оружія<sup>2)</sup>. Самообольщеніе Аббасъ-Мирзы въ этомъ случаѣ было такъ велико, что онъ самъ начиналъ искренно вѣрить тому, чего въ дѣйствительности не было—въ могущественное значеніе созданной имъ регулярной арміи. Съ пылкостью воображенія, характеризующей весь азіятскій востокъ, онъ уже думалъ, что въ силахъ помѣряться съ русскою имперіею и, по заключеніи мира съ Турціей, немедленно, поднимаетъ вопросъ о проведеніи новыхъ границъ между Россіей и Персіей.

Необходимо замѣтить, что еще въ 1818 году министерство иностранныхъ дѣлъ назначило въ Тегеранъ повѣреннымъ въ дѣлахъ коллежскаго совѣтника Мазаровича, который, представившись Фетхъ-Али-шаху въ его резиденціи, принужденъ былъ, однако, основать свое пребываніе въ Тавризѣ, такъ какъ всѣ пограничныя дѣла съ Россіею находились въ рукахъ наслѣдника престола. Выдающимся членомъ нашей миссіи былъ въ то время А. С. Грибоѣдовъ, авторъ безсмертной комедіи „Горе отъ ума“; онъ дѣятель-

<sup>1)</sup> Записки Алексѣя Петровича Ермолова, ч. II, стр. 137.

<sup>2)</sup> Тамъ же, стр. 149.

но принялся за изученіе персидскаго и арабскаго языковъ, а также нравовъ и обычаевъ страны, что дало въ руки ему сильное оружіе для борьбы съ персіянами. Вообще онъ держалъ себя съ такимъ достоинствомъ, что заслужилъ уваженіе даже враждебной намъ англійской миссіи, но въ то же время вызвалъ къ себѣ и ненависть персидскихъ чиновниковъ, хорошо понимавшихъ, что въ его лицѣ Россія имѣла сильнаго представителя русскихъ интересовъ. Ему мы прежде всего были обязаны проведеніемъ чрезвычайно труднаго вопроса о возвращеніи нашихъ плѣнныхъ и дезертировъ. Грибоѣдову же было поручено и сопровождать ихъ въ наши предѣлы. Не одинъ разъ рисковалъ онъ жизнью на этомъ тревожномъ пути среди озлобленной черни, и только знаніе персовъ помогло ему безпрепятственно исполнить это трудное порученіе.

„Секретарь миссіи Грибоѣдовъ, — писалъ Ермоловъ Мазаровичу, — подробно объяснилъ, какихъ стоило затрудненій возвратить въ отечество взятыхъ въ плѣнъ и бѣглыхъ солдатъ нашихъ, и я, обязанный будучи благодарить за освобожденіе ихъ, долженъ съ особеннымъ уваженіемъ обратиться къ твердости вашей, которою заставили вы персидское правительсво склониться на справедливое требованіе ваше.

„При семъ случаѣ пріятно мнѣ замѣтить попеченіе Грибоѣдова о возвращающихся и не могу отказать ему въ справедливой похвалѣ за исполненіе возложеннаго вами на него порученія, гдѣ благороднымъ поведеніемъ своимъ вызвалъ онъ неблаговоленіе Аббасъ-Мирзы и даже грубость, въ которой не менѣе благородно остановилъ его, давъ ему уразумѣть достоинство русскаго чиновника“<sup>1)</sup>.

Но не одинъ только вопросъ о плѣнныхъ и бѣглыхъ ставилъ нашего „повѣреннаго въ дѣлахъ“ въ затруднительное положеніе. Поведеніе и поступки Аббасъ-Мирзы относительно Россіи никакъ нельзя было назвать дружественными.

Задавшись мыслью, такъ или иначе, заставить насъ уступить ему Талыши и Карабагское ханство, онъ поселилъ на самой границѣ послѣдняго царевича Александра, исконнаго врага Россіи, представивъ въ его владѣніе всю пограничную область Даралагезъ,

<sup>1)</sup> Акты, т. VI, ч. 2, № 403.

а земли, смежныя съ Талышинскимъ ханствомъ отдавъ убійцѣ князя Циціанова, бывшему бакинскому хану, пользовавшемуся его особымъ благоволеніемъ. Оба они сѣяли смуты среди нашихъ жителей и не жалѣли денегъ, чтобы склонять ихъ къ побѣгу въ персидскіе предѣлы. Отъ этого по всей пограничной чертѣ шли непрерывные грабежи и разбои, при чемъ особымъ неистовствомъ отличался эриванскій сардаръ. Маститый старецъ Ефремъ, занимавшій въ то время патріаршій престолъ въ Эчміадзинѣ, писалъ Ермолову, что святой монастырь подвергается непрерывнымъ оскорбленіямъ со стороны персіянъ, которые врываются въ него подобно лвамъ и тиграмъ, терзаютъ монаховъ и грабятъ драгоценности. Униженіе патріаршаго сана дошло до того, что въ 1821 году, когда патріархъ, облеченный въ пожалованный ему русскимъ государемъ орденъ, пріѣхалъ къ сардарю въ день науруза (новаго года), чтобы обычнымъ порядкомъ поздравить его съ праздникомъ, разгнѣванный ханъ объявилъ, что если онъ осмѣлится явиться къ нему еще разъ въ русскихъ орденахъ, то будетъ повѣшенъ на ихъ лентахъ. Оскорбленный въ своемъ достоинствѣ и санѣ, Ефремъ отказался отъ патріаршества и, предоставивъ эчміадзинскому синоду избрать себѣ преемника, удалился къ намъ сначала въ Карабагъ, а затѣмъ поселился въ Борчалѣ, въ монастырѣ Сурпъ-Нишанъ. Подробности объ этомъ происшествіи будутъ изложены въ своемъ мѣстѣ, а теперь замѣтимъ только, что это крупное событіе 1822 года уже окончательно отдалило персидское правительство отъ Россіи.

Ермоловъ тщетно старался водворить порядокъ на нашихъ границахъ. „Убѣдительнѣйше прошу,—писалъ онъ наслѣдному принцу,—дать пограничнымъ начальникамъ приказъ воздержаться отъ непріязненныхъ поступковъ и угрозъ.... Между непріятелями не должны они имѣть мѣсто, между друзьями—еще менѣе приличны“<sup>1)</sup>. Онъ не замедлилъ сообщить обо всемъ и министру иностранныхъ дѣлъ, указывая ему на грозившую намъ опасность, но получилъ въ отвѣтъ, что императоръ Александръ I признавалъ необходимымъ въ отношеніи Персіи ограничиваться только охраненіемъ правъ, предоставленныхъ намъ гюлистанскимъ трактатомъ.

<sup>1)</sup> Тамъ же, № 505. Письмо Ермолова къ Аббасъ-Мирзѣ 29-го декабря 1822 года.

„Никакія выгоды не пріемлются въ уваженіе,—писаль Мазаровичу по этому поводу генераль И. А. Вельяминовъ,—если не опредѣлены онѣ содержаніемъ онаго трактата и всякое достиженіе таковыхъ признается непозволительнымъ. Недовѣрчивое и наклонное къ подозрѣніямъ персидское правительство должно находить успокоеніе въ поведеніи нашемъ прямомъ, постоянномъ и твердомъ, удаляющемъ все то, что можетъ питать сомнѣніе его на нашъ счетъ, --словомъ, всѣ усилія наши должны быть устремлены на сохраненіе силы и святости трактата; далѣе не можетъ быть видовъ, кромѣ достиженія тѣснѣйшаго дружества, снисходя къ недоразумѣнію и не оскорбляясь невѣжествомъ“<sup>1)</sup>).

Персидское правительство вполне пользовалось такою снисходительностью нашего министерства, и мы не могли долгое время добиться, чтобы приступлено было къ разграниченію земель, отошедшихъ къ намъ по гюлистанскому трактату. Ознакомить же шаха съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ не было никакой возможности, такъ какъ Мазаровичъ не имѣлъ права безъ разрѣшенія шаха пріѣзжать въ Тегеранъ, а согласіе на это могло послѣдовать не иначе, какъ черезъ Аббасъ-Мирзу. Но вопросъ о границахъ неожиданно былъ поднятъ самимъ Аббасъ-Мирзою, очевидно и въ этомъ случаѣ преслѣдовавшимъ свои особыя скрытыя цѣли. Въ это время старшаго брата его, Мамедъ-Али-Мирзы, уже не было въ живыхъ и опасность соперничества изъ-за престолонаслѣдія для Аббасъ-Мирзы миновала. Упоенный славою своихъ военныхъ успѣховъ, о которыхъ Ермоловъ говорилъ, что „для Персіи и таковыхъ достаточно, чтобы шумомъ о нихъ заглушить возрождающіяся внутри неудовольствія“, наслѣдникъ персидскаго престола сталъ еще болѣе гордымъ и заносчивымъ въ своихъ сношеніяхъ съ кавказскимъ начальствомъ. Это не замедлило отразиться и на ходѣ переговоровъ.

Назначенные для рѣшенія пограничныхъ вопросовъ комиссары обѣихъ сторонъ съѣхались 23-го іюля 1823 года на р. Балыкъ-чай<sup>2)</sup>).

---

<sup>1)</sup> Тамъ же, №№ 407 и 410. Письмо Ермолова къ Вельяминову 1-му отъ 27-го января и отношеніе послѣдняго къ Мазаровичу 15-го февраля 1820 г.

<sup>2)</sup> Кавказскій Сборникъ, т. XXIV.

Съ нашей стороны назначены были: генераль - маіоръ Ермоловъ, д. с. с. Могилевскій и полковникъ Ага-бекъ-Садыковъ. Со стороны персіянъ явились: Мирза-Мамедъ-Али-Мустафа и самъ Гуссейнъ-ханъ эриванскій. Вопросъ заключался въ томъ, что по гулистанскому договору къ Россіи, вмѣстѣ съ Карабагскою областью, отошли части Чаундарскаго и Капанскаго магаловъ, расположенныя въ треугольникѣ, образуемомъ Араксомъ и его притоками Капанъ-чаемъ и Капанакъ-чаемъ. Это то пространство, оставаясь не размежеваннымъ, и служило постояннымъ предлогомъ къ дипломатическимъ пререканіямъ. Персіяне продолжали удерживать за собою весь этотъ треугольникъ, принадлежавшій Россіи по смыслу трактата, а русскіе взамѣнъ того занимали принадлежавшее Персіи сѣверо-западное побережье озера Гокчи, расположеннаго въ сѣверной части Эриванскаго ханства съ армянскимъ Севангскимъ монастыремъ—одною изъ тѣхъ древнихъ святынь, которыя такъ чтутся народомъ. Но едва только приступили къ разграниченію, какъ уже очевидно было, что никакія соглашенія невозможны. Персидскіе комиссары надменно противорѣчили русскимъ уполномоченнымъ на каждомъ шагу и предъявляли съ своей стороны такія требованія, которыя не только не согласовались съ силою гулистанскаго трактата, но даже были совершенно несообразны съ общими выгодами обоихъ государствъ <sup>1)</sup>. „Безпредѣльное самолюбіе Аббасъ-Мирзы и тѣсная предусмотрительность,—замѣчаетъ Ермоловъ,—закрывали отъ него даже собственную пользу“.

Видя, что дѣло не подвигается, онъ разрѣшилъ управлявшему тогда Карабагомъ, генераль-маіору князю Мадатову, имѣть свиданіе съ Аббасъ-Мирзою, охотившимся въ то время на правомъ берегу Аракса. Свиданіе это состоялось у Худоферинскаго моста. Окруженный блестящей и многочисленной конницей, состоявшей изъ первѣйшихъ фамилій трехъ мусульманскихъ ханствъ, Мадатовъ явился къ Худоферинскому мосту. Богатая одежда всадниковъ, дорогое оружіе, драгоценный уборъ статныхъ карабагскихъ коней, вмѣстѣ съ грозными рядами 42-го Егерскаго полка, стояв-

---

<sup>1)</sup> Арх. Окружн. Штаба. Дѣло 1818—1825 гг. Всеподданнѣйшее донесеніе Ермолова въ іюнь 1824 года.

шаго подъ ружьемъ съ распущенными знаменами,—представляли весьма внушительную картину.

Аббасъ-Мирза прибылъ также въ сопровожденіи своихъ сыновей и всего двора. Мадатовъ принялъ его съ подобающими почестями и употребилъ всѣ средства, чтобы придать этой встрѣчѣ наиболѣе наружнаго блеска, который такъ легко очаровываетъ умы персіянъ. Въ лагерь цѣлый день гремѣла музыка, устраивались маневры, скачки, разныя военныя игры и фейерверкъ. Наслѣдный принцъ и всѣ присутствующіе дѣйствительно были очарованы любовью князя и пышностью устроенныхъ имъ празднествъ, но дѣло отъ этого ничего не выиграло. Аббасъ-Мирза увѣрялъ Мадатова, что онъ употребитъ всѣ средства доказать, какъ велико его желаніе пріобрѣсти расположеніе императора и угодить главнокомандующему, но этими неопредѣленными обѣщаніями все и ограничилось. Скоро наступило холодное время, пограничныя съ Персіей горы покрылись снѣгами, и комиссары, ничего не рѣшивъ, разошлись. Острый вопросъ о границахъ остался открытымъ.

„Безпрерывныя затрудненія, дѣлаемые комиссарами вашего высочества, — писалъ Ермоловъ наслѣдному принцу, — умышленное уклоненіе ими отъ смысла трактата, продолжительное ожиданіе, или перемѣняющихся чиновниковъ, или разрѣшеній вашихъ, заставили, употребивъ много времени, ничего не сдѣлать окончательнаго. Ваше высочество, находясь лично на границѣ карабагской, не только не изволили ускорить ходъ переговоровъ, но еще старались выставить передъ всѣми, что часть ханства Талышинскаго несправедливо занимается русскими“.

Не довольствуясь этимъ, Ермоловъ призналъ нужнымъ довести до свѣдѣнія самого Фетхъ-Али-шаха какъ о поведеніи персидскихъ комиссаровъ, такъ и „драгоцѣннаго перла иранскаго престола“ наслѣднаго принца. Въ пространномъ письмѣ къ нему 1-го мая 1824 года Ермоловъ писалъ, что вопреки общихъ для всѣхъ государствъ правилъ, наблюдаемыхъ при опредѣленіи границъ, вопреки законовъ, самую природою представляемыхъ для прочной границы, наконецъ, вопреки „самого здраваго понятія о вещахъ“, персидскіе комиссары „не могли сблизить обѣ стороны къ взаим-

ному согласію и на сей разъ удалили успѣхи въ разграниченіи“. Главнокомандующій предупреждалъ шаха, что при дальнѣйшемъ подобномъ поведеніи „тавризскаго кабинета“ могутъ поколебаться добрыя расположенія между обѣими державами и впослѣдствіи довести до открытой непріязни.

„Тогда,—писаль Ермоловъ,—въ моей ли власти будетъ остановить гибельныя послѣдствія, какія взаимная непріязнь можетъ навлечь народамъ обѣихъ державъ? По крайней мѣрѣ, я съ своей стороны не скрываю предъ лицомъ вашего величества прямой истины и счастливымъ себя сочту, если сами тогда благоволите отдать мнѣ справедливость, признавъ меня не причастнымъ къ винѣ сего зла“ <sup>1)</sup>).

Рѣшительный тонъ этого письма, повидимому, произвелъ впечатлѣніе на тегеранскій дворъ, гдѣ рѣшено было, наконецъ, покончить спорный вопросъ о границахъ, и съ этою цѣлью въ мартѣ 1825 года въ Тифлисъ прибылъ Фетхъ-Али-ханъ, бегларбегъ (губернаторъ) тавризскій. Ермоловъ, находившійся въ то время въ Дагестанѣ, поручилъ вести всѣ сношенія съ нимъ генераль-лейтенанту И. А. Вельяминову 1-му. На этотъ разъ переговоры пошли довольно успѣшно и даже предварительный актъ былъ заключенъ и подписанъ 28-го марта 1825 года <sup>2)</sup>). Персія оставляла за собой часть Карабага и нѣкоторыя части Талышинскаго ханства, русскіе — гокчинскій берегъ. Оставалось только скрѣпить этотъ актъ подписью шаха, и Фетхъ-Али-ханъ, увѣренный, что направленіе границы, рѣшенное въ Тифлисъ, будетъ одобрено персидскимъ правительствомъ выражалъ удовольствіе, что миссія его увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Но едва онъ прибылъ въ Тавризъ, какъ всѣ его надежды и увѣренность рушились.

Въ это время умеръ воспитатель Аббасъ-Мирзы, старый каймакамъ Мирза-Бизюргъ. Съ кончиною его образовалось множество партій, боровшихся между собою изъ-за власти, и слабохарактерный наслѣдникъ персидскаго престола сдѣлался игрищемъ въ рукахъ сильнѣйшей изъ нихъ, во главѣ которой стоялъ ярый фа-

<sup>1)</sup> Акты Кавказской археографич. комиссіи, т. VI, ч. 2, №№ 526 и 531.

<sup>2)</sup> Кавказскій Сборникъ, т. XXIII. Матеріалы къ исторіи персидской войны 1826--1828 г.г. Документъ № 42. Актъ разграниченія 28-го марта 1825 года.

натикъ, тавризскій муштеидъ (первосвященникъ), Мирза - Мехти; онъ увѣрилъ Аббасъ-Мирзу, что малѣйшая уступчивость принца по поводу границъ уронитъ его въ глазахъ народа. Только однимъ оружіемъ,—говорилъ онъ,—можно смирить гордость Россіи, возвратитъ потерянные Персіею провинціи, не исключая самой Грузіи и изгнать русскихъ за Кавказскій хребетъ.

( Въ то же время бѣглый Сурхай-ханъ казикумухскій ручался головою, что, имѣя много приверженцевъ въ горахъ и сильныя связи, онъ легко подниметъ весь Дагестанъ и наводнитъ Грузію лезгинами. Наконецъ, прекращеніе несогласій и споровъ Россіи съ Персіею не были также въ интересахъ англійской дипломатіи, которая употребила все стараніе, чтобы отклонить Аббасъ-Мирзу отъ мирнаго разрѣшенія всѣхъ пограничныхъ вопросовъ. Все это имѣло рѣшающее значеніе на принца, и когда Фетхъ-Али-ханъ возвратился изъ Тифлиса, то въ Тавризѣ онъ принять уже былъ весьма неблагосклонно. Аббасъ-Мирза отказался утвердить актъ 28-го марта, и послѣ нѣсколькихъ совѣшаній въ Тавризѣ, на самомъ актѣ онъ сдѣлалъ цѣлый рядъ своихъ возраженій <sup>1)</sup>). Притязанія его были до того неумѣренны и излагались въ такихъ невозможныхъ формахъ, что Ермоловъ, выведенный, наконецъ, изъ терпѣнія, положилъ на одномъ изъ его писемъ слѣдующую собственноручную резолюцію:—„Хранить письмо сіе, какъ монументъ глупости наслѣдника, въ доказательство, что могутъ быть другіе изъ каджаровъ“. Дѣйствительно, наслѣдный принцъ не только желалъ оставить за Персіею озеро Гокчу и Гимринскій округъ, но и часть Талышинскаго ханства. Относительно послѣдняго претензіи его простирались такъ далеко, что онъ присвоивалъ всю восточную часть горъ, опредѣленныхъ самою природою служить естественной границей между Талышами и Персіею и кромѣ того употреблялъ всѣ усилія, чтобы завладѣть лугами, пастбищами и пахатными землями, принадлежавшими жителямъ этого ханства; словомъ, онъ отнималъ у преданнаго намъ хана талышинскаго четвертую часть его владѣній.

---

<sup>1)</sup> Кавказскій сборникъ, т. XXI. Матеріалы къ исторіи персидской войны. Документы №№ 4 и 6.



„Давно Аббасъ-Мирза, — замѣчаетъ Ермоловъ, — домогался присоеенія сего ханства съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы показать мусульманамъ, какъ мало покровительствуемъ мы единовѣрцамъ ихъ, прибѣгающимъ подъ Россійскую державу и служащихъ ей съ неизмѣнною вѣрностью.

„Прежде бессмысленно просилъ онъ, чтобы отдано ему ханство въ знакъ благоволенія къ нему императора. Прилично отвѣчалъ я на сіе смѣшное предложеніе, и Аббасъ-Мирза вторично обратился ко мнѣ съ новою не менѣе безразсудною мыслью, чтобы ханство уступлено было ему за деньги, что по условію будетъ уплачена цѣна втайнѣ, но чтобы государь императоръ, въ видѣ сдѣланной ему безусловной уступки, утвердилъ по публичнымъ актамъ.

„Словомъ, Аббасъ-Мирза ищетъ вовлечь насъ въ поступокъ такого рода, который бы совершенно уничтожилъ довѣренность къ намъ мусульманъ, чтобы посѣять развратъ между нашими подданными сего закона и тѣмъ утвердить собственныхъ въ большой зависимости“ <sup>1)</sup>.

Между тѣмъ, уступка Талышинскаго ханства была крайне необходима для наслѣдника персидскаго престола, какъ средство выставить между многочисленными своими братьями неопровержимое доказательство благоволенія къ нему могущественнаго русскаго императора. Настойчивость въ требованіяхъ основывалась также на внушеніи иностранныхъ друзей, успѣвшихъ убѣдить его, что императоръ Александръ I „учинилъ присягу быть въ дружбѣ и мирѣ со всѣми государствами“ <sup>2)</sup>, и, слѣдовательно, не нарушить мира съ Персіею. Въ этомъ случаѣ вліяніе Англіи было слишкомъ ясно и ни для кого не было тайною, что управляющій иностранными дѣлами Абуль-Гасанъ-ханъ, получавшій отъ англичанъ „жалованье въ три тысячи тумановъ, день и ночь работалъ въ ихъ пользу“ <sup>3)</sup>.

Съ другой стороны нерѣшительность въ дѣйствіяхъ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ и желаніе во что бы то ни стало поддерживать миръ, только ободряли персіянъ, и Аббасъ-Мирза

<sup>1)</sup> Тамъ же. Документы №№ 6, 7 и 8.

<sup>2)</sup> Актъ священнаго союза.

<sup>3)</sup> Акты Кавказской археографической комиссіи, т. VI, ч. 2, №№ 572 и 573.

сталъ исподволь собирать войска на нашей границѣ. Въ половинѣ іюня 1825 года Мадатовъ доносилъ Ермолову, что въ Карадахъ, Нахичевани и Ардебилѣ со всѣхъ мѣстъ собираются распущенные баталіоны сарбазовъ; укрѣпленіе Мигри усиливалось и занято небольшимъ гарнизономъ; выше сел. Охчи, на правомъ берегу р. Чугундура, расположено 300 сарбазовъ; вездѣ большія приготовления, и слухи о войнѣ съ нами сдѣлались уже общими. При этомъ Аббасъ-Мирза старался привлечь на свою сторону всѣхъ лицъ враждебныхъ Россіи и открыто объявлялъ, что война съ Россіей неизбѣжна, и что онъ, наслѣдникъ Персіи, въ скоромъ времени надѣется возстановить прежнее владычество персіянъ въ Ширвани и въ Карабагѣ. Съ этою цѣлью онъ отдалъ пограничную область Даралагезъ въ управленіе бывшему карабагскому владѣльцу Мехти-Кули-хану, вмѣсто царевича Александра <sup>1)</sup>).

Обстоятельства еще осложнялись тѣмъ, что и шахъ началъ уже склоняться на сторону воинствующихъ приверженцевъ Аббасъ-Мирзы. „Шахъ упоенъ своимъ могуществомъ, — писалъ Мазаровичъ Ермолову, — и поддается внушеніямъ наслѣднаго принца и его льстецамъ. Всемилостивѣйшій государь, — говорятъ они, — дайте намъ только денегъ и мы докажемъ всему міру, что на землѣ нѣтъ царя болѣе великаго и могущественнаго, какъ ваше величество. Устойте бросить взглядъ на ваши войска: были ли они когда-нибудь болѣе многочислены и лучше обучены, чѣмъ нынѣ. Они только ожидаютъ слова шахинъ-шаха и потрясуть землю“.

Въ виду такихъ тревожныхъ слуховъ, Ермоловъ предписалъ князю Мадатову „учредить бдительную по границѣ стражу изъ квартирующихъ въ Карабагѣ войскъ и самихъ жителей“ и строго наблюдать за сношеніями карабагскаго населенія съ персіянами; ему же приказано было принять всѣ мѣры, чтобы не подавать ни малѣйшаго повода къ неудовольствіямъ со стороны персіянъ; кроме того, наблюдать за Ширванской провинціей, гдѣ многіе изъ бековъ относились къ намъ весьма враждебно <sup>2)</sup>).

<sup>1)</sup> Акты, т. VI, ч. 2, №№ 574 и 576. Рапорты кн. Мадатова Ермолову 9-го и 17-го іюня 1825 года №№ 342 и 361.

<sup>2)</sup> Кавказскій Сборникъ, т. XXI. Матеріалы. Документъ № 10. Предписаніе Ермолова князю Мадатову 2-го іюня, 1825 г. № 9.

Не менѣе серьезная опасность угрожала также Талышинскому ханству, занятому всего лишь однимъ Каспійскимъ морскимъ баталіономъ, въ составѣ около 700 штыковъ, при которомъ состояло нѣсколько орудій гарнизонной артиллеріи и одна сотня донскихъ казаковъ. Командиръ этого баталіона и вмѣстѣ начальникъ войскъ въ Талышинскомъ ханствѣ, маіоръ Ильинскій, 17-го іюня доносилъ Ермолу, что слухи о готовящемся нападеніи персіянъ навели такой страхъ на жителей, что они собирались съ своимъ имуществомъ скрыться въ лѣса и только при содѣйствіи хана и почетныхъ лицъ удалось успокоить народъ и заставить его приняться за уборку хлѣба. Затѣмъ Ильинскій просилъ о присылкѣ двухъ ротъ изъ Ширванской провинціи для болѣе надежной обороны Талышинскаго ханства.

Ермолу сознавалъ опасное положеніе этой части Закавказскаго края, совершенно открытаго для вторженія персіянъ, но, до разъясненія дальнѣйшей обстановки и вслѣдствіе недостатка войскъ, онъ ограничился одной лишь инструкціей маіору Ильинскому: сосредоточить по возможности всѣ свои войска, избѣгать раздробленія ихъ малыми частями и соблюдать строжайшую осторожность, „ибо отъ неблагоразумія персіянъ всего ожидать было возможно“; менѣе важные посты замѣнить обывательскими караулами, возложить отвѣтственность за исправное содержаніе караульной службы на хана и въ то же время исправить ленкоранскія укрѣпленія, состоявшія изъ однихъ только земляныхъ валовъ <sup>1)</sup>).

Положеніе дѣлъ со стороны Эриванскаго ханства также причиняло Ермолу не мало заботъ. Въ этой части пограничной полосы, для наблюденія за границей и удержанія за собой наиболѣе важныхъ пунктовъ спорной территоріи, мы выставляли лѣтомъ пѣшіе и конные посты изъ мѣстныхъ жителей, которые обыкновенно располагались на уроч. Гиль, по р.р. Есл. Сатанагачъ и Балыкчай, на уроч. Эшакъ-Мейданъ и въ другихъ пунктахъ. Но дерзость сардаря эриванскаго доходила до того, что онъ, собравъ въ сентябрѣ 1825 года до 200 сарбазовъ и 400.человѣкъ карапахской

<sup>1)</sup> Кавказскій Сѣверникъ, т. XXI. Матеріалы. Документы №№ 14 и 15. Предписаніе Ермолова отъ 4-го іюня 1825 года, № 10 и рапортъ маіора Ильинскаго Ермолу 17-го іюня 1825 г. № 417.

конницы съ ихъ агаларами, прогналъ наши обывательскіе караулы и началъ устраивать поселенія и зимовники на сѣверо-западной сторонѣ озера Гокчи, между рр. Балыкъ-чаемъ и Сатанагачъ.

Генераль Вельяминовъ 1-й, сообщивъ Аббасъ-Мирзѣ о непріязненныхъ дѣйствіяхъ Гуссейнъ-Кули-хана, въ то же время именемъ главнокомандующаго предписалъ командиру Тифлисскаго пѣхотнаго полка, полковнику князю Севарсамидзе, учредить воинскій постъ на правомъ берегу р. Балыкъ-чая изъ одной роты въ 250 рядовыхъ при одномъ легкомъ орудіи. Главнымъ же приставамъ Шамшадильской и Казахской провинцій приказалъ занять сильными караулами изъ татаръ Делижанское ущелье и выставить такіе же посты вблизи мѣстъ, занятыхъ персіянами.

Между тѣмъ Аббасъ-Мирза въ отвѣтномъ письмѣ Вельяминову слагалъ всю вину на нашихъ пограничныхъ начальниковъ и требовалъ удаленія нашихъ постовъ съ занятыхъ ими пунктовъ, объявляя съ гордостью, что всѣ эти мѣста принадлежатъ высокой персидской державѣ.---„Стараясь до предѣловъ возможнаго избѣгать всякихъ непріязненныхъ дѣйствій, противныхъ дружбѣ державъ, --вновь писалъ ему И. А. Вельяминовъ,---я обязываюсь доложить вашему высочеству, что если бы сардаръ эриванскій или другіе начальники покусились тѣснить караулы наши или перейти черту, нами занимаемую, то по долгу вѣрноподданническому, я долженъ буду, охраняя принадлежность великаго моего государя, не допускать къ тому, какъ нарушителей дружескаго согласія“<sup>1)</sup>.

Но и это предостереженіе не измѣнило враждебную политику къ намъ Аббасъ-Мирзы, и только появленіе на р. Балыкъ-чаѣ 250 русскихъ штыковъ съ орудіемъ заставило Гуссейнъ-хана эриванскаго отозвать обратно сарбазовъ и карапахскую конницу, что вызвало крайнее раздраженіе у пылкаго наслѣдника персидскаго престола. Онъ приказалъ эриванскому сардару непремѣнно занять уроч. Гиль и Сатанагачъ, направивъ брата своего, Гасанъ-хана, съ сарбазами, орудіями и конницею, чтобы согнать нашу роту съ Балыкъ-чая; онъ обѣщалъ усилить его регулярными войсками и

<sup>1)</sup> Тамъ же. Документы №№ 38, 40 и 42. Переписка между генераль-лейтенантомъ Вельяминовымъ 1-мъ и Аббасъ-Мирзою.

даже лично прибыть въ Эривань, если бы въ этомъ встрѣтилась надобность. Карапапахскимъ же агаларамъ повелѣлъ объявить, что если они вновь не займутъ оставленные ими пункты, то онъ прикажетъ выколотъ имъ глаза.

Всѣ эти пограничныя событія заставили насъ принять мѣры предосторожности на случай вторженія персіянъ въ наши предѣлы и усилить войска со стороны Эриванскаго ханства. Съ этою цѣлью Вельяминовъ направилъ изъ рабочаго отряда въ Тифлисъ въ распоряженіе князя Севарсамидзе двѣ роты 7-го Карабинернаго полка въ сел. Амамлы, и одну роту Тифлискаго полка—въ м. Караклисъ. Между тѣмъ Гуссейнъ-ханъ, исполняя повелѣніе наслѣднаго принца, въ половинѣ октября стянулъ къ уроч. Дарчи-чагъ два баталіона сарбазовъ съ 4-мя орудіями и двинулъ ихъ для занятія сѣверной стороны озера Гокчи съ тѣмъ, чтобы болѣе уже не уступать эти земли русскимъ; слѣдомъ за нимъ шель Гасанъ-ханъ съ карапапахской конницей.

Узнавъ о движеніи персіянъ къ нашей границѣ, князь Севарсамидзе 20-го октября выступилъ изъ м. Караклисъ съ ротою Тифлискаго полка и двумя легкими орудіями и, быстро пройдя Делижанское ущелье, черезъ сутки уже находился на балыкчайскомъ посту; одновременно съ нимъ казахскій приставъ подполковникъ Сагиновъ съ двумястами конныхъ и четырьмястами пѣшихъ казахскихъ татаръ занялъ фланговую позицію при уроч. Чубухлы, лежащее близъ устья р. Балыкъ-чая. Эриванскій сардаръ не рѣшился атаковать наши войска и, простоявъ нѣкоторое время въ виду нашей позиціи, стошелъ назадъ и сталъ у Караванъ-сарая, въ 5—6 вер. отъ границы. Такимъ образомъ, дерзкая попытка персіянъ силою захватить спорныя земли окончилась неудачею, и князь Севарсамидзе, оставивъ на балыкчайскомъ посту роту въ 325 штыковъ съ двумя орудіями, съ остальными войсками возвратился въ Караклисъ. „Роту,—писалъ онъ Вельяминову,—я привелъ въ таксе сборонительное состояніе, что она не только одни сутки мжетъ удержаться, но и гораздо болѣе, имѣя мѣстоположеніе весьма выгодное, хотя бы прибылъ и самъ Аббасъ-Мирза, то и онъ ничего сдѣлать не можетъ полезнаго для себя, кромѣ

развѣ постыднаго, когда послушаетъ совѣта сардаря и Гасанъ-хана. Зная цѣль главнокомандующаго и вашу, я надѣюсь выполнить все въ точности и буду стараться всѣми мѣрами не допустить ихъ и себя до оружія“<sup>1)</sup>).

Ермоловъ хорошо понималъ, что всѣ пограничныя происшествія происходятъ не безъ вѣдома Аббасъ-Мирзы, который въ это время, подъ видомъ охоты, сопровождаемый отрядомъ конницы и регулярной пѣхоты, объѣзжалъ границы и даже былъ въ Эривани, не увѣдомивъ о томъ нашего главнокомандующаго, „что по обычаямъ персіянъ разумѣлось величайшею грубостью“. Ермоловъ, сообщая въ Петербургъ о положеніи дѣлъ на границѣ, писалъ государю, что Аббасъ-Мирза не остановится на дипломатическихъ переговорахъ и будетъ требованія свои поддерживать оружіемъ. Онъ указывалъ прямо на неминуемость скораго разрыва съ Персією и просилъ содержать Кавказскій корпусъ въ комплектъ и имѣть наготовѣ еще одну дивизію въ резервѣ. „Есть предѣлъ снисхожденія, — говорилъ онъ въ своемъ донесеніи, — далѣе котораго оно — порицательно и преступно. Могутъ оскорбленія возбудить въ непріятелѣ познаніе собственныхъ силъ, и кто обвинить меня въ чувствахъ, что я принадлежу государю великому, народу могущественному. Смотрятъ на поведеніе мое здѣшной страны покорствующіе намъ народы. Они легкомысленны, склонны къ безпокойствіямъ и еще не утвердились въ обязанностяхъ послушаніемъ“.

„Безбоязненно, — говоритъ онъ далѣе, — излагая мысли мои, не смѣю сомнѣваться, что ваше величество изволите простить мнѣ, если простодушно скажу, что, имѣя несчастье возбуждать зависть многихъ милостями, которыми ущедряетъ меня государь, мнѣ благодворящій, я опасаюсь порицанія, что я былъ виною прерванія мира, что война есть замыслы мои для удовлетворенія видовъ честолюбія. Всего легче замѣнить меня на случай войны другимъ начальникомъ“<sup>2)</sup>. Въ томъ же духѣ Ермоловъ писалъ и графу

<sup>1)</sup> Тамъ же. Документы №№ 65, 67, 70, 71 и 80. Рапорты кн. Севарсамидзе Вельяминову 1-му, 19-го, 21-го, 24-го октября и 4-го ноября и рапортъ подполковника Сагинова 22-го октября 1825 года.

<sup>2)</sup> Приложение къ „Запискамъ Ермолова“, ч. II. Всеподданнѣйшее донесеніе Ермолова 12-го іюля 1825 года.

Нессельроде, дабы разубѣдить его въ предвзятости взглядовъ на миролюбіе Персіи <sup>1)</sup>).

Но въ Петербургѣ упорно не вѣрили въ возможность разрыва и главнокомандующему поручено было употребить всѣ усилія къ сохраненію мира. „Отдавая полную справедливость усердію вашему къ пользамъ отечества и уважая мнѣніе ваше о дѣлахъ службы, — писалъ императоръ Александръ I Ермолову, — я не могу, однако же, раздѣлить опасеній вашихъ насчетъ военныхъ замысловъ персіянъ. Быть можетъ встрѣтится еще много затрудненій въ переговорахъ, но изъ сего трудно заключить, чтобы они рѣшительно готовились къ нападенію и хотѣли силою овладѣть уступленными и присоединенными къ Грузіи областями. По симъ причинамъ я не могу предполагать въ шахъ намѣреній дѣйствовать наступательно противъ Россіи и ожидаю отъ Персіи, если не искренней дружбы, то по крайней мѣрѣ соблюденія мира“ <sup>2)</sup>).

Послѣ такого категорическаго изложенія воли императора Александра I, — справедливо говоритъ Дубровинъ, — главнокомандующій принужденъ былъ предоставить теченіе внѣшнихъ дѣлъ произволу персіянъ, а самому оставаться почти празднымъ зрителемъ совершающихся событій. Желая, однако, сдѣлать все, что отъ него зависѣло, Ермоловъ еще въ концѣ іюля мѣсяца отправилъ повѣреннаго въ дѣлахъ Мазаровича въ Султанію для личныхъ переговоровъ съ шахомъ; но и эта мѣра не привела ни къ какимъ результатамъ. Шахъ уклонился отъ рѣшенія споровъ, а Мазаровичъ писалъ Ермолову, что духовенство дѣлаетъ Гокчу религіознымъ вопросомъ для Фетхъ-Али-шаха, разглашая всюду, что его величество первый царь Персіи, который дѣлаетъ невѣрнымъ территоріальныя уступки“. — „Въ трехъ или четырехстахъ шагахъ за палатками нашей миссіи, — иронически замѣчаетъ Мазаровичъ, — собирается безсмертные полки новаго Дарія, который въ самомъ дѣлѣ мечтаетъ противопоставить ихъ фалангамъ Александра“ <sup>3)</sup>).

<sup>1)</sup> Акты Кавказской археографической комиссіи, т. VI, ч. 2, № 580. Высочайшее повелѣніе Ермолову 31-го августа 1825 года.

<sup>2)</sup> Тамъ же. Письмо Ермолова къ графу Нессельроде 12-го іюля 1825 года, лит. Г.

<sup>3)</sup> Тамъ же, № 579. Донесеніе Мазаровича Ермолову 29-го іюля 1825 г., изъ Султаніи.

Ермоловъ просилъ графа Нессельроде довести объ этомъ до свѣдѣнія государя, прибавляя, что шахъ не обратилъ вниманія на дѣла о границахъ и во всемъ положился на Аббасъ-Мирзу, „а сей, расточая передъ нимъ лесть, умѣлъ наклонить его ко мнѣнію, что война можетъ прославить его и доставить всѣ желаемыя выгоды“. Аббасъ-Мирза дѣйствительно простеръ свою дерзость уже до того, что требовалъ и Гокчу, и часть Карабага и все Талышинское ханство. „Съ предложеніемъ симъ, — писалъ Ермоловъ, — будетъ посланъ чиновникъ въ С.-Петербургъ, и Аббасъ-Мирза, какъ мнѣ извѣстно, надѣется успѣть во всемъ, представляя требованія мои прихотливыми и самопроизвольными. Можетъ жалобы Аббасъ-Мирзы подвергнуть сомнѣнію правильность моихъ дѣйствій, то я прошу поручить обзоръ границъ довѣренной особѣ независимо отъ меня. Сей способъ можетъ по крайней мѣрѣ отдалить войну, если не сообщитъ Аббасъ-Мирзѣ точнѣйшихъ о границъ понятій и о томъ, что значительны пожертвованія наши для сохраненія дружбы и добраго согласія.“ Я не останавливаюсь предложить то, что уменьшить уваженіе ко мнѣ въ здѣшнихъ умахъ, но изыскиваю всѣ средства къ продолженію мирнаго состоянія, для устройства здѣшней страны столь необходимаго. Не поручусь, однако же, что прежде нежели что-либо рѣшено будетъ по предмету границъ и даже тогда какъ чиновникъ персидскій будетъ находиться въ Петербургѣ, не произошло непріязненныхъ дѣйствій“ <sup>1)</sup>). Сановникомъ, назначеннымъ въ посольство къ русскому императору, явился высокопоставленный и высокопочтенный блистательной персидской державы ближайшій чиновникъ, исторіографъ и даруга канцеляріи его шахскаго величества, Мирза-Мамедъ-Садугъ, каджаръ мервинскій, долженствовавшій, однако, войти предварительно въ сношенія съ главнокомандующимъ Грузіею. Но едва 24-го ноября 1825 года онъ прибылъ въ Тифлисъ въ сопровожденіи Назаръ-Али-хана и приступилъ къ переговорамъ, „обнаруживъ, — по выраженію Ермолова, — довольно глупую надменность“, какъ получилось извѣстіе о кончинѣ императора Александра I. Ермоловъ, находившійся въ то

---

<sup>1)</sup> Приложение къ „Запискамъ Ермолова“, ч. II, стр. 188. Письмо Ермолова къ графу Нессельроде 29-го августа, лит. Н.



время на Кавказской линіи, приказаль задержать его въ Тифли-сѣ до особаго повелѣнія, а переговоры съ нимъ вести генералу И. А. Вельяминову. Но и дипломатическая миссія Мирзы-Садуга окончилась такою же неудачей, какъ и всѣ предшествовавшія. Въ такомъ положеніи находились дѣла наши съ Персією, когда наступило новое царствованіе.

По вступленіи своемъ на престолъ, императоръ Николай I, обозрѣвая сношенія Россіи съ иностранными державами, обратилъ особое вниманіе на персидскія дѣла. 11-го января 1826 года государь писалъ Ермолову <sup>1)</sup>:

„Вникая въ подлежащія обстоятельства, я не могъ не признать необходимости удерживать заключенный съ Персією миръ, на основаніи гюлистанскаго договора, доколѣ сія держава сама не нарушитъ онаго. Вѣрность данному слову и существенныя выгоды Россіи того отъ меня требуютъ. Нынѣ, когда почти всѣ горскіе народы въ явномъ противъ насъ возмущеніи, когда дѣла въ Европѣ, а особливо дѣла съ Турцією по важности своей заслуживаютъ внимательнѣйшее наблюденіе,—неблагоразумно было бы помышлять о разрывѣ съ персіянами или умножать взаимныя неудовольствія. Напротивъ, мы должны всемѣрно стараться прекратить дружелюбно возникшія распри и увѣрить ихъ въ искренности желанія нашего утвердить мирныя съ ними связи. Таковое порученіе дано и генераль-маіору князю Меншикову, отправляемому къ шаху и къ Аббасъ-Мирзѣ съ извѣщеніемъ о вступленіи моемъ на престолъ всероссійскій. Отъ вашей прозорливости и усердія къ пользамъ отечества ожидаю ревностнаго содѣйствія для достиженія желаемой цѣли“.

Отправляя князя Меншикова, императоръ Николай I повелѣлъ ему употребить всѣ старанія, чтобы склонить тегеранскій дворъ къ окончанію дѣла о разграниченіи. Основаніемъ для переговоровъ долженъ былъ служить актъ 28-го марта 1825 года, но если бы персидское правительство отвергло этотъ договорный проектъ, то государь соглашался, ради сохраненія мира, даже на уступку южной части Талышинскаго ханства.

---

<sup>1)</sup> Приложение къ „Запискамъ Ермолова“, ч. II, стр. 21. Высочайшій рескриптъ Ермолову 11-го января 1826 года.

Въ этомъ рѣшеніи Ермоловъ увидѣлъ, что онъ становится въ прямое противорѣчіе съ намѣреніями и взглядами новаго правительства, и положеніе его становилось тѣмъ болѣе тягостнымъ, что онъ не пользовался довѣріемъ, которымъ отличалъ его покойный императоръ Александръ I. Мы уже видѣли тѣ нареканія, которыя возникли на него въ первые же дни новаго царствованія относительно даже его политической неблагонадежности,—нареканія, на которыя онъ отвѣчалъ съ такою горечью и такимъ рѣдкимъ достоинствомъ <sup>1)</sup>. Самое назначеніе князя Меншикова чрезвычайнымъ посломъ въ Тегеранъ и порученіе, данное ему государемъ войти въ личные переговоры съ шахомъ о разграниченіи, почти совсѣмъ отстраняли Ермолова отъ фактической роли въ дѣлахъ и вопросахъ о Персіи.

Въ секретной же инструкціи, данной государемъ Меншикову, сказано было прямо, что надлежитъ обратить особенное вниманіе не встрѣчается ли со стороны Ермолова преднамѣренныхъ препятствій или ложныхъ взглядовъ на дѣло, которыя могли происходить или отъ желанія войны по личному стремленію къ славѣ, или отъ ненависти, которую онъ, кажется, питаетъ къ Аббасъ-Мирзѣ, или, наконецъ, отъ оскорбленнаго самолюбія, вслѣдствіе посылки особаго лица для переговоровъ по дѣлу, имъ начатому“ <sup>2)</sup>.

Въ то же время графъ Нессельроде, извѣщая перваго министра шаха, Мирза-Абуль-Гасанъ-хана, о посольствѣ князя Меншикова, писалъ ему, что если дѣло о границахъ до сихъ поръ не получило желаемаго окончанія, то вѣроятно, „по какимъ-либо недоразумѣніямъ“ <sup>3)</sup>. Ермоловъ хорошо понималъ, что намекъ этотъ направленъ былъ противъ него, но сомнѣвался, чтобы и князь Меншиковъ, при всѣхъ своихъ полномочіяхъ, могъ устранить тѣ недоразумѣнія, которыя возникли по винѣ персіянъ. И Ермоловъ не ошибался. Для насъ не столько важна была уступка Талышинскаго ханства, сколько тѣ тайныя причины, которыя заставляли Аббасъ-Мирзу такъ настойчиво добиваться этого пріобрѣтенія. По мнѣнію

<sup>1)</sup> См. томъ III, ч. 1, глава XIV настоящаго труда.

<sup>2)</sup> Соч. Дубровина, т. VI, стр. 594.

<sup>3)</sup> Акты Кавказской археографической комиссіи, т. VI, ч. 2, № 605. Письмо гр. Нессельроде къ Мирзѣ-Абуль-Гасанъ-хану 3-го февраля 1826 года.

Ермолова, одна уступка требованій персіянъ повлекла бы за собою безконечныя притязанія съ ихъ стороны, уронила бы престижъ Россіи въ мусульманскихъ провинціяхъ, а Аббасъ-Мирзѣ дала бы поводъ кичиться успѣхами своей политики. Зная характеръ большинства лицъ, стоявшихъ во главѣ управленія и окружавшихъ шаха и его наслѣдника, Ермоловъ при личномъ свиданіи съ княземъ Меншиковымъ въ станицѣ Червленной совѣтовалъ ему, не дѣлая почина, стараться вызвать персіянъ на первое предложеніе о переговорахъ. По поводу этого свиданія Ермоловъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ: „легко замѣтить я могъ, что успѣли сдѣлать внушеніе, что не сговорчивость со стороны моей виною всѣхъ неудовольствій, и что Аббасъ-Мирзѣ гораздо пріятнѣе имѣть дѣло со всякимъ другимъ; словомъ, я началъ видѣть недостатокъ ко мнѣ довѣренности“ ).

Изъ Червленной князь Меншиковъ направился въ Тифлисъ, гдѣ пробылъ довольно долго, ожидая увѣдомленія тегеранскаго двора о готовности его принять русскаго посла. Получивъ, наконецъ, это разрѣшеніе, 9-го мая онъ отправился въ Тавризъ черезъ Карабагъ и на рѣкѣ Араксѣ, у Худоферинскаго моста, былъ встрѣченъ адъютантомъ наслѣднаго принца Мирза-Джафаромъ, нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ Амбургеромъ <sup>2)</sup> и полковникомъ Бартоломеемъ, который ѣздилъ къ Аббасъ-Мирзѣ съ письмами отъ нашего посла. Но пока Меншиковъ совершалъ свое путешествіе въ Тавризъ, персидскія войска со всѣхъ сторонъ направлялись уже къ русскимъ границамъ. До какой степени въ Петербургѣ мало обращали вниманія на донесеніе Ермолова и не вѣрили въ возможность разрыва съ Персіей, видно изъ того, что Меншиковъ имѣлъ порученіе предложить Аббасъ-Мирзѣ отъ лица государя на выборъ—что онъ желаетъ получить въ подарокъ: карабины ли,

---

<sup>1)</sup> Записки А. П. Ермолова, ч. II, стр. 181.

<sup>2)</sup> Къ этому времени составъ нашей миссіи измѣнился: въ 1822 году А. С. Грибоѣдовъ оставилъ Персію и былъ назначенъ состоять въ распоряженіи главнокомандующаго Кавказской арміи, а мѣсто секретаря миссіи занялъ Амбургеръ; наконецъ, въ 1825 г. оставилъ свой постъ и Мазаровичъ и повѣреннымъ въ дѣлахъ былъ назначенъ Амбургеръ, какъ человекъ вполне опытный и за долгое свое пребываніе въ Тегеранѣ и Тавризѣ изучившій политику персидскаго правительства.

оставшіеся послѣ перевооруженія черноморскаго войска, тысячу ли ружей, или, наконецъ, шесть легкихъ полевыхъ орудій съ зарядными ящиками и со всѣми къ нимъ принадлежностями. Уже одни эти подарки, прямо направленные къ усиленію боевыхъ средствъ нашихъ противниковъ, свидѣлствуютъ о томъ ослѣпленіи, въ которомъ находилось наше министерство иностранныхъ дѣлъ, вводившее своими докладами въ полное заблужденіе самого государя. Это подтверждается тѣмъ, что графъ Нессельроде просилъ Ермолова подтвердить секретно всѣмъ нашимъ пограничнымъ начальникамъ—уклоняться всемѣрно отъ малѣйшаго повода, могущаго подать персіянамъ основательную причину къ неудовольствію.—„Его величество увѣренъ, что при точномъ исполненіи таковыхъ распоряженій вашихъ,—писалъ онъ 1-го апрѣля,—шахъ персидскій никогда не рѣшится дать свое согласіе Аббасъ-Мирзѣ начать противъ насъ военныя дѣйствія, имѣя при томъ въ свѣжей памяти опыты прошедшей войны,—не выгоды, но важные потери имъ причинившей“ <sup>1)</sup>. Но въ то время, какъ у насъ мечтали различными уступками купить сомнительную дружбу тегеранскаго двора, эриванскій сардаръ выдвинулъ значительныя силы къ самому озеру Гокчи и даже угрожалъ занять уроч. Миракъ въ верховьяхъ рѣки Абарани, въ предѣлахъ спорной территоріи.

Надо замѣтить, что удержаніе за нами всего участка пограничной линіи, между верховьями рѣки Абарани и устьемъ рѣки Балыкъ-чая, на протяженіи 60—70 верстъ, было весьма важно въ стратегическомъ отношеніи. Здѣсь проходили важнѣйшія сообщенія, связывавшія Эриванское ханство съ нашимъ Закавказьемъ. Такъ, уроч. Миракъ, лежавшее на сѣверныхъ предгорьяхъ горы Алагеза, вблизи соединенія границъ Шурагельской и Памбакской провинцій съ Эриванскимъ ханствомъ, составляло узелъ путей, ведущихъ: въ Гумри (Александрополь), въ Эривань— по долинѣ рѣки Абаранъ и въ Тифлисъ черезъ Амамлы, Большой Караклисъ и Джелалъ-оглы. Съ другой стороны рѣка Балыкъ-чай прикрывала единственную вычную дорогу, ведущую изъ нашихъ татарскихъ дис-

<sup>1)</sup> Кавказскій Сборникъ, т. XXII. Матеріалы по персидской войнѣ. Документъ № 47. Письмо графа Нессельроде къ Ермолову 1-го апрѣля 1826 г., № 363.

танцій, Казаха и Шамшадила, по делижанскому ущелью вдоль рѣки Акстафы и далѣе по рѣкѣ Зангѣ въ персидскихъ предѣлахъ къ Эривани. Наконецъ, черезъ Балыкъ-чай проходила вѣчная дорога изъ селенія Большой Караклисъ черезъ уроч. Гамзачеманъ, соединяя, такимъ образомъ, оба названные пути и главные пункты квартирнаго расположенія нашихъ войскъ въ пограничной полосѣ.

Вызывающія дѣйствія сардаря эриванскаго заставили г.-л. Вельяминова 1-го принять мѣры предосторожности для прикрытія Памбака и Шурагеля на тотъ случай, „если бы персіане пустились на какое-либо предпріятіе“. По этому онъ приказалъ полковнику князю Севарсамидзе занять войсками уроч. Миракъ и возвести на немъ укрѣпленіе. Севарсамидзе прибылъ сюда въ половинѣ мая 1826 года съ двумя ротами Тифлискаго полка при одномъ легкомъ орудіи и, собравъ до двухсотъ рабочихъ татаръ, приступилъ къ постройкѣ укрѣпленія <sup>1)</sup>. И вотъ дотолѣ пустынная мѣстность вдругъ оживилась. Съ нашей стороны, на берегу ручья Миракъ, противъ высокаго и бѣлоснѣжнаго Алагеза виднѣлся бивакъ русскихъ войскъ, а далѣе въ пяти верстахъ, за развалинами Караванъ-сарая у сел. Башъ-Абарана бѣлѣлъ лагерь персіанъ. Все приняло воинственный видъ.

Извѣстіе о постройкѣ нами укрѣпленія произвело при дворѣ наслѣдника большое смущеніе. Абасъ-Мирза съ гнѣвомъ объявилъ, что если, приступая къ мирнымъ переговорамъ, русскіе начинаютъ строить на границѣ „крѣпость“, то онъ не позволитъ пріѣхать нашему посольству. Адъютантъ его Мирза-Джафаръ, встрѣтивъ Меншикова на Худоферинскомъ мосту, вручилъ письмо наслѣднаго принца, заявлявшаго ему претензію, „что наши войска произвольно, и не имѣя на то права, заняли разрушенное селеніе Миракъ“. Такимъ образомъ, едва вступивъ на персидскую территорію, нашъ посолъ началъ испытывать затрудненія, которыя ясно указывали, что персидское правительство будетъ придирается къ каждому случаю, чтобы выставить притязательные виды нашего правительства.

<sup>1)</sup> Тамъ же. Документы №№ 83, 84 и 89. Предписаніе Вельяминова князю Севарсамидзе 5-го мая 1826 г. и рапорты послѣдняго г.-л. Вельяминову 14-го и 21-го мая 1826 г. №№ 222 и 223.

Опасаясь, чтобы столь ничтожный фактъ, какъ занятіе Мирака, не имѣлъ вліянія на дальнѣйшіе переговоры и даже на прекращеніе ихъ, князь Меншиковъ отправилъ въ Тифлисъ полковника Бартоломея просить И. А. Вельяминова: прекратить вовсе постройку укрѣпленія, понудить войска обѣихъ сторонъ къ отступленію и признать мѣста эти нейтральными на все время переговоровъ. Постройка Миракского укрѣпленія, на половину уже оконченнаго, была приостановлена, и Вельминовъ приказалъ князю Севарсамидзе вывести войска изъ Мирака, но только въ томъ случаѣ, если сардаръ отступитъ отъ нашихъ границъ. Послѣдняго, однако не случилось, и отрядъ Севарсамидзе, усиленный еще одною ротою 7-го Карабинернаго полка и однимъ легкимъ орудіемъ, остался на миракской позиціи <sup>1)</sup>.

Въ половинѣ іюня посольство наше прибыло въ Тавризъ, а 21-го, получивъ разрѣшеніе шаха представиться ему въ лѣтней резиденціи Султаніэ, двинулось дальше. Но на первомъ же ночлегѣ, у загороднаго замка Уджанъ, его обогналъ Абасъ-Мирза, который собрался съ такою поспѣшностью, что не взялъ даже палатки и при отъѣздѣ разослалъ приказаніе войскамъ быть готовымъ къ походу. Аббасъ-Мирза спѣшилъ въ Султанію для общаго совѣщанія съ шахомъ и главою персидскаго духовенства Сейдъ-Магомедомъ по поводу объявленія войны Россіи. Слѣдуя на Міане и Зенганъ, по слѣдамъ наслѣднаго принца, князь Меншиковъ былъ изумленъ военными приготовленіями персіянъ и понялъ, что никакіе переговоры не могутъ уже отклонить надвигавшуюся бурю <sup>2)</sup>. Повсюду на пути онъ слышалъ воззваніе духовныхъ лицъ къ поголовному вооруженію, видѣлъ двигающіяся войска и не могъ предупредить Ермолова, такъ какъ всѣ курьеры перехватывались и задерживались персидскими властями. Одному армянину удалось, однако, пробраться въ Тифлисъ съ шифрованной эстафетою, въ которой князь Меншиковъ увѣдомлялъ главнокомандующаго, что Аббасъ-Мирза отправилъ одного человѣка, который за пять тысячъ

---

<sup>1)</sup> Тамъ же. Документъ № 104. Предписаніе г.-л. Вельяминова князю Севарсамидзе 26-го мая 1826 г., лит. Е.

<sup>2)</sup> Акты кавказ. археогр. ком., т. VI, ч. 2, № 628. Письмо кн. Меншикова къ Вельяминову 23-го іюня 1826 г.

тумановъ (20 тыс. руб.) взялся убить Ермолова. „Я удивленъ былъ симъ, — говоритъ Алексѣй Петровичъ въ своихъ запискахъ, — но не впалъ въ отчаяніе, что не нравлюсь такому человѣку, какъ Аббасъ-Мирза <sup>1)</sup>“.

28-го іюня наше посольство торжественно вступило въ султанійскій лагерь, а на другой день, при болѣе пышной обстановкѣ, совершился въѣздъ въ Султанію муштеида кербалайскаго Сейдъ-Магомеда при дикихъ и радостныхъ кликахъ войска и народа, сопровождавшихъ его до самаго дворца повелителя Персіи. Присутствіе въ Султаніи Аббасъ-Мирзы и Сейдъ-Магомеда имѣло рѣшающее вліяніе на шаха и на публичной аудіенціи 1-го іюля, несмотря на утвержденный церемоніаль, нашему послу съ умысломъ не были оказаны даже тѣ почести, которыми пользовались повѣренные въ дѣлахъ при тегеранскомъ дворѣ. Такъ, по церемоніалу шахъ долженъ былъ принять изъ рукъ князя Меншикова письмо императора. Но во время самой аудіенціи, когда посолъ нашъ послѣ привѣтственной рѣчи подалъ письмо государя шаху, то послѣдній не принялъ его. Князь Меншиковъ, видя это, протянулъ руку съ письмомъ и, коснувшись почти шахской бороды, собирався положить на его колѣни, какъ одинъ изъ министровъ выхватилъ его почти изъ рукъ посла. На лицѣ князя Меншикова отразилось крайнее негодованіе, такъ какъ ему хорошо извѣстно было, что поступокъ этотъ, по обычаямъ страны, означалъ неуваженіе къ особѣ императора. Послѣ нѣкотораго молчанія шахъ началъ спрашивать посла о государѣ, о нравѣ его и сходенъ ли онъ съ покойнымъ императоромъ. Князь Меншиковъ воспользовался этимъ случаемъ и сказалъ шаху, что государь хотя похожъ на покойнаго своего брата, также умѣетъ цѣнить и сохранять дружбу, но что онъ нрава болѣе гордаго и не позволить никому забывать того уваженія, которое имѣетъ право требовать, какъ повелитель могущественнѣйшей державы въ мірѣ. Этотъ намекъ былъ понятъ и не совсѣмъ понравился шаху <sup>2)</sup>.

---

<sup>1)</sup> Записки А. П. Ермолова, ч. II, стр. 191.

<sup>2)</sup> Русская Старина 1904 года, май. Посольство князя Меншикова въ Персію въ 1826 г., стр. 301—303.

Вообще, съ первыхъ же дней своего пребыванія въ лѣтней резиденціи шаха, князь Меншиковъ еще разъ убѣдился, что общее настроеніе умовъ въ Персіи было въ пользу войны. Одинъ только шахъ боялся, повидимому, столкновенія съ Россіей, но не былъ уже въ силахъ бороться противъ общаго теченія. Главную надежду въ Персіи возлагали въ предстоящей борьбѣ на поголовное возмущеніе кавказскихъ мусульманскихъ провинцій, откуда получались многочисленныя ложныя жалобы на угнетеніе религіи со стороны русскаго правительства и просьбы, призывавшія персіянъ на помощь. Изъ Дербента, Шемахи, Карабага, Талышей присылались предложенія уничтожить русскіе отряды и удержать Шушу въ случаѣ поддержки со стороны персидскихъ войскъ. Поэтому всѣмъ бѣжавшимъ отъ насъ ханамъ были поручены болѣе или менѣе значительныя отряды для вторженія въ разные пункты нашей границы, съ цѣлью поднять противъ насъ подвластные намъ мусульманскіе народы. Для этого же былъ вызванъ изъ Тавриза бѣглый царевичъ Александръ, а бѣжавшій имеретинскій царевичъ Вахтангъ, находившійся въ перепискѣ со своимъ родичемъ Александромъ, общалъ ему, что при первомъ объявленіи войны онъ явится изъ Трапезонда и подниметъ все имеретинское населеніе, чтобы уничтожить владычество русскихъ въ Закавказьѣ. Все складывалось, повидимому, въ пользу успѣшной борьбы персидскаго оружія и положеніе нашего посла, съ которымъ прекратили даже вѣжливое обращеніе и, окруживъ его палатку карауломъ, препятствовали всякимъ сношеніямъ съ посторонними, было крайне затруднительно и непріятно. Переговоры хотя и начались, но ихъ старались затянуть съ цѣлью выиграть время для окончательнаго сосредоточенія войскъ на нашей границѣ <sup>1)</sup>).

Между тѣмъ въ султанійскомъ лагерѣ царило необычайное оживленіе: всюду виднѣлись народныя толпы, среди которыхъ духовенство, возбуждая религіозный фанатизмъ черни, проповѣдывало войну за вѣру, и въ половинѣ іюня отрядъ изъ 12-ти баталіоновъ пѣхоты и 15-ти тыс. иррегулярной конницы при 12-ти орудіяхъ вы-

---

<sup>1)</sup> Акты, т. VI, ч. 2, № 633. Донесеніе князя Меншикова Вельяминову 1-му 2-го іюля 1826 года.



ступилъ изъ резиденціи шаха въ походъ, направляясь на Міане и Агаръ; самъ Аббасъ-Мирза, въ качествѣ главнокомандующаго персидской арміи, уѣхалъ въ городъ Агаръ, Карадахской провинціи, чтобы руководить военными дѣйствіями. Вслѣдъ за нимъ и шахъ, наконецъ, выѣхалъ изъ Султаніе въ Ардебиль, чтобы находиться ближе къ театру войны. Соблюдая еще нѣкоторыя приличія, за три дня до своего отъѣзда, онъ прислалъ всѣмъ членамъ русской миссіи подарки, состоявшіе изъ шалей, а князю Меншикову сверхъ того—саблю и сѣдло, украшенное драгоценными камнями. При послѣднемъ свиданіи онъ объявилъ послу, что миръ между Персіей и Россіей нисколько не нарушается, а что если военныя дѣйствія и откроются, то это лишь ссора между Аббасъ-Мирзою и Ермоловымъ, въ которую ни нашему государю, ни ему, Фетхъ-Али-шаху, вмѣшиваться неприлично. Переговоры этимъ окончились: князь Меншиковъ отправился черезъ Тавризъ и Эривань въ русскіе предѣлы <sup>1)</sup>.

Въ Эривани для пребыванія посольства назначенъ былъ ханскій загородный дворецъ, раскинутый на правомъ берегу р. Занги, но здѣсь и начались тѣ испытанія, про которыя князь Меншиковъ впослѣдствіи писалъ графу Нессельроде, что можно было бы составить цѣлую книгу, „если бы я хотѣлъ исчислить всѣ притѣсненія, коимъ мнѣ надлежало противиться и коимъ изобрѣтательный умъ моихъ тюремщиковъ давалъ ежедневно новый видъ, съ постоянною цѣлью вынудить у меня выдачу денегъ или вещей“.

Около трехъ недѣль продолжалось тягостное положеніе нашей миссіи, при чемъ всѣ лица посольской свиты въ это время переболѣли. „Кажется персіяне насъ обрекли смерти,—пишетъ Бартоломей,— и для этого задерживаютъ здѣсь въ надеждѣ, что мы подвергнемся дѣйствію климата и имъ легко будетъ овладѣть тогда драгоценными вещами и подарками, которыя находятся при миссіи. Около лагеря нашего поставлена цѣпь часовыхъ и хотя намъ не говорятъ, что мы въ плѣну, но мы сами о томъ догадываемся“ <sup>2)</sup>.

---

<sup>1)</sup> Русская Старина 1904 года, май, стр. 303 и 304.

<sup>2)</sup> Тамъ же, стр. 311.

Между тѣмъ, князь Меншиковъ выразилъ энергическій протестъ противъ столь явнаго нарушенія международного права и требовалъ немедленнаго распоряженія о свободномъ пропускѣ посольства <sup>1)</sup>. Разрѣшеніе это дано было только 26-го августа, при чемъ наслѣдный принцъ старался оправдать передъ Меншиковымъ начавшуюся кампанію непріязненными поступками русскихъ начальниковъ. „Аллаху извѣстно, — писалъ онъ, что мы никогда на сію войну и разрывъ не были согласны. Да не будетъ и онъ (Аллахъ) доволенъ російскими пограничными начальниками, и да содѣлаетъ лица ихъ черными за то, что по единому желанію раздора нарушили тѣснѣйшія дружественныя связи, согласіе двухъ великихъ державъ перемѣнили на вражду, и всѣ труды и старанія наши касательно сохраненія дружбы содѣлали тщетными“ <sup>2)</sup>.

27-го августа посольство выѣхало изъ Эривани, но сардаръ подъ тѣмъ предлогомъ, что не можетъ дозволить ему проѣхать мимо персидскихъ войскъ, направилъ его на Делижанское ущелье, а между тѣмъ выслалъ туда же часть своей конницы, которая должна была напасть на посольство и истребить его. Вину легко было сложить на курдовъ, — народъ кочевой и дикій, который унять персидское правительство было не въ силахъ. Къ счастью, армяне успѣли предупредить посольство о замыслахъ сардаря, и Меншиковъ, свернувъ изъ Эчмиадзина, пустился ближайшимъ путемъ на Амамлы и Безобдальскій переваль, за которымъ стоялъ русскій отрядъ князя Севарсамидзе. Персіане, сторожившіе его въ Делижанскомъ ущельѣ, поздно узнали объ этомъ; однако, конница ихъ понеслась въ погоню и уже настигала Меншикова, когда подоспѣла русская рота, высланная къ нему навстрѣчу княземъ Севарсамидзе.

Война была уже въ полномъ разгарѣ.

---

<sup>1)</sup> Акты Кавказской археографической комиссіи, т. VI, ч. 2, №№ 656 и 657. Письма кн. Меншикова отъ 9-го августа къ Аббасъ-Мирзѣ и Аллаяръ-хану.

<sup>2)</sup> Тамъ же, № 663. Письмо Аббасъ-Мирзы, полученное княземъ Меншиковымъ 22-го августа 1826 года.

## Глава III.

Краткій обзоръ театра военныхъ дѣйствій. — Боевыя силы противниковъ. — Раздѣленіе пограничнаго района на три части: правый флангъ, центръ и лѣвый флангъ. — Положеніе дѣлъ на правомъ флангѣ передъ войною. — Внезапное вторженіе эриванскаго сардаря. — Миракскій бой. — Опустошеніе Памбакской и Шурагельской провинцій персіянами. — Сосредоточеніе войскъ въ Большомъ Караклисъ. — Отступленіе за Безобдалъ. — Дѣйствія на Лорійской степи.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію военныхъ дѣйствій, нужно сказать, что главная трудность предстоявшей намъ борьбы заключалась въ неблагопріятномъ стратегическомъ положеніи театра военныхъ дѣйствій въ Закавказскомъ краѣ. Соприкасаясь своею внѣшней пограничною чертой болѣе чѣмъ на тысячу верстъ съ мусульманскими государствами, Персіей и Турціей, Закавказскій край въ то же время разобщался отъ всего Сѣвернаго Кавказа, а слѣдовательно и отъ Россіи — источника всѣхъ жизненныхъ и боевыхъ снабженій войскъ, широкою двухсотверстною полосою горъ, населенныхъ воинственнымъ и непріязненнымъ намъ населеніемъ. Единственно надежными коммуникаціонными линіями, связывавшими Закавказье съ Кавказскою линіею, были: Военно-Грузинская дорога въ самомъ центрѣ горъ, и затѣмъ весьма отдаленный отъ нея приморскій путь отъ Баку на Дербентъ и Тарки. Эта изолированность Закавказскаго края имѣла въ военномъ отношеніи важную невыгоду, заставляя насъ при всѣхъ войнахъ съ Персіей и Турціей постоянно раздѣлять наши войска на нѣсколько отдѣльныхъ отрядовъ, ослабляя тѣмъ главныя дѣйствующія силы. А силы эти были весьма малочисленны.

Къ половинѣ іюля 1826 года, когда начались военныя дѣйствія, боевыя средства Кавказскаго корпуса состояли всего изъ двухъ пѣхотныхъ дивизій и Кавказской гренадерской бригады съ

ихъ артиллеріей,—всего 45-ть баталіоновъ при 126-ти полевыхъ орудіяхъ <sup>1)</sup>).

Эти войска распредѣлены были слѣдующимъ образомъ:

На Сѣверномъ Кавказѣ стояло 12-ть баталіоновъ, т. е. четы-ре полка 21-й дивизіи, изъ которыхъ Тенгинскій и Навагинскій были разбросаны по всей Кавказской губерніи и по Кубани; Кабардинскій полкъ занималъ самый центръ Кавказской линіи—Кабарду, а 43-й егерскій расположенъ былъ по Тереку, Сунжѣ и на Кумыкской плоскости. Остальные два полка 21-й дивизіи, Мингрельскій пѣхотный и 44-й егерскій, находились въ Закавказьѣ.

Въ Закавказскомъ краѣ вмѣстѣ съ бригадой 21-й дивизіи, о которой мы сказали, расположены были 22-я пѣхотная дивизія и Кавказская гренадерская бригада—всего 33 баталіона <sup>2)</sup>). Но изъ числа ихъ шесть баталіоновъ <sup>3)</sup> находились на Кавказской линіи, куда отправлены были еще въ началѣ 1825 года по случаю возстанія, охватившаго тогда всю Чечню, Кабарду и народы праваго фланга. Изъ оставшихся же 27 баталіоновъ — шесть <sup>4)</sup> занимали Гурію, Мингрелію, Имеретію и Абхазію, гдѣ также слышались еще отголоски кроваваго бунта, и откуда нельзя было взять ни одного солдата; пять баталіоновъ <sup>5)</sup> охраняли Дагестанъ и прилегавшія

<sup>1)</sup> Артиллерію Кавказскаго корпуса составляли: Кавказская гренадерская, 21-я и 22-я артиллерійскія бригады, каждая въ составѣ трехъ ротъ: 1-й батареейной, 2-й и 3-й легкихъ—всѣ 12-ти орудійнаго состава. Кромѣ того, въ Закавказьѣ находилась еще резервная батарея № 5 рота въ составѣ 18-ти орудій, и при корпусѣ состояло 15-ть гарнизонныхъ артиллерійскихъ ротъ. Кавалерію составляли: Нижегородскій драгунскій полкъ (шесть дѣйствующихъ и 7-й запасный эскадроны), два поселенныя казачьи войска, Кавказское и Черноморское, и 17 донскихъ казачьихъ полковъ, изъ которыхъ 9-ть расположены были въ Закавказьѣ, и 8 — на Кавказской линіи. Кромѣ того, въ составъ корпуса входили: 8-й пѣхотный баталіонъ въ двухъ-ротномъ составѣ и 10-ть гарнизонныхъ баталіоновъ, изъ которыхъ три прикованы были къ Владикавказу, два—къ крѣпости Фанагоріи на Таманскомъ полуостровѣ, и по одному—въ Ставрополь, Моздокъ, Кизляръ, Дербентъ и Баку. Особый Каспійскій морской баталіонъ составлялъ гарнизонъ Ленкорани. (Матеріалы для Персидской войны. Кавказскій Сборникъ, томъ XXII. Записки Кошебу—оберъ-квартирмейстера Кавказскаго корпуса).

<sup>2)</sup> 22-я дивизія: полки— Апшеронскій, Куринскій, Тифлискій и Ширванскій пѣхотные и 41 и 42 егерскіе. Кавказской гренадерской бригады—7-й карабинерный, Грузинскій и Херсонскій гренадерскіе.

<sup>3)</sup> Это были: два баталіона Ширванскаго полка, баталіонъ апшеронцевъ, баталіонъ 41-го егерскаго полка, баталіонъ херсонскихъ гренадеръ (трехъ-ротный) и сводный: изъ двухъ ротъ Грузинскаго гренадерскаго полка и одной роты Тифлисскаго пѣхотнаго.

<sup>4)</sup> Полки 21-й дивизіи: Мингрельскій и 44-й егерскій.

<sup>5)</sup> Три баталіона Куринскаго и два баталіона Апшеронскаго полковъ.

къ нему южныя татарскія провинціи, и три баталіона <sup>1)</sup> стояли въ Кахетіи, представлявшей собою также отдѣльный и совершенно самостоятельный театр военныхъ дѣйствій.

Затѣмъ оставалось 13-ть баталіоновъ, изъ которыхъ шесть съ половиной группировались уже въ самой Карталини, занимавшей центральное положеніе по отношенію къ прочимъ частямъ Закавказскаго края. Здѣсь находилась наша главная база; здѣсь же, въ самомъ центрѣ страны, стоялъ и Тифлисъ, куда сходились всѣ магистральныя линіи сообщеній, связывавшія его съ Сѣвернымъ Кавказомъ и важнѣйшими стратегическими пунктами края: на западъ—съ Кутаисомъ, Редутъ-кале и Сухумомъ, на востокъ — съ Елисаветполемъ, Шушою, Баку и Ленкоранью; на югъ и юго-западъ—съ Памбакской и Шурагельской провинціями, куда пролегли два главные пути: одинъ черезъ Башкичетъ и Джелаль-Оглы къ Большому Караклису, другой—черезъ Манглисъ, Бѣлый-Ключъ и Цалку--къ Гумрамъ.

Изъ числа этихъ войскъ, расположенныхъ въ Карталини, четыре баталіона стояли въ Тифлисъ <sup>2)</sup>, гдѣ занимали караулы и составляли вмѣстѣ съ тѣмъ главный и общій резервъ для цѣлаго края; остальные 2½ баталіона были размѣщены въ Гори, Сурамъ, Манглисъ, Бѣломъ-Ключъ и Цалкъ <sup>3)</sup>, составлявшихъ одну боевую линію, обращенную фронтомъ къ Ахалциху. Ихъ снять было нельзя потому, что опасность со стороны Турціи, съ которою бывший на сценѣ греческій вопросъ необычайно обострилъ русскія отношенія, была еще серьезнѣе, чѣмъ опасность со стороны персіянъ, и Ахалцихъ по первому знаку могъ бросить въ наши предѣлы до 10-ти тысячъ конныхъ разбойниковъ, стоявшихъ уже наготовѣ. Спустя короткое время оттуда и вышелъ молніеносный ударъ, испепелившій на Лорійской степи Екатеринфельдскую колонію.

Такимъ образомъ, изъ 33-хъ баталіоновъ, считавшихся въ За-

---

<sup>1)</sup> Два баталіона Грузинскаго полка и баталіонъ Ширванскаго (трехъ-ротный).

<sup>2)</sup> Въ Тифлисъ находились: 7 ротъ карабинернаго полка, 4 роты Херсонскаго, двѣ роты Грузинскаго и три—41-го егерскаго; всего 16 ротъ или четыре баталіона.

<sup>3)</sup> Въ Гори стояли 4 роты Херсонскаго полка, въ Сурамъ—одна рота того же полка, въ Манглисъ—двѣ роты карабинеръ, въ Цалкъ—одна рота, и въ Бѣломъ Ключѣ—двѣ роты 41-го егерскаго полка; всего 10 ротъ.

кавказѣ, свободными оставались только 6½, которые и занимали персидскую границу: три баталіона стояли противъ Эривани—въ Памбакской и Шурагельской провинціяхъ <sup>1)</sup>, два баталіона—въ Карабагѣ <sup>2)</sup>, и шесть ротъ—въ Елисаветполѣ, Нухѣ и Ширвани <sup>3)</sup>. Вотъ эти то шесть баталіоновъ и составляли нашу главную боевую силу, которую мы могли противопоставить персидской арміи. Ермоловъ давно предвидѣлъ возможность такого критическаго момента, и потому, еще въ началѣ года, настойчиво просилъ о присылкѣ къ нему хотя одной пѣхотной дивизіи. Это было ему обѣщано, но дѣло такъ и кончилось тогда одною перепиской.

Слабою стороною Кавказскихъ войскъ, помимо вѣчнаго некомплекта въ полкахъ, достигавшаго до 20—30%, всегда была хозяйственная часть, въ смыслѣ обмундированія, снаряженія, устройства санитарной части и даже денежнаго довольствія. Жалованье и аммуничныя деньги получались не всегда своевременно, а о годовыхъ вещахъ нечего и говорить. Солдаты носили мундиры и шинели, покрытые заплатами, пантолоны шили изъ разныхъ матерій на собственныя средства, а знаменитые ширванцы, истрепавшіе сапоги въ горахъ, сдѣлали свой баснословный маршъ, о которомъ упоминаетъ Ермоловъ <sup>4)</sup>, въ самодѣльныхъ лаптяхъ и опоркахъ. Все это зависѣло не отъ тѣхъ, кто командовалъ войсками на Кавказѣ, а отъ комиссаріатскаго департамента военнаго министерства, на который всѣ жалобы и протесты оставались безрезультатными.

Десятилѣтнее командованіе Ермолова значительно улучшило матеріальное состояніе войскъ, но многое и при немъ оставалось еще не законченнымъ. Были недочеты и въ провіантской и въ комиссаріатской частяхъ и даже въ самомъ вооруженіи <sup>1)</sup>, но съ этими недочетами Ермоловъ боролся безсильно; они существовали до него еще въ большихъ размѣрахъ, и не были искоренены и послѣ Ермолова. Несмотря на все это, кавказскія войска обладали высо-

1) Противъ Эривани стояли 9-ть ротъ Тифлискаго полка и двѣ 7-го карабинернаго полка.

2) Въ Карабагѣ—десять ротъ 42-го егерскаго полка.

3) Въ Елисаветполѣ—двѣ роты 41-го егерскаго полка; въ Нухѣ—рота ширванцевъ и рота 42-го егерскаго полка; въ Ширвани—двѣ роты того же полка.

4) Такъ напримѣръ, ружьями новаго 7-ми линейнаго калибра вооружены были лишь немногіе баталіоны, а остальные имѣли ружья трехъ разнокалиберныхъ системъ.

кими боевыми качествами. Они, правда, не знали строевого устава 1811--12 годовъ, на который самъ Ермоловъ смотрѣлъ, какъ на отжившія уже положенія линейной тактики, мало обучались линейному ученію, такъ какъ полки и даже баталіоны, по условіямъ дислокаціи, почти никогда не были въ сборѣ; они не подвергались муштровкѣ по прусскому образцу, но за то у нихъ боевой духъ господствовалъ надъ формой, и они знали такіе способы и сноровки, не предусмотрѣнные въ уставѣ, съ которыми всегда побѣждали врага, не справляясь съ его числительностью. Молодые рекруты, попадая въ ряды кавказскихъ войскъ, быстро проникались ихъ славными традиціями и перенимали все отъ старыхъ служакъ временъ Карягина и Котляревскаго.

Что касается персидской арміи, то она находилась въ гораздо лучшемъ положеніи, чѣмъ въ минувшую войну 1805—12 годовъ. Аббасъ-Мирза успѣлъ создать за это время регулярную армію по образцу англичанъ и усилить оборону страны новыми крѣпостями въ Сардаръ-Абадѣ, Аббасъ-Абадѣ и Хоѣ. Его регулярныя войска, обученныя англійскими инструкторами, состояли изъ пѣхоты и полевой артиллеріи. Пѣхоты было: 25 баталіоновъ сарбазовъ и 10 баталіоновъ джамбазовъ (шахская гвардія), въ каждомъ баталіонѣ по 1100 штыковъ; т. е. всего до 38½ тысячъ. Полевую артиллерію составляли 42 орудія, сведенныя въ 7 батарей, по 6-ти орудій въ каждой, и, кромѣ того, при войскахъ всегда находилось множество излюбленныхъ персіянами фальконетовъ (зембураковъ), возимыхъ на верблюдахъ и приспособленныхъ къ стрѣльбѣ со спины животных <sup>1)</sup>. Регулярной кавалеріи, кромѣ нѣсколькихъ эскадроновъ, составлявшихъ личный конвой валіата, не было, но за то *нерегулярной* конницы, набираемой преимущественно изъ воинственныхъ кочевыхъ племенъ, являлось свыше 15 тысячъ, да сверхъ того, при правителяхъ Азербейджана содержалась шеститысячная постоянная конная милиція.

Благодаря стараніямъ англійскихъ инструкторовъ, новая регулярная армія Аббасъ-Мирзы умѣла маневрировать на полѣ сра-

<sup>1)</sup> Фальконеты бросали на 600 шаговъ полуфунтовые пули, а артиллерію составляли 6-ти и 4-хъ фунтовыя пушки и горные единороги.

женія, умѣла пользоваться мѣстностью, хотя попрежнему и сохраняла тотъ же боевой порядокъ, который примѣнялся ею и въ предыдущую войну и съ которымъ персіяне свыклись до такой степени, что его не въ силахъ были измѣнить и англійскіе инструкторы; попрежнему центръ боевого порядка составляла пѣхота, съ артиллеріей впереди, строившаяся вся въ одну сильно вогнутую линію изъ развернутыхъ баталіоновъ,—точно она съ мѣста старалась охватить фланги противника; за линіей пѣхоты располагались фальконеты, а на обоихъ флангахъ—конница; за центромъ боевого порядка находился общій резервъ, на который возлагалась и охрана полководца, руководившаго боемъ. Отрицательнымъ качествомъ персидскихъ войскъ являлась все та же чрезмѣрная ихъ впечатлительность: легко одушевляясь при малѣйшемъ успѣхѣ, они преисполнялись высокоуміемъ и презрѣніемъ къ противнику; но достаточно было одной неудачи и это воодушевленіе смѣнялось полной неувѣренностью въ собственныхъ силахъ и даже паникой. Не въ пользу персидской арміи служила и привычка ея въ мирное время жить грабежами мѣстнаго населенія,—привычка вызванная, правда, необходимостью, такъ какъ денегъ на содержаніе войскъ отпускалось мало.

Въ такомъ положеніи находились силы противниковъ, когда началась война.

Обширность персидской границы, простиравшейся отъ Арпачая до береговъ Каспійскаго моря болѣе чѣмъ на 600 верстъ и разомъ охваченной войною, не позволяетъ обнять въ совокупности весь театръ военныхъ операцій и вынуждаетъ для большей ясности описанія раздѣлить всю пограничную черту на три главные района: правый флангъ, центръ и лѣвый флангъ.

Правый флангъ пограничной черты, обращенный къ сторонѣ Эриванскаго ханства, образуютъ Памбакская и Шурагельская провинціи, съ лежащею за ними Борчалинскою дистанціею. Центръ составляетъ Карабагъ съ сопредѣльнымъ съ нимъ Елисаветпольскимъ округомъ и татарскими дистанціями, Казахской и Шамшадильской. Лѣвый флангъ включаетъ Шекинскую, Ширванскую и Кубинскую провинціи съ Бакинскимъ округомъ и Талышинскимъ ханствомъ. Начнемъ съ праваго фланга.



Русская граница со стороны Эриванскаго ханства передъ войною проходила всего въ полутораста верстахъ отъ Тифлиса. Отъ сѣверной оконечности озера Гокчи она тянулась на западъ ломанною линіею по Памбакскому горному хребту и потомъ, отклонившись отъ него къ югу черезъ гору Алагезъ, упиралась подъ прямымъ угломъ въ турецкую границу, шедшую по рѣкѣ Арпа-чау на сѣверъ, къ горамъ Триолетскимъ.

На этомъ пространствѣ, на протяженіи восьмидесяти верстъ въ длину и углубляясь внутрь страны къ Тифлису верстъ на пятьдесятъ, лежали двѣ пограничныя русскія провинціи: Шурагель и Памбакъ. За ними, отдѣленная заоблачнымъ хребтомъ Безобдала, разстилалась Лорійская степь, въ свою очередь окаймленная вдали мрачными и голыми Акзабіюкскими горами. За тѣми горами лежала уже Иверія. Подчиняясь въ административномъ отношеніи Памбакской провинціи, Лорійская степь составляла уже часть древней Грузіи, и на ней была расположена одна изъ татарскихъ дистанцій—Борчалинская.

Ко времени открытія военныхъ дѣйствій, всѣ эти пограничныя съ Персіей области охранялись девятью ротами Тифлисскаго полка и двумя ротами карабинеръ, временно передвинутыми изъ Манглиса—всего около трехъ тысячъ пѣхоты и конницы, при 12-ти орудіяхъ легкой № 3 роты Кавказской гренадерской артиллерійской бригады.

Донскіе казаки Андреева разбросаны были мелкими постами по всему Памбаку и Шурагелю, такъ что при штабѣ полка въ наличности находилось не болѣе сорока человѣкъ. Пѣхота была расположена слѣдующимъ образомъ: на самую границу выдвинуты были два передовые отряда: въ Миракъ, лежавшій на сѣверо-восточныхъ склонахъ Алагеза, двѣ роты тифлисцевъ и рота карабинеръ съ двумя орудіями; въ Балыкъ-чай, прикрывавшій единственную дорогу изъ Эривани, по Делижанскому ущелью, вдоль рѣчки Акстафы, въ наши татарскія дистанціи, Шамшадильскую и Казахскую,—рота тифлисцевъ же, силою въ триста штыковъ и также при двухъ орудіяхъ.

И Миракъ и Балыкъ-чай занимались русскими войсками толь-

ко лѣтомъ, чтобы не допускать персидскихъ кочевій въ русскіе предѣлы и задерживать въ повиновеніи кочевавшихъ вблизи татаръ. Въ позднюю осень, когда татары и персіяне возвращались съ кочевокъ, посты снимались, такъ какъ зимою, по причинѣ глубокихъ снѣговъ, пути становились непроходимыми.

Затѣмъ, въ Гумрахъ, главномъ селеніи Шурагеля, стояли двѣ роты Тифлискаго полка при двухъ орудіяхъ, да рота карабинеръ, посылавшая отъ себя посты въ Бекантъ и Амамлы, гдѣ также стояло по одному орудію; въ Большомъ Караклисѣ, важнѣйшемъ пунктѣ Памбакской провинціи, расположены были двѣ роты Тифлискаго же полка при трехъ орудіяхъ. Отсюда два сильные поста выдвигались: одинъ на Безобдальскій перевалъ, другой — на рѣчку Гамзачеванку, гдѣ были покосы и посѣвы Тифлискаго полка. Наконецъ, остальные двѣ роты стояли на Лорійской степи: одна — въ Гергерахъ, а другая — въ Джелаль-Оглы, прикрывая переправу черезъ рѣчку Каменную. Вотъ и все, чѣмъ мы могли располагать на Эриванской границѣ <sup>1)</sup>.

Начальникомъ всей этой пограничной линіи былъ командиръ Тифлискаго полка полковникъ князь Севарсамидзе. Это былъ одинъ изъ послѣднихъ представителей старой циціановской школы, человѣкъ съ несомнѣнно выдающимися боевыми способностями. Уроженецъ Моздока, сынъ бѣдныхъ родителей, онъ началъ службу въ Тифлискомъ полку рядовымъ, и черезъ 20 лѣтъ, безъ связей и покровительства, дошелъ до званія полкового командира. Онъ имѣлъ пять ранъ и былъ извѣстенъ своею храбростью еще со временъ Эриванскаго штурма Гудовича, когда его баталіонъ, одинъ изъ цѣлаго корпуса, вошелъ на крѣпостныя стѣны. Изъ всего баталіона осталось тогда не больше 70-ти человѣкъ, но въ томъ числѣ былъ и самъ Севарсамидзе, жестоко, впрочемъ, израненный. Какъ начальникъ пограничныхъ областей, онъ непосредственно сносился и съ карсскимъ пашею и съ эриванскимъ сардаремъ, а знаніе мѣстныхъ языковъ и обычаевъ, при его личномъ характерѣ, помогло ему пріобрѣсти такое вліяніе на мѣстное населеніе, что та-

---

<sup>1)</sup> Записки Коцебу. Кавказскій Сборникъ, т. XXII. Матеріалы къ исторіи персидской войны.

тары и армяне сами приходили къ нему для рѣшенія своихъ домашнихъ ссоръ и споровъ.

Н. Н. Муравьевъ, хорошо знавшій Севарсамидзе, характеризуетъ его такъ: „Удивительно, какъ съ малыми средствами достойный офицеръ этотъ, проведеншій всю свою жизнь на границѣ, умѣлъ просвѣтить себя: онъ судить о мѣстности и военныхъ дѣйствіяхъ, какъ самый ученый полководецъ“. Но въ то же время, изъ разговоровъ съ полковыми командирами въ Тифлисъ, Муравьевъ вынесъ убѣжденіе, что Севарсамидзе не любятъ. „Мнѣ кажется, — говоритъ онъ, — что тому есть много причинъ: князь имѣетъ отличный полкъ, управляетъ пограничной областью и обласканъ Ермоловымъ; этого довольно, чтобы возродить зависть въ другихъ господахъ. Но съ другой стороны надобно признаться, что князь не скромнень, самонадѣянъ и возвышаетъ самъ себя до небесъ“ <sup>1)</sup>.

Въ то время, когда между Россіей и Персіей шли переговоры о границахъ, персіяне хитростью и силой пытались утвердиться на принадлежавшихъ намъ берегахъ Гокчинскаго озера. Послѣднее обстоятельство заставило насъ зорко слѣдить за дѣйствіями эриванскаго сардаря, особенно послѣ того, какъ онъ въ минувшемъ 1825 году, подъ предлогомъ перемѣны кочевій, началъ стягивать къ русскимъ границамъ свои войска, а между тѣмъ жители Эриванскаго ханства захватили все пространство отъ рѣки Арпа-чая до Башъ-Абарани, лежавшее уже въ нашихъ предѣлахъ, и распахали поля, очевидно съ тѣмъ, чтобы основать здѣсь свои поселенія. Князь Севарсамидзе отлично понималъ намѣреніе сардаря — закрѣпить за собою эти, доселѣ спорныя мѣста, а потому потребовалъ немедленнаго удаленія жителей. Съ своей стороны сардаръ объявилъ, что эти мѣста издавна принадлежали Персіи и что, напротивъ, если русскія войска не будутъ выведены изъ Балыкъ-чая и Мирака, то онъ имѣетъ повелѣніе согнать ихъ оружіемъ <sup>2)</sup>. Такимъ образомъ, съ конца 1825 года, сношенія съ сардаремъ обострились настолько, что ежеминутно можно было ожидать вооруженнаго столкновенія.

<sup>1)</sup> Записки Н. Н. Муравьева. Рус. Архивъ 1889 г., кн. I.

<sup>2)</sup> Матеріалы къ исторіи персидской войны. Кавказскій Сборникъ, т. XXI, № 46.

Такъ наступила весна 1826 года, и эриванскіе жители снова явились со своими плугами распахать и засѣвать поля лежащія по берегамъ Гокчи; но на этотъ разъ для прикрытія ихъ въ Эривани были сосредоточены уже два баталіона сарбазовъ съ шестью орудіями и трехтысячная конница. Далѣе, за Балыкъ-чайскимъ постомъ наблюдала тысячная армія конныхъ карапаховъ. Близъ озера Гокчи стояла такая же тысячная шайка курдовъ, а еще далѣе, въ Адіаманѣ, на западныхъ склонахъ Алагеза, гдѣ проходитъ дорога въ Гумры, раскинулся обширный кавалерійскій станъ, въ которомъ насчитывалось до пяти тысячъ всадниковъ подъ начальствомъ брата эриванскаго сардаря, извѣстнаго въ Азіи наѣздника, Гасанъ - хана. Все мѣстное населеніе, татары и армяне, имѣвшіе непрерывныя сношенія съ Эриванью, давно уже знали о враждебныхъ намѣреніяхъ сардаря и тайнѣ принимали мѣры, чтобы не быть застигнутыми врасплохъ. Татары, составлявшіе хотя меньшую, но зато болѣе воинственную часть населенія Памбака и Шурагеля, втихомолку запасались оружіемъ для борьбы съ Россіей, а относительно армянъ стали держать себя вызывающимъ образомъ. Армяне, боявшіеся разгрома своихъ селеній, волновались также и настоятельно просили у русскаго начальства ружей и пороху.

Въ воздухѣ чувствовалась гроза; но никто не предвидѣлъ до какой степени она разразится. Самъ Севарсамидзе, привыкшій презирать персіанъ со временъ еще Циціанова и графа Гудовича, былъ убѣжденъ, что они не осмѣлятся сдѣлать серьезное вторженіе въ наши предѣлы, а противъ разбойничьихъ шаекъ, направляемыхъ къ намъ эриванскимъ сардаремъ, считалъ себя достаточно сильнымъ. Въ этомъ смыслѣ онъ писалъ и къ Ермолову, но Ермоловъ не вполне довѣрялъ затишью и приказалъ укрѣпить границу, поставивъ два сильныя полевые укрѣпленія: одно въ Миракѣ, другое на Балыкъ-чаѣ<sup>1)</sup>. Къ работамъ приступили въ то время, когда чрезвычайный русскій посоль князь Меншиковъ приближался уже къ Тавризу, и князь Севарсамидзе торопился ихъ окончаніемъ. „Для скорѣйшихъ работъ,—доносилъ онъ Вельяминову<sup>2)</sup>,—назна-

<sup>1)</sup> Тамъ же. Кавказскій сборникъ, т. XXII. Документъ № 79. Предписаніе Вельяминова 1-го 3-го мая 1826 года. Лит. Д.

<sup>2)</sup> Тамъ же. Документъ № 96. Рапортъ Севарсамидзе 25-го мая № 250.

чилъ я жителей всей Шурагельской провинціи, а Памбакской приказалъ доставлять потребный лѣсъ и другіе матеріалы, на что они согласились охотно; для поселяющихся же при нашихъ укрѣпленіяхъ жителей земля будетъ вспахана обществомъ, по согласію обѣихъ дистанцій“. Что же касается до вспаханныхъ и засѣянныхъ полей по приказанію сардаря, то Севарсамидзе полагалъ, что они должны поступить въ пользу нашихъ переселенцевъ. „Впрочемъ,—прибавлялъ онъ,—зная хорошо низость безчестныхъ персіянъ, и что они, безъ сомнѣнія, обратятся къ вамъ со своими жалобами, я назначилъ почетныхъ жителей изъ Шурагеля и Памбака, дабы описать засѣянный персіянами участокъ: какое число десятинъ пахалось и сколько высѣяно ими пшеницы; на случай снисхожденія вашего превосходительства возвратить имъ сѣмена, и сія милость будетъ для нихъ весьма велика, чего сардаръ и особенно невѣжда брать его, Гасанъ - ханъ, не заслуживаютъ“ <sup>1)</sup>.

Но докончить постройку укрѣпленій, о которыхъ такъ хлопоталъ Севарсамидзе, намъ было не суждено. Едва приступили къ работамъ, какъ сардаръ потребовалъ объясненія, по какому праву Севарсамидзе пришелъ съ войсками и строить крѣпости на персидской землѣ? Севарсамидзе отвѣтилъ, что сардаръ можетъ требовать на оное отвѣта отъ командующаго войсками въ Грузіи, „а моя обязанность,—писалъ онъ,—выполнить свято его волю и по сему сардарю не слѣдовало запрашивать меня, ибо отвѣта удовлетворительнаго онъ ожидать не можетъ“ <sup>2)</sup>. Сардаръ немедленно отправилъ гонца въ Тавризмъ съ требованіемъ выслать къ нему еще тысячу человѣкъ сарбазовъ и восемьсотъ человѣкъ конницы. Князь Севарсамидзе съ своей стороны просилъ Вельяминова прислать къ нему хотя бы триста человѣкъ конныхъ татаръ изъ Казахской или Шамшадильской дистанціи. Но исполнить послѣднее было уже не во власти Вельяминова.

Гонецъ, посланный сардаремъ эриванскимъ въ Тавризмъ, распространилъ тревогу по всему Азербейджану, и князь Меншиковъ, опасаясь невыгоднаго вліянія этого случая на переговоры, счелъ

---

<sup>1)</sup> Тамъ же.

<sup>2)</sup> Тамъ же.

нужнымъ настоятельно просить Вельяминова не только немедленно приостановить работы укрѣпленій, но и отодвинуть наши войска отъ границы. Правда, такое же приказаніе—вернуться въ Эривань, послано было и къ эриванскому сардарю, но это являлось уже пустою формальностью. „Я удивляюсь,—сказалъ по этому поводу сардарь одному изъ членовъ русской миссіи, бывшему тогда въ Эривани,—что русскій посланникъ ѣдетъ просить о признаніи Николая Павловича императоромъ и везетъ съ собою много подарковъ, а русскіе, между тѣмъ, занимаютъ наши владѣнія. Что происходитъ у васъ—намъ все извѣстно изъ писемъ вашихъ же подданныхъ татаръ: ваши государи, два брата, воюютъ между собою; Константинъ Павловичъ проситъ помощи у французовъ и нѣмцевъ, а Николай Павловичъ—у насъ. Войска въ Грузіи находятся у генерала Ермолова, который не знаетъ самъ какого государя слушать повелѣнія. Я буду дѣйствовать вопреки приказаніямъ Шахъ-Заде, и если русскія войска не будутъ сняты, то изъ числа вотъ этихъ моихъ прислужниковъ—онъ указалъ рукою на раболѣпно стоявшихъ передъ нимъ ханскихъ нукеровъ—одного сдѣлаю въ Тифлисѣ губернаторомъ, другого комендантомъ, а третьяго полицеймейстеромъ“<sup>1)</sup>. И приказаніе объ отводѣ персидскихъ войскъ отъ Гокчи осталось неисполненнымъ.

Требованія Меншикова выражены были такъ настоятельно и такъ категорически, что Вельяминовъ вынужденъ былъ предписать князю Севарсамидзе прекратить работы, но войскъ не выводить пока сардарь не отзоветъ свои въ предѣлы Эриванскаго ханства<sup>2)</sup>. Въ то же время онъ донесъ обо всемъ Ермолову.

Алексѣй Петровичъ, находившійся въ то время въ Чечнѣ, одобрилъ всѣ распоряженія Вельяминова. „Противъ своевольныхъ поступковъ сардаря,—писалъ онъ къ нему<sup>3)</sup>,—надлежитъ, однако, взять мѣры, начиная съ того, что Балыкъ-чай отнюдь не оставлять безъ войскъ, а, напротивъ, буде нужно, еще усилить ихъ. Совсѣмъ не такой важности постъ при Миракѣ, въ землѣ пустой и

---

1) Тамъ же, № 135. Показаніе Ефима Ковалева.

2) Тамъ же, № 104. Предписаніе Вельяминова князю Севарсамидзе 20-го мая.

3) Тамъ же, № 114. Предписаніе Ермолова Вельяминову 14-го іюня.

незаселенной. Не въ состояніи будетъ Севарсамидзе противиться, если сардаръ станетъ въ Шарѣхбанѣ и даже вышлетъ войска свои въ тылъ самого Мирака. Не допустить къ сему можно только одною силою, на что рѣшиться я не осмѣливаюсь. Впрочемъ,—добавлялъ онъ,—если вы найдете нужнымъ не выводить войска изъ Мирака, то оставьте ихъ тамъ, обращая только вниманіе, чтобы они не подверглись опасности, если силы будутъ несоразмѣрны\*. И войска остались въ Миракѣ.

Въ этомъ предписаніи, въ этихъ словахъ: „на что я рѣшиться не осмѣлюсь“, Ермоловъ впервые является намъ уже не тѣмъ энергичнымъ, самостоятельнымъ вождемъ, какимъ онъ былъ въ Смоленскѣ, въ Бородинѣ, въ Парижѣ и на Кавказѣ. Недовѣріе, выказанное ему новымъ императоромъ, интриги, во главѣ которыхъ стоялъ графъ Нессельроде, старавшійся выставить передъ государемъ, что причиной всѣхъ несогласій съ Персіей—честолюбіе Ермолова, наконецъ посылка Меншикова, связавшаго ему руки своими переговорами, — вотъ тѣ причины, въ которыхъ надо искать объясненія той непривычной ему нерѣшительности, послѣдствіемъ которой явился цѣлый рядъ дальнѣйшихъ печальныхъ событій.

Грозовыя тучи видимо уже собирались надъ Эриванской границей, когда Ермоловъ 10-го іюля возвратился въ Тифлисъ и тотчасъ сдѣлалъ распоряженіе—построить новую крѣпость у Джелаль-Оглы, чтобы обезпечить сообщеніе Памбакской провинціи съ Грузіей. Порученіе это возложено было имъ на князя Севарсамидзе, но предписаніе уже не застало послѣдняго въ Караклисѣ. Онъ наканунѣ поспѣшно выѣхалъ въ передовой отрядъ, получивъ извѣстіе, что къ Мираку приближается самъ сардаръ съ сарбазами и пушками. „Я никакъ не полагаю,—писалъ онъ Вельяминову,—чтобы они осмѣлились сдѣлать нападеніе на наши посты на границѣ, но, какъ безчестнѣйшіе и самые низкіе люди, могутъ угнать скотъ или взять нѣсколько семей насильно и сказать потомъ, что тѣ бѣжали къ нимъ сами, на что достанетъ у нихъ совѣсти. Впрочемъ, всѣ осторожности и нужныя мѣры, какія только возможны, мною приняты“<sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> Тамъ же, № 133. Рапортъ Севарсамидзе отъ 14-го іюля.

Но Севарсамидзе ошибался. Это былъ не чапаулъ, а начало крупныхъ историческихъ событій—начало персидской войны.

Прежде чѣмъ открыть однако военныя дѣйствія, сардаръ попытался лишить русскія войска ихъ предводителя, котораго считалъ противникомъ для себя опаснымъ. Въ Миракѣ, куда Севарсамидзе прибылъ 15-го іюля, онъ засталъ записку Джафаръ-Кулихана, начальника передовыхъ персидскихъ постовъ, приглашавшаго его прибыть для свиданія съ нимъ на мѣсто, лежавшее въ нѣсколькихъ верстахъ отъ русскаго лагеря. По какому то предчувствію Севарсамидзе на этотъ разъ отправился туда не одинъ, какъ дѣлалъ всегда, а взялъ съ собою цѣлую роту. Появленіе пѣхоты до того смутило персіянъ, что они разсыпались въ разныя стороны; сконфуженный Джафаръ сказалъ нѣсколько ничего незначащихъ словъ и также поспѣшилъ удалиться. Странное явленіе это дало поводъ усомниться въ честности намѣреній Джафара. Посланъ былъ лазутчикъ навести секретныя справки, и дѣйствительно узналъ, что Джафару велѣно было схватить или убить Севарсамидзе, за голову котораго сардаръ обѣщалъ три тысячи червонцевъ. Севарсамидзе тотчасъ послалъ Джафару записку: „Напрасно Джафаръ безпокоился. Русскій государь такъ великъ, что моя смерть для него была бы равна смерти одного солдата; стало быть о моей головѣ не стоило тебѣ и хлопотать“. Весь вечеръ въ лагерѣ толковали объ этомъ странномъ происшествіи. Никому тѣмъ не менѣе и въ голову не приходило, что попытка убить Севарсамидзе—только прелюдія войны, которая, начавшись у мазанокъ ничтожнаго Мирака, окончится въ стѣнахъ плѣннаго Тавриза.

Ночь прошла спокойно. Но утро 16-го іюля освѣтило уже кровавыя сцены войны. Въ русскомъ лагерѣ еще не успѣли пробить утреннюю зарю, какъ выстрѣлы на аванпостахъ подняли на ноги весь миракскій отрядъ. Прискакалъ казакъ съ извѣстіемъ, что большія силы пѣхоты и конницы съ пушками идутъ прямо на русскіе пикеты. Севарсамидзе тотчасъ послалъ одного армянина съ письмомъ къ эриванскому сардарю, приглашая его остановить безпорядокъ. Персіяне схватили посланнаго, крича, что ханъ не имѣетъ нужды вести переговоры, потому что идетъ очищать границу



отъ русскихъ войскъ. Персидская конница въ тотъ же моментъ кинулась на русскіе пикеты. Девять казаковъ были схвачены, татары сбиты и прогнаны.

По первой тревогѣ, двѣ роты Тифлисскаго полка и рота карабинеръ, составлявшія миракскій отрядъ, тотчасъ стали въ ружье; два орудія были запряжены. Въ цѣпи между тѣмъ началась перестрѣлка; а за густою завѣсою персидской конницы уже двигались баталіоны сарбазовъ. Опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ Гумръ, Севарсамидзе приказалъ начать отступленіе. Тогда вся непріятельская конница, видя, что добыча уходитъ изъ рукъ ея, понеслась въ обходъ и успѣла преградить отряду путь въ тѣсномъ каменистомъ ущельѣ. Приходилось драться. Рота, шедшая въ авангардѣ, подъ личною командою князя, ударила въ штыки, сбила персіянъ и открыла дорогу; но остальной отрядъ уже стоялъ въ огнѣ, настигнутый персидскою пѣхотою. Быстро прискакалъ сюда Севарсамидзе, отбросилъ непріятеля ударомъ въ штыки и, пройдя опасное ущелье, вышелъ на Гумринскую дорогу. Вся наша потеря заключалась только въ двухъ раненыхъ, подполковникъ артиллеріи Долгово-Сабуровъ и одного рядового.

Въ тотъ же день, одновременно съ нападеніемъ сардаря на Миракъ, сильныя персидскія партіи устремились къ Большому Караклису и къ Балыкъ-чаю. Небольшой казачій постъ, стоявшій на урочищѣ Сатанагачъ, былъ разбитъ и изъ двадцати пяти казаковъ спаслось только тринадцать человекъ, а двѣнадцать были убиты и ранены <sup>1)</sup>; постъ на рѣчкѣ Гамзачеванкѣ, въ восемнадцати верстахъ отъ Большого Караклиса, былъ вырѣзанъ. Тамъ персіяне отогнали весь табунъ изъ четырехъ сотъ пятидесяти лошадей Тифлисскаго полка, захватили много скота и, изрубивъ бывшее при немъ прикрытіе, оставили на мѣстѣ 15-ть обезглавленныхъ русскихъ тѣлъ <sup>2)</sup>.

Но самое сильное нападеніе было произведено со стороны Адіамана, гдѣ стоялъ братъ эриванскаго хана, Гасанъ - ага, съ курдами и карапахами. Пятитысячная конница его грозой проне-

1) Тамъ же. Рапортъ тифлисскаго губернатора Ховена 28-го іюля, № 3159.

2) Тамъ же. Томъ XXIII, № 4. Рапортъ подполковника Флиге 17-го іюля, № 480.

слась по Шурагелю, истребляя все на своемъ пути, и достигла Малаго Караклиса, лежавшаго всего въ 7—8 верстахъ отъ Гумръ. Въ Караклисъ было до 300 армянскихъ дворовъ и стоялъ небольшой казачій постъ, который, не имѣя уже возможности отступить, присоединился къ жителямъ. До 30-ти казачьихъ лошадей и весь армянскій скотъ, ходившій въ полѣ, были отхвачены персіянами сразу. Селеніе защищалось нѣсколько часовъ, даже женщины принимали участіе въ оборонѣ; но, наконецъ, и казаки, и жители должны были уступить многочисленному непріятелю. Селеніе уничтожено было огнемъ, часть жителей истреблена, другая, свыше 200 семей, угнана въ плѣнъ. Выстрѣлы слышны были въ Гумрахъ, и подполковникъ Дегтяревъ попытался было съ ротою тифлисцевъ дать помощь несчастному населенію, но, встрѣчая повсюду сильныя конныя отряды, не рѣшился выдержать бой и возвратился въ Гумы.

Путь персіянъ обозначался горами развалинъ и воплями жителей, увлекаемыхъ въ плѣнъ. Но было одно армянское селеніе, по имени Харумъ, которое уцѣлѣло, благодаря отважной стойкости своего юзбаша Дели-Хазара. Онъ поднялъ на ноги всѣхъ жителей, наскоро исправилъ одну каменную башню, укрѣпивъ ее земляными валами и, несмотря на отчаянные приступы куртинъ, отбилъ отъ нападающихъ <sup>1)</sup>.

Отступая отъ Мирака, Севарсамидзе на каждомъ шагу получалъ все новыя и новыя извѣстія о разгромѣ персіянами Памбакской и Шурагельской провинцій. Въ Маломъ Караклисъ онъ видѣлъ по улицамъ кровь, обезглавленные, еще неубранные трупы и слышалъ стоны умирающихъ и вопли живыхъ, убивавшихся надъ родными мертвецами. Отъ Караклиса до самыхъ Гумръ по пятамъ его шла трехтысячная конница, неосмѣливавшаяся, однако, вступать въ перестрѣлку. По прибытіи въ Гумы, Севарсамидзе распорядился укрѣпить этотъ важный стратегическій пунктъ, игравшій видную роль во всѣхъ нашихъ войнахъ съ Персіей и Турціей;

<sup>1)</sup> Не лишнее сказать, что впоследствии, когда Памбакъ и Шурагель были оставлены русскими, храбрые харумцы укрылись въ Турцію, а когда послѣ войны возвратились на старое пепелище, названіе деревни Харумъ навсегда исчезло съ карты Шурагельскаго края: жители въ честь своего отважнаго старшины назвали новое поселеніе Хазаръ-Абадомъ.

затѣмъ усилилъ постъ въ Амамлахъ, гдѣ сходились дороги изъ Гумръ и Башъ-Абарани, собралъ въ него всѣхъ жителей окрестныхъ деревень и съ двумя тифлисскими ротами возвратился въ Большой Караклисъ. Непріятель, замѣтивъ это передвиженіе, тотчасъ обложилъ Гумры, и всѣ сообщенія между Амамами, Караклисомъ, Бекантомъ, Гумрами и Гергерами были перерваны.

Такъ совершилось внезапное вторженіе персіянъ въ русскіе предѣлы, безъ объявленія даже войны. Бѣдствія, нанесенныя ими безоружному населенію, были ужасны. Офіціальныя источники того времени говорятъ, правда, что, при всей стремительности внезапнаго нападенія, они успѣли увести въ плѣнъ не болѣе девяти-сотъ душъ армянъ—цифра все-таки почтенная; но современники и очевидцы говорятъ иное. По ихъ словамъ, въ одномъ только Маломъ Караклисѣ непріятель захватилъ до 1200 душъ, вырѣзавъ большую часть остальнаго населенія, а изъ другихъ деревень, сверхъ тысячи плѣнныхъ, угналъ многочисленныя стада и табуны.

Началось поголовное бѣгство христіанъ: одни уходили за Безобдалъ—въ Джелаль-Оглы и Гергеры, другіе — вглубь Лорійской степи, третьи искали спасенія въ предѣлахъ сосѣдней Турціи <sup>1)</sup>.

Въ историкахъ, писавшихъ объ этой войнѣ, замѣчается склонность приписывать всѣ бѣдствія, постигшія край, винѣ Севарсамидзе. Они обыкновенно говорятъ, что онъ, имѣя возможность наблюдать за всѣмъ, что дѣлалось въ Эриванскомъ ханствѣ, не зналъ о сборѣ персидскихъ войскъ на границѣ, и потому не принялъ никакихъ мѣръ ни къ сосредоточенію войскъ, ни къ лучшему обезпеченію русскихъ постовъ. А между тѣмъ, сосредоточь только Севарсамидзе весь свой отрядъ, и подъ ружьемъ у него оказалось бы до трехъ тысячъ солдатъ—сила, съ которою за 15—20 лѣтъ назадъ тотъ же Севарсамидзе ходилъ противъ огромныхъ персидскихъ и турецкихъ полчищъ.

Обвиненія эти, очевидно, не вполне основательны. Что Севарсамидзе зналъ о сборѣ персіянъ на границѣ, это доказывается всею офіціальною перепискою его съ Вельяминовымъ и Ермоловымъ, на которую мы ссылались. Но при тогдашнихъ политиче-

<sup>1)</sup> Тамъ же, № 15 и 16. Репортъ князя Севарсамидзе 18-го іюля, № 410.

скихъ обстоятельствахъ даже въ Петербургѣ, непосредственно сносившемся съ Меншиковымъ, сборъ этотъ объясняли естественной и простой демонстраціей, имѣвшей цѣлью склонить переговоры на сторону Персіи. На всѣ жалобы и письма по этому поводу Ермолова графъ Нессельроде отвѣчалъ, что все это ни въ какомъ случаѣ не даетъ еще повода заподозрить персіянъ въ намѣреніи напасть на Россію, и что онъ, Нессельроде, не можетъ даже представить себѣ такого неблагоразумія со стороны шаха.

Съ другой стороны, Севарсамидзе и не могъ сосредоточить весь свой отрядъ на одномъ какомъ-либо пунктѣ, во-первыхъ, потому, что ему предписывалось строго удерживать два пограничные поста — Миракъ и Балыкъ-чай, находившіеся въ значительномъ разстояніи другъ отъ друга, а во-вторыхъ, очистить самовольно Гумры или Большой Караклисъ, не имѣя на то достаточныхъ основаній и безъ возможности начать немедленно военныя дѣйствія, — значило бы не только открыть нашу границу для широкихъ персидскихъ разбоевъ, но и подвергнуть всю страну опасности внутреннихъ смутъ и возстаній. Это тѣмъ болѣе правильно, что, вовсе не имѣя конницы, Севарсамидзе не могъ бы гоняться за конными шайками.

Традиціонное обвиненіе какъ его, такъ и самого Ермолова далеко не согласно съ фактами. Неудачи, постигшія русскія войска, конечно, давали къ нимъ поводъ, которымъ воспользовались враги Ермолова, но неудачи эти являлись необходимымъ слѣдствіемъ обстоятельствъ, возникшихъ уже не по его винѣ. Ему помѣшали укрѣпить даже ничтожный Миракъ, а сосредоточеніе войскъ на границѣ, конечно, было бы истолковано нашей дипломатіей, какъ открытый вызовъ, брошенный имъ Персіи.

Скромный и всегда правдивый Алексѣй Александровичъ Вельяминовъ, которому всѣ дѣла были извѣстны лучше, чѣмъ кому бы то ни было, отвѣчая на письмо одного изъ своихъ друзей, сообщившему ему различные слухи и сплетни, ходившіе о Ермоловѣ, писалъ съ обычнымъ спокойствіемъ и лаконизмомъ <sup>1)</sup>: „Лай про-

<sup>1)</sup> Русская Старина 1898 г., № 1. Письмо это появилось въ печати впервые, спустя 70 лѣтъ послѣ удаленія Ермолова съ Кавказа и не было знакомо ни одному изъ тѣхъ, кто писалъ о персидской войнѣ. Голосъ Вельяминова не можетъ не быть признанъ авторитетнымъ.

тивъ Алексѣя Петровича намъ давно извѣстенъ. Распускаемые клеветы неминуемо обнаружатся собственными противорѣчіями. Говорятъ, что Алексѣй Петровичъ затѣялъ войну, и въ то же время обвиняютъ его въ тѣхъ происшествіяхъ, которыя доказываютъ, что къ войнѣ никакихъ приготовленій у насъ не было. Донесеніямъ Алексѣя Петровича насчетъ расположенія персіянъ къ войнѣ, вѣрить не хотѣли, приготовиться къ оной средствъ не дали, а теперь хотятъ обвинять его....“ Обращаясь затѣмъ къ слухамъ о готовящемся общемъ возстаніи горцевъ, Вельяминовъ пишетъ: „На Кавказской линіи давно уже не было такъ спокойно. Въ Дагестанѣ никто не пошевелился. Не должно ли заключить изъ этого, что горцы ополчились противъ клеветниковъ и сговорились обнаружить безстыдную ложь ихъ?...“

Но возвратимся къ событіямъ персидской войны.

Извѣстіе о вторженіи персіянъ Ермоловъ получилъ въ Тифлисъ только 17-го іюля. Была ли это настоящая война, или только пограничное столкновеніе съ своевольнымъ сардаремъ, — оставалось для него при тогдашнихъ обстоятельствахъ открытымъ вопросомъ. Извѣстіе было тѣмъ загадочнѣе, что шло не отъ самого Севарсамидзе, а изъ Караклиса — отъ командира артиллерійской роты подполковника Флиге. Послѣдній писалъ коротко, что персіяне разомъ напали на нѣсколько пунктовъ, что, по слухамъ, подъ Миракомъ было большое сраженіе, что раненъ подполковникъ Долгово-Сабуровъ, но что о самомъ Севарсамидзе вотъ уже третій день какъ нѣтъ никакихъ извѣстій <sup>1)</sup>). Ермоловъ тотчасъ приказалъ командиру 7-го карабинернаго полка полковнику Муравьеву ѣхать въ Большой Караклисъ и, если Севарсамидзе тамъ нѣтъ, то вступить въ командованіе его войсками <sup>2)</sup>). Въ то же время онъ двинулъ изъ Тифлиса и Бѣлаго Ключа на Каменную рѣчку сводный баталіонъ изъ двухъ ротъ карабинернаго и двухъ ротъ 41-го егерскаго полковъ съ четырьмя орудіями, подъ общою командою

<sup>1)</sup> Кавказскій Сборникъ, т. XXIII, № 2 и 4. Матеріалы для персидской войны. Рапорты подполковника Флиге отъ 16-го и 17-го іюля.

<sup>2)</sup> Тамъ же, № 7. Предписаніе Вельяминова полковнику Муравьеву отъ 18-го іюля.

маіора Кашутина, котораго зналъ лично, какъ одного изъ лучшихъ штабъ-офицеровъ <sup>1)</sup>). Муравьеву было предписано въ случаѣ, если персіане дѣйствительно открыли военныя дѣйствія, то удерживать только Балыкчайскій постъ „буде онъ еще въ нашихъ рукахъ“, а Гумры очистить, и всѣ войска сосредоточить въ Бамбакской провинціи съ цѣлью не перепустить непріятеля за Безобдалъ <sup>2)</sup>). Муравьевъ засталъ Севарсамидзе въ Большомъ Караклисѣ и, передавъ ему приказаніе Ермолова, остался при его отрядѣ.

Вывести войска изъ Гумръ, обложенныхъ уже непріателемъ, пока не представлялось возможнымъ, но въ Балыкъ-чай, на усиленіе стоявшей тамъ роты, Севарсамидзе въ тотъ же день, 19-го іюля, отправилъ двѣсти конныхъ татаръ подъ начальствомъ казахскаго пристава Снѣжевскаго. Балыкъ-чай, однако, былъ уже оставленъ. Рота капитана Переверзева, при первомъ нападеніи непріятеля въ числѣ трехъ-четырехъ сотъ человекъ, покинула постъ и Снѣжевскій встрѣтилъ ее уже въ Делижанскомъ ущельѣ. Передавъ приказаніе возвратиться назадъ и держаться до послѣдней возможности, Снѣжевскій съ одними татарами поскакалъ впередъ, но не засталъ уже непріятеля: Балыкъ-чай былъ пустъ, и только въ окрестностяхъ его бродили небольшія персидскія шайки <sup>3)</sup>).

Теперь всѣ заботы Севарсамидзе сосредоточились на томъ, чтобы выручить Гумры; но для этого надо было дожидаться своднаго баталіона, такъ какъ подъ рукой у него находилось только пять ротъ, изъ которыхъ большая половина занята была спѣшною уборкой уже созрѣвшаго хлѣба. Казалось бы, что заниматься уборкою хлѣба было не время. Но надо принять во вниманіе, что по системѣ, принятой въ Петербургѣ, войска, въ видахъ экономіи, довольствовались мѣстными средствами края, и теперь, при измѣнѣ татаръ и бѣгствѣ армянскаго населенія, могли остаться вовсе безъ хлѣба. Его и теперь не было уже въ Балыкъ-чаѣ, такъ какъ рота при своемъ отступленіи растеряла почти всѣ выюки съ хлѣбомъ и боевыми запасами <sup>4)</sup>). Ихъ надо было пополнить вновь и

<sup>1)</sup> Тамъ же, № 11. Предписаніе Ермолова полковнику Муравьеву 19-го іюля, № 137.

<sup>2)</sup> Тамъ же, № 8. Тоже отъ 19-го іюля, № 129.

<sup>3)</sup> Тамъ же, № 34. Рапортъ казахскаго пристава Ермолову 22-го іюля, № 1548.

<sup>4)</sup> Тамъ же, № 33. Рапортъ подполковника Андреева 21-го іюля, № 634.

Севарсамидзе выслалъ изъ Караклиса, 25-го іюля, значительный транспортъ, подъ прикрытіемъ роты штабсъ-капитана Воронкова, въ числѣ 166 штыковъ и двухсотъ конныхъ татаръ Снѣжевскаго.

Въ этотъ день отрядъ нигдѣ не встрѣтилъ непріятеля, но на другой, 26-го іюля, при спускѣ съ горы Эшакъ-Мейданъ, показалась сильная персидская пѣхота и преградила ему путь. Воронковъ смѣло повелъ роту въ штыки и сбилъ персіянъ, но въ ту же минуту былъ окруженъ многочисленною конницею. Итти далѣе съ огромнымъ транспортомъ было невозможно, и Воронковъ, мужественно отражая нападенія, свернулъ съ дороги къ густому лѣсу, чтобы укрѣпиться въ его опушкѣ. Но и къ лѣсу путь преграждался новыми толпами непріятельской кавалеріи. Рѣшительное движеніе впередъ заставило ее раздвинуться; но зато, едва Воронковъ вступилъ въ лѣсную опушку, какъ безмолвный дотолѣ лѣсъ вдругъ ожилъ, и рота была со всѣхъ сторонъ охвачена тысячнымъ баталіономъ сарбазовъ. При такихъ условіяхъ борьба не могла продолжаться долго; патроновъ у насъ уже не было. Тогда солдаты, не желая помрачить славы стараго Тифлискаго полка, бросились въ штыки, и рота, подавленная многочисленнымъ врагомъ, погибла. Храбрый Воронковъ, тяжело раненый, былъ взятъ въ плѣнъ; поручику Попову и инженерному прапорщику Хрупову персіяне отрѣзали головы. 103 человѣка геройскою смертію запечатлѣли подвигъ, и только 46 солдатъ, штыками проложившихъ себѣ дорогу въ чашу лѣса, по одиночкѣ пробрались въ Караклисъ съ печальною вѣстью о гибели храбрыхъ товарищей. Въ плѣнъ, кромѣ Воронкова, попали только 17 человѣкъ— всѣ тяжело израненные.

Причину этого несчастья Севарсамидзе приписывалъ измѣнѣ татаръ, которые при первыхъ выстрѣлахъ бѣжали и увезли съ собою всѣ наши патронные ящики. Снѣжевскій остался одинъ. Персидскіе всадники преслѣдовали его около десяти верстъ, и онъ едва-едва ушелъ отъ погони <sup>4)</sup>.

---

<sup>4)</sup> Тамъ же, № 70 и 72. Рапорты казахскаго пристава 27-го іюля, № 1565 и князя Севарсамидзе 29-го іюля, № 483. Въ обоихъ рапортахъ ошибочно показанъ штабсъ - капитанъ Воронковъ убитымъ; онъ былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ, а показанный въ рапортахъ взятымъ въ плѣнъ поручикъ Поповъ былъ убитъ.

Въ тотъ же самый день неудача постигла и другой русскій отрядъ, высланный изъ Караклиса къ сторонѣ Лорійской степи.

Дѣло было такъ:

Въ одной изъ татарскихъ деревень, расположенной на самомъ хребтѣ Безобдала, жители согласились бѣжать къ персіянамъ. Севарсамидзе, получивъ объ этомъ извѣстіе, командировалъ туда 26-го іюля 40 человекъ солдатъ и 30 пѣшихъ армянъ, подъ командою поручика князя Мачабели, приказавъ ему непременно привести бѣглецовъ къ Караклису. Татары встрѣтили Мачабели, повидимому, совершенно спокойно, просили его размѣстить солдатъ по квартирамъ и даже радушно предлагали угощеніе, обѣщая, что утромъ, вмѣстѣ съ семьями, охотно пойдутъ за отрядомъ. Мачабели, опасаясь измѣны, не принялъ предложенія и сталъ бивуакомъ въ полуверстѣ отъ деревни. Осторожность оказалась не лишнею. Едва начало свѣтать, какъ на деревню нагрянула персидская конница. Отряду пришлось засѣсть въ камыши и отстрѣливаться. Самъ Мачабели былъ раненъ въ руку и въ бокъ; одинъ солдатъ убитъ; а пока тянулась перестрѣлка, татары собрались въ путь, и персидскій отрядъ увелъ ихъ съ собою.

Въ то же самое время не вдалекѣ отъ Караклиса показались новыя непріятельскія партіи, подходившія къ деревнѣ Кишлякъ. Противъ нихъ выступилъ самъ Севарсамидзе со взводомъ пѣхоты и однимъ орудіемъ, а между тѣмъ, опасаясь за участь Мачабели, отъ котораго не было извѣстій, отправилъ на помощь къ нему еще 30 солдатъ и 50 борчалинскихъ татаръ, подъ командою прапорщика князя Чавчавадзе. И здѣсь, и тамъ постигла новая неудача. Подходя къ деревнѣ, Севарсамидзе убѣдился, что ему придется имѣть дѣло не съ ничтожнымъ отрядомъ, какъ онъ предполагалъ, а съ огромными толпами персидской конницы, подвозившей съ собою и пѣшихъ сарбазовъ. Князь началъ отодвигаться назадъ, но отступать приходилось уже съ боемъ. Персіяне преслѣдовали его до самаго Караклиса и сожгли нѣсколько копенъ хлѣба и хуторъ, всего въ верстѣ отъ укрѣпленія. Кишлякъ былъ также преданъ ими огню <sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> Тамъ же. Репортъ князя Севарсамидзе 29-го іюля, № 484.



Между тѣмъ Чавчавадзе, поднявшись на Безобдалъ, лицомъ къ лицу столкнулся съ сильнымъ непріятелемъ, не допустившимъ его соединиться съ Мачабели. Наша татарская конница тотчасъ была разсѣяна, но команда солдатъ и присоединившіеся къ ней пѣшіе армяне засѣли въ лѣсу, и хотя съ большею потерей, но успѣли отбиться <sup>1)</sup>).

Ермоловъ остался недоволенъ этими дѣйствіями. „Признаете ли вы когда нибудь, — писалъ онъ Севарсамидзе, — что татарамъ нельзя ни въ чемъ вѣрить, и что они на каждомъ шагу васъ обманываютъ. Пора бы замѣтить сіе, и тѣ даже, которымъ вы особенно благодѣтельствовали, всѣ вамъ измѣнили. Лучше было бы не возвращать неблагодарныхъ мошенниковъ, но посланной командѣ приказать стрѣлять въ нихъ, и сей примѣръ послужилъ бы воздержаніемъ прочимъ. При семъ я долженъ объяснить вамъ правило мое, которымъ постоянно буду руководствоваться, — правило, почерпнутое мною изъ теперешнихъ обстоятельствъ, что лучше имѣть пустыя степи, нежели терпѣть такихъ измѣнниковъ, которые передаются непріятелю, ему содѣйствуютъ, и по знанію земли служатъ ему проводниками. Извольте теперь же татарскія селенія, на кои не полагаетесь, выгнать вонъ изъ Памбакской провинціи. Лучше останьтесь съ малымъ числомъ вѣрныхъ, да съ армянами, кои всегда готовы оказывать намъ усердіе... „Надѣюсь, что вы озаботитесь охраненіемъ армянъ, оказывающихъ намъ болѣе приверженности“ <sup>2)</sup>).

Появленіе непріятельскихъ партій въ тылу Караклиса, на общеніяхъ съ Грузіей, ставило наши войска въ затруднительное положеніе; удерживать отдѣльные посты было уже невозможно, — и первый данъ персіянамъ постъ Балыкъ-чайскій. Когда дошла туда вѣсть объ истребленіи отряда Воронкова, капитанъ Переверзевъ, не имѣя у себя ни провіанта, ни зарядовъ, приказалъ готовиться къ отступленію. Въ ночь на 28-е іюля, подъ шумныя пированія персіянъ, праздновавшихъ побѣду, балыкчайскій гарнизонъ тихо покинулъ постъ и ушелъ въ Караклисъ <sup>3)</sup>).

<sup>1)</sup> Тамъ же.

<sup>2)</sup> Тамъ же. Предписаніе Ермолова князю Севарсамидзе 28-го іюля, № 204.

<sup>3)</sup> Записки Коцебу. Кавказскій Сборникъ, т. XXII.

Съ паденіемъ Балыкъ-чая входъ въ татарскія дистанціи былъ открытъ, и непосредственнымъ результатомъ этого было явное возстаніе казахскихъ татаръ; къ нимъ тотчасъ примкнули Борчала, Шамшадиль и Елисаветполь. Защищать опорные пункты Памбака и Шурагеля Ермоловъ счелъ бесполезнымъ и рѣшилъ отвести войска за Безобдалъ съ тѣмъ, чтобы соединить ихъ на Каменной рѣчкѣ и прикрыть границу Грузіи.

Каменка, составившаяся изъ соединенія двухъ горныхъ потоковъ Джилги и Черной, на всемъ 24-верстномъ своемъ протяженіи не доступна для переправы по чрезвычайной высотѣ и крутизнамъ своихъ береговъ. Представьте себѣ посреди ровной мѣстности глубокую скалистую трещину, по дну которой съ быстротою каскада разливается по камнямъ горная рѣчка. Чтобы перейти эту пропасть, болѣе чѣмъ въ тридцать сажень глубиною, надо спускаться извилистой тропой почти по отвѣсной стѣнѣ съ тѣмъ, чтобы, перебравшись черезъ кипящую рѣку, снова карабкаться вверхъ на такую же стѣну, усѣянную торчащими большими камнями. Эта глубокая пропасть, выдолбленная въ каменистомъ грунтѣ въ теченіе многихъ вѣковъ быстротою горныхъ водъ, поражаетъ и изумляетъ глазъ. Единственно удобное мѣсто для переправы находится почти у самой подошвы Безобдалскаго хребта, гдѣ лежитъ урочище Джелаль-Оглы, и выбранное поэтому Ермоловымъ для постройки здѣсь укрѣпленія. Занявъ этотъ важный стратегическій пунктъ, русскія войска владѣли бы ключемъ, запиравшимъ входъ въ Грузію.

Но отступленіе изъ Безобдалъ не могло уже совершиться безъ большихъ препятствій и затрудненій. Три гонца, посланные къ полковнику Фредериксу въ Гумры <sup>1)</sup> съ приказаніемъ отступить въ Караклисъ, были перехвачены персіянами, и только четвертому удалось достигнуть крѣпости. Это было 31-го іюля. Ночь случилась темная; страшная буря съ грозой и ливнемъ разразилась надъ окрестностью. Въ эту то ночь небольшой русскій отрядъ съ обозомъ изъ 1200 аробъ приготовился къ отступленію. Въ непроницаемой тьмѣ, при грозномъ завываніи бури и раскатахъ грома,

<sup>1)</sup> Фредериксъ назначенъ былъ въ Гумры на мѣсто полковника Дехтярева, устраненнаго отъ командованія.

осторожно двинулись войска за проводникомъ-армяниномъ, который благополучно провелъ ихъ мимо персидскихъ карауловъ. Безопасность непріятеля была такъ велика, что отступленіе русскихъ было замѣчено только тогда, когда отрядъ былъ уже далеко и миновалъ самые опасные горные проходы. Онъ отошелъ уже верстъ двадцать, когда его арьергардъ былъ наконецъ настигнутъ непріятелемъ. Трудно сказать удалось ли бы намъ отстоять громаднѣйшій обозъ, если бы въ эту минуту не появился свѣжій баталіонъ изъ Караклиса.

Это былъ тотъ самый баталіонъ, который послалъ Ермоловъ еще 19-го іюля подъ начальствомъ маіора Кашутина на помощь къ Севарсамидзе.

Достигнувъ Каменной рѣчки, Кашутинъ получилъ обстоятельныя свѣдѣнія о томъ, что происходитъ по ту сторону Безобдалскихъ горъ, и, бросивъ въ Джелаль-Оглы обозъ, двинулся дальше форсированнымъ маршемъ. Онъ шелъ днемъ и ночью, останавливаясь лишь на короткіе привалы, и поспѣлъ какъ разъ во-время. Прибытіе свѣжаго баталіона заставило непріятеля остановиться. Отрядъ потерялъ изъ огромнаго обоза всего пять аровъ и, присоединивъ къ себѣ по дорогѣ роты, стоявшія въ Бекантъ и Амамлахъ, благополучно пришелъ въ Большой Караклисъ.

Здѣсь, такимъ образомъ, соединились всѣ войска, защищавшія Памбакскую провинцію, и отсюда всею массою должны были передвинуться за Безобдалъ. Но Севарсамидзе все еще медлилъ отступленіемъ. Желаніе сохранить полковыя строенія, воздвигнутыя многолѣтними трудами солдатъ, заставило его надѣяться, что высшее начальство, узнавъ о совершенной безопасности, въ которой находились войска въ Караклисъ, переимѣнитъ намѣреніе покинуть это селеніе—послѣдній пунктъ, остававшійся еще у насъ въ рукахъ въ провинціяхъ Памбакской и Шурагельской.

Это заставило Ермолова послать новое предписаніе—отступать немедленно. „Вы держитесь за Безобдаломъ,—писалъ онъ Севарсамидзе,—и не видите въ томъ вашей непростительной вины: вы разбросали войска, когда надо имѣть ихъ вмѣстѣ и на крѣпкой позиціи... Не перестану подтверждать, что по оставленіи Гумръ

нѣтъ никакой причины удерживать Памбаки. Нельзя имѣть въ виду охраненіе татаръ, ибо ихъ осталось мало. Не одни у васъ живущіе измѣнили, то же сдѣлали во всѣхъ мусульманскихъ провинціяхъ, не исключая Елисаветпольскаго округа. Нельзя также держать войска, чтобы охранять живущихъ въ Караклисѣ армянъ, которые намъ пользы никакой принести не могутъ. Перестаньте думать, что они дадутъ вамъ провіантъ; жатва можетъ быть произведена не иначе, какъ подъ прикрытіемъ войска, а у васъ нѣтъ ихъ. Провіантъ вы будете имѣть отсюда. Не могу забыть, что вы не умѣли во время оставить Гумры" <sup>1)</sup>).

Пришлось такимъ образомъ начать отступление. 9-го августа, предавъ огню всѣ полковыя строенія и вещи, которыхъ нельзя было забрать съ собою, и прикрывая громаднѣйшій обозъ, войска вышли изъ Караклиса и потянулись къ Безобдалу. Персидская конница, кружившаяся вокругъ отряда, вела лишь слабую перестрѣлку. Былъ уже поздній часъ вечера, когда авангардъ и головныя части колонны поднялись на Безобдалъ, но огромный обозъ, застигнутый темною ночью въ горныхъ ущельяхъ, вынужденъ былъ заночевать въ виду непріятеля. Къ счастью, персіане насъ не тревожили.

Утромъ 10-го августа послѣдняя русская повозка перевалила за хребетъ, и войска заняли Гергеры и Джелаль-Оглы <sup>2)</sup>). Здѣсь сосредоточилось 15 ротъ пѣхоты, 16 орудій и казачій полкъ, — около двухсотъ всадниковъ; особо, въ видѣ резерва, обезпечивая сообщеніе съ Тифлисомъ, расположился на Акзабіюкскихъ горахъ баталіонъ херсонцевъ съ 2-мя легкими орудіями <sup>3)</sup>). Непріятель поставилъ свои посты также на вершинѣ Безобдала, а пятитысячной конницей Гасанъ-аги занялъ покинутый нами Караклисъ.

Персіане, конечно, не могли предпринять ничего серьезнаго противъ сильнаго русскаго отряда, стоявшаго въ крѣпкой позиціи, но мелкія партіи ихъ, то спускаясь напрямикъ со скалъ Безобдала, то перебираясь черезъ Мокрыя горы, непрерывно тревожили

<sup>1)</sup> Тамъ же. Предписаніе Ермолова 2-го августа, № 225.

<sup>2)</sup> Тамъ же. Рапортъ Севарсамидзе 10-го августа, № 550.

<sup>3)</sup> Рапортъ майора Гофмана 6-го августа, № 330.

лагерь и даже, минуя Лорійскую степь, проносились за Акзабіюкскія горы. Такъ, однажды, 13-го августа, Севарсамидзе получилъ извѣстіе, что видѣли сильную конную партію до тысячи всадниковъ, прошедшую со стороны Мокрыхъ горъ къ Башкичету. Башкичетъ лежитъ уже по ту сторону Акзабіюкскихъ горъ, внѣ района Памбакско-Шурагельской провинціи, а потому Севарсамидзе, разсчитавъ вѣроятно, что противъ этой партіи будутъ высланы войска изъ Тифлиса или изъ ближайшихъ окрестностей, съ своей стороны не принявъ мѣръ къ ея преслѣдованію. Это оказалось ошибкою,—и первой страшной жертвой этой ошибки стала богатая Екатеринфельдская колонія.

Тысячная партія курдовъ, на разсвѣтъ 14-го августа, внезапно окружила Екатеринфельдъ, лежавшій всего въ пятидесяти верстахъ отъ Тифлиса и произвела въ немъ ужасную рѣзню. Колонисты, правда, были снабжены отъ правительства ружьями и порохомъ, но внезапное появленіе разбойниковъ поразило такимъ ужасомъ миролюбивыхъ нѣмцевъ, что никто изъ нихъ не пробовалъ защищаться. Въ официальныхъ донесеніяхъ значится, что въ колоніи убито было 29 человѣкъ мужчинъ и женщинъ; но по свидѣтельству миссіонера Зальцмана, очевидца кровавой ночи, было зарѣзано не менѣе 70-ти человѣкъ, и 140 душъ, по преимуществу женщинъ, увлечены въ неволю. Изъ всего населенія спаслась отъ гибели меньшая половина, успѣвшая укрыться въ ущельяхъ и кустарникахъ по берегу Храма. Чистенькая, опрятная колонія обращена была въ пепель, а поля истоптаны копытами куртинскихъ коней.

На другой день, 15-го августа, извѣстіе объ этой катастрофѣ дошло до Тифлиса, но высланный оттуда Донской казачій полкъ и двѣ роты пѣхоты, подъ командою полковника Костина, нашли только развалины колоніи,—и никакого другого слѣда непріятеля<sup>1)</sup>.

Впрочемъ, попытка помочь населенію была сдѣлана съ другой стороны, откуда ожидать ее даже было нельзя. Борчалинскій приставъ князь Орбеліани, находившійся въ тотъ день въ

---

<sup>1)</sup> Тамъ же. Репортъ командира 41-го егерскаго полка 14-го августа, № 946 и полковника Костина 16-го августа, № 5. Записки Кацебу. Кавказскій Сборникъ, т. XXII и записки Муравьева Рус. Архивъ 1889 года, кн. 1.

Шулаверахъ, въ 30-ти верстахъ отъ колоніи, при первомъ извѣстїи о нападенїи поскакалъ туда съ 16-ю грузинами. Недалеко отъ колоніи онъ былъ, однако, окруженъ куртинами. Грузины, спѣшившись въ лѣсу, заняли какое то старое полуразвалившееся укрѣпленіе, примыкавшее къ заросшему оврагу, и защищались отчаянно. Но когда изъ 16 человѣкъ шесть были убиты,—положеніе стало критическимъ. Куртины, между тѣмъ, спѣшились и пошли на приступъ; къ счастью Орбеліани удачнымъ выстрѣломъ положилъ на мѣстѣ ихъ предводителя, и, пользуясь минутнымъ замѣшательствомъ непріятеля, спрыгнулъ въ оврагъ вмѣстѣ съ грузинами и скрылся въ его дремучихъ заросляхъ<sup>1)</sup>.

Разграбленная колонія въ то время уже догорала, и хищники ушли безнаказанно. А между тѣмъ казалось бы, что при энергическомъ преслѣдованіи Леонова, Авенаріуса и даже Костина они могли бы быть настигнуты. Дѣло въ томъ, что, обремененная добычей, партія сбилась ночью съ дороги, долго блуждала по дремучимъ лѣсамъ, и только къ свѣту выбралась наконецъ къ урочищу Шиндиляръ, гдѣ опять потеряла много времени на бесполезную борьбу съ горстью казаковъ. Тамъ, въ одной изъ каменныхъ саклей, помѣщалась команда изъ восьми донцовъ Леонова полка, оставленная здѣсь съ полковымъ имуществомъ. Курды, бросившіеся было къ дверямъ, встрѣчены были залпомъ и отхлынули назадъ, оставивъ на мѣстѣ нѣсколько труповъ. Пользуясь этой минутой, казаки успѣли зарядить всѣ ружья какія находились въ складѣ и такимъ образомъ могли стрѣлять непрерывно. Напрасно курды повторяли приступы: изъ оконъ, превращенныхъ казаками въ бойницы, градомъ сыпались пули, и курды падали десятками. Цѣлые залпы изъ сотенъ ружей не причиняли казакамъ вреда, такъ какъ каменные стѣны были прочны, и пули могли влетать лишь въ отверстія оконъ. Но въ концѣ концовъ изъ числа защитниковъ все-таки двое были убиты и двое ранены; остальные поклялись другъ другу не сдаваться, пока будутъ живы. Болѣе часа длилась перестрѣлка, но курды наконецъ спохватились, что ихъ могутъ на-

<sup>1)</sup> Тамъ же. Рапортъ князя Орбеліани 18-го августа и Записки Коцебу. Кавказскій Сборникъ, т. XXII.

стигнуть, бросили казаковъ и поспѣшно двинулись дальше. Замѣчательно, что жившая въ Шиндилярахъ жена полковника Леонова была предупреждена объ опасности всего за нѣсколько минутъ до появленія персіянъ, и успѣла спастись вмѣстѣ съ дѣтьми, уйдя пѣшкомъ на Бѣлый Ключъ, гдѣ стояла егерская рота. Полковое имущество въ Шиндилярахъ было разграблено, казармы сожжены и только уцѣлѣла каменная сакля, въ которой оборонялось восемь казаковъ. Геройская оборона ихъ представляетъ собою отрядный эпизодъ этого тяжелаго и смутнаго времени. Къ сожалѣнію, ни въ официальныхъ свѣдѣніяхъ, ни въ запискахъ современниковъ не сохранились имена этой славной горсти защитниковъ, сумѣвшихъ смѣло взглянуть въ очи близкой гибели, и тѣмъ именно избѣжавшихъ ее <sup>1)</sup>.

Впослѣдствіи сдѣлалось достовѣрно извѣстнымъ, что большая часть плѣнныхъ изъ Екатеринфельдской колоніи, очутившись въ Ахалцихѣ, была переслана потомъ въ Поті, а оттуда въ Константинополь и Смирну на тамошніе рынки, гдѣ окончательно и затерялся ихъ слѣдъ. Эти то обстоятельства и выяснили вполне, что нападавшая на колонію партія состояла не изъ однихъ персіянъ, но также изъ турецкихъ курдовъ и даже ахалцихскихъ жителей.

Теперь явились у насъ опасенія даже за Ахпатскій монастырь, стоявшій въ Борчалинской дистанціи, гдѣ проживалъ въ то время престарѣлый армянскій патріархъ Ефремъ, искавшій убѣжища въ Россіи отъ притѣсненій и грабежей эриванскаго сардаря. Всѣмъ было извѣстно, что персіяне помогали въ что бы то ни стало захватить его въ плѣнъ и, подъ угрозою смерти, держать въ своихъ рукахъ армянское населеніе. Надо было подумать о перемѣщеніи маститаго старца въ болѣе безопасное мѣсто,—и за это дѣло взялся архіепископъ Григорій Манучарянцъ, — типъ настолько замѣчательный, что исторія не должна обойти его молчаніемъ. Это былъ настоящій рыцарь крестовыхъ походовъ. Сподвижникъ Циціанова и графа Гудовича, израненный въ битвахъ, онъ носилъ на груди георгіевскій крестъ и ордена Анны 3-й и Владимира 4-й степени съ бантомъ. Скромный и тихій монахъ въ обычное время,

<sup>1)</sup> Записки Муравьева. Русскій Архивъ 1889 года, кн. II.

онъ точно перерождался, какъ только приходило извѣстіе о войнѣ съ мусульманами. Тогда онъ складывалъ къ подножью алтаря свой пастырскій жезлъ, снималъ клобукъ и мантию, одѣвался въ чуху, и на конѣ, съ оружіемъ въ рукахъ, предводительствовалъ конными армянскими дружинами. Персіяне знали его въ лицо и называли „дели-кешишъ“ (сумасшедшій попъ). Такъ было въ старые годы, когда Манучарянцъ былъ молодъ и силенъ; такъ было и теперь, когда голова его уже побѣлѣла, и тяжесть лѣтъ на плечахъ давала себя чувствовать. Узнавъ объ опасномъ положеніи Ефрема, онъ собралъ 40 отважныхъ всадниковъ и, явившись съ ними въ Ахпатскій монастырь, вызвался сопровождать патріарха до самаго Тифлиса. Съ отъѣздомъ очень торопились, и, дѣйствительно, едва патріаршій поѣздъ покинулъ монастырь, какъ на Ахпаты нагрянула конная персидская шайка. Не найдя нигдѣ патріарха, она пустилась въ погоню и настигла его въ Борчалахъ, на самой переправѣ черезъ рѣчку Храмъ. Завязался рукопашный бой. Подъ архіепископомъ Манучарянцемъ была убита лошадь, а два его ближайшіе родственника были изрублены; но Манучарянцъ отважно пробился сквозь ряды непріятеля и благополучно доставилъ его въ Тифлисъ <sup>1)</sup>.

Два подобные случая показали насколько доступны были для враговъ русскіе предѣлы, по малочисленности оберегавшихъ ихъ войскъ, и особенно по неимѣнію у насъ кавалеріи. Къ счастью, эриванскій сардаръ, предоставивъ своей конницѣ дѣйствовать какъ она знаетъ, самъ съ главными силами спокойно стоялъ около озера Гокчи, выжидая времени, когда Аббасъ-Мирза возьметъ Елисаветполь и оттуда поведетъ наступленіе къ Тифлису.

Но Гасанъ-ага, дѣятельный, энергичный и неутомимый; не хотѣлъ довольствоваться пассивною ролью и задумалъ еще разъ внести разгромъ на Лорійскую степь, въ тылу русскаго лагеря. Это случилось 1-го сентября, въ тотъ самый день, когда князь Меншиковъ, благополучно избѣгнувъ засады, прибылъ изъ Эривани въ Джелалъ-Оглы, и Гасанъ-ага, не успѣвшій захватить его въ дорогѣ, рассчиталъ, что встрѣча посла и празднества въ честь

<sup>1)</sup> Рукописныя записки И. Д. Лазарева.



его отвлекуть вниманіе и бдительность русскихъ. И вотъ, въ ночь на 2-е число, трехтысячная персидская конница спустилась съ Безобдала и пронеслась, опустошая Лорійскую степь, вплоть до горъ Акзабіюкскихъ. Тамъ, въ верстахъ шести отъ Самійскаго поста, стояла небогатая греческая колонія, и персіяне обрушились на нее всею своею массою. Деревня была разорена совершенно, греки частью изрублены, частью захвачены въ плѣнъ. Этой колоніи суждено было сдѣлаться послѣднею жертвою персидскаго варварства; далѣе этого пункта набѣги въ теченіе всей войны уже не простирались.

Нападеніе на Лорійскую степь не обошлось однако даромъ и персіянамъ. Раннимъ утромъ, 2-го сентября, выстрѣлы и черные клубы дыма, поднявшіеся въ тылу русскаго лагеря, возвѣстили о появленіи непріятеля. Въ лагерь ударили тревогу. Человѣкъ тридцать донцовъ и нѣсколько конныхъ армянъ съ подполковникомъ Андреевымъ первыми поскакали на выстрѣлы, и встрѣтили курдовъ, уже возвращавшихся съ набѣга. Въ это время подоспѣла и наша пѣхота. Около шестисотъ лучшихъ куртинскихъ наѣзниковъ тотчасъ заняли возвышенность у старой церкви Матуръ, чтобы прикрыть отступленіе другихъ, спѣшно угонявшихъ скоть къ сторонѣ Джилгинскаго ущелья. Туда направился самъ Севарсамидзе съ тифлисскими ротами, а три роты карабинеръ съ полковникомъ Муравьевымъ немедленно атаковали высоты. Передъ одной изъ нихъ, 7-й карабинерной, шелъ князь Меншиковъ, изъявившій желаніе раздѣлить опасность съ кавказскими войсками. Высоты взяты были штурмомъ, и куртины, защищавшіе старую церковь, пали искупительной жертвой кроваваго набѣга. Севарсамидзе, между тѣмъ, настигъ главныя силы на переправѣ черезъ Джилгу, и хотя отбилъ значительную часть скота, но не видѣлъ плѣнныхъ, которые, по всей вѣроятности, отправлены были впередъ. Нѣтъ сомнѣнія, что персіяне понесли большую потерю, но за то и Лорійская степь лежала въ развалинахъ.

Печальная катастрофа съ нѣмцами и греками навела ужасъ на жителей Грузіи. Народъ изъ окрестныхъ селеній бѣжалъ въ Тифлисъ подъ защиту войскъ; всѣ дороги были запружены подводами,

да и въ самомъ Тифлисѣ горожане были не спокойны, ожидая нашествія. Повсемѣстное возбужденіе было такъ велико, что многие бросали свои дома на произволъ судьбы, зарывали въ землю имущество и выѣзжали изъ города. И страхъ жителей не былъ совершенно напрасенъ. Въ другой разъ персіяне могли быть умнѣе и довести опустошеніе до самыхъ воротъ Тифлиса: нашей пѣхотѣ никогда бы не угнаться за конницей, а конницы у насъ не было.

Современники считали одною изъ главныхъ причинъ послѣдней катастрофы то, что баталіонъ занимавшій Акзабіюкскія горы былъ снятъ и отправленъ въ отрядъ, формировавшійся въ то время на пути къ Елисаветполю. Свободныхъ войскъ въ Грузіи болѣе не было, и, чтобы устранить возможность подобныхъ бѣдствій на будущее время, пришлось уже изъ джелаль-оглинскаго лагеря отдѣлить двѣ роты, которыя и заняли вновь единственный перевалъ черезъ Акзабіюкъ. Этотъ перевалъ, извѣстный подъ именемъ „Волчьихъ Воротъ“, представляетъ собою высѣченное природой въ скалѣ, узкое, небольшое ущелье, къ которому по гребню хребта сходятся всѣ вьючныя дороги со стороны турецкой границы, отъ Гумръ и Ахалкалакъ. Здѣсь, даже въ мирное время, бывали нерѣдко разбои,—обстоятельство, какъ кажется, и давшее ущелью его странное имя. Въ военномъ отношеніи ворота эти представляли дефиле настолько важное, что, занявъ его, можно было перервать всѣ сообщенія между живущими по ту и по сю сторону горъ. Поставленный въ этомъ ущельѣ постъ опять обезпечилъ правильное сообщеніе съ Тифлисомъ, прикрылъ коренную Грузію и хотя до нѣкоторой степени успокоилъ взволнованное населеніе.

Этимъ и заканчивается на эриванской границѣ первый періодъ войны,— періодъ обороны, отступленій, неудачъ и безсилія передъ внезапными и дерзкими набѣгами персіянъ на мирное населеніе.

## Глава IV.

Карабагъ наканунѣ войны. — Вторженіе персидской арміи. — Гибель баталіона Назимки. — Шуша и ея оборонительныя средства. — Начало блокады. — Распоряженія полковника Реута. — Шуминскіе армяне. — Неудачная фуражировка 2-го августа. — Тяжелое положеніе крѣпости. — Сафаръ и Ростомъ Тархановы. — Переговоры, начатыя Аббасъ-Мирзою. — Короткое перемиріе. — Вѣроломное задержаніе Аббасъ-Мирзою русскихъ офицеровъ. — Неудавшійся штурмъ и внезапное отступленіе персіянъ.

---

Въ половинѣ іюля 1826 года, одновременно съ вторженіемъ эриванскаго сардаря въ русскія границы, большая персидская армія, подѣ главнымъ начальствомъ Аббасъ-Мирзы, быстро двигалась къ Карабагу.

Въ Карабагѣ расположены были въ то время только девять ротъ 42-го егерскаго полка, да казачій полкъ Молчанова. Изъ числа ихъ пять ротъ съ четырьмя орудіями резервной батареей № 5 роты стояли въ Чинахчахъ, рота занимала Шушу, а три роты съ двумя орудіями, подѣ командой подполковника Назимки, находились въ Герюсахъ, прикрывая татарскія кочевья; слабый казачій полкъ держалъ посты по самой границѣ.

Войсками въ Карабагской провинціи командовалъ въ то время полковникъ Реутъ, старый ветеранъ циціановской школы. Армяне доставляли ему обстоятельныя свѣдѣнія о сборахъ и числѣ непріятеля, и Реутъ, давно предвидѣвшій возможность вторженія персіянъ, непрерывно доносилъ о томъ Вельяминову <sup>1)</sup>. „Персіяне,— писалъ онъ въ рапортѣ 6-го іюля,—должны устремиться на Карабагъ главными силами и столь поспѣшно, чтобы не дать время соединиться нашимъ войскамъ, находящимся въ Чинахчахъ и Герюсахъ, которыя они сосчитали и даже знаютъ, гдѣ и сколько стоитъ“ <sup>2)</sup>. Поэтому онъ полагалъ необходимымъ заблаговременно

1) Матеріалы къ персидской войнѣ. Кавказскій Сборникъ, т. XXIV, стр. 31—34.

2) Тамъ же. Документъ 7. Рапортъ полковника Реута 6-го іюля, № 924.

притянуть къ себѣ роты изъ Герюсъ и просилъ усилить войска.

Но въ Тифлисѣ, повидимому, не вполне довѣряли донесеніямъ Реута. „Судя по непрерывнымъ извѣстіямъ, которыя сообщаете вы о приближеніи къ границамъ персидскихъ войскъ и о намѣреніи ихъ исключительно напасть на Карабагъ,—писалъ ему Ермоловъ 9-го іюля, — должно думать, что вы имѣете самыхъ вѣрныхъ людей, отъ которыхъ не можетъ ничего укрыться, а, слѣдовательно, и вы внезапно не можете быть атакованы, чего вы, впрочемъ, опасаетесь“.

„Не знаю,—писалъ онъ далѣе,—какъ могутъ персіяне препятствовать соединенію войскъ, расположенныхъ въ Герюсахъ съ тѣми, кои находятся въ Чинахчахъ, когда имъ на всякомъ шагу представятся немалыя затрудненія въ скорости движенія большими силами... Персіянамъ надобны великія средства, чтобы имѣть рѣшительные успѣхи, если только войска, въ командѣ вашей состоящія, и вы сами хорошо исполните лежащія на васъ обязанности. Войскъ для того у васъ не мало, и сверхъ того я предписалъ возвратить къ вамъ двѣ роты вашего же полка, стоящія въ Ширвани, вмѣстѣ съ двумя орудіями артиллеріи. Никакихъ другихъ войскъ къ вамъ прислано не будетъ <sup>1)</sup>“.

Но Реутъ не унимался. „Сію минуту получилъ я свѣдѣніе,—доносилъ онъ Ермолову 16-го и затѣмъ 18-го іюля,—что персидскія войска въ большихъ силахъ подходятъ къ Худоферинскому мосту съ твердымъ намѣреніемъ овладѣть Карабагомъ. Пограничное селеніе Парнаутъ, покинутое жителями, уже занято ихъ конницей, а въ Мигринскомъ магалѣ появилась даже пѣхота. Я послалъ одного изъ вѣрныхъ армянъ о семъ хорошенько развѣдать, предписалъ о крайней осторожности подполковнику Молчанову, находящемуся съ полкомъ впереди, и требую подробнѣйшихъ свѣдѣній отъ коменданта“ <sup>2)</sup>“.

Эти рапорты заставили Ермолова взглянуть на дѣло серьезно. „Если извѣстія, сообщаемыя вами, вѣрны,—писалъ онъ Реуту <sup>3)</sup>“,—

---

<sup>1)</sup> Матеріалы персидской войны. Предписаніе Ермолова 9-го іюля, № 91.

<sup>2)</sup> Тамъ же. Рапорты полковника Реута 16-го и 18-го іюля, №№ 986 и 1028.

<sup>3)</sup> Предписаніе Ермолова полковнику Реуту 21-го іюля, № 152.

то легко можетъ быть, что на первое время намъ нужно будетъ оставить Карабагъ“. Поэтому Ермоловъ предписывалъ: роту женатыхъ нижнихъ чиновъ немедленно отправить въ Тифлисъ подъ прикрытіемъ другой роты 42-го полка съ двумя орудіями; Чинахчи укрѣпить и свезти туда какъ можно болѣе провіанту, а въ случаѣ вступленія въ Карабагъ значительныхъ силъ, всѣ собранные запасы и лишнія тяжести сжечь или утопить въ водѣ, а самому отступать на Шахъ-Булахъ и Елисаветполь, стараясь сколь возможно задерживать непріятеля, чтобы дать время присоединиться ротамъ, идущимъ изъ Ширвани. „Границу,—писалъ онъ далѣе,—наблюдайте конными армянами, которые служили всегда съ особенной вѣрностью; къ тому же конница сія, храбрая и правительству преданная, по знанію ея мѣстоположенія, можетъ легче, чѣмъ казаки, избѣгнуть опасности, а въ случаѣ таковой—уклониться въ мѣста твердыя“. „Впрочемъ, заключалъ онъ свое предписаніе, —я увѣренъ, что вы исполните возлагаемое на васъ дѣло, какъ офицеръ храбрый и дѣятельный. Отъ васъ зависитъ утвердить во мнѣ навсегда сей образъ мысли“.

Но предписаніе это не было получено Реутомъ. Пока оно писалось, вотъ, что произошло въ Карабагѣ:

Въ ночь съ 18-го на 19-е іюля на главный казачій постъ, гдѣ находился самъ командиръ полка, прибѣжали пять пѣшихъ казаковъ и сообщили, что весь разъѣздъ ихъ, подъ командою хорунжаго Крюкова, внезапно былъ окруженъ персидской конницей и захваченъ въ плѣнъ; спаслось только пять человѣкъ, которымъ удалось укрыться въ камышахъ, гдѣ они просидѣли до ночи. По ихъ словамъ, какъ только смерклось, за Араксомъ, гдѣ то недалеко, грянулъ заревой пушечный выстрѣлъ, а ночью разлилось по небу громадное зарево. То были бивуачные огни персидской арміи. Начинался уже разсвѣтъ. Командиръ полка, взявъ съ собою цѣлую сотню, поскакалъ на мѣсто происшествія къ Худоферинскому мосту и столкнулся съ цѣлою персидскою арміей, уже начавшей переправу. Казаки понеслись назадъ въ Чинахчи и дали знать Реуту. Спустя два - три часа и изъ Шуши прискакали армяне отъ команданта Чилиева съ извѣстіемъ, что на зарѣ 19-го іюля персія-

не въ числѣ 60-ти тысячъ пѣхоты и конницы при 20-ти орудіяхъ вошли въ Карабагъ и идутъ прямо къ Шушѣ <sup>1)</sup>.

Реутъ былъ не изъ числа тѣхъ, которые способны терять голову въ критическую минуту; но и его смутила вѣсть о приближеніи шестидесятитысячной арміи. Предписаніе Ермолова объ отступленіи, какъ мы сказали, онъ не получилъ; да если бы и получилъ, то исполнить его было бы невозможно. Чинахчи укрѣплять было некогда; роты, слѣдовавшія къ нему изъ Ширвани, узнавъ о вторженіи персіанъ, вернулись обратно въ Шемаху, а о сборѣ карабагской милиціи нечего было и думать: татары поголовно намъ измѣнили, а армяне, спасая семьи, укрылись въ горахъ; дорога на Елисаветполь была отрѣзана. Реутъ видѣлъ ясно, что въ неукрѣпленныхъ Чинахчахъ защищаться нельзя, и потому оставалось одно—отойти въ Шушу, пока персіане не успѣли еще отрѣзать ему отступленіе. А въ Шушѣ, между тѣмъ, уже начались волненія. Командантъ доносилъ, что городскіе татары готовятся напасть на роту, стоявшую въ городѣ, и, вырѣзавъ ее предательскимъ образомъ, сдать крѣпость непріятелю. Чтобы удержать за собою этотъ важный въ моральномъ отношеніи пунктъ Карабага, намъ надо было торопиться, и Реутъ въ тотъ же день отправилъ въ Шушу двѣ роты изъ Чинахчей, а вслѣдъ за ними вечеромъ двинулись туда же и остальные три, покинувъ Чинахчи на произволъ судьбы со всѣмъ казеннымъ и частнымъ имуществомъ. Такимъ образомъ, къ утру 20-го іюля всѣ шесть ротъ 42-го полка сосредоточились въ крѣпости; три роты оставались еще въ Герюсахъ, но прибытія ихъ ожидали съ минуты на минуту, такъ какъ Реутъ еще 18-го іюля утромъ послалъ къ Назимкѣ нарочнаго офицера съ предписаніемъ „слѣдовать къ полку, какъ можно наипоспѣшнѣе“ <sup>2)</sup>.

Продолжая со всѣхъ сторонъ получать донесенія, что Аббасъ-Мирза отъ Худсферинскаго моста идетъ кратчайшею дорогой на Шушу, Реутъ наскоро спѣшилъ исправить крѣпостныя верки, а между тѣмъ мало-по-малу перевозилъ въ Шушу полковое имущество и собиралъ провіантъ изъ ближнихъ деревень, такъ какъ егеря

---

<sup>1)</sup> Тамъ же. Рапортъ Реута 19-го іюля, № 1034.

<sup>2)</sup> Архивъ штаба Кавказ. воен. округа. Дѣло 1826 г., № 3, часть II.

вступили въ крѣпость только съ восьми-дневнымъ запасомъ. Но вотъ прошелъ день, другой, а непріятель не показывался. О ротѣхъ, стоявшихъ въ Герусахъ, также не было никакого извѣстія. Наконецъ, 22-го числа утромъ вернулся прапорщикъ Рогозинъ, возившій предписаніе Назимкѣ, — но вернулся одинъ, пѣшкомъ и раненый въ голову. Онъ сообщилъ, что пакетъ переданъ имъ еще 18-го іюля, но что на обратномъ пути на него напали татары. Два армянина, сопровождавшіе его, были убиты, самъ онъ 'раненъ, и спасся только тѣмъ, что бросился въ лѣсъ, гдѣ ему пришлось скитаться нѣсколько дней, прежде чѣмъ удалось наконецъ добраться до Шуши. По его словамъ, весь Карабагъ уже въ полномъ возстаніи, и гдѣ теперь находились роты, ему было неизвѣстно <sup>1)</sup>.

Шушинцы пережили тревожный день. Въ сумеркахъ прибѣжалъ въ крѣпость оборванный, измученный донельзя татаринъ, въ которомъ едва-едва признали извѣстнаго Сафаръ-Али-бека, управлявшаго Зангезурскимъ округомъ. Онъ принесъ печальную вѣсть о гибели нашихъ ротъ и о захватѣ персіянами двухъ русскихъ орудій. Вся крѣпость точно вздрогнула отъ этого неожиданнаго удара. Извѣстіе дѣйствительно было поразительно, тѣмъ болѣе, что еще наканунѣ одинъ изъ офицеровъ, поручикъ Макаровъ, стоявшій на границѣ въ Базаръ-Гянъ-Булахъ съ командой изъ 50-ти егерей, былъ отрѣзанъ персидскою арміею, но смѣлымъ и искуснымъ движеніемъ сумѣлъ избѣжать неравнаго боя и присоединился къ полку, не потерявъ ни одного человѣка. Другой офицеръ, штабсъ-капитанъ Снесаревъ, возвращаясь къ полку изъ Тифлиса, поздно узналъ о вторженіи персіянъ и очутился одинъ среди возмущившагося населенія. Считая недостойнымъ для чести русскаго офицера возвратиться назадъ и, „побуждаемый, — какъ выражается Реутъ, — духомъ славы“, онъ пренебрегъ опасностью и, переодѣвшись въ армянское платье, ночью черезъ глухія мѣста благополучно пробрался въ крѣпость <sup>1)</sup>. Таковъ былъ духъ офицеровъ въ полку. Естественно, что всѣхъ интересовалъ вопросъ, какъ и почему могли погибнуть цѣлыхъ три роты, имѣвшія всѣ средства, если не хитростью, то силой проложить себѣ дорогу въ Шушу.

<sup>1)</sup> Тамъ же. Приложение къ рапорту Реута отъ 25-го октября, № 8.

<sup>2)</sup> Тамъ же.

Дѣло разъяснилось только впоследствии.

Получивъ приказаніе Реута вечеромъ 18-го іюля, Назимко въ то же время получилъ предписаніе шушинскаго коменданта „какъ хозяина провинціи“, чтобы Герюсы, какъ важный пунктъ для всего Карабага, впредь до особаго распоряженія отнюдь не оставлять.

Не умѣя согласить оба приказанія, Назимко приостановилъ выступленіе, а самъ отправился въ Тативскій монастырь, лежавшій верстахъ въ двадцати пяти отъ Герюсъ, чтобы тамъ провѣрить слухи о персіянахъ. Въ монастырѣ уже знали о вторженіи Аббасъ-Мирзы, а потому, хотя Назимко поспѣшилъ вернуться въ Герюсы, но выступить съ отрядомъ могъ только уже вечеромъ 20-го числа, потерявъ напрасно цѣлые два дня <sup>1)</sup>. Такимъ образомъ, ему и предстояло пасть жертвою собственной неосмотрительности.

Итти въ Шушу по большой колесной дорогѣ на Ахъ-огланъ было уже невозможно. По словамъ Сафара, армяне предлагали ему покинуть орудія, которыя хотѣли зарыть въ своей деревнѣ, а отрядъ провести въ Шушу напрямикъ, какъ нѣкогда сдѣлали это ихъ соотечественники съ отрядами Карягина, Котляревскаго и Ильяшенки. Назимко не принялъ, однако, этого предложенія. Не довѣрялъ ли онъ армянамъ, или не хотѣлъ растаться съ орудіями и выюками, только баталіонъ по его приказанію повернулъ на выючную дорогу и двинулся горами, рассчитывая за ночь дойти до рѣчки Акеранъ-чай, за которой могъ считать себя въ безопасности. Но случилось именно то, что ему предрекали: дорога оказалась адскою, а татары, на каждомъ шагу занимая горные проходы, настолько замедляли движеніе отряда, что, когда взошло солнце, до Акеранъ-чая оставалось еще добрыхъ 13-ть верстъ, а персидская армія уже приближалась.

Получивъ извѣстіе о движеніи герюсскихъ ротъ, Аббасъ-Мирза рѣшилъ прежде всего помѣшать соединенію ихъ съ шушинскимъ гарнизономъ и повернулъ на Герюсы. „Хотя мы и приняли намѣреніе сначала итти на Шушу,—писалъ онъ своему родителю-шаху,—но вельможи и благородные люди Карабага сообщили намъ,

<sup>1)</sup> Матеріалы персидской войны. Кавказскій Сборникъ, т. XXIV. Репортъ Назимки 19-го февраля 1828 г., № 12.



что герюсскій отрядъ идетъ на помощь къ Шушѣ, а потому мы вознамѣрились въ ту же минуту атаковать эти войска и напередъ предать оныя снѣдѣнію блистательнаго меча нашего". Обстоятельство это и было причиной, почему Аббасъ-Мирза подошелъ къ Шушѣ пятью днями позже, чѣмъ мы разсчитывали.

Подробностей дѣла, разумѣется, въ первое время добиться было нельзя. Реутъ доносилъ коротко, что роты, подходя къ рѣкѣ, были окружены непріателемъ и въ концѣ концовъ, изнуренныя усталостью и зноемъ, сдѣлались добычею непріателя. Сафаръ-Али-бекъ, самъ участвовавшій въ дѣлѣ, говорилъ, что отрядъ съ самага начала сражался стойко; но когда солдаты достигли Акеранъ-чая, когда, казалось, еще одно усиліе, — и цѣль будетъ достигнута, баталіонъ вдругъ пришелъ въ замѣшательство; люди вышли изъ повиновенія и, не слушая больше команды своихъ офицеровъ, бросились къ водѣ. Въ эту минуту и напали на нихъ персіяне. Убитыхъ, по словамъ Сафара, было не очень много; большинство просто бросало оружіе и отдавалось въ плѣнъ; въ числѣ послѣднихъ находился и самъ подполковникъ Назимко, подъ которымъ была убита лошадь. Орудія и въюки, о которыхъ онъ такъ заботился, были брошены имъ раньше и достались персіянамъ. Изъ всего отряда спаслись только два офицера: поручики Назимокъ и Богдановъ, да шесть нижнихъ чиновъ, которыхъ армяне спрятали въ деревнѣ Каладарасы, и не только отказались выдать ихъ персіянамъ, но отразили даже отрядъ, посланный взять ихъ оттуда силой <sup>1)</sup>).

Самъ Назимко въ рапортѣ, присланномъ изъ Ардебиля, гдѣ онъ содержался въ плѣну, пишетъ, что бой длился отъ семи утра до пяти пополудни и, что по долгомъ сраженіи, *когда большая часть отряда погибла*, остальные, совершенно изнеможенные, были забраны въ плѣнъ <sup>2)</sup>).

Донесеніе это, однако, противорѣчитъ другимъ официальнымъ документамъ. Такъ, изъ рапорта полковника Реута видно, что во время боя въ трехъ ротахъ 42-го егерскаго полка состояло налицо 18 офицеровъ и 874 нижнихъ чиновъ; затѣмъ при двухъ ору-

<sup>1)</sup> Рукописныя записки генераль-адъютанта И. Д. Лазарева.

<sup>2)</sup> Рапортъ Назимки 19-го февраля 1828 г., № 12.

дѣхъ находилось 20 артиллеристовъ, да въ казачьей сотнѣ 3 офицера и 94 казака <sup>1)</sup>). Сколько изъ этого числа было убито и сколько попало въ плѣнъ —точныхъ свѣдѣній сначала получить было нельзя; но по окончаніи войны, когда плѣнные возвратились назадъ, оказалось, что изъ трехъ егерскихъ ротъ осталось въ живыхъ 15 офицеровъ и 673 солдата <sup>2)</sup>; слѣдовательно, потеря убитыми не превышала трехъ офицеровъ <sup>3)</sup> и 200 егерей и казаковъ, что не составляло даже и пятой части отряда. Очевидно, что въ распоряженіи Назимки находилось еще достаточно средствъ, чтобы продолжать упорное сопротивленіе, если бы только въ отрядѣ сохранился порядокъ. Трудно представить себѣ также, чтобы солдаты, сдѣлавшіе всего 25 верстъ и остававшіеся безъ воды слишкомъ короткое время, изнемогли до того, что не могли сражаться. Ермоловъ, умѣвшій читать между строками, сумѣлъ угадать и истину. „Какое подлое дѣло Назимки,—писалъ онъ Реуту,—вы должны сіе заслужить собственною неустрашимостью“ <sup>4)</sup>).

Тяжелую картину рисуетъ Назимко въ своемъ рапортѣ о томъ, что происходило съ ними въ плѣну. „Съ меня,—говоритъ онъ,—сорвали всю одежду и босого, даже безъ рубахи, со связанными назадъ руками, повели по колючкамъ и острымъ камнямъ, а когда я не могъ итти отъ сильнаго теченія крови, меня тянули на веревкѣ за ноги; затѣмъ, связаннаго, привели въ свой лагерь, гдѣ какой то ханъ заставлялъ меня стать передъ нимъ на колѣни, а когда я не исполнилъ этого, то онъ приказалъ бить меня палками по ногамъ; отсюда меня повели къ Аббасъ-Мирзѣ, который велѣлъ посадить меня подъ строгій караулъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ сложены были большія кучи отрѣзанныхъ головъ“... Такимъ же жестокимъ истязаніямъ, по словамъ армянъ, подверглись и остальные плѣнные, быть можетъ не разъ позавидовавшіе участи тѣхъ, которые пали въ честномъ бою. Можно допустить, что малодушное

<sup>1)</sup> Кавказскій сборникъ, т. XXIV. Рапортъ Реута 8-го октября 1826 г., № 33.

<sup>2)</sup> Въ томъ числѣ 2 офицера и 6 нижнихъ чиновъ, спасшихся послѣ боя въ д. Каладасы. Кавказскій Сборникъ, т. XXIV. Документъ 76.

<sup>3)</sup> Это были казачьи офицеры, изъ которыхъ ни одинъ не сдѣлся въ плѣнъ.

<sup>4)</sup> Архивъ штаба Кавказ. округа. Дѣло 1826 года, № 3. Письмо Ермолова къ Реуту отъ 2-го августа.

поведеніе нашихъ ротъ въ бою и вызвало персіянъ, не лишенныхъ во всякомъ случаѣ чувства уваженія къ доблестямъ врага, на такія издѣвательства. Такъ взглянулъ на это, какъ мы уже видѣли, и самъ Ермоловъ.

Истребленіе русскаго отряда почти въ тысячи штыковъ было дѣломъ неслыханнымъ на Кавказѣ; естественно, что все населеніе края взволновалось, хотя это волненіе и выразилось у него различнымъ образомъ: татары, увѣровавшіе въ могущество персидскаго оружія, поголовно примкнули къ ихъ стану; армяне бѣжали въ Шушу, и крѣпость скоро переполнилась бѣглыми сельчанами. Отстрѣливаясь кое-какъ отъ преслѣдовавшихъ ихъ татаръ, они успѣли спасти свои семьи, но зато едва наступила ночь, какъ часовые съ высокихъ шушинскихъ башенъ увидѣли огромное зарево, охватившее полъ-неба къ той сторонѣ, гдѣ были армянскія деревни: тамъ горѣли покинутые дома, имущество, хлѣбъ — все, что составляло достояніе сельскаго населенія.

Такъ наступило утро 25-го іюля. Еще блѣдный разсвѣтъ не согналъ потухавшаго зарева, какъ весь горизонтъ вдругъ зачернѣлся персидскими полчищами. То шель Аббасъ-Мирза съ пятидесяти или шестидесяти тысячною арміею. Ермоловъ сомнѣвался въ этомъ числѣ. „Это статистика здѣшнихъ народовъ — писалъ онъ князю Мадатову — а я имѣю свѣдѣнія, что у Шахъ-Заде не болѣе 15,000 войска“. Но свѣдѣнія Ермолова были невѣрны. Впослѣдствіи офиціальныя данныя подтвердили, что съ Аббасъ-Мирзою дѣйствительно вступило въ Карабагъ 40,000 пѣхоты, 24 орудія и 10,000 иррегулярной конницы, не считая приставшихъ къ ней карабагскихъ татаръ.

На слѣдующій день, 26-го іюля утромъ, въ крѣпость прибылъ персидскій сановникъ и вручилъ Реуту письмо наслѣднаго принца. „Намѣреніе мое, — писалъ Аббасъ-Мирза, — возвратить провинцію, а не убивать напрасно людей. Не приносите же себя самого и невинныхъ солдатъ въ жертву нашимъ войскамъ. Сохранивъ жизнь ихъ, вы окажете услугу Россійской державѣ, которая не оставитъ васъ за это безъ вниманія. Если же не исполните моего повелѣнія, то переговоры мои съ вами будутъ кончены, и вы будете от-

вѣчать за пролитую кровь, ибо все сдѣланное падеть на васъ, а не на меня“ <sup>1)</sup>.

„Письмо вашего высочества“—отвѣчалъ на это Реутъ <sup>2)</sup>),— я имѣлъ честь получить и отвѣтствую на оное: о разрывѣ мира между Персією и Россійскою державою я отъ своего начальства свѣдѣнія никакого не имѣю, ни въ какіе переговоры вступать не могу, а долгъ свой исполнять буду, сколько честь того требуетъ“.

Сановникъ удалился, и съ этого дня начинается блокада Шуши.

Нельзя не признать, что продолжительная остановка Аббасъ-Мирзы подъ стѣнами Шушинской крѣпости была величайшею ошибкою съ его стороны. Если бы онъ двинулся прямо къ Тифлису, гдѣ у насъ почти не было войска, и ввелъ бы сразу въ самое сердце Грузіи свою многочисленную и полную еще фанатизма армію, то при благоприятствующихъ ему обстоятельствахъ онъ могъ бы нанести намъ страшный ударъ. Но къ счастью для насъ, славныя тѣни минувшаго еще стояли на стражѣ христіанской страны, и персіяне, помнившіе Мигри, Асландузъ и Ленкорань, не рѣшились оставить въ тылу у себя ничтожный русскій отрядъ въ 1300 штыковъ. Зная изъ разсказовъ бѣжавшихъ татаръ, что въ крѣпости нѣтъ никакихъ запасовъ, что гарнизону предстояла опасная борьба съ такими врагами, какъ голодъ и жажда, Аббасъ-Мирза былъ убѣжденъ, что крѣпость держаться не будетъ.

Положеніе Реута было крайне опасное. Шуша совсѣмъ была не готова къ той роли, которая ей предстояла, и не могла служить надежнымъ убѣжищемъ. Обвѣтшавшія стѣны ея давно обвалились, рвы засыпались, магазины стояли пустыми. Ермоловъ еще въ 1817 году, при осмотрѣ границъ, писалъ государю, что Шушу надо бросить, какъ пунктъ, который непріятель могъ легко обойти и предлагалъ построить для защиты Карабага новую крѣпость на самомъ Араксѣ, у Асландузскаго брода <sup>3)</sup>. Проектъ этотъ былъ утвержденъ, но самая постройка передана инженерному вѣдомству и разрѣшеніе этого вопроса откладывалось изъ года въ годъ, а Шуша между тѣмъ была заброшена и къ поддержанію старыхъ ея

<sup>1)</sup> Матеріалы для персидской войны. Кавказскій Сборникъ, т. XXIV, № 28.

<sup>2)</sup> Тамъ же, № 29.

<sup>3)</sup> Записки Ермолова, часть II.

укрѣпленій ничего не дѣлалось. Къ тому же, крѣпостная стѣна, имѣвшая въ окружности семь верстъ, требовала для своей защиты по крайней мѣрѣ нѣсколькихъ баталіоновъ, а въ распоряженіи Реута находилось теперь всего шесть ротъ съ четырьмя полевыми орудіями. Правда, нашли гдѣ то еще три чугунныя, давно заброшенныя пушки и поставили ихъ на самодѣльные лафеты, но при нихъ не было ни артиллеристовъ, ни пороха, ни снарядовъ. Тѣмъ не менѣе крѣпость, по возможности исправленная егерями, готовилась къ упорной оборонѣ. Начальство надъ крѣпостными фасадами Реутъ поручилъ своимъ штабъ-офицерамъ, приказавъ имъ „поставить на стѣны лучшихъ стрѣлковъ, а изъ людей сильныхъ, мужественныхъ и болѣе способныхъ къ дѣйствию штыками, составить резервы“. „Я увѣренъ,—писалъ онъ въ заключеніе,—что всякій изъ моихъ сотоварищей по долгу присяги, чести, преданности къ государю и любви къ отечеству будетъ исполнять свои обязанности, не щадя себя до послѣдней капли крови. Имѣтъ въ виду непремѣннымъ правиломъ, что надо побѣдить или умереть, и тѣмъ пріобрѣсти безсмертную славу“ <sup>1)</sup>.

Духъ въ гарнизонѣ былъ превосходный, но шесть слабыхъ ротъ, очевидно, были недостаточны для обороны такой обширной крѣпости. Къ счастью, на помощь къ намъ явились армяне изъ числа шшинскихъ жителей, и 1,500 человекъ ихъ, вооруженныхъ солдатскими ружьями, стали на стѣны, значительно усиливъ собою оборону. Начальникомъ надъ ними Реутъ назначилъ стараго Ага-бекъ-Калантарова, бывшаго еще при ханахъ правителемъ города, и ему же подчинилъ всѣ посты, которые держали сельчане внутри самой крѣпости. Остальные армяне помогали намъ чѣмъ могли. Нѣкто Барутчи-Пагосъ, зная, что въ крѣпости не было пороха, вызвался безвозмездно готовить его въ количествѣ отъ 20 до 30 фунтовъ въ день; другіе готовили картель или переливали старыя ядра; сельчане отдали весь свой скотъ отъ пяти до шести-сотъ головъ на общее пропитаніе <sup>2)</sup>. Но насколько усерд-

<sup>1)</sup> Приказъ по шшинскому гарнизону 1-го августа 1825 года. Кавказскій Сборникъ, томъ XXIV, № 27.

<sup>2)</sup> Записки Лазарева (рукопись). Первые добровольцы Карабага.

ствовали намъ армяне, настолько же среди татаръ обнаружилась явная склонность къ измѣнѣ. Перехвачена была переписка ихъ съ Аббасъ-Мирзою, въ которой они сообщали ему, что въ случаѣ штурма отворять крѣпостныя ворота и нападутъ на русскихъ съ тыла. Одинъ изъ такихъ измѣнниковъ, имѣвшій при себѣ прокламаціи наслѣднаго принца, былъ схваченъ армянами и по ихъ самосуду сброшенъ со скалы въ пропасть сажень въ сто глубину <sup>1)</sup>. Реутъ съ своей стороны принялъ всѣ мѣры къ обезпеченію крѣпости отъ внутренней измѣны и большинство татаръ было выслано имъ изъ Шуши; остальные обезоружены; беки, у которыхъ дѣти и родственники находились уже въ станѣ Аббасъ-Мирзы, взяты подъ строгій караулъ, а хлѣбъ, имѣвшійся у нихъ—весь конфискованъ, „ибо,—какъ писалъ Реутъ,—по ихъ измѣнѣ не должна быть пощажена и ихъ собственность“ <sup>2)</sup>. Вопросъ о томъ, какъ обезпечить гарнизонъ продовольствіемъ, болѣе всего беспокоилъ полковника Реута. Попробовали было снять съ полей созрѣвшій, еще неубранный хлѣбъ—и двѣ фуражировки сошли благополучно, но третья, производившаяся 30-го іюля, едва не повела за собою кровавую катастрофу: фуражиры были отрѣзаны карабагскою конницею и если не погибли, то только благодаря смѣлой вылазкѣ, сдѣланной изъ крѣпости маіоромъ Клугенау.

Бросившись съ ротой егерей на помощь къ фуражирамъ, онъ успѣлъ привлечь на себя всю бывшую тутъ персидскую пѣхоту, а одна конница ничего не могла сдѣлать съ нашими косцами. Отстрѣливаясь и отбиваясь штыками, они успѣли выбраться изъ тѣснаго ущелья, но попасть въ крѣпость обратно черезъ Елисаветинскія ворота, около которыхъ происходила сильная перестрѣлка персіянъ съ ротою Клугенау, уже не могли. Пришлось направляться кругомъ къ Эриванскимъ воротамъ, заложеннымъ землею и камнями еще при началѣ осады. Гарнизонъ быстро принялся очищать ихъ, чтобы впустить фуражировъ, а Клугенау между тѣмъ стоялъ все время въ сильномъ огнѣ. Въ своихъ запискахъ <sup>3)</sup> онъ говоритъ, между прочимъ, что не персіяне были ему страшны, а

<sup>1)</sup> Тамъ же.

<sup>2)</sup> Архивъ штаба Кавказскаго воен. округа. Дѣло 1826 г., № 3.

<sup>3)</sup> Русская Старина 1874 г., № 9.

баталіонъ изъ русскихъ дезертировъ, бросавшійся въ штыки съ неимовѣрною дерзостью. Баталіонъ этотъ, дѣйствительно, находился въ арміи наслѣднаго принца, но большинство участниковъ персидской войны утверждаютъ, что въ дѣлахъ съ русскими онъ не участвовалъ, составляя, такъ сказать, почетный конвой самого наслѣдника престола. Легко быть можетъ, что Клугенау принялъ за русскихъ, входившую въ составъ этого баталіона польскую роту, участіе которой въ бою болѣе чѣмъ вѣроятно. Но такъ или иначе, а Клугенау твердо выдержалъ яростныя нападенія и отступилъ только тогда, когда фуражиры были внѣ опасности. Эта фуражировка стоила намъ 30-ти человѣкъ выбывшими изъ строя.

Въ тотъ же день персіяне поставили двѣ батареи на горѣ Топхана и открыли бомбардированіе по городу. Фуражировки съ тѣхъ поръ совсѣмъ прекратились, но зато на помощь къ намъ явились мѣстные богачи: Петрусь-бекъ Мадатовъ, Баба-Ахумовъ, Бегранъ-бекъ Меликъ-Шахназаровъ, Заграбъ-ага Тарумовъ, Багдасаръ-бекъ-Долухановъ и др., предоставившіе въ наше распоряженіе всѣ имѣвшіеся у нихъ запасы <sup>1)</sup>.

Но хлѣбъ былъ въ зернѣ, а перемалывать его въ Шушѣ было нечѣмъ. Къ счастью, уцѣлѣло еще нѣсколько мельницъ, принадлежавшихъ деревнѣ Шушакендъ, стоявшей недалеко отъ города въ одномъ изъ неприступнѣйшихъ ущелій. Тамъ было много естественныхъ пещеръ, вырубленныхъ въ скалѣ самой природой, и въ нихъ то укрѣпились жители, рѣшившіеся защищать свое селеніе. На этихъ мельницахъ мы и принялись перемалывать наше зерно, которое туда и назадъ переносили по ночамъ армяне, нерѣдко подъ огнемъ персидской батареи. Не будь этихъ мельницъ, гарнизону трудно бы было выдержать шести-недѣльную осаду. Аббасъ-Мирза неоднократно пытался взять ненавистное ущелье, но всѣ его усилія разбивались о стойкость армянъ, которые подъ предводительствомъ своихъ старшинъ Сафара и Ростомъ Тархановыхъ не только отражали враговъ, но время отъ времени и сами тревожили персіянъ своими набѣгами. Даже женщины этой дерев-

---

<sup>1)</sup> Записки Лазарева, рукопись и Кавказскій Сборникъ, т. XXIV. Журналъ военныхъ дѣйствій въ Карабагѣ 3-го и 4-го сентября 1826 года.

ни являлись героинями, и одну изъ нихъ по имени Хатаи зналъ въ то время весь Карабагъ <sup>1)</sup>).

Видя, что осада Шуши затягивается и не рѣшаясь еще штурмовать ее, Аббасъ-Мирза сдѣлалъ попытку склонить на свою сторону шушинскихъ армянъ и, ослабивъ, такимъ образомъ, гарнизонъ, поставить его въ невозможность дальнѣйшей обороны. И вотъ, однажды, Мехти-Кули-ханъ карабагскій, находившійся въ персидскомъ станѣ, подѣхалъ къ крѣпости и просилъ разрѣшенія видѣться съ Ага-бекъ-Калантаровымъ, пользовавшимся когда то его особымъ расположеніемъ. Получивъ разрѣшеніе Реута, Ага-бекъ поднялся на стѣну и отсюда повелъ переговоры съ бывшимъ своимъ властителемъ. Долго уговаривалъ его ханъ отступить отъ русскихъ и склонить армянъ на то, чтобы они сдали крѣпость. „Нѣтъ, ханъ,—отвѣчалъ ему Ага-бекъ,—этого сдѣлать нельзя: мы присягали русскому государю, а вы знаете сами, какъ нашъ народъ крѣпко держитъ присягу. Если бы вы лично захотѣли вернуться въ Шушу, мы примемъ васъ ханъ съ распростертыми объятіями, но персіянъ никогда не пустимъ“ <sup>2)</sup>).

Такимъ образомъ планъ Аббасъ-Мирзы не удался, но свиданіе это послужило началомъ къ тѣмъ переговорамъ, которые Реутъ старался поддерживать уже самъ, чтобы выиграть время и затянуть осаду. Дѣло въ томъ, что онъ получилъ извѣстіе, дававшее ему надежду на возможность выручки. Еще при началѣ осады, одинъ армянинъ по имени Арутюнъ Алтуновъ вызвался пробраться сквозь персидскую армію, чтобы дать знать Ермолову о положеніи осажденной крѣпости. Пріобщившись Святыхъ Тайнъ и напутствуемый благословеніями всего гарнизона, онъ спустился ночью съ крѣпостной стѣны на веревкѣ и черезъ нѣсколько дней, оборванный, разбитый и истомленный, явился къ Ермолову. Алексѣй Петровичъ пожаловалъ ему знакъ отличія военного ордена, и Алтуновъ, пробравшись тѣмъ же путемъ обратно въ Шушу, передалъ Реуту собственноручную записку Ермолова <sup>3)</sup>).

„Вы знаете почеркъ моей руки,—писалъ Алексѣй Петровичъ,

<sup>1)</sup> Записки Лазарева и Калантарова (рукопись).

<sup>2)</sup> Тамъ же.

<sup>3)</sup> Кавказскій Сборникъ, т. XXIV, № 57.



—я въ Грузіи. Есть у насъ войска и еще идутъ новыя. Дожидайтесь насъ. Отвѣчаете честью и головою, если осмѣлитесь сдать крѣпость. Защищайтесь до послѣдняго; употребите въ пищу всѣхъ лошадей, но чтобы не было подлой мысли о сдачѣ крѣпости. Дожидайтесь насъ“.

Подъ вліяніемъ этой записки Реутъ, чтобы выиграть время и затянуть осаду <sup>1)</sup>, написалъ письмо къ Аббасъ-Мирзѣ, изъявляя готовность принять у себя персидскаго парламентаря, и 3-го августа къ воротамъ крѣпости подѣхалъ персидскій сановникъ Беджанъ-ханъ съ блестящею свитою. Его тотчасъ провели къ Реуту, который принялъ его торжественно, окруженный всѣми своими штабъ-офицерами. Ханъ объявилъ, что онъ уполномоченъ предложить гарнизону почетную сдачу и предъявилъ Реуту перехваченное старое предписаніе Ермолова объ оставленіи Карабага. „Вы видите,—добавилъ онъ,—что на это воля вашего главнокомандующаго и вы обязаны исполнить ее. Имѣйте также въ виду, что Ермоловъ предписываетъ вамъ уничтожить всѣ тяжести, а наслѣдный принцъ, напротивъ, предлагаетъ вамъ нужное число подводъ для поднятія имущества, обязывается снабдить войска провіантомъ до русской границы, обезпечить имъ безопасное слѣдованіе и дозволяетъ гарнизону выйти съ оружіемъ и съ артиллеріею“.

Реутъ отвѣчалъ, что вопросъ этотъ можетъ быть рѣшенъ не имъ, а только военнымъ совѣтомъ, который составилъ тутъ же изъ наличныхъ штабъ-офицеровъ. Но храбрый подполковникъ Миклашевскій, отважный и пылкій Лузановъ, стойкій Михайловъ, извѣстный впослѣдствіи герой Дагестана Клугенау и комендантъ крѣпости майоръ Чиляевъ — единодушно отвергли всѣ предложенія, объявивъ что будутъ защищаться до послѣдней крайности. Этотъ отвѣтъ Реутъ передалъ парламентарю, прибавивъ: „Мы охотно исполнили бы желаніе Шахъ-Заде, если бы предписаніе застало насъ въ Чинахчахъ, но такъ какъ мы заняли Шушу, то, при всемъ великодушіи его высочества, не можемъ воспользоваться имъ, такъ какъ на оставленіе Шуши нужно новое предписаніе главнокомандующаго. Впрочемъ,—прибавилъ онъ:—для выясненія этого обсто-

<sup>1)</sup> Архивъ штаба Кавк. военнаго округа. Дѣло 1826 г., № 3.

ятельства я прошу разрѣшенія прислать въ персидскій лагерь одного изъ своихъ штабъ-офицеровъ“.

Аббасъ-Мирза согласился, и на слѣдующій день Реутъ отправилъ къ нему майора Кругенау.

Въ полной парадной формѣ, верхомъ на конѣ, спустился Кругенау къ ожидавшемуся его внизу персидскому конвою, и вмѣстѣ съ нимъ отправился въ непріятельскій лагерь, гдѣ его встрѣтили съ почестями: войска стояли въ ружьѣ и музыка играла. У ставки наслѣднаго принца собраны были знатнѣйшіе персидскіе савонники и стоялъ цѣлый лѣсъ знаменъ, принадлежавшихъ полкамъ регулярной пѣхоты, а возлѣ нихъ толпилось множество офицеровъ шахской гвардіи: отрядъ тѣлохранителей, оберегавшій входъ, отдалъ честь, и Кругенау, сойдя съ коня, сталъ терпѣливо ожидать представленія принцу.

Черезъ нѣсколько минутъ шелковый занавѣсъ шатра раздвинулся, и Кругенау лицомъ къ лицу очутился съ наслѣдникомъ престола.

Послѣ обычныхъ обоюдныхъ привѣтствій Аббасъ-Мирза сказалъ Кругенау: „Я потерялъ всякое терпѣніе и не могу быть болѣе снисходительнымъ къ вамъ и къ жителямъ. Мои войска неотступно требуютъ штурма, но я не хочу кровопролитія. Я все ждалъ, полагая, что вы образумитесь; теперь не въ моей волѣ сдержатъ стремленіе моихъ храбрыхъ солдатъ. Я и такъ потерялъ слишкомъ много времени, а у меня еще много дѣлъ впереди. Я предвараю васъ, что соглашусь на заключеніе мира только на берегахъ Москвы“.

Замѣтивъ улыбку на лицѣ Кругенау, Аббасъ-Мирза добавилъ скороговоркой: „я вижу, что вы не знаете о настоящемъ положеніи дѣлъ въ Россіи; вамъ не извѣстно, что вашъ государь ведетъ междоусобную войну съ своимъ старшимъ братомъ, и, слѣдовательно, ему не до Кавказа. А что касается Ермолова, то его давно уже нѣтъ въ Тифлисѣ; помощи ожидать вамъ не откуда“.

— „Я не уполномоченъ вести переговоры о сдачѣ крѣпости и присланъ только узнать волю вашего высочества. Если же вамъ угодно обладать Шушою, то разрѣшите послать въ Тифлисъ одного изъ нашихъ офицеровъ“.

— „Въ Тифлисъ мнѣ посылать не за чѣмъ, — отвѣчалъ Аббасъ-Мирза, — я уже сказалъ вамъ, что въ городѣ нѣтъ русскихъ“.

На этомъ переговоры окончились, и Клугенау воротился въ крѣпость <sup>1)</sup>.

Персіяне немедленно поставили еще двѣ батареи и открыли огонь. Опять началась усиленная канонада, и опять гарнизонъ, исправляя днемъ поврежденныя стѣны, ночью долженъ былъ бодрствовать въ ожиданіи приступа. Между тѣмъ, изъ нѣсколькихъ лазутчиковъ, посланныхъ Реутомъ узнать въ какомъ положеніи находятся дѣла въ Закавказьѣ, ни одинъ не возвратился назадъ, и для осажденныхъ начались минуты сомнѣній и колебаній. Къ счастью, Сафаръ и Ростомъ Тархановы стояли на стражѣ, и во время дали знать гарнизону, что англійскіе инженеры, находившіеся въ персидскомъ станѣ, ведутъ подъ крѣпость подкопъ и что съ минуты на минуту надо ждать приступа.

Бдительность была удвоена. И вотъ, въ ночь на 7-е августа, часовой, стоявшій на валу у Елисаветпольскихъ воротъ, услыхалъ шумъ взбиравшейся на горы персидской пѣхоты. Онъ тотчасъ далъ знать дежурному офицеру, и войска, стоявшія на готовѣ, заняли свои мѣста на стѣнахъ. Маіоръ Клугенау, распорядившійся обороною этого фаса, строго приказалъ не открывать огня прежде сигнала.

Осторожно поддвигались впередъ персіяне, таща за собою огромныя лѣстницы и туры для закидыванія рва. Но когда они приблизились на ружейный выстрѣлъ, вдругъ вся окрестность мгновенно освѣтилась зажженными подсвѣтами, и персіяне, пораженные этимъ явленіемъ, бросились бѣжать, провожаемые со стѣнъ картечью и ружейными залпами. Лѣстницы, покинутыя у стѣнъ, шушинцы перетаскивали къ себѣ и долго потомъ топили ими свои камины <sup>2)</sup>.

Аббасъ-Мирза объясняетъ, однако, причину неудачнаго штурма нѣсколько иначе: „Во время приступа,—говоритъ онъ въ своемъ приказѣ Мирзѣ-Измаилу, —жители и младенцы обоего пола вышли съ уничтоженіемъ изъ крѣпости и подняли такой великій

<sup>1)</sup> Русская Старина 1874 г., № 9.

<sup>2)</sup> Рукописныя записки И. Д. Лазарева.

воплъ, что мы изъ единого великодушія остановили войска и отложили приступъ еще дня на два <sup>1)</sup>).

Но вмѣсто новаго штурма, 11-го августа въ крѣпость прибылъ персидскій парламентаръ съ просьбою выслать одного изъ офицеровъ для продолженія переговоровъ. Отправился опять Клугенау.

„Ну, что одумались ли вы наконецъ“?—спросилъ его Аббасъ-Мирза.

„Я долженъ сказать вамъ прямо, отвѣтилъ Клугенау, что мы оставимъ Шушу тогда, когда получимъ новое предписаніе Ермолова.

Аббасъ-Мирза рѣшительно отвергнулъ это предложеніе. Тогда Клугенау сказалъ ему:

— „Ваше высочество обвиняете полковника Реута въ упрямствѣ и неисполненіи приказаній Ермолова. Но вы, безъ сомнѣнія, знаете наши обычаи, а также въ чемъ заключается честь и долгъ каждаго воина къ своему государю и отечеству. Я увѣренъ по этому, что только одни вы можете отдать намъ должную справедливость; всѣ прочіе, окружающіе васъ, не разсуждаютъ о будущемъ. По словамъ вашего высочества, Карабагъ есть достояніе вашихъ предковъ, несправедливо отнятое русскими. Неужели же вы хотите ознаменовать первое ваше завоеваніе кровопролитіемъ и истребленіемъ вашихъ же будущихъ подданныхъ? Имѣя сорокатысячную армію, ваше высочество, конечно, можете взять Шушу; нашъ малочисленный гарнизонъ, всего 1500 штыковъ съ четырьмя орудіями, ослабленный трудами и недостатками всякаго рода, недолго можетъ сопротивляться; но эти 1500 штыковъ, защищая свою честь, не дешево вамъ достанутся, и вмѣсто богатаго населеннаго города, вы найдете однѣ развалины и войдете въ него по трупамъ вашихъ же подданныхъ. И все это совершится только черезъ подстрекательство неблагонамѣренныхъ людей, тогда какъ черезъ нѣсколько дней вы займете крѣпость безъ всякой потери, ибо ежели удержаніе Карабага не входятъ въ соображенія Ермолова, то онъ, навѣрное, согласится на предлагаемое вами честное условіе“.

Эти доводы побѣдили Аббасъ-Мирзу.

---

<sup>1)</sup> Акты Кавказской археографической комиссіи, т. VI, ч. II, № 662.

— „Хорошо, я согласенъ,—отвѣчалъ онъ,—пошлите въ Тифлисъ своего офицера, а до полученія отвѣта пусть будетъ перемиріе“.

Составлены были условія. Но Аббасъ-Мирза, соглашаясь на то, чтобы шушинскій гарнизонъ, въ случаѣ оставленія имъ Карабага, вышелъ изъ крѣпости съ оружіемъ и со всѣмъ имуществомъ, въ то же время упорно отказывался пропустить съ ними четыре шести-фунтовыя пушки. Онъ требовалъ безусловно уступки ихъ персіянамъ, сказавъ, что такова его послѣдняя воля.

— „Въ такомъ случаѣ переговоры не могутъ продолжаться“, отвѣчалъ Клугенау и взялся за шляпу. Присутствовавшіе ханы стали его уговаривать исполнить желаніе наслѣднаго принца.

„Да вы скажите его высочеству“,—возразилъ Клугенау,—„что, располагая итти къ Москвѣ, онъ возьметъ ихъ тамъ цѣлыя сотни, такъ стоитъ ли изъ-за такихъ пустяковъ терять драгоцѣнное время“<sup>1)</sup>.

Этотъ аргументъ побѣдилъ настойчивость принца. Перемиріе было заключено на девять дней. Реутъ послалъ въ персидскій лагерь заложниками маіора Чилиева и капитана Шевелева, но Аббасъ-Мирза наотрѣзъ отказался дать въ крѣпость своихъ аманатовъ. Реутъ на этомъ не настаивалъ, „потому болѣе“, какъ онъ доносилъ Ермолову, „чтобы не имѣть въ крѣпости людей, которые могутъ вредно вліять на жителей, наблюдать за всѣмъ и препятствовать мнѣ въ работахъ“<sup>2)</sup>.

Въ Тифлисъ между тѣмъ отправленъ былъ Клугенау, который долженъ былъ подробно передать Ермолову о положеніи дѣлъ въ Карабагѣ.

Вотъ что отвѣчалъ Ермоловъ Реуту:

„Защита Шуши одна можетъ сдѣлать вамъ честь и поправить ошибки (оставленіе Чинахчи безъ боя и гибель Назимки). Извольте держаться и не принимать никакихъ предложеній, ибо подлецы васъ обманываютъ. Зачѣмъ прислали Клугенау, который вамъ нуженъ, какъ лучшій помощникъ? Защищайтесь. Отберите весь хлѣбъ отъ бековъ—пустъ съ голоду умрутъ, измѣнники. Великодушно обращайтесь съ армянами, ибо они хорошо „служать“<sup>3)</sup>).

<sup>1)</sup> Русская Старина 1874 г., № 9.

<sup>2)</sup> Кавказскій Сборникъ, т. XXIV. Журналъ военныхъ дѣйствій въ Карабагѣ 11-го августа 1826 года.

<sup>3)</sup> Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣло 1826 года, № 3.

Записка была доставлена въ крѣпость съ лазутчикомъ, и персіяне объ ней ничего не знали. Между тѣмъ условные девять дней прошли, и Аббасъ-Мирза возобновилъ настойчивыя требованія о сдачѣ крѣпости. „Передайте наслѣднику,—отвѣтилъ Реутъ присланному парламентеру,—что я не имѣю еще никакихъ извѣстій отъ Ермолова; но если его высочеству угодно начать военныя дѣйствія, то пусть возвратитъ моихъ заложниковъ“. „Заложники будутъ возвращены только тогда,—возразилъ парламентеръ,—когда вы освободите и вышлите къ намъ всѣхъ арестованныхъ бековъ“. Этотъ отвѣтъ удивилъ Реута. „Заложники,—сказалъ онъ,—не имѣютъ ничего общаго съ арестованіемъ бековъ и должны быть возвращены, если Аббасъ-Мирза умѣетъ держать честное слово“<sup>1)</sup>. Парламентеръ удалился, а Аббасъ-Мирза, раздраженный отказомъ, приказалъ отправить Чилиева и Шевелева въ Тавризъ, гдѣ ихъ содержали, какъ плѣнныхъ, до самаго заключенія мира. На этомъ переговоры окончились, и 23-го августа съ персидскихъ батарей снова загремѣли пушки.

Для крѣпости опять начались томительные дни блокады и бомбардированія. Потери у насъ были ничтожныя<sup>2)</sup>, но ветхія крѣпостныя стѣны не выдерживали даже легкихъ персидскихъ ядеръ и грозили паденіемъ, рвы осыпались, продовольствіе также приходило къ концу, и солдатамъ выдавали половинную порцію. Реутъ самъ обходилъ егерей и старался ободрить ихъ надеждою на скорую помощь. „Ничего, ваше высокоблагородіе, подождемъ“, отвѣчали солдаты. Они терпѣливо сносили всѣ недостатки, безсмѣнно сторожили крѣпость, работали по ночамъ и съ мужествомъ готовились противостать громаднымъ персидскимъ толпамъ въ случаѣ новаго штурма. На приступъ Аббасъ-Мирза однако не рѣшился, а вмѣсто него 30-го августа повелъ рѣшительную атаку на шушакендскія мельницы, чтобы лишить насъ послѣднихъ средствъ къ продовольствію. Но и это предпріятіе не имѣло успѣха. Охваченные въ тѣсномъ ущельѣ съ двухъ сторонъ: съ одной армянами, а

1) Кавказскій Сборникъ, т. XXIV. Журналъ военныхъ дѣйствій въ Карабагъ 23-го августа.

2) Во все время осады, исключая потерю понесенную 30-го іюля на фуражировкѣ, въ крѣпости раненъ одинъ офицеръ и нижнихъ чиновъ: убито—5, пропало безъ вѣсти—2 и ранено—6.

съ другой—смѣлой вылазкой гарнизона, персіяне попали подъ перекрестный огонь и отступили съ значительнымъ урономъ. Мельницы опять уцѣлѣли <sup>1)</sup>. Тогда Аббасъ-Мирза прибѣгнулъ уже къ послѣднему и крайнему средству. Онъ приказалъ выставить передъ крѣпостными стѣнами нѣсколько сотъ армянскихъ семей, содержащихся въ плѣну вмѣстѣ съ архіепископомъ Саркисомъ, и персіяне, подъ угрозой перебить этихъ несчастныхъ, заставили архіепископа уговаривать шушинскихъ армянъ сдать крѣпость, хотя бы ради спасенія столькихъ человѣческихъ жизней. Но армяне кричали со стѣнъ, что они не измѣнятъ русскимъ, и сами увѣщевали своихъ братьевъ покориться печальной судьбѣ, которая ихъ ожидала. „Пусть лучше,—говорили они,—погибнетъ нѣсколько сотъ человѣкъ, чѣмъ весь народъ попадетъ подъ тяжкій гнетъ кизильбашей“. Произвести всеобщую рѣзню на глазахъ русскихъ солдатъ персіяне однако не рѣшились; они отвели плѣнныхъ назадъ, но предупредили, что дадутъ два дня на размышленія, и если крѣпость не сдастся, то угроза приведена будетъ въ исполненіе <sup>2)</sup>. Такъ прошло время до 4-го сентября. Начался этотъ день обычными тревогами осажденной и голодной крѣпости. Но въ самый полдень непріятельскія батареи прекратили огонь, и въ персидскомъ лагерѣ было замѣчено необычайное движеніе: какъ громъ разразилось надъ нимъ извѣстіе о битвѣ подъ Шамхоромъ, объ истребленіи авангарда Аббасъ-Мирзы и о занятіи русскими Елисаветполя. Поздно увидѣлъ Аббасъ-Мирза сколько времени потерялъ онъ даромъ, стоя передъ Шушинскою крѣпостью и, бросивъ блокаду, въ ту же ночь со всѣми силами двинулся къ Елисаветполю.

Блокада Шуши была окончена. Карабагъ еще волновался, но то были лишь отголоски пронесшейся бури. Одинъ изъ очевидцевъ этихъ событій <sup>3)</sup> говоритъ въ своихъ запискахъ, что Грузія была обязана спасеніемъ только геройской защитѣ Шуши, которая сорокъ восемь дней держала подъ своими стѣнами персидскую армию, и тѣмъ дала возможность сосредоточить на встрѣчу врагу раз-

---

<sup>1)</sup> Кавказскій Сборникъ, т. XXIV. Журналъ военныхъ дѣйствій въ Карабагѣ 30-го августа.

<sup>2)</sup> Рукописныя записки И. Д. Лазарева.

<sup>3)</sup> Извѣстный Кавказскій генералъ Иванъ Давыдовичъ Лазаревъ. Записки его (рукопись).

брошенные русскія силы. Съ этой точки зрѣнія оборона Шуши получаетъ значеніе не только военнаго подвига, но и важнѣйшаго факта, обнаружившаго огромное вліяніе на весь дальнѣйшій ходъ персидской войны.

Теперь оставимъ на время Карабагъ и перейдемъ къ описанію того, что происходило одновременно съ этимъ въ бывшихъ мусульманскихъ ханствахъ, раскинутыхъ на огромномъ протяженіи отъ Эриванской границы вплоть до береговъ Каспійскаго моря.

---



## Глава V.

Возстаніе въ Елисаветполѣ. — Ночной бой и отступленіе русскихъ. — Измѣна талышинскаго хана. — Осада Ленкорани и отступленіе маіора Ильинскаго на островъ Сару. — Переправа черезъ Куру бакинскаго хана и взятіе имъ Сальянъ. — Стойкая защита Баку. — Событія въ Ширванской и Кубинской провинціяхъ. — Бой у деревни Герджевани и отступленіе генерала Краббе въ Кубу. — Осада персіянами Кубы. — Мнѣніе объ этомъ Ермолова. — Происшествія въ Нухѣ и въ Кахетіи.

Вступая въ Карабагъ главная персидская армія, какъ гигантское чудовище, распростирающее отъ себя по всѣмъ направленіямъ жадныя руки, разослала повсюду сильныя побочныя отряды, спѣшившіе занимать древнія татарскія ханства. Одинъ изъ такихъ отрядовъ, въ два баталіона сарбазовъ съ сильною конницею и шестью орудіями, тянулся къ сторонѣ Елисаветполя. Онъ долженъ былъ возстановить старое Ганжинское ханство и вмѣстѣ съ тѣмъ образовать авангардъ для главныхъ силъ, въ случаѣ движенія ихъ изъ Карабага къ Тифлису.

Впереди этого отряда, осѣняемые большимъ краснымъ знаменемъ, ѣхали три всадника. Одинъ изъ нихъ, еще совсѣмъ молодой человѣкъ, былъ старшій сынъ наслѣдника персидскаго престола, принцъ Мамедъ-Мирза, начальствовавшій этимъ отрядомъ. Отецъ охотно отпустилъ его на ратное поле, разсчитывая, что предпріятіе будетъ не трудное; но тѣмъ не менѣе, не довѣряя малой опытности сына, отправилъ съ нимъ своего шурина, стараго вожда Амиръ-ханъ-сардаря; третій былъ Угурлу-ханъ, сынъ знаменитаго послѣдняго ганжинскаго хана Джевата. Онъ былъ назначенъ правителемъ вновь образованнаго персіянами Ганжинскаго ханства, и теперь ѣхалъ въ Ганжу, какъ въ свое родовое владѣніе, встрѣчаемый на пути толпами татаръ, стекавшимися къ нему со всѣхъ окрестныхъ деревень.

Въ самомъ Елисаветполѣ было далеко не спокойно. При пер-

вомъ извѣстїи о приближенїи персидскихъ войскъ, броженіе среди татарскаго населенїя города сказалось такъ сильно, что заставило русскихъ жителей подумать о своемъ спасенїи. Окружной начальникъ, надворный совѣтникъ Симоновъ, потребовалъ изъ Зурнабада двѣ роты, прикрывавшія карабагскую дорогу, чтобы конвоировать отъѣзжающихъ и казенный обозъ съ дѣлами и казначействомъ. Роты, однако, замедлили прибытіемъ. Тогда многіе изъ русскихъ рѣшились повѣрить свою судьбу счастливой звѣздѣ и безъ конвоя бѣжали изъ города. Обстоятельства вполнѣ ихъ оправдали: всѣ они благополучно добрались до Тифлиса, а оставшіеся въ городѣ были вырѣзаны или захвачены въ плѣнъ.

Возстанїе вспыхнуло вечеромъ 27-го іюля. Толпы вооруженныхъ татаръ, ворвавшись въ крѣпость, устремились прямо къ острогу, гдѣ стоялъ небольшой караулъ отъ инвалидной роты, составлявшей единственный гарнизонъ Елисаветполя. Онъ заперъ ворота; но татары пошли на проломъ и стали кидать въ окна острога кинжалы, чтобы вооружить преступниковъ. Послѣдніе легко разбили тюрьму и напали на караулъ сзади; солдаты были перебиты, а арестанты присоединились къ мятежникамъ. Другая команда, защищавшая повозки, на которыхъ сложено было казначейство, отбилась, и татарамъ удалось захватить лишь нѣсколько тюковъ съ мѣдною монетою, тысячъ пять или шесть; всѣ же ассигнаціи, золото и серебро отстояли и благополучно выпроводили на тифлисскую дорогу; дѣла изъ присутственныхъ мѣстъ спасти не успѣли, и мятежники торжественно сожгли ихъ на площади; русскихъ, не успѣвшихъ бѣжать, разыскивали по всѣмъ домамъ, и изъ ихъ числа, какъ говорятъ офиціальныя свѣдѣнія, 10 человѣкъ были убиты и 254 захвачены въ плѣнъ <sup>1)</sup>.

Такъ началась въ Елисаветполѣ страшная ночь на 28-е іюля. Въ это время отрядъ, слѣдовавшій изъ Зурнабада и задержанный въ пути огромнымъ обозомъ, подошелъ къ городу; но русскихъ въ немъ уже не было. Никѣмъ не предупрежденный о мятежѣ, капитанъ Шнитниковъ выслалъ впередъ поручика Габаева съ 12 ка-

---

<sup>1)</sup> Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣло 1826 года, № 3.

заками; но едва этотъ разъѣздъ втянулся въ узкую улицу, какъ былъ окруженъ татарами и очутился въ плѣну.

Роты остановились передъ запертыми воротами, а между тѣмъ на городскихъ стѣнахъ появились татары и, какъ побѣдители, предложили Шнитникову свои условія. Они соглашались пропустить отрядъ черезъ городъ съ тѣмъ, чтобы онъ, не останавливаясь, шелъ прямо въ Тифлисъ, но требовали, чтобы весь обозъ оставленъ былъ въ городѣ. Храбрый офицеръ отвергнулъ предложеніе и рѣшилъ проложить себѣ дорогу оружіемъ. Ворота были разбиты, но едва роты двинулись впередъ, какъ были встрѣчены изъ всѣхъ домовъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Съ помощью штыковъ и картечи отрядъ сталъ пробиваться на тифлисскую дорогу; но въ темную, безлунную ночь, освѣщаемую только огоньками выстрѣловъ, трудно было ориентироваться, и роты скоро попали въ такой лабиринтъ перепутанныхъ улицъ, что вынуждены были остановиться. Въ это время артиллерійскій офицеръ, поручикъ Харченковъ, и 37 солдатъ были уже убиты; раненыхъ было много. Къ счастью, въ этотъ опасный моментъ явился Габаевъ, котораго армяне успѣли освободить изъ плѣна. Какъ уроженецъ Ганжи, превосходно знавшій расположеніе города, онъ повернулъ отрядъ въ сторону и вывелъ его въ поле по такимъ закоулкамъ, что миновалъ всѣ приготовленныя татарскія засады. Орудія и зарядные ящики были спасены, но обозъ, разумѣется, бросили <sup>1)</sup>.

А между тѣмъ какъ въ Елисаветполѣ шелъ отчаянный бой, персидскій отрядъ, двигавшійся по слѣдамъ зурнабадскихъ ротъ, также приближался къ городу. Богатыя нѣмецкія колоніи, лежавшія на его пути, были сожжены и разграблены. Жители одной изъ нихъ, Анненфельдской, успѣли бѣжать въ Тифлисъ, но другая колонія, Еленендорфская, лежавшая въ семи верстахъ отъ Ганжи, подверглась полному разгрому, и если колонисты спасли свою жизнь, то только при помощи армянъ, укрывшихъ ихъ въ своихъ домахъ въ самомъ Елисаветполѣ. Это была одна изъ цвѣтущихъ виртембергскихъ колоній, имѣвшая до ста прекрасныхъ каменныхъ домовъ <sup>2)</sup>.

<sup>1)</sup> Тамъ же. Записки Коцебу. Кавказскій Сборникъ, т. XXII.

<sup>2)</sup> Тамъ же.

Утромъ 28-го іюля персіяне вступили въ покинутый нами Елисаветполь и заняли крѣпость. Видя персидскія знамена вновь на старыхъ башняхъ Ганжи, татары торжествовали паденіе русскаго владычества, и непосредственнымъ результатомъ этого было общее возмущеніе во всѣхъ татарскихъ ханствахъ, открыто перешедшихъ на сторону нашихъ враговъ. Нельзя не сказать, что въ этомъ случаѣ Аббасъ-Мирза имѣлъ въ своихъ рукахъ опасное для насъ оружіе въ лицѣ изгнанныхъ хановъ, стремившихся вернуть свои владѣнія. И онъ спѣшилъ воспользоваться этимъ оружіемъ. Одновременно съ занятіемъ Елисаветполя, сынъ давно умершаго Селимъ-хана шекинскаго явился въ Нуху, Мустафа—въ Ширвань, сынъ Шихъ-Али-хана—въ Кубинскую провинцію, Гуссейнъ-Кули-ханъ (убійца Циціанова)—въ Баку, Миръ-Гасанъ-ханъ—въ Талыши. Даже грузинскій царевичъ Александръ стремился проникнуть въ Кахетію, а въ Дагестанъ пробрался Сурхай казикумухскій съ своими сыновьями и 15 нукерами. Не всѣ они пришли съ персидскими войсками, но всѣ съ англійскимъ золотомъ, и скоро волны возмущенія охватили всю Кубинскую провинцію вплоть до подножія скалистыхъ громадъ Дагестана. Подъ обаяніемъ минуты народомъ забыты были черныя тѣни, ложившіяся отъ ханскаго престола на сонмы его раболѣпныхъ слугъ, и эти старые слуги первыми являлись привѣтствовать возрождающуюся въ краѣ ханскую власть. Такимъ образомъ, все пространство отъ турецкой границы до отдаленнѣйшихъ предѣловъ Талышинскаго ханства было охвачено пламенемъ бунта, и древняя Грузія, какъ въ давно забытыя времена, была окружена теперь плотною стѣною враждебныхъ мусульманскихъ земель.

Волненіе, подготовлявшееся заранѣе персидскими эмиссарами, обнаружилось прежде всего въ Талышинскомъ ханствѣ. Тамъ случилось одно происшествіе, долго остававшееся для всѣхъ не разрѣшимую загадкою. 4-го іюля 1826 года, слѣдовательно за долго еще до персидскаго вторженія, тогдашній владѣлецъ ханства Миръ-Гасанъ-ханъ внезапно, безъ всякой видимой причины, бѣжалъ изъ Ленкорани въ Персію. Онъ даже бросилъ семейство, и ничего не успѣлъ спасти изъ имущества, задержаннаго русскими. По-

бѣгъ Миръ-Гасанъ-хана былъ тѣмъ болѣе страннымъ, что со стороны Россіи не было къ нему дано ни малѣйшаго повода, а ханскій родъ издавна отличался вѣрностью. Отецъ Гасана представлялъ неоднократно доказательства непримиримой вражды къ персіянамъ, да и самъ Гасанъ въ 1812 году выдержалъ отъ нихъ жестокою блокаду въ горахъ. Талышинцы съѣли тогда всѣхъ лошадей и верблюдовъ, но не сдались и были выручены Котляревскимъ. Эту черту семейной вѣрности сохранила и теперь сестра бѣжавшаго хана, Беюкъ-ханумъ. Узнавъ объ измѣнѣ брата, она удалилась въ Баку и добровольно отказалась въ пользу казны отъ всѣхъ земель, принадлежавшихъ ей въ Талышинскомъ ханствѣ. Впослѣдствіи она приняла христіанство и довольствовалась дарованною ей скромною пожизненною пенсією.

Непонятный вначалѣ побѣгъ хана скоро нашелъ свое объясненіе въ надвигавшейся на насъ персидской войнѣ. Но Миръ-Гасанъ-ханъ не сталъ даже ожидать вторженія персіянъ, а 7-го іюля съ толпами мятежныхъ татаръ самъ напалъ на наши разбросанные посты, стоявшіе въ Астарѣ, Архевани, Кизиль-Агачѣ и Гермѣ. Астаринскій постъ успѣлъ отступить, остальные, какъ увидимъ, погибли <sup>1)</sup>.

Во всемъ Талышинскомъ ханствѣ стоялъ въ то время только одинъ Каспійскій морской баталіонъ, силою въ 660 штыковъ, да полусотня донскихъ казаковъ, подъ общимъ начальствомъ баталіоннаго командира, маіора Ильинскаго. Онъ поздно получилъ извѣстіе объ опасности, угрожавшей постами, и тотчасъ выслалъ на помощь къ нимъ два небольшіе отряда: одинъ, подъ командой капитана Перкина, къ Архевани, а другой съ капитаномъ Музайко—къ Кизиль-Агачу. Спасти Гермійскій постъ, находившійся въ 150-ти верстахъ, не представлялось никакой возможности.

Подходя къ Архевани и узнавъ, что постъ уже взятъ и гарнизонъ истребленъ, Перкинъ повернулъ назадъ; Музайко успѣлъ присоединить къ себѣ кизиль-агачскую команду, но затѣмъ участь обоихъ отрядовъ была одинакова. Окруженные на возвратномъ пу-

<sup>1)</sup> Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Журналъ военныхъ дѣйствій въ бывшихъ татарскихъ провинціяхъ. Дѣло 1826 года, № 10.

ти превосходными силами, они выдержали упорный бой. Музейко былъ убитъ; оба отряда понесли поражение и, не имѣя возможности возвратиться прежнимъ путемъ, пробрались камышами къ морю, откуда уже на рыбачьихъ лодкахъ ихъ перевезли въ Ленкорань.

Объ участи Гермійскаго поста долго не было свѣдѣній, но, наконецъ, узнали, что 12-го іюля гарнизонъ его, состоявшій изъ 36 человѣкъ, съ поручикомъ Свистуновымъ, былъ осажденъ огромными толпами татаръ. Засѣвъ въ остаткахъ каменнаго укрѣпленія, команда отбивалась болѣе сутокъ; но когда на слѣдующій день въ помощь къ татарамъ подошелъ баталіонъ персидскихъ сарбазовъ, защита стала не возможною. Свистуновъ вступилъ въ переговоры и, положившись на честное слово, что будетъ пропущенъ съ оружіемъ въ рукахъ, вышелъ изъ укрѣпленія. Только этого и ждали татары; они набросились на него со всѣхъ сторонъ, и гарнизонъ частью былъ перебитъ, а частью захваченъ въ плѣнъ. Много погибло также людей, захваченныхъ въ поляхъ по одиночкѣ или небольшими командами. Вообще въ эти первые дни, ознаменованные повсемѣстно успѣхами мятежниковъ, мы потеряли 4-хъ офицеровъ <sup>1)</sup> и 20 нижнихъ чиновъ убитыми, ранеными и взятыми въ плѣнъ.

Теперь Ильинскому съ остатками баталіона, уменьшившагося до 450 человѣкъ, оставалось одно—защищать Ленкорань. Но Ленкорань была уже не тою сильною крѣпостью, которую когда то бралъ Котляревскій; самый наружный видъ ея совершенно измѣнился: укрѣпленія были разрушены, казармы снесены бурунами. Море, обрушивъ часть берега, подошло къ подножью самой стѣны, поглотивъ даже кладбище, гдѣ покоились герои Котляревскаго штурма. Съ другой стороны Ильинскій не могъ рассчитывать ни на какую помощь извнѣ. Ближайшія къ нему русскія войска находились за 220 верстъ, въ Ширвани, которая и сама нуждалась въ охранѣ, да и этотъ резервъ состоялъ всего изъ двухъ ротъ егерей, занимавшихъ Старую Шемаху. Къ счастью, на Ленкоранскій рейдъ въ то время прибыла часть Каспійской флотилии, которая забрала изъ Ленкорани баталіонный лазаретъ, цейхгаузъ, солдатскія семейства, а также жителей, оставшихся намъ вѣрными, и

<sup>1)</sup> Тамъ же.

для безопасности перевезла ихъ на островъ Сару. Избавившись отъ лишняго населенія и тяжестей, Ильинскій наскоро привелъ Ленкорань въ кое-какое оборонительное состояніе, исправилъ по мѣстамъ стѣны, вырубилъ околный лѣсъ, сжегъ баталіонныя казармы, стоявшія внѣ укрѣплений, и затѣмъ, усиливъ свою артиллерию шести-фунтовымъ чугуннымъ орудіемъ, взятымъ съ одного изъ корветовъ, заперся въ Ленкорани.

25-го іюля, въ тотъ самый день, когда началась блокада Шуши, мулла Миръ-Азисъ съ двумя баталіонами персидской пѣхоты и четырехтысячной талышинской конницей приблизился къ крѣпости и потребовалъ сдачи. Перечисляя всѣ силы, которыми располагали персіяне, Миръ-Азисъ писалъ, „что 12 тысячъ сарбазовъ и съ ними шахскій сынъ, Али-Наги-Мирза, стоятъ подъ Ленкоранью и только ждутъ мановенія, чтобы истребить невѣрныхъ и выкрасить ихъ кровью волны Каспійскаго моря“ <sup>1)</sup>. Парламентеръ отправленъ былъ назадъ съ отвѣтомъ, что крѣпость будетъ защищаться. Шесть дней гарнизонъ выдерживалъ усиленное бомбардированіе, сдѣлавъ даже смѣлую вылазку, но долѣе защищаться было нельзя. Двѣ полупудовыя персидскія гаубицы и четыре орудія большого калибра день и ночь громили ветхія крѣпостныя стѣны, а между тѣмъ 30-го іюля получено было извѣстіе, что Баку и Ширвань уже заняты персіянами, и всѣ сообщенія крѣпости съ ближайшими провинціями отрѣзаны. Тогда Ильинскій собралъ военный совѣтъ, на которомъ всѣ высказались за то, что держаться въ полуразрушенномъ укрѣпленіи невозможно. Того же мнѣнія былъ и начальникъ Каспійской флотиліи капитанъ-лейтенантъ баронъ Левендаль,—тѣмъ болѣе, что русскія суда, стоявшія на открытомъ рейдѣ, при сильныхъ вѣтрахъ ничѣмъ не могли помочь гарнизону. Оставленіе Ленкорани было рѣшено единогласно.

Ночью 1-го августа, какъ только взошла луна, русская флотилія, состоявшая изъ одного корвета, двухъ бриговъ и тендера, приблизилась къ крѣпости и войска, захвативъ съ собою пять мѣдныхъ орудій, сѣли на суда и отплыли на островъ Сару. Ленкорань была брошена. Капитанъ Перкинъ, оставшійся съ 20-ю сол-

<sup>1)</sup> Тамъ же.

датами въ крѣпости, заклепаль чугунную пушку, а все имущество, которое нельзя было взять съ собою, облилъ фотогеномъ и размѣстил между пороховыми бочками. Затѣмъ стопинъ былъ зажженъ, и едва команда, бросившаяся въ лодки, отвалила отъ берега, какъ крѣпость взлетѣла на воздухъ <sup>1)</sup>. Съ уходомъ Ильинскаго персіяне сдѣлались полными хозяевами края.

У современниковъ, да и въ позднѣйшихъ историкахъ, писавшихъ о персидской войнѣ, замѣчается стремленіе обвинить Ильинскаго въ малодушіи или, по крайней мѣрѣ, въ растерянности. Обвиненія эти основываются главнымъ образомъ на письмахъ его къ Вельяминову, гдѣ онъ сообщалъ, между прочимъ, „что находится совсѣмъ въ рукахъ злодѣя, что все его любезное войско приходитъ въ упадокъ и что онъ считаетъ себя совершенно погибшимъ, не видя помощи и прося ея со всѣхъ сторонъ...“ <sup>2)</sup>. Но исторія должна придавать значеніе не словамъ, срывающимся иногда случайно, а фактамъ,—и шестидневная защита четырехсотъ солдатъ въ полуразвалившейся крѣпости, отрѣзанной отъ всѣхъ сообщеній и не имѣвшей даже достаточнаго количества прѣсной воды, заслуживаетъ полного вниманія, тѣмъ болѣе, что, рѣшаясь покинуть Ленкорань, Ильинскій не оставилъ въ рукахъ непріятеля ни одного трофея и сдалъ ему не крѣпость, а однѣ развалины.

„Отсупленіе Каспійскаго баталіона, — говоритъ Ермоловъ въ своемъ донесеніи,—почитаю я весьма счастливымъ событіемъ, ибо въ дѣйствіи противъ него были уже два регулярныхъ баталіона съ артиллеріей, къ которымъ возмутившійся талышинскій ханъ присоединился самъ съ четырехтысячной милиціей. Непріятель не сумѣлъ воспрепятствовать отплытію Каспійскаго баталіона, и сіе, по расторопности морскихъ офицеровъ, совершилось на мелкихъ судахъ, которыя захватили у жителей безъ всякой потери. Нѣсколько времени послѣ баталіонъ остался бы безъ защиты отъ непріятеля, несравненно превосходнѣйшаго“ <sup>3)</sup>.

Въ то время какъ Талышинское ханство стояло уже въ огнѣ,

1) Тамъ же.

2) Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣло № 22. Письма Ильинскаго къ И. А. Вельяминову 1-му отъ 10-го и 11-го іюля.

3) Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣло 1826 г., № 3.



трехтысячный персидскій отрядъ, приведенный бѣглымъ Гуссейнъ-ханомъ бакинскимъ, переправился 26-го іюля черезъ Куру у Джевата и захватилъ Сальянскіе рыбные промыслы. Стоявшая здѣсь апшеронская рота отступила въ Шемаху; промыслы были разграблены, рабочіе вырѣзаны, а находившаяся здѣсь небольшая команда, въ числѣ 2-хъ офицеровъ и 35 солдатъ, спаслась только тѣмъ, что, бросившись въ море, доплыла до русской шхуны, которая доставила ее на островъ Сару. Но на этомъ успѣхи Гуссейна и кончились. Пока бакинская крѣпость находилась въ нашихъ рукахъ, до тѣхъ поръ общаго открытаго возстанія въ провинціи быть не могло. Гуссейнъ-ханъ не нашелъ себѣ поддержки въ жителяхъ, которые отнеслись къ нему довольно индифферентно, и пока всѣы не склонялись еще ни на ту, ни на другую сторону, держались въ выжидательномъ положеніи. Между тѣмъ, персіанамъ взять Баку было не легко: крѣпость, вооруженная сорока орудіями, находилась въ исправномъ видѣ, и ея двойныя стѣны, рвы, выложенные камнемъ, и наружныя пристройки являлись неодолимою преградой для трехтысячной конницы, которую привелъ съ собою Гуссейнъ. Форштадтъ, откуда непріятель могъ вредить намъ своими выстрѣлами, былъ сожженъ, и все вниманіе коменданта, полковника барона Розена, сосредоточилось исключительно на оборонѣ лишь самой крѣпости. Правда, въ его распоряженіи находилось всего 500 человѣкъ старыхъ гарнизонныхъ солдатъ <sup>1)</sup>, которыхъ было недостаточно даже для занятія стѣнъ, но онъ сумѣлъ одушевить ихъ надеждою на близкую помощь; и, дѣйствительно, несмотря на то, что Каспійское море покрылось многочисленною персидскою гребною флотиліею, ему удалось перевезти съ острова Сару весь баталіонъ Ильинскаго. Съ этихъ поръ оборона крѣпости была обезпечена.

Нѣсколько разъ персіане пытались итти на приступъ, таща за собою фашины и огромныя лѣстницы, но всякій разъ, встрѣчаемые огнемъ 40 орудій, поворачивали назадъ, а между тѣмъ гарнизонъ дѣлалъ смѣлыя и частыя вылазки. Послѣ долгихъ, безплодныхъ усилій одолѣть крѣпость открытою силой, Гуссейнъ обложилъ

<sup>1)</sup> Три роты Бакинскаго гарнизоннаго баталіона.

Баку съ моря и съ суши; но продовольствіе въ крѣпости было достаточно, и если гарнизонъ нуждался, то только въ дровахъ, да и тѣ добывались въ сожженномъ форштадтѣ. Случилось въ одну изъ такихъ фуражировокъ, 1-го сентября, рота Каспійскаго баталіона внезапно подверглась нападенію персидской конницы и потеряла одного офицера и 29-ть нижнихъ чиновъ, но это была и единственная потеря наша за все время блокады. Впослѣдствіи ходили слухи, что непріятель замышлялъ перерыть каналъ, снабжавшій городъ извнѣ прѣсною водою,—и тогда положеніе Баку, конечно, стало бы опаснымъ; но, къ счастью, персіане приступили къ работамъ слишкомъ поздно, и тѣмъ дали возможность гарнизону продержаться до тѣхъ поръ, пока измѣнившіяся обстоятельства войны, какъ увидимъ, не вынудили самихъ персіанъ поспѣшно бѣжать за Куру <sup>1)</sup>).

Совсѣмъ въ другомъ положеніи находились дѣла въ Ширванской и Кубинской провинціяхъ. Еще 18-го іюля, когда двѣ роты 42-го егерскаго полка, вызванные въ Карабагъ, ушли изъ Шемахи, Ермоловъ предписалъ генераль-маіору Краббе зорко слѣдить за Ширванской провинціей и при первыхъ признакахъ возмущенія въ ней занять Шемаху, оставшуюся безъ войска. Въ общемъ ходѣ тогдашнихъ событій Ермоловъ придавалъ Ширвани огромное значеніе, такъ какъ отсюда мятежъ могъ пройти уже сквозною полосою вплоть до горъ Дагестана и захватить Южную Табасаранъ, Кюру и Казикумухъ. Въ Дагестанѣ у насъ въ то время было только пять баталіоновъ пѣхоты, изъ которыхъ шесть ротъ Куринскаго полка стояли въ крѣпости Бурной и шесть ротъ въ Дербентѣ, а два баталіона апшеронцевъ, въ видѣ подвижного резерва, сосредоточены были въ Новой Кубѣ (Кусары), имѣя одну роту въ отдѣлѣ для охраны Сальянскихъ промысловъ; остальной баталіонъ Апшеронскаго полка находился далеко отъ Дагестана, на Кавказской линіи, и наблюдалъ за Чечнею. Краббе получилъ предписаніе Ермолова почти одновременно съ извѣстіемъ, что за Курую, на Муганской степи, появился давно бѣжавшій отъ насъ Мустафа-ханъ ширванскій съ сильною персидскою конницей, и что за

<sup>1)</sup> Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣло 1826 г., № 10.

нимъ идутъ еще нѣсколько баталіоновъ сарбазовъ. Три роты Апшеронскаго полка съ тремя орудіями и триста всадниковъ кубинской милиціи немедленно пошли изъ Кубы форсированнымъ маршемъ, и 23-го іюля были уже въ Шемахѣ. Туда же возвратились двѣ егерскія роты, неуспѣвшія пробиться въ Карабагъ, и отступила рота апшеронцевъ съ Сальянскихъ промысловъ. Отрядъ образовался достаточно сильный, но и дѣла принимали оборотъ серьезный. Краббе, прибывшій въ Шемаху 25-го іюля, нашелъ провинцію уже въ полномъ возмущеніи. Вооруженные татары, конными и пѣшими толпами, стремились по дорогамъ къ Курѣ навстрѣчу приближавшемуся хану; армяне, подъ угрозой рѣзни, прятались по своимъ деревнямъ и не смѣли открыто принять сторону русскихъ; они сообщили только, что на другой день, 26-го іюля, Мустафа занялъ городъ Ахсу (Новая Шемаха) и въ ожиданіи сарбазовъ расположился лагеремъ. Казачій разъѣздъ, стоявшій на дорогѣ, былъ атакованъ татарами и отступилъ, потерявъ 4-хъ казаковъ убитыми.

Положеніе Краббе было не легкое. Несмотря на то, что Ахсу находилось отъ насъ всего въ 15-ти верстахъ, никакихъ точныхъ свѣдѣній о непріятелѣ добыть было невозможно; никто изъ жителей не брался за ремесло лазутчика, казаковъ было слишкомъ мало, а кубинская конница не смѣла далеко отъѣзжать отъ города. Продовольствія въ краѣ достать было также нельзя; все, что было заготовлено нами внутри провинціи, досталось въ руки татаръ, а въ Кубѣ и Дербентѣ никакихъ запасовъ не было. Правда, армяне по ночамъ привозили хлѣбъ, но онъ былъ въ зернѣ, а молотъ было негдѣ, такъ какъ татары предусмотрительно сожгли всѣ ближайшія мельницы. Такимъ образомъ, обѣ стороны нѣкоторое время стояли другъ противъ друга въ полномъ бездѣйствіи. Наконецъ, 1-го августа, къ намъ подошли изъ Дербента еще двѣ роты Куринскаго полка съ двумя орудіями, и въ то же время получено было извѣстіе, что сильный персидскій отрядъ, подъ начальствомъ одного изъ братьевъ Аббасъ-Мирзы, уже подходитъ къ Джевату, гдѣ для него устроена переправа. Дабы помѣшать соединенію непріятеля, Краббе рѣшился перейти въ наступленіе, и 8-го августа

съ баталіономъ апшеронцевъ двинулся къ Ахсу, разсчитывая разбить Мустафу прежде, нежели къ нему подойдутъ сарбазы. Но Мустафа уклонился отъ боя и отступилъ къ дер. Герджевани, гдѣ занялъ сильно укрѣпленную позицію. Убѣдившись, что фронтальная атака будетъ стоить значительной потери, а притянуть войска изъ Шемахи и оставить городъ безъ обороны—рискованно, Краббе расположился въ виду непріятеля у дер. Шихъ-Мезигъ и простоялъ нѣсколько дней, выдерживая непрерывныя атаки персидской кавалеріи. Наконецъ, 7-го августа къ намъ прибыли еще двѣ роты Куринскаго полка со взводомъ артиллеріи, и только тогда Краббе рѣшился продолжать военныя дѣйствія. Онъ вызвалъ изъ Шемахи двѣ роты егерей съ двумя орудіями и вмѣстѣ съ сотнею армянской конницы, набранной изъ волонтеровъ, приказалъ имъ обойти непріятельскую позицію съ тылу. Городъ остался подъ защитой куринцевъ. Егеря выступили въ ночь на 8-е августа, но движеніе ихъ скоро открыто было непріателемъ, и Мустафа, спустившись съ высотъ, обрушился на нихъ со всѣми своими силами. Бой завязался жаркій. Между тѣмъ Краббе, воспользовавшись этимъ моментомъ, быстро двинулся впередъ съ своимъ баталіономъ и почти безъ боя захватилъ высоты. Поставленный между двумя огнями, Мустафа былъ разбитъ, но и съ нашей стороны вышло изъ фронта 4 офицера и 65 нижнихъ чиновъ; одна армянская сотня потеряла 14 человекъ убитыми.

Пораженіе Мустафы не принесло намъ однако существенной пользы. Ширвань продолжала волноваться, а Краббе изо дня въ день получалъ между тѣмъ все болѣе и болѣе тревожныя извѣстія; Талыши были нами покинуты, Баку находилась въ осадѣ, а Нуха занята персіянами; въ Дагестанѣ бунтовала Южная Табасаранъ, а въ Казикумухъ шли битвы съ Сурхаемъ; ходили также слухи, что Мустафа, разбитый нами при Герджевани, соединился съ сарбазами и, обойдя Шемаху, намѣревался отрѣзать насъ отъ Кубинской провинціи, находившейся уже въ полномъ возстаніи. При такихъ обстоятельствахъ Краббе считалъ невозможнымъ удержать за собою Ширвань и рѣшилъ отступить въ Кубу. Ширванское ханство осталось во власти непріятеля.

Отступленіе началось 15-го августа. Лишенные содѣйствія жителей, войска принуждены были оставить на мѣстѣ почти весь обозъ и даже заручную аммуницію, взявъ съ собою только путевое довольствіе, больныхъ и раненыхъ. Комендантъ Шемахи подполковникъ Ашенбергъ доносилъ Ермолову, что успѣлъ спасти лишь казенныя деньги и конфискованный шелкъ, а дѣла и отчеты достались непріятелю. Самъ Ашенбергъ покинулъ Шемаху со всѣми чиновниками, и слѣдовалъ пѣшкомъ за отрядомъ. На пути получены были наконецъ болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о томъ, что происходило въ Кубинской провинціи. Оказалось, что сынъ умершаго Шихъ-Али-хана, владѣвшаго нѣкогда Дербентомъ и Кубою, пробрался въ горныя магалы и поднялъ въ нихъ знамя возстанія. Татарскіе беки, явившіеся къ нему на поклонъ, первые провозгласили его законнымъ наслѣдникомъ отцовскихъ владѣній, а подъ ихъ давленіемъ волею-неволею присоединился къ нимъ и черный народъ. Возстаніе распространилось быстро, и сообщеніе съ Дербентомъ было перервано.

Въ Новой Кубѣ (Кусары) стоялъ въ то время только баталіонъ Апшеронскаго полка, охранявшій свою штабъ-квартиру. Свободныхъ войскъ болѣе не было; и тѣмъ не менѣе командиръ полка полковникъ Мищенко, старый кавказскій ветеранъ, немедленно отправилъ роту съ двумя орудіями, подъ командой маіора Марченко, въ Бармакскій магалъ, гдѣ сынъ Шихъ-Али-хана основалъ временную свою резиденцію. Къ ротѣ присоединилось еще триста челоѣкъ казикумухской конницы, но такъ какъ всего этого было слишкомъ недостаточно, чтобы потушить начавшійся пожаръ, то генералъ Краббе 18-го августа отправилъ на помощь къ Марченко еще семь ротъ и семь орудій изъ своего отряда. Бармакскій магалъ такимъ образомъ былъ занятъ прочно. Марченко расположилъ свои войска у д. Хизы, представлявшей главный стратегическій пунктъ, и, заперевъ мятежникамъ выходъ изъ горъ на равнину, вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдалъ за большой шемахинской дорогой, откуда могла подойти къ нимъ помощь. Самъ Краббе съ остальнымъ войскомъ продолжалъ въ это время свой путь, слабо преслѣдуемый легкими татарскими партіями, и только 24-го августа

прибыль въ Новую Кубу. Здѣсь онъ нашель, кромѣ трехъ апшеронскихъ ротъ, еще двѣ роты Куринскаго полка, спѣшно прибывшія изъ Бурной, и расположилъ свой отрядъ слѣдующимъ образомъ: пять ротъ остались для защиты штабъ-квартиры полка, рота отправлена въ м. Зіахуры на сообщеніе съ Дербентомъ, а двѣ роты—въ Старую Кубу, какъ главный административный пунктъ провинціи, требовавшій бдительнаго надзора вслѣдствіе волненій, начинавшихся и въ городѣ и въ окрестныхъ селеніяхъ.

Въ такомъ расположеніи войска оставались до 6-го сентября, когда получено было извѣстіе, что на помощь къ кубинскимъ мятежникамъ идетъ изъ Шемахи значительный персидскій отрядъ. Марченко тотчасъ перемѣнилъ позицію и сталъ на рѣчкѣ Гильгени у Кизиль-Агача, чтобы преградить ему дорогу. Персіане остановились у д. Джанговъ. Нѣсколько дней шли перестрѣлки, а 11-го числа Марченко самъ атаковалъ персіанъ и взялъ деревню штыками. Но это былъ только авангардъ, а на слѣдующій день появились передъ нами главныя персидскія силы. Здѣсь было тысячъ пять пѣхоты и конницы съ сильной артиллеріей. Марченко отступилъ въ Старую Кубу. Въ то же время пришло извѣстіе, что рота Куринскаго полка, посланная съ поручикомъ Козловскимъ въ д. Зіахуры, была окружена полутора-тысячною толпою мятежниковъ. Три дня выдерживала она отчаянные приступы, но когда вода изсякла и вышли патроны, Козловскій ночью покинулъ постъ и скрытыми путями благополучно добрался до Дербента. Краббе теперь оставалось одно—сосредоточить весь свой отрядъ въ одномъ какомъ либо пунктѣ, и онъ избралъ Старую Кубу, такъ какъ держаться въ неукрѣпленной штабъ-квартирѣ признавалъ не возможнымъ. Выступили изъ Кусаровъ 17-го сентября, но этотъ небольшой переходъ, всего 12 верстъ, былъ еще тяжелѣе, чѣмъ отступление изъ Шемахи. Масса полковыхъ тяжестей, 600 человекъ больныхъ, солдатскія жены, дѣти, перевозимое имущество—все требовало охраны, и все это двигалось длинною растянувшеюся лентою по узкой лѣсной дорогѣ, при безпрерывныхъ нападеніяхъ мятежниковъ. Перестрѣлка шла все время, и только благодаря стойкости войскъ, покушенія непріятеля на нашъ громаднй транспортъ нигдѣ не имѣли успѣха.

Вечеромъ 17-го сентября Краббе прибылъ наконецъ въ Кубу, а на слѣдующій день персіане обложили городъ, и русскій отрядъ очутился въ блокадѣ. Непріятель пытался было овладѣть городскимъ предмѣстьемъ, и два раза бросался на приступъ, но былъ отбитъ. Тревожиться за участь Кубы, конечно, было нечего: русскій отрядъ (почти четыре баталіона при 13-ти орудіяхъ), былъ слишкомъ силенъ, чтобы испытать серьезную неудачу; но, запертый въ Кубѣ, онъ становился бесполезнымъ для дѣйствія въ краѣ, и въ этомъ смыслѣ Ермоловъ считалъ распоряженія Краббе въ высшей степени ошибочными. „Удивляюсь я, — писалъ онъ князю Мадатову, — какъ залѣзъ въ Кубу генераль Краббе? Неужели не могъ онъ совладать со сволочью? Бѣсять меня подобныя мерзости, которыя при малѣйшей распорядительности случаться не должны“.

Но, такъ или иначе, Куба, подобно Баку, стояла въ тѣсной блокадѣ, а Дагестанъ остался безъ войскъ.

Обстоятельства теперь осложнились. Правда, персіане не осмѣливались вступить въ Дагестанъ, но зато послали туда злѣйшаго врага Россіи, бывшаго казикумухскаго хана Сурхая съ грудами англійскаго золота. Мятежъ тотчасъ нашелъ себѣ отголосокъ въ Южной Табасарани и грозилъ разлиться по сосѣднимъ странамъ: Каракайтагу, Кюрѣ и Казикумуху. Къ счастью, въ этотъ критическій моментъ сильный акушинскій народъ наотрѣзъ отказался участвовать въ возстаніи и даже персидскія прокламаціи переслалъ къ Ермолову. Въ то же время шамхаль Тарковский употреблялъ всѣ средства, чтобы удержать въ повиновеніи весь Сѣверный Дагестанъ, а Асланъ-ханъ дѣлалъ тоже по отношенію къ Южному. Тогда Сурхай собралъ въ горахъ наемное войско съ тѣмъ, чтобы прежде всего наказать Асланъ-хана, и съ трехъ сторонъ пошелъ на Казикумухъ. Асланъ-ханъ, собственная участь котораго зависѣла теперь отъ побѣды, встрѣтилъ его съ казикумухами на границѣ своихъ владѣній, и бой, почти одновременно происходившій въ трехъ различныхъ мѣстахъ: при Кинсарѣ, Андалалѣ и Мурджи, окончился совершеннымъ пораженіемъ Сурхая. Эта побѣда дала чрезвычайно важные результаты: Сурхай бѣжалъ въ Сагратло и, послѣ тщетныхъ попытокъ собрать новое войско, умеръ

всѣми покинутый и всѣми забытый. Дагестанъ затихъ, и до самаго конца персидской войны остался спокойнымъ; затихла и Табасаранъ, ограничившись прибрежными грабежами, и только въ Кубѣ продолжались еще военныя дѣйствія.

Ранѣе чѣмъ разыгрались всѣ эти событія, сосѣдняя съ Кубою Шекинская провинція давно уже была занята персіянами. Тамъ въ концѣ іюля появился нѣкто Гуссейнъ-ханъ—послѣдняя отрасль когда то грознаго шекинскаго владѣтельнаго дома. Отецъ Гуссейна, Селимъ, добровольно вступившій въ русское подданство, бѣжалъ при Гудовичѣ въ Персію, и тамъ умеръ; владѣнія его перешли тогда въ руки чуждыхъ народу хойсскихъ выходцевъ, а послѣ кончины послѣдняго изъ нихъ, уже при Ермоловѣ, обращены въ простую русскую провинцію. Разсчитывая на то, что народъ сочувственно приметъ Гуссейна, какъ потомка своихъ старыхъ хановъ, персіяне дали ему отрядъ и поручили организовать народное возстаніе. Выборъ ихъ оказался не удачнымъ. Гуссейнъ, дѣйствительно, занявъ Нуху, откуда двѣ русскія роты безъ боя отступили въ Кахетію,—но этимъ вся дѣятельность его и ограничилась. Онъ засѣлъ въ раззолоченныхъ покояхъ своего нухинскаго дворца и проводилъ безмятежные часы, нисколько не заботясь объ утвержденіи своей шаткой власти. Въ народной памяти Гуссейнъ дѣйствительно сохранился въ образѣ пустого и лѣниваго человѣка, ставшаго притчею во языцѣхъ. Напрасно Аббасъ-Мирза требовалъ, чтобы онъ, соединившись съ джарцами, шелъ на Кахетію. Гуссейнъ отвѣчалъ, что поджидаетъ на помощь царевича Александра, и никуда не шелъ. Шекинская область, такимъ образомъ, если временно и была отторгнута отъ Россіи, то не доставляла въ политическомъ отношеніи никакихъ выгодъ и Персіи.

Не миновали волны возмущенія и странъ, непосредственно прилегавшихъ къ Грузіи: Кахетіи угрожали лезгины Джаро-Белоканской области; Сомхетіи и Карталиніи—жители татарскихъ дистанцій. Казахъ еще сдерживался присутствіемъ въ немъ грузинскаго баталіона, вызваннаго съ Лезгинской линіи, но Борчала и Шамшадиль открыто отложились отъ русскихъ. Конвой, находившійся при шамшадильскомъ приставѣ, былъ вырѣзанъ такъ, что изъ не-



го спаслось только два казака и то одинъ раненый. Самъ представъ, подполковникъ Остроуховъ, былъ вѣроломно захваченъ татарами, и тѣ, которымъ онъ безусловно вѣрилъ и которыхъ ласкалъ, теперь намѣревались отправить его, какъ плѣнника, къ эриванскому сардарю. Армяне давно предупреждали его объ опасности, но онъ приписывалъ совѣты ихъ интригамъ и не хотѣлъ ихъ слушать<sup>1)</sup>. И вотъ, когда гроза разразилась, эти же люди явились его избавителями: они дали ему средства бѣжать и долго скрывали въ своихъ деревняхъ, рискуя навлечь на себя безпощадную месть шамшадильцевъ. Графъ Симоничъ съ грузинскимъ баталіономъ двинулся было изъ Казаха въ Шамшадиль для подавленія беспорядковъ, но все татарское населеніе быстро откочевало въ горы, и Симоничъ, найдя аулы пустыми, возвратился назадъ.

Кахетія, въ силу своего положенія на рубежѣ Лезгистана, неминуемо должна была сдѣлаться и дѣйствительно сдѣлалась ареною мелкихъ лезгинскихъ разбоевъ, которые становились тѣмъ смѣлѣе, чѣмъ настойчивѣе шла Персія къ затаенной цѣли—завоеванію своихъ старыхъ провинцій. Настроеніе джарцевъ, какъ всегда, служило настоящимъ барометромъ политическихъ колебаній Персіи. Тихо зрѣло среди нихъ глубоко зарытое сѣмя вражды и ожидало лишь удобныхъ обстоятельствъ для всхода; только изрѣдка сквозь лукавую азіятскую скрытность прорывалось тайное недоброжелательство и напоминало начальникамъ края о необходимой осторожности. Подстрекаемые теперь Аббасъ-Мирзою, не скупившемся на обѣщанія, джарцы пригласили къ себѣ на помощь пять тысячъ лезгинъ изъ вольныхъ обществъ Нагорнаго Дагестана и отправили старшинъ привѣтствовать Шахъ-Заде, остановившагося передъ Шушою. Возвращеніе пословъ было настоящимъ народнымъ триумфомъ: Шахъ-Заде извѣщалъ, что идетъ на Тифлисъ, что царевичъ Александръ находится при эриванскомъ сардарѣ и скоро будетъ у нихъ съ войсками.

Съ своей стороны Ермоловъ, получивъ эти извѣстія, распорядился, чтобы войска оставшіяся въ Кахетіи „соединились вмѣстѣ, не теряя времени и не дожидаясь пока возмутятся джарцы“. „У

<sup>1)</sup> Репортъ тифлискаго губернатора Ховена 3-го августа 1826 г., № 3237. Кавказскіи Сборникъ, т. XIV.

многихъ военныхъ людей, особенно у грузинъ,—писаль онъ князю Эристову,—есть нелѣпая мысль, чтобы все защищать вдругъ, разбросать по частямъ всѣ войска, и нигдѣ не имѣть достаточной силы. Оттого и происходитъ, что гдѣ бы не появился непріятель, мы слабы и успѣховъ его остановить не можемъ“ <sup>1)</sup>).

Опорнымъ пунктомъ Кахетіи были избраны Царскіе Колодцы; но кромѣ постоянного гарнизона—трехъ ротъ Ширванскаго полка <sup>2)</sup>, да запаснаго эскадрона нижегородцевъ, другихъ войскъ въ нихъ не было <sup>3)</sup>. Изъ двухъ баталіоновъ грузинскихъ гренадеръ одинъ занималь посты на Лезгинской линіи, другой ушелъ въ татарскія дистанціи, куда вслѣдъ за нимъ готовился выступить и весь Нижегородскій драгунскій полкъ. Царскіе Колодцы между тѣмъ укрѣплялись. „Тебѣ нужно сколь возможно стѣснить твое квартирное расположеніе,—писаль Ермоловъ командиру Ширванскаго пѣхотнаго полка полковнику Ковалеву,—и превратить ее въ укрѣпленіе, дабы можно было защищаться съ малымъ числомъ. Съ твоими людьми соединятся остатки драгунскаго полка, ибо полкъ беру я въ походъ. Имущество ваше должно быть вмѣстѣ; потолкуй съ Иваномъ Петровичемъ (Шабельскимъ) сколько у него останется людей въ запасномъ эскадронѣ, и не будетъ ли еще новыхъ, у которыхъ нѣтъ лошадей. Они не мало усилятъ оборону, которая должна быть настолько обширна, насколько потребуетъ того необходимость“... „Нѣтъ сомнѣнія,—прибавлялъ онъ далѣе,—что лезгины не придутъ атаковать вашихъ квартиръ, но укрѣпленіе оныхъ потому необходимо, чтобы не боялись ваши бабы, которыя въ такихъ случаяхъ производятъ величайшіе безпорядки. У тебя изъ трехъ ротъ въ командировкѣ только 140 человекъ, слѣдовательно съ запаснымъ эскадрономъ драгунъ соберется людей достаточно; не всѣ же и женатые должны быть съ своими бабами“ <sup>4)</sup>)... Получивъ приказаніе готовиться къ походу, Нижегородскій полкъ перешелъ въ

<sup>1)</sup> Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Журналъ Ермолова по части военной. Предписаніе Эристову 3-го августа 1826 года.

<sup>2)</sup> Четвертая рота находилась въ Нухѣ вмѣстѣ съ ротой 42-го егерскаго полка отъ баталіона Назимки.

<sup>3)</sup> Позднѣе къ тремъ ширванскимъ ротамъ присоединились еще двѣ роты, отступившія сюда изъ Нухи.

<sup>4)</sup> Предписаніе Ермолова полковнику Ковалеву 3-го августа 1826 года.

свой лѣтній лагерь и мало по малу перевезъ все полковое имущество въ Царскіе Колодцы. Караагачъ опустѣлъ. Онъ былъ брошенъ, и лезгины не замедлили выместить на немъ свою старую злобу.

Въ ночь со 2-го на 3-е августа, какъ стая хищныхъ волковъ, пробиралась къ Караагачу партія конныхъ лезгинъ. Она шла со стороны Муганлинской переправы по густому лѣсу, то среди вѣковыхъ чинаръ и каштановъ, то среди порослей молодяка, опутанныхъ, какъ сѣтью, вьющимися лозами дикаго виноградника. Предательски смотрѣла эта густая чаща, за которою въ двухъ шагахъ нельзя было видѣть товарища. Передовые останавливались, прислушивались, но кругомъ все было безмолвно. Жизнь точно покинула окрестности цвѣтущей штабъ-квартиры и чуткое ухо лезгина не различало ни топота драгунскаго коня, ни шелеста притаившагося секрета. Какъ похороннымъ флеромъ задернулся Караагачъ дымкой сѣдого, встававшаго съ Алазани тумана, и до шайки не долетало оттуда ни человѣческаго говора, ни лая собакъ, ни тѣхъ ночныхъ смѣшанныхъ звуковъ, которые, точно застывши въ воздухѣ, стоятъ надъ жилимъ мѣстомъ даже тогда, когда все покоится сномъ. Лѣсъ, наконецъ, окончился, и посреди открытаго поля показался Караагачъ,—тотъ страшный, кипѣвшій когда то жизнью, пріютъ нижегородцевъ, о которомъ въ горахъ ходило такъ много разсказовъ. Теперь онъ былъ недвижимъ какъ мертвецъ, пригтовленный къ погребенію. Лезгины бросились было грабить дома, но встрѣченные огнемъ нѣсколькихъ драгунъ, случайно вернувшихся сюда за фуражемъ, повернули назадъ и ускакали. Караагачъ на этотъ разъ уцѣлѣлъ.

„Не вижу большой опасности изъ того,—писалъ Ермоловъ въ отвѣтъ на донесеніе командира полка,—что партія лезгинъ пріѣзжала на Караагачъ, и не ожидаю, чтобы не только горные лезгины, но и самые джарцы, сильнѣйшіе изъ непріятелей, имѣли страшную конницу“...<sup>1)</sup> Ермоловъ въ общемъ теченіи дѣлъ не придавалъ охранѣ Караагача никакого значенія, и Караагачъ, покинутый на произволъ судьбы, погибъ. Ночью, 10-го августа, въ него вошла

<sup>1)</sup> Предписаніе Ермолова Шабельскому 5-го августа 1826 года, № 248.

новая шайка, разграбила оставшееся имущество, зажгла всё строенія и тотчасъ же удалилась. Какъ только въ лагерѣ увидѣли пожаръ, Шабельскій поскакалъ туда съ двумя эскадронами, но спастись было уже нечего: дома догорали, и отъ прекрасной штаб-квартиры Нижегородскаго полка осталось одно пепелище. Впослѣдствіи, когда драгуны ушли въ походъ, лезгины въ ту же ночь кинулись на оставленный ими лагерь, и зажгли его со всѣхъ сторонъ. Въ Царскихъ Колодцахъ узнали объ этомъ тогда, когда запылали бараки и зловѣщее зарево пожара разлилось по темному небу. Запасный эскадронъ выскочилъ на тревогу, но знаменитые нижегородскіе „Лѣтники“ представляли уже груды угля, мусора, да обгорѣлыхъ тлѣющихъ бревенъ <sup>1)</sup>.

Гибель Караагача и затѣмъ нижегородскихъ „Лѣтниковъ“, случившаяся, можно сказать, на глазахъ русскаго войска, породили въ населеніи панику, а тутъ, съ уходомъ драгунъ, пошли ходить еще слухи, что царевичъ Александръ отдѣлился отъ эриванскаго сардаря и идетъ уже къ Алазани. Для Кахетіи настали тяжелые дни сомнѣній и колебаній. Къ счастью, какъ увидимъ, царевичъ былъ разбитъ, а джарцы, ожидая съ минуты на минуту то появленія его съ персидскими войсками, то нухинскаго хана, то наемныхъ лезгинъ, медлили съ открытымъ вторженіемъ, и весь августъ мѣсяцъ и даже начало сентября прошли въ мелкихъ стычкахъ, вспыхивавшихъ въ краѣ, какъ отдаленныя молніи надвигавшейся бури.

Теперь перейдемъ къ распоряженіямъ Ермолова.

---

<sup>1)</sup> Рапортъ князя Эристовъ 4-го сентября, № 217.

## Глава VI.

Затруднительное положеніе главнокомандующаго при первомъ извѣстіи о вторженіи персіянъ. -- Первоначальныя распоряженія его. Рескриптъ государя. Оправдательное письмо Ермолова и отвѣтъ на него императора. Планъ военныхъ дѣйствій, присланный изъ Москвы. - Возраженія на него Ермолова. Неудовольствіе государя. Командированіе на Кавказъ генераль-адъютанта Паскевича. Переходъ Ермолова въ наступленіе. Князь Мадатовъ. - Пораженіе имъ грузинскаго царевича Александра. Шамхорскій бой и занятіе Елисаветполя. Извѣстіе о наступленіи персидской арміи.

---

Прошло полтора мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ вторженіемъ эриванскаго сардаря въ наши предѣлы началась персидская война. И это длинное число дней, когда персіяне захватывали одно за другимъ свои бывшія владѣнія, было для всего Закавказья временемъ томительной тревоги. Казалось, что отпора не было нигдѣ. Впослѣдствіи и возникло прямое обвиненіе Ермолова въ бездѣйствіи. Но чтобы съ основательностью судить о дѣйствіяхъ его и не подчиняться предвзятому взгляду, основаніе которому положилъ Паскевичъ, необходимо ближе всмотрѣться въ тогдашнее положеніе дѣлъ и припомнить расположеніе войскъ въ Закавказьі<sup>1)</sup>. Изъ этого распредѣленія силъ видно, что всѣ отряды, находившіеся въ извѣстныхъ пунктахъ, имѣли свое спеціальное назначеніе и тронуть ихъ съ мѣста безъ риска отдать на произволъ судьбы тѣ страны, которыя они занимали, было нельзя.

Смотря на событія въ ихъ исторической отдаленности, съ полнымъ безпристрастіемъ, можно еще удивляться, какъ повсюду неожиданное вторженіе персіянъ встрѣтило должное сопротивленіе, а не рѣдко и геройскій отпоръ. Не многіе несчастные случаи ложатся лишь слабою тѣнью на совокупность событій. Въ результатъ во всѣхъ захваченныхъ персіянами областяхъ, начиная съ Лорійской степи и кончая Кубою, стояли еще русскія войска, не настолько сильныя, чтобы сокрушить врага, но державшія его подъ вѣч-

<sup>1)</sup> См. настоящій томъ, главу III.

ною угрозою и связавшія его свободу дѣйствій. „Имѣйте терпѣніе,— писалъ Ермоловъ, обращаясь къ войскамъ въ приказѣ по корпусу отъ 26-го іюля,—защищайтесь съ твердостью: я укажу вамъ, храбрые товарищи, когда нанести ударъ врагамъ нашего императора“.

И онъ, поджидая подкрѣпленій, идущихъ къ нему съ Линіи, дѣлалъ все, что было возможно.

Первое извѣстіе о нападеніи персіянъ на Миракъ получено было въ Тифлисъ 18-го іюля, а 19-го сводный баталіонъ, взятый изъ общаго резерва, уже двигался къ Эриванской границѣ. Когда же стало ясно, что сардаръ дѣйствуетъ не самовольно, и что вся персидская армія вышла въ Карабагъ, онъ приказалъ оставить на Алазани только два баталіона: ширванскій и грузинскій, а другой баталіонъ грузинцевъ и весь Нижегородскій драгунскій полкъ отправить въ Казахскую дистанцію, чтобы прикрыть большую дорогу изъ Карабага въ Тифлисъ. Распоряженіе это произвело, однако, удручающее впечатлѣніе на жителей Кахетіи и князь Эристовъ довелъ объ этомъ до свѣдѣнія Ермолова. Вотъ что отвѣчалъ ему Алексѣй Петровичъ: „Тѣхъ войскъ, которыя остались въ Кахетіи, весьма достаточно для ея обороны при содѣйствіи жителей. Я прошу васъ, воспользовавшись всеобщимъ къ вамъ уваженіемъ, возбудить угасшую бодрость дворянства, и дать мнѣ способъ донести императору, что охраненіе Алазанской долины возложено на мужество грузинъ,—и страна будетъ спокойна“ <sup>1)</sup>).

Дѣйствуя такимъ образомъ на самолюбіе народа, Ермоловъ нашель необходимымъ направить и 1-й баталіонъ Ширванскаго полка, слѣдовавшій съ Кавказской линіи въ Царскіе Колодцы тоже въ Казахскую дистанцію, откуда намъ угрожала наибольшая опасность, а вслѣдъ за нимъ двинулъ туда же еще девять ротъ съ шестью орудіями и казачьимъ полкомъ изъ общаго резерва <sup>2)</sup>). Теперь въ непосредственномъ распоряженіи Ермолова осталось всего четыре неполные баталіона, которые нужны были для удержанія спокой-

---

<sup>1)</sup> Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣло 1826 года, № 3. Предписаніе Ермолова князю Эристову 12-го августа, № 267.

<sup>2)</sup> Это были: баталіонъ Херсонскаго гренадерскаго полка изъ Гори и сводный изъ двухъ ротъ грузинцевъ и трехъ ротъ 41-го Егерскаго полка изъ Тифлиса.

ствія въ самой Грузіи, съ трепетомъ видѣвшей опять персидскія знамена съ одной стороны въ 150, а съ другой въ 60 верстахъ отъ Тифлиса. Изъ этихъ распоряженій видно по самому расчету времени, что Ермоловъ не потерялъ ни одного дня, чтобы организовать возможную оборону, и слабыя силы были размѣщены имъ по плану полному смысла и знанія края. Въ результатѣ—два достаточно самостоятельные отряда прикрывали дороги къ Тифлису: одинъ, стоявшій у Джелаль-Оглы, съ стороны Эривани, другой, занявшій Делижанское ущелье—со стороны Карабага. Правда, позади этихъ отрядовъ, въ самой Грузіи, войскъ почти не было, но то была уже не вина главнокомандующаго.

Теперь возвратимся назадъ и посмотримъ, какъ было принято извѣстіе о вторженіи персіянъ въ Москвѣ, гдѣ находился тогда весь императорскій дворъ.

Первыя донесенія Ермолова о дѣйствіяхъ эриванскаго сардаря получены были среди торжественныхъ приготовленій къ коронаціи. Они поразили государя своею неожиданностью. „Съ прискорбіемъ читаль я донесенія ваши, Алексѣй Петровичъ,—писаль ему императоръ: —стало не всегда добрыя намѣренія вѣнчаются успѣхомъ, и за скромность и миролюбіе намъ платять коварствомъ. Хотя, надѣюсь, что происшедшія военныя дѣйствія суть собственное нахальство сардаря эриванскаго, но въ государствахъ, каково персидское, можно, требуя удовлетворенія, и самимъ оное себѣ доставлять; а потому, предписавъ вамъ немедленно выступить противъ сардаря, ожидаю скорого извѣщенія вашего, что съ Божію помощью нѣтъ сардаря, и Эривань съ ея областью заняты вами. Вы и 15 тысячъ русскихъ—достаточный мнѣ залогъ успѣховъ... За симъ Богъ съ вами. Былъ бы Николай Павловичъ прежній чело-вѣкъ, можетъ быть явился бы къ вамъ, у кого въ командѣ въ первый разъ извлечь изъ ноженъ шпагу; теперь мнѣ остается ждать и радоваться извѣстіямъ о вашихъ подвигахъ и награждать тѣхъ, которые привыкли подъ начальствомъ вашимъ пожинать лавры“ <sup>1)</sup>).

Въ то же время Дибичъ, рязъясняя подробно волю государя, писалъ Ермолову, что, имѣя по ту сторону Кавказа 30 тысячъ пѣ-

<sup>1)</sup> Дѣло 1826 года, № 3. Рескриптъ Ермолову 1-го августа.

хоты подъ ружьемъ, изъ коихъ 15 тысячъ находятся въ Тифлисъ и въ окрестностяхъ, онъ долженъ немедленно овладѣть Эриванью, и если Персія откажется дать удовлетвореніе, то итти дальше, взять Тавризь, истребить въ немъ все казенное имущество, и сжечь всѣ зданія, военныя заведенія и запасы, принадлежащіе правительству... „Его величество, — добавлялъ онъ, — нисколько не сомнѣвается, чтобы подъ предводительствомъ вождя, столь опытнаго, столь отличнаго и въ столь высокой степени имѣющаго довѣренность своихъ подчиненныхъ, какъ ваше высокопревосходительство, сихъ войскъ не было достаточно для ниспроверженія всѣхъ силъ, которыя персіяне могутъ противопоставить онимъ“ <sup>1)</sup>).

Если бы Дибичъ, по званію начальника главнаго штаба, внимательнѣе отнесся къ дислокаціи Кавказскаго корпуса, онъ убѣдился бы, конечно, что никакихъ 15-ти тысячъ въ Тифлисъ и въ его окрестностяхъ не было, и что сосредоточить такое количество войскъ на одномъ какомъ-либо пунктѣ, когда непріятель угрожалъ со всѣхъ сторонъ, Ермоловъ не имѣлъ возможности. Въ этомъ смыслѣ и посланъ былъ изъ Тифлиса отвѣтъ начальнику главнаго штаба. Ермоловъ писалъ, что дѣло заключается вовсе не въ своевольствѣ сардаря, что Персія ведетъ настоящую войну, охватившую уже все Закавказье, что персидскія войска вошли въ Карабагъ, заняли всѣ мусульманскія провинціи, и передовой отрядъ ихъ выдвинутъ къ самымъ стѣнамъ Елисаветполя. „Поэтому, — добавилъ онъ, — я не могу выполнить повелѣніе императора итти на Эривань и Тавризь, и пока не подойдутъ подкрѣпленія, о которыхъ я прошу, долженъ ограничить военныя дѣйствія защитой одной только Грузіи“. Предвидя, однако, что подобный отвѣтъ можетъ повести за собою обвиненіе его въ непредусмотрительности событій и даже въ оплошности, Ермоловъ въ то же время отправилъ къ государю извѣстное письмо, которое мы приводимъ въ выдержкахъ <sup>2)</sup>).

„Не обвините меня, всемилостивѣйшій государь, — писалъ Алексѣй Петровичъ, — въ незнаніи персіянъ послѣ десятилѣтняго

<sup>1)</sup> Тамъ же. Секретный журналъ входящихъ бумагъ. Отзывъ Дибича отъ 31-го іюля.

<sup>2)</sup> Записки Ермолова, часть II.



пробыванія моего въ здѣшнемъ краѣ; не мните, что теперешнія происшествія суть случаи, для меня внезапные. Нѣтъ, государь! Прошелъ уже годъ, какъ я имѣлъ счастье писать подробно въ собственныя руки въ Бозѣ почившаго императора, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ графу Нессельроде. Не переставалъ предупреждать также о томъ повѣренный въ дѣлахъ нашихъ въ Персіи Мазаровичъ. Тогда уже видѣлъ я войну и просилъ о прибавленіи дивизіи войскъ.

„Я не удостоился пріобрѣсти довѣренности къ моимъ донесеніямъ, а графъ Нессельроде послѣдовалъ неосновательному убѣжденію, что войны съ Персіею быть не можетъ. Отвѣтъ полученный отъ него только подсказывалъ, что въ высочайшемъ рескриптѣ, послѣдовавшемъ на имя мое, *заключались къ негачеству, собственныя его сужденія*“.

Въ другомъ письмѣ, къ которому приложены были подлинныя документы, Ермоловъ писалъ <sup>1)</sup>, что „персидскіе чиновники принимались въ Петербургѣ всегда съ особенною почестью и, возвращаясь домой, представляли оказанное имъ уваженіе, какъ дань, принадлежащую силѣ персидской державы. Въ то же время нашего повѣреннаго въ дѣлахъ при персидскомъ дворѣ, Мазаровича, графъ Нессельроде не удостоилъ даже представленія государю. О семъ доведено было до свѣдѣнія Аббасъ-Мирзы, и онъ, переставъ считать Мазаровича нужнымъ для себя человѣкомъ, уразумѣвъ, что ему выгоднѣе имѣть непосредственное сношеніе съ графомъ Нессельроде, *когда прозорливость легко онъ могъ обмануть*, тогда какъ не могъ укрыться отъ ближайшихъ наблюденій Мазаровича. Сему послѣднему, также какъ и мнѣ, не вѣрили, и сверхъ того, надѣляли такими предписаніями, которыя, наконецъ, заставили его просить увольненія отъ должности, и десятилѣтняя опытность сего способнаго и ловкаго чиновника осталась безъ всякой пользы для нашего министерства.

„Ищу, государь, оправдать себя во мнѣніи вашемъ, ибо не имѣю счастья быть извѣстнымъ Вашему Императорскому Величеству. Къ тому же начало службы моей новому моему государю со-

<sup>1)</sup> Тамъ же.

проводяемо обстоятельствами, которыя наружностью своею могутъ обвинять меня.

„Если бы обстоятельства сіи мнѣ одному грозили лишеніемъ репутаціи, умѣлъ бы я заставитьъ молчать частныя мои выгоды; но когда затмѣвается слава оружія нашего, и является не въ приличномъ видѣ могущество и величіе русскаго государя, репутація моя перестаетъ быть достояніемъ частнымъ и не должна терпѣть или *отъ неблаговоленія ко мнѣ лично министра*, или *отъ совершеннаго невѣжества его относительно дѣлъ здѣшней страны и состоянія Персін*. Простите, всемилостивѣйшій государь, простосердечное изложеніе моихъ чувствъ! Съ такими проходилъ я служеніе покойному императору, превыше заслугъ благотворившему мнѣ“.

Рѣзкій, обвинительный тонъ этого письма произвелъ въ Москвѣ непріятное впечатлѣніе. Обвиняемая въ пренебреженіи и непониманіи политическаго хода событій лица, находясь ближе къ императору, чѣмъ главнокомандующій на Кавказѣ, имѣли всѣ шансы къ оправданію. И они успѣли не только оправдаться, но въ свою очередь обвинили Ермолова въ заносчивости, въ желаніи возбудить войну изъ личныхъ видовъ, въ неумѣнніи во время сосредоточить свои силы и даже въ отсутствіи боевыхъ способностей. Два высочайшіе рескрипта, послѣдовавшіе затѣмъ на имя Алексѣя Петровича, сдержанно, но вполнѣ вразумительно выразили неудовольствіе и недовѣріе къ нему государя: „Съ истиннымъ прискорбіемъ, — писалъ государь, — получилъ я донесенія ваши о вторженіи персіянъ, и о тѣхъ неблагоприятныхъ частныхъ распоряженіяхъ, по коимъ частицы російскихъ войскъ подвергались неудачамъ и потерямъ отъ непріятеля, доселѣ ими всегда презираемаго... Русскихъ превосходствомъ силъ одолѣвали, истребляли, но въ плѣнъ не брали. Сколько изъ бумагъ понять я могъ, вездѣ въ частномъ исполненіи видна оплошность неимовѣрная: гдѣ предвидѣлись военныя обстоятельства, должно бы было къ нимъ и приготовиться“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, не отвѣчая Ермолову по поводу сѣтованій на графа Нессельроде, государь еще разъ выразилъ убѣжденіе, „что хотя многочисленное и храброе войско, находящееся подъ его начальствомъ, вполнѣ достаточно для наказанія персіянъ въ ихъ соб-

ственной землѣ, но что не менѣе того онъ приказалъ отправить къ нему 20-ю пѣхотную и 2-ю уланскую дивизіи съ ихъ артиллеріей и шесть казачьихъ полковъ, также съ донскою конно-артиллерійскою ротою“. „Усматривая же изъ послѣднихъ вашихъ донесеній,—писалъ государь,—что до прибытія сихъ подкрѣпленій вы намѣрены ограничиться оборонительными дѣйствіями, я на сіе согласиться не могу и повелѣваю вамъ дѣйствовать *испрямленно и наступательно*, сообразно обстоятельствамъ, по вашему усмотрѣнію“.

Такое категорическое требованіе, выраженное государемъ, создало для Ермолова цѣлый рядъ затрудненій, но не заставило его отказаться отъ принятаго способа дѣйствій.

„Буду стараться во всемъ выполнить волю вашу, всемилостивѣйшій государь,—отвѣчалъ онъ императору,— не увлекаясь, однако, неумѣстною опрометчивостью. Дѣйствія мои, сколько умѣю, подвергаю расчетамъ правдоподобнымъ и гнусные поступки персіянъ не выведутъ меня изъ терпѣнія. Они думаютъ, что, возбудивъ повсюду возмущенія, заставятъ меня для укрощенія ихъ разсѣять мои силы, которыя съ содѣйствіемъ жителей не трудно было бы имъ преодолѣть“.

Далѣе онъ пишетъ, что дѣла начинаютъ принимать уже иной оборотъ, что дороги къ Тифлису прикрыты, но въ дѣйствіи могутъ быть только 12 некомплектныхъ баталіоновъ, а съ такими средствами противъ непріятеля, имѣющаго весьма многочисленную конницу, и которому повсюду способствуютъ жители, трудно имѣть значительные успѣхи, „паче, когда я принужденъ раздѣлить силы и къ сторонѣ границы Эриванской, и по направленію къ Елисаветполю, откуда ожидаю главныхъ усилій непріятеля. Изъ сихъ обстоятельствъ ваше величество усмотрѣть изволите, что мнѣ на нѣкоторое время нельзя допустить другихъ дѣйствій, кромѣ оборонительныхъ“.

Развивая далѣе свой планъ военныхъ дѣйствій, онъ говоритъ <sup>1)</sup>: „Для наступленія мнѣ предлежали бы два пути: одинъ въ Эриванское ханство, дабы внести войну въ землю непріятельскую, другой — въ Карабагъ, дабы смирить возмущившіяся мусульманскія провинціи.

Не возстановя порядка въ сихъ провинціяхъ, что требуетъ и

<sup>1)</sup> Всеподданнѣйшее донесеніе 29-го августа.

времени и войскъ, нельзя итти въ Эриванское ханство уже потому, что мусульмане, возмущившіеся почти до самыхъ воротъ Тифлиса, могутъ, воспользовавшись отсутствіемъ войскъ, внести опустошеніе въ Грузію и поколебать жителей Кахетіи, для возмущенія которыхъ посланъ бѣглый царевичъ Александръ. Кромѣ того, для наступательныхъ дѣйствій нужно устроить транспорты для провіанта и таковыя же для парковъ. Мы вступимъ въ землю совершенно не устроенную, гдѣ система реквизицій не можетъ имѣть мѣста, и при движеніи не найдетъ необходимаго подножнаго корма, а жители, по свойству климата, фуража почти не заготовляютъ; къ тому же надлежитъ ожидать, что непріятель будетъ уничтожать всѣ средства земли. Занять Эриванское ханство должно не иначе, какъ ставъ въ немъ твердою ногою, иначе персіане истребятъ тамошнее христіанское населеніе, ожидающее насъ съ нетерпѣніемъ.

Что касается до Карабага, то тамъ большія силы персіанъ, поддерживающіе возмущеніе мусульманскихъ провинцій. Въ движеніи туда я долженъ проходить наши татарскія дистанціи, гдѣ уже явные признаки бунта и Елисаветпольскій уѣздъ, занятый непріятелемъ. На правомъ флангѣ моемъ будутъ открытыя дороги со стороны Эривани, по которымъ можетъ пройти непріятель для соединенія съ мятежниками; съ лѣваго фланга будутъ угрожать мнѣ бунтующія провинціи: Шекинская и Карабагская, а съ фронта — армія Аббасъ-Мирзы. Нѣтъ сомнѣнія, что со всѣхъ сторонъ буду я имѣть непріятеля и никакого сообщенія съ Грузіей. Въ Карабагъ можно итти только въ глубокую осень. Суровая погода въ горахъ заставитъ жителей спуститься на равнины, а тогда, имѣя въ залогъ ихъ семьи и имущество, можно будетъ достать и продовольствіе, которое везти съ собою нѣтъ способовъ. Осеннее и зимнее время представляетъ и то удобство, что есть подножный кормъ <sup>1)</sup>).

„Не обвините меня, всемилостивѣйшій государь, въ медленно-

<sup>1)</sup> Разъясняя послѣднее обстоятельство Дибичу, Ермоловъ писалъ: „Вашему превосходительству странно покажется, что я предпринимаю дѣйствовать на возмущившіеся мусульманскія провинціи въ глубокую осень или зимою, но это потому, что въ знойное время трава сохраняется тамъ только въ горахъ, и совершенно выгораетъ на низменности; зимою же низменность питаетъ все многочисленное здѣсь скотоводство, и даже самая Муганская степь, извѣстная своимъ бесплодіемъ, представляетъ хорошія пастбища“. (Приложеніе къ запискамъ Ермолова 1826—1827 г.г. Отзывъ его Дибичу 29-го августа, лит. В).

сти дѣйствій: теперь одни оборонительныя необходимы. Вынести войну за предѣлы, не смиливъ внутреннихъ безпокойствъ, не возможно. Зимой укрошу я оныя, и появленіе войскъ нашихъ въ мусульманскихъ провинціяхъ водворитъ прежній ихъ порядокъ. Бѣгутъ въ Персію измѣнники, и я не буду въ необходимости размножать наказаній“.

Въ осторожныхъ и медлительныхъ дѣйствіяхъ Ермолова нѣтъ, конечно, стремительности Карягиныхъ и Котляревскихъ; но ничѣмъ не рискуя, безъ блеска и шума, съ глубокимъ расчетомъ онъ подготавлилъ врагамъ важнѣйшее пораженіе, и достигъ своей цѣли. Такой образъ дѣйствій могъ послужить, и дѣйствительно послужилъ, орудіемъ къ интригамъ противъ Алексѣя Петровича, но въ концѣ концовъ привелъ насъ къ желаемымъ результатамъ, которыми только воспользовались другіе.

Въ виду противоположности взглядовъ, установившихся въ Москвѣ и Тифлисѣ на ходъ военныхъ событій, императоръ Николай, очевидно не вполне довѣрившій доводамъ Ермолова, рѣшилъ оставить за нимъ главное начальство надъ краемъ, а войска дѣйствующаго корпуса подчинить особому лицу, которое могло бы повести военныя операціи съ большею энергіею. Сначала государь имѣлъ въ виду вызвать для этой цѣли стараго кавказскаго героя, генераль-лейтенанта Котляревскаго, израненаго въ бояхъ и жившаго тогда на покоѣ. Въ день коронаціи онъ произвелъ его въ генералы-отъ-инфантеріи и собственноручнымъ рескриптомъ пригласилъ его вновь возвратиться на оставленное имъ военное поприще. „Увѣренъ,—писалъ государь,—что одного имени вашего будетъ достаточно, чтобы одушевить войска, вами предводительствуемая, утратить врага, неоднократно вами пораженнаго, и нынѣ дерзнувшаго нарушить тотъ миръ, къ которому вы открыли первый путь вашими побѣдами“.

Но Котляревскій, изнемогавшій отъ страданій, не могъ принять на себя столь лестнаго порученія <sup>1)</sup>, и тогда выборъ государя остановился на Паскевичѣ.

<sup>1)</sup> За нѣсколько дней до смерти, въ 1851 году, рассказывая въ кругу близкихъ ему людей объ этомъ событіи, Котляревскій приказалъ принести высочайшій рескриптъ и шкапулку, отъ которой ключъ всегда хранилъ у себя. Въ шкапулкѣ оказалось 40 костей, вынутыхъ одновременно послѣ Ленкорани изъ его головы. „Вотъ,—сказалъ онъ, указывая на кости,—

Извѣщая объ этомъ Ермолова, императоръ писалъ: „Я посылаю къ вамъ двухъ извѣстныхъ вамъ генераловъ: генераль-адъютанта Паскевича и генераль-маіора Дениса Давыдова. Первый,— мой бывший начальникъ, пользуется всею моею довѣренностью; онъ лично объяснитъ вамъ все, что по краткости времени и по безизвѣстности не могу я вамъ письменно приказать. Назначивъ его командующимъ подъ вами войсками, далъ я вамъ отличнѣйшаго сотрудника и желаю, чтобы онъ *съ вѣстего разрѣшенія* сообщалъ мнѣ все, *что отъ васъ поручено будетъ давать знать*. что и прошу дѣлать какъ наичаше“. Вмѣстѣ съ тѣмъ государь сообщалъ, что хотя, на основаніи существующихъ законовъ, въ случаѣ болѣзни или отсутствія главнокомандующаго, мѣсто его заступаетъ начальникъ штаба, но что въ такомъ случаѣ онъ поручаетъ Ермолову передать начальство надъ корпусомъ генераль-адъютанту Паскевичу <sup>1)</sup>).

Получивъ эти распоряженія, Ермоловъ не могъ не понять причины, почему ѣдетъ Паскевичъ, и, какъ человекъ честолюбивый, гордый своимъ прошлымъ, не могъ отнестись къ этому хладнокровно. Оба вождя уже настроены были другъ противъ друга, и согласія между ними ожидать было нельзя.

А событія на Кавказѣ, между тѣмъ, шли своимъ чередомъ. Мы уже сказали, что на пути къ Елисаветполю постепенно сформировался достаточно сильный отрядъ изъ четырехъ баталіоновъ, при 10-ти орудіяхъ, начальство надъ которымъ Ермоловъ поручилъ одному изъ лучшихъ своихъ сподвижниковъ, князю В. Гр. Мадатову. „Трудно описать тотъ восторгъ, который овладѣлъ солдатами при этомъ извѣстіи“,—говоритъ очевидецъ. „Ну, слава Богу, толковали они между собою: ѣдетъ Мадатовъ, теперь персіянамъ шабашъ“ <sup>2)</sup>).

Персидская война застала Мадатова въ Пятигорскѣ на минеральныхъ водахъ, но онъ тотчасъ перервалъ леченіе, и 13-го августа уже былъ въ отрядѣ, расположенномъ въ то время на рѣчкѣ Акстафѣ. Онъ прискакалъ ночью въ простой перекладной телѣгѣ, что было причиною, почему я не могъ исполнить желаніе государя и послужить ему до гроба. Пусть онъ останутся вамъ на память о моихъ страданіяхъ“. (Биографія Котляревскаго гр. Соллогуба). Весьма желательно было бы знать, у кого хранится въ настоящее время эта драгоценная шкатулка?

<sup>1)</sup> Записки Ермолова, ч. II.

<sup>2)</sup> Биографія князя Мадатова.

одинъ, безъ всякаго конвоя и, обходя палатки, весело шутилъ съ солдатами. „Ну, ребята,---говорилъ онъ:---правду ли я слышалъ, что у васъ нѣтъ ни водки, ни говядины“?—„Такъ точно,---отвѣчали солдаты“. — „Такъ вотъ что, ребята: я поведу васъ на персіянъ, мы ихъ побьемъ, и у насъ всего будетъ вдоволь“. — „Рады умереть подъ командой вашего сіятельства!“---кричали солдаты <sup>1)</sup>.

Внезапное прибытіе Мадатова произвело большое вліяніе на умы колебавшихся татаръ. И если мятежъ не совсѣмъ еще потухъ въ горахъ Шамшадиля, то въ Казахской дистанціи первѣйшіе агалары тотчасъ составили конную дружину, которая явилась въ отрядъ и служила противъ своихъ же единовѣрцевъ.

Назначая Мадатова начальникомъ отряда, Ермоловъ категорически предписалъ ему, въ случаѣ появленія главной персидской арміи, отступать безъ боя въ Борчалинскую дистанцію и стать у Краснаго моста на рѣчкѣ Храмъ; напротивъ, если бы персіяне перешли въ наступленіе только частью своихъ силъ, Ермоловъ выражалъ увѣренность, что князь Мадатовъ „при его мужествѣ и многолѣтнихъ заслугахъ, заставитъ мошенниковъ раскаяться въ подобной дерзости“. — „Употребите всѣ силы, любезный князь, чтобы не допустить эту сволочь подаваться впередъ,---писалъ онъ ему въ частномъ письмѣ:---предупредите моихъ товарищей, что требую отъ нихъ подвиговъ, достойныхъ Кавказскаго корпуса“. Ермоловъ обѣщалъ вмѣстѣ съ тѣмъ при первой возможности выслать Мадатову еще баталіонъ пѣхоты и грузинскую конницу <sup>2)</sup>.

Надо сказать, что, вслѣдствіе появленія на сценѣ военныхъ дѣйствій бѣглаго царевича Александра, Грузія переживала вновь одинъ изъ тѣхъ острыхъ моментовъ, котрые грозили странѣ большими внутренними потрясеніями. Царевичъ имѣлъ не мало сторонниковъ среди молодыхъ горячихъ головъ, все еще лелѣявшихъ мечту видѣть его кахетинскимъ царемъ; но старые грузины, помнившіе, какъ за нѣсколько лѣтъ передъ симъ тотъ же царевичъ безплодно залилъ цвѣтущія поля Кахетіи братоубійственной кровью, искали опоры въ русскомъ правительствѣ, чтобы отвратить отъ отечества но-

---

<sup>1)</sup> Тамъ же.

<sup>2)</sup> „Кавказскій Сборникъ“, т. XXV. Матеріалы для персидской войны.

вые смуты, бѣдствія и междоусобицу. Ермоловъ воспользовался такимъ настроеніемъ общества и не безъ политическихъ видовъ обратился къ грузинамъ, призывая ихъ „выступить на поприще чести и славы противъ хорошо знакомыхъ имъ кизильбашей“. -- „Надѣюсь,—писалъ онъ,—что дворянство первое подастъ собою примѣръ воинамъ-земледѣльцамъ, какъ общимъ вооруженіемъ, такъ и своею храбростью“. И Грузія единодушно откликнулась на призывъ русскаго главнокомандующаго. Каждый уѣздъ сформировалъ у себя конное ополченіе, и уѣздные маршалы, развернувъ старинныя боевыя знамена, повели свои дружины къ Тифлису. Отсюда часть этого ополченія, именно Горійскаго уѣзда, послана была для наблюденія за Борчалюю, а остальные, въ числѣ 150 всадниковъ, отправлены въ отрядъ Мадатова.

Сообщая объ этомъ Дибичу, Ермоловъ писалъ: <sup>1)</sup> „совершенный недостатокъ въ конницѣ, когда таковая составляетъ главныя силы непріятели, понудилъ меня составить ополченіе, пригласивъ къ тому грузинскихъ князей и дворянство, какъ то бывало прежде въ военное время. Дворянство явило себя усерднымъ, исполненнымъ доброй воли, и въ самое короткое время явилась милиція не менѣе 1500 человекъ, въ числѣ коихъ много князей и дворянъ лучшихъ фамилій. Всѣ одушевлены желаніемъ служить своему государю, и уже находятся въ походѣ“.

„Государь императоръ,—отвѣчалъ на это Дибичъ,—пріемля съ благоволеніемъ, обнаруженный въ семъ случаѣ грузинскимъ дворянствомъ опытъ усердія его, поручаетъ вашему высокопревосходительству объявить ему монаршее благоволеніе“ <sup>2)</sup>.

Прибытіе столь сильной конницы въ отрядъ Мадатова было какъ нельзя болѣе кстати. Получены были достовѣрныя свѣдѣнія, что въ Шамхорскихъ горахъ появился царевичъ Александръ съ двухъ-тысячной персидской конницей, которой поручено было провести его въ Кахетію. Носились даже слухи, что Зурабъ-ханъ, командовавшій этою конницей, намѣревался самъ напасть на отрядъ Мадатова. Разстроить оба эти плана было чрезвычайно важно, да

<sup>1)</sup> Тамъ же. Отзывъ его, отъ 29-го августа, № 325.

<sup>2)</sup> Тамъ же. Отзывъ Дибича, отъ 9-го сентября, № 875.



и выжидать нападеній было не въ обычаѣ Мадатова. Собранны были точныя свѣдѣнія и оказалось, что царевичъ стоитъ всего верстахъ въ 30-ти отъ русскаго лагеря на одномъ изъ притоковъ Тауза, Астрикъ.

Въ тотъ же день 22-го августа едва стало смеркаться, какъ пять ротъ грузинскихъ гренадеръ, два орудія, 150 казаковъ и конная грузинская милиція выступили изъ лагеря подъ личною командою князя Мадатова. На походѣ, на рѣчкѣ Гасанъ - су, къ нимъ присоединился еще баталіонъ ширванцевъ также съ двумя орудіями, и весь отрядъ, подъ покровомъ густой предразсвѣтной мглы, переправился черезъ Таузъ. Тутъ оказался персидскій караулъ: чело-вѣкъ тридцать татаръ дали залпъ и во весь духъ понеслись въ закрытое туманомъ пространство. Слышно было, какъ гдѣ-то вслѣдъ за тѣмъ ударили тревогу. Войска прибавили шагу, но, достигнувъ Астрика, нашли только пустыя мѣста, гдѣ стояли палатки. Оказалось, что непріятель успѣлъ перемѣнить позицію и занялъ вершину сосѣдней горы. Когда поднялось солнце, русскіе увидѣли персидскую конницу, стоявшую уже въ боевомъ порядкѣ. Съ горы слышались чьи-то пронзительные голоса; они кричали: „Грузины! не стрѣляйте,—съ нами царевичъ!“

Тогда предводители картвельскихъ дружинъ, старые, убѣленные уже почтенными сѣдинами князья: Орбеліани, Зурабъ Андрониковъ и Иванъ Эристовъ подѣхали къ Мадатову. — „Ты слышишь,—сказали они,—что кричатъ съ горы? Но князья, дворяне и простые люди ничего не желаютъ больше, какъ умереть за русскаго императора“ <sup>1)</sup>. Въ отвѣтъ на это Мадатовъ приказалъ имъ заскakatъ въ тылъ непріятеля, чтобы отрѣзать ему отступление, а самъ выдвинулъ шесть орудій и открылъ огонь. Непріятель не выдержалъ. Осыпаемые снарядами, видя съ одной стороны движеніе пѣхоты, съ другой—обходившую конницу, персіане обратились въ бѣгство. Грузины наслѣли на бѣгущихъ и рубили ихъ безпощадно. Пораженіе было самое полное. Самъ царевичъ едва успѣлъ ускакать въ Эривань, и съ этого дня политическая роль его, можно сказать, была окончена. Предоставивъ затѣмъ окрестнымъ армянамъ добивать остат-

<sup>1)</sup> Біографія князя Мадатова.

ки разбитой конницы, искавшей спасенія въ горахъ, Мадатовъ въ тотъ же день возвратился обратно въ лагерь. Любопытно, что здѣсь онъ встрѣтилъ курьера съ письмомъ Ермолова, который просилъ его быть осторожнымъ, такъ какъ царевичъ держится гдѣ-то близко отъ его отряда. Мадатовъ съ тѣмъ же курьеромъ отвѣтилъ, что „царевича больше не существуетъ“.

Это былъ первый проблескъ, первый свѣтлый лучъ, прорѣзавшій висѣвшія вокругъ насъ черныя тучи.

Вслѣдъ за симъ къ Мадатову прибылъ еще одинъ баталіонъ Херсонскаго полка съ шестью орудіями и Ермоловъ разрѣшилъ ему наступательныя дѣйствія. Говоря доселѣ въ своихъ донесеніяхъ о принятомъ имъ оборонительномъ образѣ дѣйствій, Ермоловъ разумѣлъ подѣ этимъ только невозможность внести оружіе въ непріятельскую землю, но не отрицалъ необходимости частныхъ наступленій, если бы къ нимъ представился случай. Такъ и теперь, давая Мадатову полную свободу дѣйствій, Ермоловъ старался однако умѣрить его извѣстную отвагу и пылкость. „Бога ради, -- писалъ онъ къ нему: -- будь остороженъ и противъ силъ несоразмѣрныхъ не вдавайся въ дѣло: намъ нуженъ вѣрный успѣхъ. Суворовъ не употреблялъ слова ретирада, а называлъ ее прогулкою. И ты, любезный князь, прогуляйся во время, когда будетъ не подѣ силу. Стыда въ томъ нѣтъ ни мало“...<sup>1)</sup>

Но Мадатовъ думалъ не объ отступленіи. Онъ уже рѣшилъ итти на Ганжу, разбить персидскій авангардъ, и тѣмъ заставить Аббасъ-Мирзу снять, или по крайней мѣрѣ ослабить блокаду Шушинской крѣпости. Взятіе Ганжи должно было произвести большое моральное вліяніе также и на сосѣднія ханства. И вотъ, 31-го августа вечеромъ, оставивъ два баталіона (херсонскій и ширванскій) съ четырьмя орудіями для наблюденія за краемъ, онъ съ остальными войсками<sup>2)</sup> выступилъ въ походъ и 2-го сентября подошелъ къ Дзигаму. Стоявшая здѣсь непріятельская конница быстро отступила, и отрядъ ночевалъ въ Дзигамѣ. Ночью сильныя разѣзды, посланные къ сторонѣ Елисаветполя, дали знать, что непріятель самъ идетъ

<sup>1)</sup> Жизнь князя Мадатова. Письмо Ермолова отъ 28-го августа.

<sup>2)</sup> Въ отрядѣ Мадатова находились три баталіона пѣхоты: Херсонскій, Грузинскій и сводный, всего 2900 штыковъ, 12 орудій и 1360 человекъ конницы: казаковъ, грузинъ и татаръ.

къ нимъ навстрѣчу, и весь 10-ти-тысячный непріятельскій корпусъ ночуетъ въ Шамхорѣ.

Такъ наступило утро 3-го сентября. Едва забрезжился свѣтъ, какъ русскій отрядъ выступилъ уже изъ Дзигама въ боевой готовности. Прошли верстъ пять. Начиналась обширная плоскость, и на горизонтѣ вдали показался высокій, красивый столбъ, какъ вѣстникъ близости Шамхора. При всѣхъ переворотахъ, колебавшихъ эту страну въ теченіе многихъ вѣковъ, одинъ этотъ гигантскій столбъ противустоялъ разрушенію и сохранился невредимо среди развалинъ, нѣкогда окружавшихъ его большихъ городовъ. Этому то вѣковому памятнику, царившему надъ всею равниной, и предстояло стать свидѣтелемъ кровавой битвы.

Быстро приближался къ нему русскій отрядъ, какъ вдругъ со стороны Дзигамскихъ горъ показалась какая то кавалерія, скакавшая во всѣ повода. То былъ Зурабъ-ханъ, собравшій остатки своихъ войскъ разсѣянныхъ на Астрикѣ и спѣшившій соединиться съ Мамедъ-Мирзою. Навстрѣчу къ нему изъ персидскаго лагеря дѣйствительно вышла сильная конница, и обѣ колонны стали передъ Шамхоромъ. Въ авангардѣ завязалась перестрѣлка. Скоро подошли казачьи полки и, помня наставленіе Мадатова, ринулись прямо въ пики. Ихъ поддерживали казахскіе татары. Непріятель, сильнѣйшій въ нѣсколько разъ, былъ опрокинутъ, и казаки гнали его до рѣчки Шамхорки. Здѣсь они остановились: на томъ берегу, въ укрѣпленной позиціи, стоялъ весь 10-ти тысячный персидскій корпусъ. Армяне сообщили, что имъ командуетъ принцъ Мамедъ-Мирза, а при немъ въ качествѣ ментора—Амиръ-ханъ-сардаръ, одинъ изъ лучшихъ полководцевъ Персіи. Рекогносцировка, произведенная Мадатовымъ, показала, что сарбазы и шахская гвардія съ четырьмя орудіями стояли въ центрѣ, а кавалерія съ 20-ю фальконетами -- на флангахъ. Весь фронтъ представлялъ собою дугу или полумѣсяцъ, такъ что непріятель могъ сосредоточить перекрестный огонь на единственную дорогу, по которой должна была приближаться русская пѣхота. Мадатовъ понялъ, что только быстрота нападенія можетъ доставить ему побѣду и, запретивъ перестрѣлку, приказалъ начать и кончить дѣло штыками.

Твердо, подъ мѣрный грохотъ барабановъ, съ ружьемъ на перевѣсъ двинулись два баталіона (грузинцы и егеря), за ними въ резервъ шель баталіонъ херсонцевъ. Впереди колоннъ, верхомъ на золотистомъ карабагскомъ жеребцѣ, осыпaeмый градомъ непріятельскихъ пуль, ѣхалъ Мадатовъ съ небольшою свитой. Напрасно уговаривали его отъѣхать въ сторону.

— „Васъ видятъ, въ васъ мѣтятъ!“ кричали ему изъ рядовъ офицеры.

„Тѣмъ лучше, что меня видятъ,--- скорѣе убѣгутъ!“ шутя отвѣчалъ Мадатовъ.

Восемь орудій, занявшія между тѣмъ высоты на лѣвомъ берегу Шамхорки, открыли огонь черезъ рѣчку. Вся наша конница, перебравшись въ бродъ, завязала дѣло на флангахъ. Перестрѣлка охватила уже всю непріятельскую линію, а баталіоны все идутъ безъ выстрѣла. Вотъ они спустились уже къ рѣчкѣ, перешли ее по поясъ въ водѣ и взбираются на крутой противоположный берегъ. Артиллерія участила огонь. Въ этотъ моментъ въ рукѣ Мадатова сверкнула обнаженная сабля и, сдѣлавъ полуоборотъ въ сдѣлѣ, онъ крикнулъ „ура“! Громовымъ эхомъ отдалось это ура въ рядахъ русскихъ солдатъ,---но они не успѣли еще схватиться въ рукопашную, какъ наша кавалерія налетѣла съ обоихъ фланговъ,---и вся непріятельская конница, смятая рѣшительнымъ ударомъ, понеслась назадъ. Покинутая ею шахская гвардія осталась одна и была почти вся изрублена; сарбазы также бѣжали. Казаки, грузины и татары повсюду преслѣдовали бѣгущихъ,---и на пространствѣ 15-ти верстъ устлали поле непріятельскими тѣлами <sup>1)</sup>). Мадатовъ, вступая въ битву, не приказалъ брать плѣнныхъ <sup>2)</sup>),---и ихъ почти не брали. Мѣра жестокая, но неизбежная тамъ, гдѣ малочисленному отряду приходится рѣшать вопросъ:---итти-ли впередъ и биться съ сильнымъ врагомъ, или же обратиться въ прикрытіе плѣнныхъ, и потерять плоды побѣды.

Персидская артиллерія, ранѣе другихъ покинувшая поле сра-

<sup>1)</sup> По свидѣтельству самого Паскевича, проѣзжавшаго Шамхорское поле, спустя семь дней послѣ битвы, на немъ лежало еще до полутора тысячи труповъ.

<sup>2)</sup> Письмо Мадатова къ Ермолову отъ 3-го сентября 1826 года. „Кавказскій Сборникъ“, томъ XXIV.

женія, успѣла ускакать, и только одно орудіе, настигнутое донскимъ хорунжимъ Еремкинымъ съ шестью казаками, было взято съ боя. Это было новенькое, чрезвычайно красивой отдѣлки англійское орудіе, которое казаки и доставили къ отряду <sup>1)</sup>. Вообще, преслѣдованіе было такъ горячо, что принцъ Мамедъ-Мирза, проскакавъ мимо лагеря, не успѣлъ вывести изъ него даже свою свиту молодыхъ и красивыхъ мальчиковъ, обыкновенно сопровождавшихъ въ походахъ знатныхъ азіятцевъ, — и они остались въ рукахъ казаковъ. Менѣе счастливъ былъ Амиръ-ханъ-сардаръ, его знаменитый пѣстунъ. Покинутый своимъ татарскимъ конвоемъ, онъ быстро мчался одинъ по елисаветпольской дорогѣ на кровномъ текинскомъ жеребцѣ. Но именно этотъ то конь и роскошь сѣдельнаго убора привлекли на себя вниманіе донцовъ; одинъ изъ нихъ пустился въ погоню, и, настигнувъ бѣгущаго, ударомъ пики положилъ его на мѣстѣ. Прекрасный конь съ великолѣпною сбруей чистаго золота и сѣдло, украшенное драгоценными камнями, достались побѣдителю.

Трофеями сраженія были: одно орудіе, 11 фальконетовъ вмѣстѣ съ верблюдами и 75 плѣнныхъ. Вся потеря отряда состояла изъ 27 человекъ убитыми и ранеными.

„Такъ храброе русское войско — доносилъ Мадатовъ Ермолову, — исполнило приказаніе вашего высокопревосходительства итти и съ малыми силами побѣдить непріятеля, въ пять разъ сильнѣйшаго“ <sup>2)</sup>.

Ужась, внушенный персіанамъ, былъ такъ великъ, что они, не останавливаясь, бѣжали мимо Елисаветполя за Куракъ-чай и дальше по Шушинской дорогѣ. „Такимъ образомъ, отмѣчаетъ Ермоловъ въ своемъ дневникѣ съ своею обычною ироніею, — сынъ Аббасъ-Мирзы на первыхъ военныхъ подвигахъ своихъ уподобился уже родителю, ибо началъ ихъ бѣгствомъ. Симъ же отличался родитель его въ прежнія войны противъ русскихъ и, конечно, не съ меньшей противъ его расторопностью“ <sup>3)</sup>.

<sup>1)</sup> На этотъ подвигъ Еремкина никто не обратилъ вниманія, и онъ наравнѣ съ другими представленъ былъ къ ордену св. Анны 4-й степени. Императоръ Николай Павловичъ, внимательно слѣдившій за реляціями и наградными списками, первый обратилъ вниманіе на несоотвѣтственность награды и, помимо кавалерской думы, самъ назначилъ ему орденъ св. Георгія 4-й степени. Таковъ былъ императоръ Николай, отъ котораго не ускользала ни единый военный подвигъ. (Дѣло 1826 года, № 8).

<sup>2)</sup> Біографія князя Мадатова.

<sup>3)</sup> „Записки Ермолона“, часть II.

Мадатову онъ писалъ: „Съ величайшимъ удовольствіемъ читалъ я рапортъ вашего сіятельства, и со вниманіемъ распросилъ присланнаго вами офицера. Мнѣ было пріятно усмотрѣть, что совершенное разсѣяніе значительныхъ силъ и нанесенный непріятелю чрезвычайный уронъ произведены не только не всѣми войсками вашими, но *почти безъ содѣйствія пехоты*, которая составляла главную вашу силу. Я долженъ отнести сіе къ познанію вами непріятеля, и что искусно воспользовались вы благопріятною минутою“ <sup>1)</sup>).

Послѣ побѣднаго дня отрядъ передъ вечеромъ двинулся дальше по слѣдамъ бѣжавшаго врага и захватилъ по пути еще два брошенные непріятельскіе лагеря. Отсюда Мадатовъ съ казачьимъ полкомъ и двумя орудіями пошелъ на рысяхъ, рассчитывая еще застать въ Ганжѣ непріятеля; но непріятеля тамъ уже не было. Слухъ о шамхорскомъ пораженіи быстро долетѣлъ до крѣпости, и баталіонъ сарбазовъ, стоявшій въ цитадели, поспѣшилъ выйти изъ города. Русскія войска между тѣмъ шли всю ночь форсированнымъ маршемъ и 4-го сентября утромъ, когда на востокъ только что появилась заря, стояли уже у стѣнъ Елисаветполя. Здѣсь ожидалъ ихъ Мадатовъ съ своимъ казачьимъ полкомъ.

Вступленіе въ городъ было торжественное. Все христіанское духовенство, въ бѣлыхъ пасхальныхъ ризахъ, вышло навстрѣчу къ войскамъ, и тутъ же подъ открытымъ небомъ отслужило благодарственное молебствіе. Затѣмъ войска двинулись въ городъ. Жители привѣтствовали ихъ, какъ своихъ избавителей, подносили солдатамъ фрукты, хлѣбъ и вино, бросались къ Мадатову и цѣловали его колѣни. Все ожило въ мрачномъ передъ тѣмъ Елисаветполѣ, и въ роскошныхъ садахъ его весь день и всю ночь до самаго утра раздавались пѣсни и восклицанія: „Кочагъ (молодецъ) Мадатовъ“ <sup>2)</sup>).

Такъ ликовали армяне; но злобно смотрѣли татарскіе беки политическія мечты которыхъ разсѣяла шамхорская побѣда. Исчезнувшее персидское знамя на цитадели вновь замѣнилось русскимъ

---

<sup>1)</sup> Предписаніе Ермолова князю Мадатову 7-го сентября, № 357. „Кавказскій Сборникъ“ т. XXIV.

<sup>2)</sup> Біографія князя Мадатова.

знаменемъ, и войска, подъ начальствомъ знакомаго всѣмъ Мадатова, заняли крѣпость, какъ будто никогда ее не покидали. Только цѣлые кварталы, лежавшіе въ развалинахъ, да старыя стѣны Ганжи, мрачно возвышавшіяся теперь надъ опустошеннымъ городомъ, — одни свидѣтельствовали о печальныхъ событіяхъ, пронесшихся надъ Елисаветполемъ.

Но за днемъ ликованія снова наступили тяжелые дни сомнѣній и томительныхъ ожиданій. Уже на другой день, 5-го сентября, по городу пронесся слухъ, что Аббасъ-Мирза, узнавъ объ истребленіи своего авангарда, бросилъ осаду Шуши и со всѣми силами идетъ навстрѣчу Мадатову. Извѣстіе это скоро подтвердилось официальнымъ путемъ. Цѣль нашей экспедиціи, слѣдовательно, была достигнута: Шуша освобождена; но зато маленькому, ничтожному числомъ отряду теперь грозила опасность стать лицомъ къ лицу со всею персидскою арміею.

Мадатовъ немедленно послалъ отъ себя двухъ курьеровъ: одного въ Тифлисъ съ донесеніемъ Ермолову о движеніи непріятеля, другого — съ приказаніемъ, чтобы два баталіона Херсонскаго и Ширванскаго полковъ, оставленные имъ на Акстафѣ, шли въ Елисаветполь форсированнымъ маршемъ; но баталіоны не могли прибыть ранѣе вечера 10-го числа, а Аббасъ-Мирза 9-го уже могъ быть въ Елисаветполѣ. Графъ Симоничъ и командиръ Херсонскаго полка полковникъ Поповъ всю ночь провели въ палаткѣ князя Мадатова, изыскивая средства, какъ бы выйти изъ труднаго положенія. 7-го числа они объѣхали всѣ окрестности города, выбирая мѣсто подъ укрѣпленіе, такъ какъ защищаться въ самомъ Елисаветполѣ считали невозможнымъ, а отступать никто изъ нихъ не хотѣлъ. „Свое безпокойство, — рассказываетъ графъ Симоничъ въ своихъ мемуарахъ, — мы, конечно, никому не показывали, и никто не подозрѣвалъ даже, какія кошки скребутъ у насъ на сердцахъ“ <sup>1)</sup>. Къ счастью, Аббасъ-Мирза подвигался впередъ черепашимъ шагомъ, и 9-го числа еще былъ только на рѣчкѣ Тертерѣ.

Въ тотъ же день вечеромъ Мадатовъ получилъ письмо Ермолова, который писалъ: „Сейчасъ получилъ письмо о занятіи Ели-

<sup>1)</sup> Кавказскій Сборникъ, т. XXIV. Записки графа Симонича.

саветполя. Радъ чрезвычайно, что дѣла ваши идутъ блистательно и не сомнѣваюсь, что государь будетъ доволенъ, ибо неимовѣрно показалось положеніе наше опаснымъ. Вы узнаете отъ тезки Вельяминова, что отъ того послѣдовало“ <sup>1)</sup>).

Дѣло для Мадатова разъяснилось скоро: въ Тифлисъ прибылъ генераль-адъютантъ Паскевичъ, и теперь ѣхалъ въ Елисаветполь принять подъ свою команду всѣ отряды, высланные изъ Грузіи на встрѣчу непріятеля. „Не оскорбитесь, любезный князь,—писалъ къ нему Ермоловъ,—что вы лишаетесь случая быть начальникомъ отряда, когда предложить ему назначеніе блистательное. Конечно это не сдѣлаетъ вамъ удовольствіе, но случай сей не послѣдній. Употребите теперь дѣятельность вашу и помогайте всѣми силами новому начальнику, который, по незнанію свойствъ здѣшнихъ народовъ, будетъ имѣть нужду въ вашей опытности. Обстоятельства таковы, что мы всѣ должны дѣйствовать единодушно“ <sup>2)</sup>). Такимъ образомъ, Мадатову, готовившемуся уже къ кровавой рязвязкѣ войны, приходилось уступить свое мѣсто другому.

Въ то же время, увѣдомляя Мадатова о своемъ назначеніи, Паскевичъ писалъ, — что будетъ съ кавалеріей въ Елисаветполѣ утромъ 10-го числа; но если бы непріятель появился раньше, Мадатову предписывалось отступить, оставивъ, однако, въ крѣпости не менѣе шести ротъ при четырехъ орудіяхъ.

Съ этой минуты на сценѣ персидской войны въ первенствующей роли появляется Паскевичъ.

---

<sup>1)</sup> Погодинъ. Матеріалы для біографіи Ермолова.

<sup>2)</sup> Жизнь князя Мадатова. Предписаніе Ермолова 9-го сентября.



## Глава VII.

Генераль-адъютантъ Паскевичъ. — Прибытіе его на Кавказъ и походъ къ Елисаветп.лн.  
Инструкция, данная Паскевичу Ермоловымъ. — Взглядъ Паскевича на кавказскія вѣска въ  
донесеніяхъ его государю. — Мнѣніе объ этомъ А. А. Вельямина. — Елисаветпольское гра-  
женіе и разгромъ персидской арміи. — Награды за Елисаветполь. — Черты къ характери-  
стици Паскевича.

---

Генераль-адъютантъ Иванъ Феодоровичъ Паскевичъ (впослѣд-  
ствіи фельдмаршалъ, графъ Эриванскій и свѣтлѣйшій князь Вар-  
шавскій) принадлежалъ къ числу извѣстныхъ русскихъ генераловъ,  
созданныхъ эпохою наполеоновскихъ войнъ.

Онъ родился 8-го мая 1782 года въ Полтавѣ и, какъ пред-  
ставитель древней малороссійской фамиліи, получилъ воспитаніе  
въ Пажескомъ корпусѣ. Отсюда въ 1800 году онъ выпущенъ былъ  
поручикомъ въ Преображенскій полкъ, съ назначеніемъ прямо фли-  
гель-адъютантомъ къ императору Павлу Петровичу; а по кончинѣ  
государя получилъ приказаніе состоять въ распоряженіи генерала  
Михельсона. Съ нимъ онъ участвовалъ въ кратковременномъ ау-  
стерлицкомъ походѣ, а затѣмъ—въ турецкой войнѣ, открывшей ему  
впервые путь къ военнымъ отличіямъ.

Здѣсь, въ мартѣ мѣсяцѣ 1807 года, во время движенія Ми-  
хельсона къ Журжѣ, ночью поднялась страшная метель, и русскія  
колонны, сбившись съ дороги, разбрелись по степи; между тѣмъ  
приближался уже разсвѣтъ, и непріятель былъ не далеко. Паске-  
вичъ, прежде другихъ сообразившій опасность положенія, самъ по-  
скакалъ впередъ, розыскалъ дорогу и вывелъ на нее колонны. Ми-  
хельсонъ опытнымъ глазомъ оцѣнилъ въ этомъ поступкѣ молодого  
флигель-адъютанта нѣчто болѣе одной заурядной храбрости, и  
съ этихъ поръ сталъ оказывать ему особое довѣріе. Въ кампанію  
1807 года Журжа доставила Паскевичу владимірскій крестъ въ

петлицу, а Измаиль —золотую шпагу. Смѣнившій Михельсона князь Прозоровскій еще болѣе приблизилъ его къ себѣ, и во время перемирій не разъ посылалъ его въ Константинополь съ различными дипломатическими порученіями. Эти поѣздки то по пустыннымъ дорогамъ, среди населенія настроеннаго весьма непріязненно къ русскимъ, то на утломъ челнѣ по бурнымъ волнамъ Чернаго моря, сопряжены были съ большими опасностями и не могли не послужить къ быстрому возвышенію Паскевича. Весною 1809 года онъ уже былъ полковникомъ. На штурмѣ Браилова его жестоко ранили въ голову, но это не помѣшало ему участвовать во всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ, подъ начальствомъ князя Прозоровскаго, Багратіона и графа Каменскаго. Подъ Варною, 9-го іюля 1810 года, Паскевичъ получилъ георгіевскій крестъ 4-й степени, а черезъ нѣсколько дней, 19-го іюля, когда онъ съ двумя баталіонами Витебскаго полка отразилъ яростную вылазку турокъ изъ крѣпости и отстоялъ русскую позицію,—орденъ св. Георгія 3-го класса.

Сраженіемъ подъ Батыномъ закончилось участіе Паскевича въ военныхъ дѣйствіяхъ въ турецкой войнѣ. Онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры на 29-мъ году отъ роду и вмѣстѣ съ тѣмъ назначенъ шефомъ Орловскаго пѣхотнаго полка, расположеннаго въ Кіевѣ, въ родной ему Малороссіи. Тамъ онъ оставался около года, до начала отечественной войны, когда получилъ въ командованіе 26-ю пѣхотную дивизію. Начавшійся продолжительный періодъ большихъ европейскихъ войнъ открылъ передъ нимъ широкое поприще. Битва при Салтановкѣ, защита Смоленска, Бородинскій бой, гдѣ дивизія его почти цѣликомъ легла при оборонѣ Раевского кургана,—доставили ему справедливую извѣстность въ арміи, закрѣпленную еще болѣе въ славныхъ бояхъ подъ Малоярославцемъ, Вязмою и Краснымъ. Въ Вильнѣ Кутузовъ представилъ его императору Александру, какъ генерала выдающагося своими боевыми заслугами, и государь поручилъ ему осаду Модлина. По сдачѣ этой крѣпости Паскевичъ участвовалъ въ Лейпцигскомъ сраженіи, и, наконецъ,—при взятіи Парижа, гдѣ командовалъ 2-ю гренадерскою дивизією. За эти три года Паскевичъ получилъ чинъ

генераль-лейтенанта, аннинскую ленту, Владиміра 2-го класса и орденъ Александра Невскаго.

По окончаніи наполеоновскихъ войнъ Паскевичъ сопровождалъ въ путешествіи по Европѣ Великаго Князя Михаила Павловича, а затѣмъ назначенъ былъ начальникомъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, въ которой второю бригадою командовалъ великій князь Николай Павловичъ. Съ этихъ поръ начинается сближеніе его съ будущимъ императоромъ, не переставшимъ до конца своей жизни называть его „отцомъ-командиромъ“. Въ послѣдній годъ царствованія Александра 1-го Паскевичъ получилъ званіе генераль-адъютанта и былъ назначенъ командиромъ 1-го пѣхотнаго корпуса, расположеннаго въ Остзейскихъ губерніяхъ. Здѣсь онъ получилъ извѣстіе о петербургскихъ событіяхъ 14-го декабря 1825 года и поспѣшилъ въ столицу, гдѣ новый государь назначилъ его членомъ Верховнаго уголовного суда, учрежденнаго надъ декабристами, а затѣмъ Паскевичъ, въ качествѣ генераль-адъютанта, сопровождалъ молодого императора въ Москву на коронацію. Съ этого момента и начинается его крупная историческая роль.

На Кавказъ Паскевичъ отправился въ лучшую пору своей жизни, когда ему было только 45-ть лѣтъ. Обладавъ цвѣтущимъ здоровьемъ, неутомимый въ трудахъ, онъ отличался въ то время еще и замѣчательно красивою наружностью. Изъ подъ роскошныхъ темныхъ кудрей, въ художественномъ безпорядкѣ обрамлявшимъ его чело, сверкали большіе, голубые глаза, полные рѣшимости и энергии. Въ нихъ было, однако, что то холодное, строгое, надменное, что на людей, встрѣчавшихся съ нимъ взоромъ, производило, какъ говорятъ современники, тяжелое впечатлѣніе.

Обладая характеромъ неуступчивымъ и самовластнымъ, не способный подчиняться другимъ, Паскевичъ ѣхалъ на Кавказъ съ предвзятою цѣлью замѣстить собою Ермолова. Самая неестественность положенія, при которомъ онъ долженъ былъ въ порядкѣ службы исполнять приказанія Ермолова, а Ермоловъ обязанъ былъ получать черезъ него высочайшія повелѣнія, не могла не послужить къ еще большой запутанности дѣлъ на Кавказѣ.

Паскевичъ прибылъ въ Тифлисъ 29-го августа, и на слѣдую-

щій день явился Ермолову. Они встрѣтились сухо. Ермолову, конечно, не было пріятно назначеніе Паскевича, но было бы не справедливо предположить, что онъ намѣренно хотя въ чемъ -нибудь ему противодѣйствовалъ; напротивъ, онъ не только поручилъ ему командованіе дѣйствующимъ корпусомъ, что могъ бы принять на себя лично даже по смыслу высочайшаго рескрипта, но далъ ему въ помощники лучшихъ своихъ генераловъ: Мадатова и Вельяминова. Ермоловъ, хорошо сознававшій, что сложившіяся обстоятельства требуютъ лично отъ него самого чего-нибудь блестящаго и громкаго, предпочиталъ, однако, спокойствіе края собственной славы, и остался въ Тифлисѣ. Его побуждало къ этому во-первыхъ, то, что отсюда, какъ изъ центра страны, онъ могъ направлять свои силы туда, гдѣ онъ окажутся болѣе необходимыми, а во-вторыхъ, присутствіе его въ столицѣ Грузіи успокоительно дѣйствовало на умы населенія, которое готовилось уже бѣжать и зарывало въ землю свои сокровища. Посылая Паскевича на вѣрную побѣду, онъ самъ не только оставался въ тѣни, и рисковалъ карьерой, но даже принималъ на себя обидныя нареканія. „Это рѣдкое самопожертвованіе съ его стороны,—говоритъ Денисъ Давыдовъ,—оцѣнено было лишь самымъ ограниченнымъ числомъ людей, а большинство поставило этотъ подвигъ даже въ вину Ермолову. Паскевичъ, между тѣмъ, получивъ лишніе шансы къ достиженію своей затаенной цѣли, воспользовался слишкомъ широко близостью своею къ государю, и позволеніемъ писать къ нему въ собственныя руки, чтобы уронить въ его глазахъ Ермолова. Съ этихъ поръ всѣ дѣйствія его и принимаютъ характеръ не всегда даже осторожной интриги. Правдивый, никогда не передъ кѣмъ не кривившій душою, Алексѣй Александровичъ Вельяминовъ, пишетъ одному изъ своихъ пріятелей: „Не знаю, желаетъ ли государь смѣнить Алексѣя Петровича Паскевичемъ, но знаю, что Паскевичъ очень это желаетъ. Онъ довольно ясно даетъ понимать, что къ сему предназначенъ“<sup>1)</sup>).

Къ тому времени, какъ Паскевичъ пріѣхалъ на Кавказъ, въ Тифлисѣ уже собрались достаточныя подкрѣпленія. Первымъ при-

---

<sup>1)</sup> Письма Вельяминова. „Русская Старина“ 1898 г., № 1.



Типъ Кавказскаго солдата, время А. П. Ермолова.

шелъ съ Кавказской линіи 2-й баталіонъ Ширванскаго полка съ подполковникомъ Волжинскимъ, -и пришелъ такъ, какъ умѣли ходить только ширванцы. Это былъ тотъ самый Волжинскій, который въ 24-мъ году съ тѣмъ же баталіономъ въ семь дней прошелъ триста верстъ изъ Прочнаго Окопа въ Нальчикъ. Такимъ же замѣчательнымъ маршемъ онъ и теперь ознаменовалъ свое прибытіе въ Тифлисъ. „Всегда видѣлъ я,—говоритъ Ермоловъ <sup>1)</sup>,—съ особеннымъ уваженіемъ службу подполковника Волжинскаго, знаю, что для него не существуетъ никакихъ затрудненій, и что тѣ же чувства его подчиненныхъ.... Отъ подошвы Эльборуса пришелъ онъ съ своимъ баталіономъ въ Екатериноградъ съ чрезвычайною поспѣшностью, но далѣе скорость его движенія была неимовѣрна. Выступивъ 8-го августа изъ Екатеринограда, онъ 16-го—былъ уже у самага Тифлиса“... Стало быть Ширванскій баталіонъ въ эти девять дней прошелъ болѣе трехъ-сотъ верстъ, да еще съ труднымъ переваломъ черезъ Кавказскій хребетъ.

Днемъ позже ширванцевъ, 17-го августа, въ Тифлисъ вступилъ Сводный гвардейскій полкъ, сформированный въ двухъ-баталіонномъ составѣ изъ людей лейбъ-гвардіи Московскаго и Гренадерскаго полковъ, вовлеченныхъ мимовольно въ роковыя событія 14-го декабря. Назначая ихъ въ составъ Кавказскаго корпуса, императоръ Николай Павловичъ тѣмъ самымъ давалъ имъ случай кровью смыть съ себя всякія нареканія. Такимъ образомъ полку съ первыхъ же шаговъ представлялась необходимость заявить себя достойнымъ представителемъ императорской гвардіи—и полкъ отъ береговъ Каспійскаго моря шелъ форсированнымъ маршемъ безъ дневокъ и роздыховъ, торопясь принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ: больныхъ было мало, отсталыхъ—ни одного <sup>2)</sup>.

Прибытіе трехъ свѣжихъ баталіоновъ дало Ермолову возможность отправить къ Мадатову новыя подкрѣпленія. Назначены были шесть ротъ Карабинернаго полка, рота 41-го егерскаго и 8-мъ орудій. Вмѣстѣ съ ними долженъ былъ выѣхать Паскевичъ и принять начальство надъ всѣмъ отрядомъ Мадатова. Въ предписаніи

<sup>1)</sup> Приказъ по корпусу 24-го августа 1826 года.

<sup>2)</sup> Тамъ же.

Ермолова точно указывались и цѣль и средства этого движенія:

Главная задача состояла въ томъ, чтобы войти въ Карабагъ и освободить Шушу отъ блокады, а потому Ермоловъ полагалъ, что непріятель или встрѣтитъ Паскевича около Шуши, или же, не принимая боя, отступить за Араксъ. Въ первомъ случаѣ предписывалось атаковать персидскій лагерь со стороны Ахъ-Оглана, чтобы отрѣзать персіянъ отъ единственной переправы у Худоферинскаго моста, и затѣмъ преслѣдовать ихъ доколѣ не перейдутъ границы. „Симъ, — заключалъ Ермоловъ, — и должны ограничиться дѣйствія вашего отряда, который за Араксъ отнюдь не переводить“.

Паскевичъ выѣхалъ изъ Тифлиса 5-го сентября, и на пути 8-го числа присоединилъ къ себѣ еще два баталіона, оставленные Мадатовымъ на Акстафѣ, и весь Нижегородскій драгунскій полкъ, только что прибывшій изъ Кахетіи. Здѣсь встрѣтилъ его курьеръ съ извѣстіемъ, что непріятель уже приближается къ городу. Паскевичъ поручилъ отрядъ подполковнику Грекову, а самъ въ сопровожденіи одного Нижегородскаго полка поспѣшилъ въ Елисаветполь, куда прибылъ 10-го сентября. Къ вечеру подошла и пѣхота. Такимъ образомъ здѣсь сосредоточилось семь баталіоновъ пѣхоты, при 24-хъ орудіяхъ, весь Нижегородскій полкъ, два полка казаковъ, Костина и Иловайскаго, грузинская дружина и татарская милиція. Отрядъ не превышалъ шести съ половиной тысячъ человекъ <sup>1)</sup>, но зато здѣсь собранъ былъ отборный цвѣтъ боевого Кавказскаго корпуса.

Со всѣмъ иными глазами взглянулъ на эти войска Паскевичъ. Его прежде всего поразило неприглядное состояніе ихъ въ смыслѣ обмундированія и фронтовой выправки, а смотрѣ, сдѣланный шамхорскимъ побѣдителямъ, окончательно уронилъ ихъ во мнѣніи Паскевича. Два дня войска выводились изъ лагеря и Паскевичъ училъ ихъ на обширной елисаветпольской равнинѣ; они то свертывались въ каре, то развѣртывались въ линіи или маршировали колоннами. „Нельзя представить себѣ до какой степени они мало выучены, — отмѣчаетъ онъ въ своемъ журналѣ наканунѣ сраженія:

<sup>1)</sup> Дубровинъ считаетъ 10,319 человекъ, но это списочный, а не наличный составъ частей; наличный составъ будетъ указанъ ниже.

многіе изъ нихъ не умѣютъ построить каре или колонну, а это все, что я отъ нихъ требую. Я примѣчаю даже, что сами начальники находятъ это не нужнымъ, но я заставляю ихъ дѣлать по своему" <sup>1)</sup>). Паскевичъ, конечно, требовалъ построеній съ тою артистическою тонкостью, которою щеголялъ въ Россіи, иначе трудно представить, чтобы войска, „не знавшія даже построеній для боя крайне необходимыхъ“, могли бы въ одно ученіе изучить ихъ такъ твердо, что въ елисаветпольскомъ сраженіи они и каре строили, и линіи развѣтывали, и ходили колоннами. Нижегородскій полкъ оказался на смотру не лучше другихъ, не умѣя построить дивизіонныя колонны къ атакѣ, о которыхъ никогда не слышалъ. Онъ долженъ былъ изучать это нехитрое построеніе на глазахъ самого Паскевича, — и онъ его выучилъ. Но лучше ли отъ этого стали нижегородцы — это вопросъ другой. Замѣтимъ только, что эта устарѣлая, тяжелая форма построенія давно уже исключена изъ нашихъ уставовъ, какъ лишнее бремя, и кавалерія, перешедшая опять къ тѣмъ маленькимъ эскадроннымъ колоннкамъ, которыхъ держались нижегородцы, ни разу не имѣла случая пожалѣть объ ея отсутствіи.

„Нижегородскій полкъ горитъ нетерпѣніемъ сразиться съ неприятелемъ, и ни какое число враговъ не устрашитъ его“, — доносилъ Ермолову Шабельскій, когда готовилъ свой полкъ къ походу <sup>2)</sup>). Иначе выражался объ этомъ Паскевичъ. „Боже сохрани съ такими войсками быть въ первый разъ въ дѣлѣ... Не знаю, какъ я пойду съ этими первобытными“ — писалъ онъ государю <sup>3)</sup>), готовясь вести горсть этихъ „первобытныхъ“ на сорока-тысячную армію. Таковы были два мнѣнія, двѣ оборотныя стороны одной и той же медали. Презрительный отзывъ его о войскахъ не оставался тайной и вызывалъ общее неудовольствіе. Вельяминовъ по этому поводу пишетъ: „Паскевичъ ищетъ все здѣсь опорочивать и, разумѣется, не упускаетъ изъ виду мнимое разрушеніе дисциплины. Пріѣхавши въ отрядъ, успѣлъ онъ въ три дня пріобрѣсти ненависть войскъ; чрезвычайно негодуетъ на всѣхъ за привязанность къ Алексѣю Пет-

<sup>1)</sup> Биографія Паскевича, составленная кн. Щербатовымъ, т. II.

<sup>2)</sup> Архивъ Штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣло 1826 года, № 22. Письмо Шабельскаго къ Ермолову 4-го августа.

<sup>3)</sup> Биографія Паскевича, составленная кн. Щербатовымъ, т. II.



ровичу, и такъ не ловокъ, что въ томъ упрекаетъ. Впрочемъ, самолюбія въ немъ предостаточно, и онъ думаетъ видѣть въ Алексѣѣ Петровичѣ соперника, ищущаго лишить его славы" <sup>1)</sup>. Хотѣлъ ли Паскевичъ своими донесеніями отстранить отъ себя отвѣтственность на случай неудачи, а въ случаѣ успѣха тѣмъ въ большемъ блескѣ выставить свою распорядительность даже съ такими плохими войсками,—не извѣстно. Но только въ странномъ противорѣчій съ ними стояла его готовность принять сраженіе, о которой онъ неоднократно говоритъ въ своемъ дневникѣ.

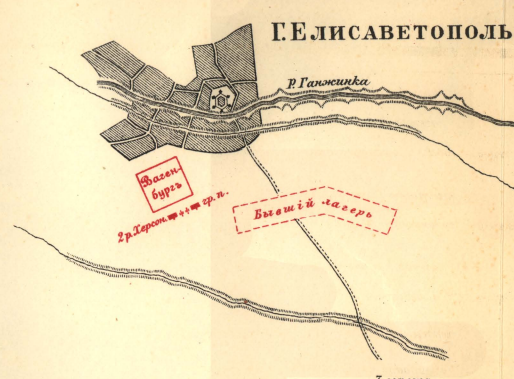
12-го сентября въ самый разгаръ учебныхъ занятій передъ русскими постами вдругъ появилась персидская конница. Войска встрепнулись, —и первый дивизіонъ Нижегородскаго полка вихремъ понесся на поддержку аванпостовъ; за нимъ двинулся Симоничъ съ грузинскимъ баталіономъ. Дѣла, однако же, не было. Персіане отошли назадъ, ограничившись только легкою рекогносцировкой.

Послѣ этого нужно было ожидать скорого появленія самого Аббасъ-Мирзы, и, дѣйствительно, персидская армія стояла уже на Куракъ-чаѣ, въ одномъ переходѣ отъ Елисаветполя. Теперь возникъ вопросъ: гдѣ и какъ принять сраженіе? Паскевичъ предполагалъ сначала встрѣтить персіанъ въ Елисаветполѣ, но намѣреніе это было оставлено вслѣдствіе энергическихъ представленій Мадатова о той опасности, которой могли подвергнуться войска въ узкихъ улицахъ города. Мадатовъ стоялъ безусловно за наступленіе; Вельяминовъ его поддержалъ, —и Паскевичъ далъ приказаніе готовиться къ выступленію.

Пока дѣлались распоряженія, въ лагерь прискакалъ шамшадильскій татаринъ съ извѣстіемъ, что эриванскій сардаръ идетъ черезъ Делижанское ущелье въ тылъ русскому корпусу. Извѣстіе это могло казаться правдоподобнымъ, такъ какъ на Акстафѣ войскъ уже не было и дорога со стороны Эривани стояла открытой. Не даромъ и Аббасъ-Мирза на цѣлые три дня замедлил свое наступленіе. Паскевичъ собралъ къ себѣ начальниковъ частей и обратился къ нимъ съ вопросомъ. „Что теперь дѣлать?“ Графъ Симоничъ спокойно отвѣтилъ за всѣхъ: „Побьемъ Аббасъ-Мирзу, а тог-

<sup>1)</sup> „Русская Старина“ 1898 года, № 1

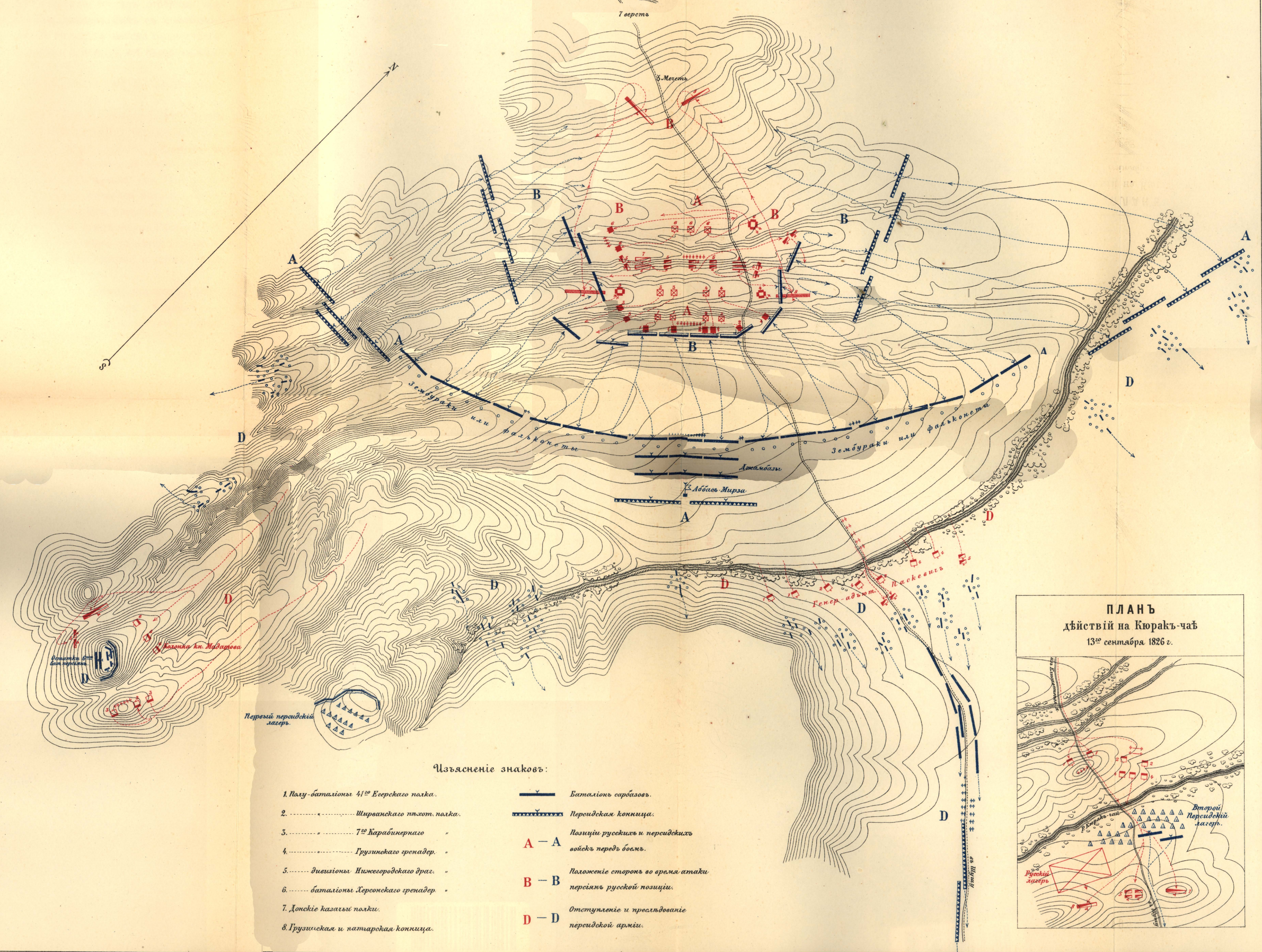




# ПЛАНЪ

сраженія при гор. Елисаветополь  
13<sup>го</sup> сентября 1826 года.

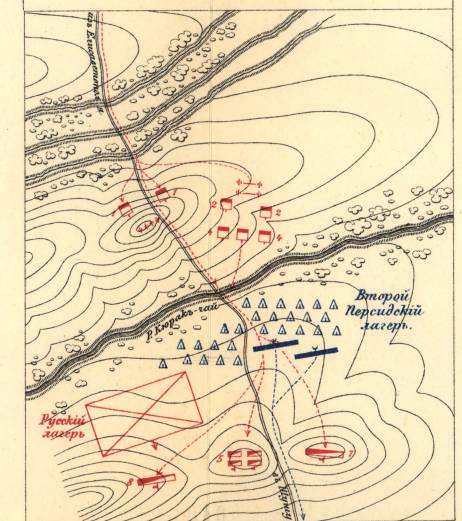
Масштабъ  
0 50 100 150 200 250 300 саж.



## Изъясненіе знаковъ:

- |   |  |
|---|--|
| 1. Полк-баталіоны 41 <sup>го</sup> Егерскаго полка. | Баталіоны сарбазовъ.                   |
| 2. Ширванскаго пѣхот. полка.                        | Персидская конница.                    |
| 3. 7 <sup>го</sup> Карабинернаго                    | Позиціи русскихъ и персидскихъ         |
| 4. Грузинскаго гренадеръ.                           | войскъ передъ боємъ.                   |
| 5. Дивизіоны Нижегородскаго драг.                   | В — В Положеніе сторонъ во время атаки |
| 6. баталіоны Херсонскаго гренадеръ.                 | персіянъ русской позиціи.              |
| 7. Донскіе казацкіе полки.                          | Отступленіе и преслѣдованіе            |
| 8. Грузинская и патарская конница.                  | персидской арміи.                      |

## ПЛАНЪ дѣйствій на Кюракъ-чаѣ 13<sup>го</sup> сентября 1826 г.





да уйдець и сардаръ“<sup>1)</sup>). Предложеніе принято было единодушно, — и Паскевичъ въ шесть часовъ утра приказалъ ударить подъемъ.

Городъ между тѣмъ начиналъ волноваться. Не съ равнымъ чувствомъ встрѣчали жители его тревожныя извѣстія, доходившія до нихъ со всѣхъ сторонъ. Армяне совершенно притихли; татары изъясляли неистовую радость. Всю нѣчь въ кварталахъ ихъ слышалось пѣніе священныхъ гимновъ и раздавались ружейныя выстрѣлы. На русскихъ никто не обращалъ вниманія. Татары были увѣрены, что многочисленныя, „какъ морской песокъ“, персидскія полчища разберутъ гяуровъ по рукамъ, если только они не бѣгутъ заблаговременно. Но велико было удивленіе ихъ, когда на слѣдующее утро, вмѣсто ожидаемаго съ часу на часъ отступленія, русскій корпусъ двинулся впередъ навстрѣчу непріятелю. Жребій былъ брошенъ. Паскевичъ, если онъ искренно считалъ отборныя кавказскія войска негодными для боя, долженъ былъ съ сомнѣніемъ смотрѣть на судьбы предстоявшей битвы; но войска были спокойны; они горѣли желаніемъ встрѣтить врага, „и ни какое число не могло устрасить ихъ“.

Такъ наступилъ знаменитый въ исторіи русскаго Закавказья — день 13-го сентября.

Пройдя версты двѣ отъ лагеря, войска остановились. Передъ ними лежала обширная волнообразная равнина, изрѣзанная оврагами и упиравшаяся на западъ въ отроги горнаго Карабага. На востокъ она тянулась, безлюдная и безлѣсная, до самой Куры, а на югъ очерчивалась Араксомъ. За нимъ лежала уже Персія. Въ нѣсколькихъ верстахъ впереди отъ насъ виднѣлся большой каменный памятникъ, воздвигнутый, какъ говорятъ преданія, персидскими властителями въ честь знаменитаго поэта Абуль-Гассанъ-Низами, жившаго въ XII-мъ вѣкѣ. Въ виду этого то нѣмаго свидѣтеля прошлой, давно уже исчезнувшей здѣсь жизни, и должна была разыгратъ Елисаветпольская битва.

Войска, между тѣмъ, построились въ боевой порядокъ. Баталіонъ егерей, въ двухъ полубаталіонныхъ колоннахъ, составилъ правый; а баталіонъ ширванцевъ, въ такихъ же колоннахъ, лѣвый

<sup>1)</sup> „Кавказскій Сборникъ“, т. XXIV. Записки Симонича.

флангъ нашей первой линіи; въ промежуткѣ между ними, въ центрѣ, развернулось 12 орудій батарейной роты Кавказской гренадерской артиллерійской бригады.

За ними, во второй линіи, расположились также въ колоннахъ: за егерями — баталіонъ карабинеровъ, а за ширванцами — баталіонъ Грузинскаго полка.

По двѣ роты отъ тѣхъ же полковъ, Грузинскаго и Карабинернаго, при одномъ легкомъ орудіи въ каждой, выдвинулись уступами за первую линію и, свернувшись въ каре, прикрыли фланги отъ ударовъ непріятельской кавалеріи. При каждомъ изъ этихъ уступовъ находились по два легкихъ орудія.

За интервалами второй линіи, по-дивизіонно, въ колоннахъ къ атакѣ, расположился весь Нижегородскій полкъ, имѣя на флангахъ иррегулярную конницу: направо — два полка казаковъ, налево — грузино-татарскую милицію.

Затѣмъ полтора баталіона херсонскихъ гренадеръ съ шестью орудіями легкой роты той же артиллерійской бригады составили резервъ, а двѣ остальные роты, съ двумя легкими же орудіями, назначены въ прикрытіе вагенбурга <sup>1)</sup>.

Видя, что мы готовимся принять оборонительный бой, графъ Симоничъ и Грековъ подъѣхали къ Паскевичу. — „Позвольте намъ итти впередъ и атаковать непріятеля? сказалъ графъ Симоничъ: наши войска не привыкли обороняться, они нападаютъ“. „Увѣрены ли вы въ побѣдѣ?“ спросилъ Паскевичъ. „Да, увѣренъ, — отвѣтилъ Симоничъ: и вотъ мой товарищъ Грековъ тоже отвѣчаетъ за успѣхъ“. Паскевичъ взглянулъ на часы и сказалъ: — „Ну, такъ идите съ Богомъ“.

„Полные радости, говоритъ Симоничъ въ своихъ запискахъ <sup>2)</sup>: —

<sup>1)</sup> Во всѣхъ баталіонахъ было по 800 человѣкъ; нижегородцы явились въ 13-ти-рядномъ составѣ; въ обихъ казачьихъ полкахъ насчитывалось не болѣе 500, а въ грузино-татарской милиціи 300 всадниковъ. Остальные грузины отправлены были еще изъ Шамхора въ Тифлисъ, чтобы сопровождать трофеи, взятые Мадаговымъ, и отгуда назадъ еще не возвратились. Такимъ образомъ, не считая двухъ ротъ и двухъ орудій, оставленныхъ при вагенбургѣ, въ русскомъ корпусѣ имѣлось всего 6200 штыковъ и сабель, при 22-хъ орудіяхъ. Вотъ этой то горсти лкдей и предстояло принять на себя ударъ 50-ти-тысячной персидской арміи. („Кавказскій Сборникъ“, томъ XXIV. Вѣдомости приложенныя къ рапортамъ Паскевича, Шибельскаго и Графа Симонича).

<sup>2)</sup> „Кавказскій Сборникъ“, томъ XXIV. Записки графа Самонича.

Грековъ и я вскочили на коней и поскакали къ своимъ частямъ. Раздалась команда: „Смирно, на плечо!“ и войска тронулись. Прошли еще верстъ пять и на пологой возвышенности, называемой За-заль-архъ, снова остановились. Здѣсь и рѣшено было принять сра-женіе. Ходившіе впередъ разъѣзды скоро прискакали съ извѣстіемъ, что непріятель идетъ. И вотъ, обыкновенно молчаливая, широкая степь вдругъ наполнилась шумомъ и гамомъ огромной массы людей, крикомъ животныхъ, громоуханьемъ орудій и повозокъ. То двигалась отъ Куракчайской станціи персидская армія, и всѣ движенія ее по равнинѣ видны были съ занятыхъ нами высотъ, какъ на ладони. Впереди всѣхъ джигитовали наши измѣнники— татары-шамшадиль-цы: они не большими шайками сворачивались большой дороги и пробирались къ сторонѣ нашихъ обозовъ. А на окрестныхъ высо-тахъ стали между тѣмъ появляться вооруженные жители сосѣднихъ деревень. Прямого желанія участвовать въ предстоящемъ сраженіи они не показывали, но очевидно, что присоединились бы къ той сторо-нѣ, которая побѣдитъ, чтобы участвовать вмѣстѣ съ нею въ добычѣ.

Былъ уже полдень, когда персидская армія съ распушенными знаменами и барабаннымъ боемъ приблизилась наконецъ къ на-шей позиціи. Она шла сплошной массой, которая, какъ туча, на-двигалась на русскихъ. Но вотъ она остановилась и стала развер-тываться: толпы азійской конницы отъ 20-ти до 25-ти тысячъ, поддержанные шестью баталіонами, появились на флангахъ. 18 ба-таліоновъ сарбазовъ, по тысячѣ человекъ въ каждомъ, составили центръ, имѣя впереди себя 25 орудій. За этою боевою линіею вда-ли виднѣлся длинный рядъ верблюдовъ съ навьюченными на нихъ фальконетами и горными орудіями, а еще далѣе стѣной стояли шахская гвардія, баталіонъ русскихъ дезертировъ и гвардейская конница, составлявшая личный конвой наслѣднаго принца.

Сравнивая свои и непріятельскія силы, Паскевичъ, по сло-вамъ Давыдова, хотѣлъ отступить подъ защиту Елисаветпольской крѣпости, и только настоянія Вельяминова удержали его отъ это-го намѣренія <sup>1)</sup>. „Тогда —пишетъ одинъ участникъ боя <sup>2)</sup>— онъ слѣзъ

<sup>1)</sup> Объ этомъ же говорить Вельяминовъ и намекаетъ косвенно даже самъ Симоничъ— приверженецъ Паскевича.

<sup>2)</sup> Владиміръ Толстой. Смотри „Елисаветпольскій бой“. „Русскій Міръ“, 1873 г., № 11.

съ коня, сѣлъ на барабанъ и погрузился въ глубокое раздумье. Онъ не довѣрялъ Ермоловскимъ сподвижникамъ, и даже подозрѣвалъ ихъ въ томъ, что они нарочно подведутъ его подъ неудачу" <sup>1)</sup>). Мадатовъ между тѣмъ обходилъ войска и говорилъ солдатамъ: „Ребята! не жалѣйте пролить сегодня кровь свою за государя!“ Тѣ отвѣчали дружнымъ крикомъ: „Постоймъ! Будьте спокойны, ваше сіятельство!“ Казакамъ онъ сказалъ: „Держитесь, братцы, часъ,— и непріятель побѣжитъ“.

Въ это время со стороны персіянъ вдругъ грянулъ первый пушечный выстрѣлъ и началась канонада. Русскія пушки молчали. Вельяминовъ подѣхалъ къ Паскевичу и доложилъ, что время атаковать непріятеля. Паскевичъ поднялъ голову, сурово взглянулъ на подѣхавшаго и промолвилъ: „Мѣсто русскаго генерала подъ ядрами“. Вельяминовъ молча повернулъ лошадь, выбралъ курганъ передъ фронтомъ, слѣзъ съ коня и легъ на разосланную бурку, подъ градомъ ядеръ, вырвавшихъ нѣсколько лошадей изъ его конвойной команды. Горячій по натурѣ и возбужденный еще болѣе остановкой, князь Мадатовъ подскакалъ къ Вельяминову и съ упрекомъ спросилъ его: что онъ дѣлаетъ, и чего ждетъ?

— „Я исполняю приказаніе находится подъ ядрами,—отвѣчалъ онъ съ своею неподражаемою флегмою <sup>2)</sup>).

Мадатовъ поскакалъ къ Паскевичу. „Нужно атаковать немедленно—сказалъ онъ настойчиво:—иначе эта золотоголовая сволочь закидаетъ насъ шапками“. Паскевичъ махнулъ рукою. Мадатовъ принялъ это за знакъ согласія и, возвращаясь къ Вельяминову, крикнулъ издали: „Отдавай приказанія!“

Но непріятель уже предупредилъ насъ. Едва батарея, лично управляемая Вельяминовымъ, открыла огонь, какъ цѣлая туча непріятельской конницы, обскакавъ нашъ лѣвый флангъ, кинулась на двѣ роты Грузинскаго полка, стоявшія уступомъ. Грузинскіе стрѣлки отступили въ каре „съ нѣкоторою поспѣшностью“, какъ выражается Симоничъ <sup>3)</sup>). Грузино-татарская милиція, попавшая

<sup>1)</sup> Тамъ же.

<sup>2)</sup> Тамъ же.

<sup>3)</sup> Записки г-на. Кавказскій Сборникъ, т. XXIV.

подъ ударъ, была опрокинута и въ бѣгствѣ едва не смяла самого Паскевича. Къ счастью, на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ нашихъ ротъ оказался небольшой, но крутой, бездорожный оврагъ, который издали не могъ быть замѣченъ. Разскакавшаяся во всю конскую прыть конница стала передъ нимъ, какъ вкопанная, а между тѣмъ на этотъ пунктъ сосредоточился огонь цѣлаго грузинскаго баталіона. Конница повернула назадъ и, разсыпавшись, открыла за собою четыре баталіона пѣхоты. Положеніе становилось опаснымъ. Паскевичъ, внимательно слѣдившій за ходомъ боя, тотчасъ послалъ приказаніе выдвинуть изъ резерва на лѣвый флангъ баталіонъ херсонцевъ съ четырьмя орудіями, и въ то же время подозвалъ къ себѣ командира Нижегородскаго полка полковника Шабельскаго: „Истребите ихъ!“ — сказалъ онъ лаконически, — и указалъ рукой на приближающихся сарбазовъ <sup>1)</sup>. Шабельскій поскакалъ къ полку. 3-й дивизіонъ нижегородцевъ тотчасъ заѣхалъ правымъ плечомъ и бросился въ атаку. Оглушительнымъ залпомъ встрѣтили его персіяне, но драгуны вломились въ непріятельскій строй, и его разбитыя, стоптанныя шеренги одна за другой стали ложиться подъ ударами шашекъ. Напрасно персидская конница, оправившись отъ своей неудачи, кинулась помогать сарбазамъ. 2-й дивизіонъ нижегородцевъ въ свою очередь охватилъ ее съ тылу — и конница бѣжала. Тогда оба дивизіона соединились и вмѣстѣ ударили на пѣхоту. Началось страшное истребленіе. Сарбазы, разбитые на кучки, защищались отчаянно, залегали въ кустахъ, дрались въ оврагахъ, но драгуны выбивали ихъ отовсюду и не давали пощады. Персидское знамя, развѣвавшееся надъ одною изъ кучекъ, было взято драгунами. Въ борьбѣ за этотъ трофей четыре офицера были ранены штыками и саблями — но въ концѣ концовъ знамя осталось въ рукахъ нижегородцевъ. Это было большое красное знамя, съ изображеніемъ на полотнище золотого льва, держащаго въ лапѣ обнаженный мечъ, — эмблема могущества и силы Персіи.... Когда разнесся дымъ и улеглась поднятая шумною кавалерійскою битвою пыль — сарбазовъ болѣе не существовало, и только на горизонтѣ виднѣлись остатки разбитой, ухотившей съ

<sup>1)</sup> Императорская публичная бібліотека. Отдѣлъ рукописей. Записки Шабельскаго.

поля сраженія, конницы. Дѣло на лѣвомъ флангѣ было окончено. Подоспѣвшему сюда баталіону херсонцевъ дѣлать было уже нечего.

Приказавъ грузинамъ и татарамъ преслѣдовать бѣгущихъ, Шабельскій быстро устроилъ свои сильно порѣдѣвшіе эскадроны и повелъ ихъ на помощь къ нашему центру. Тамъ уже кипѣла жестокая битва.

Одновременно съ атакою лѣваго фланга, 18-ть баталіоновъ сарбазовъ стали надвигаться на русскую позицію. Мадатовъ приказалъ пѣхотѣ сбросить ранцы и приготовиться къ удару въ штыки. Два баталіона должны были сразиться съ восемнадцатью! Солдаты рванулись было впередъ, но Мадатовъ удержалъ ихъ: „Стой! — крикнулъ онъ:— подпускай персіянина ближе, — ему труднѣе будетъ уходить“ <sup>1)</sup>. И вотъ, когда Вельяминовъ сосредоточилъ огонь 12-ти батарейныхъ орудій на наступавшихъ сарбазовъ, когда персидскіе баталіоны въ синихъ курткахъ и бѣлыхъ панталонахъ, осыпанные картечью, замедлили шагъ, Мадатовъ выхватилъ шашку и крикнулъ: „Ура! Это послужило сигналомъ къ общему нападенію. Ширванцы и егеря первые кинулись впередъ: баталіонъ грузинцевъ, стоявшій во второй линіи, безъ всякаго приказанія сравнялся съ ними, и начался рукопашный бой! Командиръ ширванскаго баталіона подполковникъ Грековъ былъ убитъ, командиръ Грузинскаго полка графъ Симоничъ—тяжело раненъ; онъ упалъ, но не позволилъ солдатамъ подавать себѣ помощь, крикнувъ: „Впередъ, ребята! Тамъ ваше мѣсто!“ Солдаты, раздраженные потерю любимыхъ начальниковъ, напали со страшнымъ ожесточеніемъ— и вся персидская линія была опрокинута!

Въ это мгновеніе появился Шабельскій съ нижегородцами. Драгуны проложили себѣ путь въ самую середину бѣгущихъ баталіоновъ, разбрасывая ихъ въ обѣ стороны и опрокидывая все имъ встрѣчающееся. Регулярныя войска, оплотъ персидской монархіи, были разбиты и разсѣяны. Артиллерія первая покинула поле сраженія и усакала такъ быстро, что драгуны даже ее не видѣли <sup>2)</sup>.

Преслѣдованіе продолжалось на пространствѣ 12-ти верстъ,

---

<sup>1)</sup> Жизнь князя Мадатова.

<sup>2)</sup> Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣло 1826 г., № 27. Репортъ Шабельскаго отъ 18-го сентября.



до самой Куракчайской станціи. Тамъ стоялъ богатый непріятельскій лагерь. Въ ужасѣ гонимые по пятамъ, персіяне миновали его не успѣвъ ничего захватить,—и лагерь достался въ добычу русской пѣхоты. Драгуны, грузины и татары проскакали еще верстъ семь и за лагерь. Несмотря на то, что ихъ было слишкомъ мало, чтобы поспѣвать вездѣ и при нихъ не было конной артиллеріи, они нанесли персіянамъ громадный уронъ. Плѣнныхъ, однако, взято не было, „ибо, —какъ доносилъ Шабельскій,—драгуны были такъ раздражены, что ни одному персіянину не давали пощады“ <sup>1)</sup>).

Паскевичъ между тѣмъ продолжалъ тревожиться за исходъ сраженія. Видя полный разгромъ персидской арміи, онъ сталъ опасаться, что непріятель, опомнившись, снова перейдетъ въ наступленіе и вырветъ изъ рукъ нашихъ побѣду; онъ слалъ гонца за гонцомъ, чтобы остановить погоню. Но остановить ее было невозможно. Тогда Паскевичъ отправилъ на помощь къ Мадатову еще неучаствовавшія въ бою шесть ротъ Карабинернаго полка, которыя могли послужить резервомъ. Но и карабинерамъ, какъ увидимъ, не пришлось итти по этому назначенію.

Въ то время, какъ на лѣвомъ флангѣ и въ центрѣ войска торжествовали побѣду,—бой на правомъ флангѣ казался еще сомнительнымъ. Тамъ масса персидской конницы, поддержанная двумя баталіонами сарбазовъ, съ самаго начала опрокинула два слабые казачьи полка и загнала ихъ подъ самый Елисаветполь. Ближайшій къ правому флангу первый дивизіонъ Нижегородскаго полка и двѣ послѣднія роты херсонцевъ съ двумя орудіями <sup>2)</sup>), выдвинутыя изъ резерва, напрягали послѣднія силы, чтобы не пустить непріятеля въ тылъ нашей позиціи. Драгунскій офицеръ, посланный съ этимъ извѣстіемъ къ Шабельскому, долго ѣздилъ по полю, пока розыскалъ, наконецъ, своего командира далеко впереди, уже за Куракъ-чаемъ. Выслушавъ донсесіе, Шабельскій тотчасъ поскакалъ на правый флангъ, сопровождаемый однимъ только ординарцемъ.

На пути онъ встрѣтилъ баталіонъ карабинеръ, шедшій къ Ку-

<sup>1)</sup> Тамъ же.

<sup>2)</sup> Остальной баталіонъ съ 4-мя орудіями ушелъ, какъ было сказано, на лѣвый флангъ еще въ началѣ сраженія.

ракчайской станціи и приказаль ему слѣдовать за собою. Перемѣняя самовольно распоряженія Паскевича, Шабельскій понималъ, что появленіе этихъ ротъ въ тылу лѣваго крыла непріятельской арміи будетъ гораздо полезнѣе ненужнаго ихъ участія въ общемъ преслѣдованіи,—и принялъ все на личную отвѣтственность <sup>1)</sup>. Послѣдствія его оправдали. Персіяне, какъ только замѣтили этотъ опасный для себя маневръ, тотчасъ остановились и стали подаваться назадъ. Херсонцы перешли въ наступленіе. Въ то же время первый дивизионъ нижегородцевъ, подъ командой майора князя Андронникова <sup>2)</sup>—обскакалъ непріятеля и ударилъ во флангъ. Охваченные съ двухъ сторонъ баталіоны были смяты и обратились въ бѣгство. Конница бѣжала еще ранѣе ихъ. „Только гористая, изрѣзанная оврагами мѣстность,—доносилъ Шабельскій,—спасла непріятеля отъ истребленія и не дозволила ему нанести такой вредъ, какой разстроенная и бѣгущая пѣхота должна была ожидать отъ кавалеріи“ <sup>3)</sup>. Мѣстность была дѣйствительно трудная, и только на высокой и ровной площадкѣ, уже передъ самымъ Куракчайскимъ ущельемъ, часть баталіоновъ успѣла вскочить на высокій, лѣсистый курганъ и тамъ окопалась.

Какъ разъ въ это время подошли карабинерныя роты, а вслѣдъ за ними прибылъ князь Мадатовъ съ баталіономъ херсонцевъ, взятымъ съ лѣваго фланга; курганъ окружили со всѣхъ сторонъ. Между тѣмъ наступали сумерки. Чтобы скорѣе покончить дѣло, Мадатовъ приказаль открыть картечный огонь съ двухъ сторонъ, а карабинеры бросились на штурмъ и заставили персіянъ положить оружіе. Здѣсь взято было 900 плѣнныхъ, съ двумя баталіонными командирами, два орудія и три знамени—всѣ бѣлыя, на которыхъ покоющійся левъ былъ освѣщенъ восходящимъ солнцемъ,—эмблема не только могущества, но и просвѣщенія Персіи <sup>4)</sup>.

На слѣдующій день, 14-го сентября, рано утромъ, взявъ съ

<sup>1)</sup> Императорская публичная бібліотека. Отдѣлъ рукописей. Записки Шабельскаго.

<sup>2)</sup> Князь Иванъ Малхазовичъ Андронниковъ, впослѣдствіи знаменитый генераль—побѣдитель турокъ подъ Ахалцихомъ и Чолокомъ

<sup>3)</sup> Рапортъ Шабельскаго отъ 18-го сентября. Дѣло 1826 года, № 27.

<sup>4)</sup> Исторія Эриванскаго полка, составленная Вобровскимъ.

собою Нижегородскій полкъ, всю иррегулярную конницу и два баталіона пѣхоты съ четырьмя орудіями, Мадатовъ пошелъ вслѣдъ за непріателемъ и гналъ его еще 25 верстъ. Подъ этимъ натискомъ Аббасъ-Мирза ускорилъ свое бѣгство; но, опасаясь итти по большой дорогѣ мимо Шуши, онъ отъ Шахъ-Булаха взялъ направленіе на рѣчку Ханашинъ и, оставивъ въ сторонѣ Ахъ-Огланъ, 15-го сентября былъ уже за Араксомъ. За нимъ переправилась черезъ Худоферинскій бродъ его разбитая армія, и спустя пять дней послѣ сраженія ни одного непріятельскаго воина не оставалось уже въ Карабагѣ.

Такъ окончилось елисаветпольское сраженіе, освободившее Закавказскій край отъ нашествія врага и занявшее одну изъ видныхъ страницъ въ военной исторіи Россіи.

При поспѣшномъ бѣгствѣ непріятеля трофеевъ взято было не много: два лагеря, 4 знамени, 3 орудія, нѣсколько фальконетовъ, 80 зарядныхъ ящиковъ и 1100 человѣкъ плѣнныхъ. Въ числѣ послѣднихъ находился и Угурлу-ханъ, кратковременный повелитель Ганжинскаго ханства. Солдаты нашли его въ кустарникѣ, на берегу Куракъ-чая, уже ограбленнаго и полураздѣтаго самими же карабагскими жителями. Потеря персіянъ убитыми простиралась до 2-хъ тысячъ. Съ нашей стороны вышло 12 офицеровъ и 285 нижнихъ чиновъ, — при чемъ большая половина этой потери приходилась на долю одного Нижегородскаго полка, потерявшаго семь офицеровъ, 137 нижнихъ чиновъ и болѣе двухсотъ лошадей <sup>1)</sup>.

Императоръ Николай пожаловалъ Паскевичу золотую саблю, осыпанную брильянтами, съ надписью: „За пораженіе персіянъ подъ Елисаветполемъ“. — „Увѣренъ“ — писалъ къ нему государь, — что она въ вашихъ рукахъ укажетъ храбрымъ войскамъ путь къ новымъ побѣдамъ и славѣ“. Князь Мадатовъ получилъ чинъ генераль-лейтенанта и также брильянтовую саблю съ надписью: „За храбрость“ <sup>2)</sup>. Вельяминовъ — орденъ св. Георгія 3-го класса, и тотъ же орденъ 4-й степени пожалованъ: полковнику Шабельскому, подполковнику графу Симоничу и маіорамъ: Клюки-фонъ-Клугенау <sup>3)</sup>.

1) Исторія Нижегородскаго драгунскаго полка.

2) Это была вторая брильянтовая сабля; первая получена имъ еще въ 1813 году въ чинѣ полковника.

3) Клугенау, присланный Реутомъ въ Тифлисъ, не вернулся въ Шушу. Ермоловъ поручилъ ему командованіе шестью карабинерными ротами.

командовавшему шестью карабинерными ротами, и Юдину, принявшему ширванскій баталіонъ послѣ смерти Грекова. Этими именами и начинается длинный списокъ георгіевскихъ кавалеровъ славнаго царствованія императора Николая Павловича.

Побѣда торжественно праздновалась въ обѣихъ столицахъ. Въ Петербургѣ отбитыя знамена возились по улицамъ при звукахъ трубъ, и за тѣмъ императоръ Николай Павловичъ приказалъ ихъ отправить въ Москву въ память того, что первое извѣстіе о вторженіи персіанъ и первыя донесенія о ихъ пораженіи получены были имъ въ стѣнахъ Кремля въ священные дни коронаціи.

---

Елисаветпольская побѣда, имѣвшая огромное значеніе въ жизни Закавказья, дала въ руки Паскевича новое орудіе противъ Ермолова, и въ этомъ случаѣ онъ не былъ даже строго послѣдователенъ. Такъ, посѣтивъ послѣ сраженія раненаго Симонича, онъ сказалъ ему: „Когда атакуютъ такъ, какъ атаквали вы,—ни одинъ непріятель не устоитъ; даже французы не выдержали бы такого удара“. Дибичу онъ пишетъ: „Не думайте, чтобы персіане дурно дрались:—подошли безъ выстрѣла, фронтомъ, открыли батальный огонь, хотя бы и лучшей пѣхотѣ, но *истиннымъ мужествомъ войскъ* были разсѣяны. Могу увѣрить, что дурныя войска были бы опрокинуты. Я доволенъ особенно драгунами, которыхъ посылалъ на пѣхоту и кавалерію. Если бы у меня была конная артиллерія, то всѣ пушки и половина пѣхоты были бы въ нашихъ рукахъ“.

Наконецъ, въ официальномъ донесеніи Ермолову ), повторяя то, что было извѣстно всѣмъ участникамъ боя, Паскевичъ свидѣтельствуеъ, „что войска ударили въ штыки по приказанію Мадатова и Вельяминова“, и обращаетъ особое вниманіе его на истинно военныя достоинства означенныхъ генераловъ.

Въ то же время, и про тѣ же самыя войска, онъ пишетъ государю секретно: \*) „Когда непріятель атаквалъ, я бросился въ ре-

\*) Репортъ Паскевича 14-го сентября, № 22.

2) Паскевичъ велѣ два журнала: одинъ офиціальныи для Ермолова („Кавказскій Сборникъ“, томъ XXIV), другой секретный, предназначавшійся для государя (Щербатовъ, приложение ко 2-му тому, біографія Паскевича).

зервъ, дабы заставить его итти, и насилу могъ его подвинуть <sup>1)</sup>. Сохрани Богъ съ такими войсками быть первый разъ въ дѣлѣ. Войска храбры, но не стойки. 2-я линія не выдержала 20-ти ядеръ и смѣшалась съ первою, потому что та стояла подъ крутизною... Наконецъ: „Какъ только непріятель былъ опрокинутъ, войска перестали быть регулярными, разбрелись, а генералы, (Мадатовъ и Вельяминовъ) распустивъ ихъ, не умѣли собрать. Я поѣхалъ въ центръ, и не могъ шестисотъ человѣкъ собрать пѣхоты. Если бы персіяне имѣли резервъ, мы были бы разбиты“...

На третій день послѣ битвы, 15-го сентября, Паскевичъ получилъ отъ Ермолова „весьма краткое предписаніе“, въ которомъ тотъ, зная характеръ враговъ и своихъ генераловъ, предсказывалъ ему успѣхъ, говоря, что сраженіе кончится однимъ ударомъ, и непріятель будетъ разбитъ. Но и это, уже оправданное обстоятельствами, мнѣніе Ермолова Паскевичъ обращаетъ противъ него въ своихъ донесеніяхъ государю. „И такъ, — иронически отмѣчаетъ онъ въ своемъ секретномъ журналѣ: — тотъ, который хотѣлъ вести оборонительную войну и безъ повелѣнія государя не пошелъ бы впередъ, теперь даетъ приказаніе столь смѣлое... Я увѣренъ, что онъ противное думаетъ и, можетъ статься, другимъ иначе пишетъ“ <sup>2)</sup>...

Для возстановленія исторической истины необходимо, однако, сказать, что та вторая линія, которая, по донесенію Паскевича, не выдержала будто бы 20-ти ядеръ, была подъ командою храбраго Симонича; что она смѣшалась съ первою не потому, что та стояла подъ крутизною, а потому, чтобы итти вмѣстѣ съ нею въ бой по дальновидному разсчету Симонича, который говоритъ: <sup>3)</sup> „Если бы персіяне опрокинули ширванцевъ, и тѣ побѣждали, то баталіонъ грузинцевъ, конечно, не поправилъ бы дѣла и былъ бы разбитъ точно также; слѣдовательно, мнѣ оставалось одно — поддержать первую линію въ моментъ самаго удара, когда, въ общей свалкѣ, тысяча лишнихъ штыковъ много значить“. Нельзя не указать также на то, что шамхорскій бой и взятіе Ганжи были задуманы и приведены въ исполненіе еще до пріѣзда Паскевича, — и опоздай онъ только

<sup>1)</sup> Подобнаго случая не было.

<sup>2)</sup> Секретный журналъ Паскевича.

<sup>3)</sup> „Кавказскій Сборникъ“, томъ XXIV. Записки Симонича.

на два дня, то елисаветпольская битва разыгралась бы без его участия. Академик Дубровинъ справедливо говоритъ, что двойственность въ оцѣнкѣ войскъ и ихъ начальниковъ объясняется двойственностью цѣли, которую преслѣдовалъ Паскевичъ: для обвиненія Ермолова было необходимо, чтобы кавказскія войска были дурны, а для прославленія себя—чтобы персіяне дрались хорошо и могли быть побѣждены только искусствомъ предводителя <sup>1)</sup>).

Лучше другихъ охарактеризовалъ дѣятельность Паскевича Алексѣй Александровичъ Вельяминовъ въ письмѣ къ одному изъ своихъ пріятелей: <sup>2)</sup> „Я находился въ этомъ сраженіи и могу нѣсколько судить о немъ... Безъ сомнѣнія все будетъ теперь приписано Паскевичу; но ты можешь увѣренъ быть, что если дѣла восстановлены, то, конечно, не отъ того, что онъ пріѣхалъ, а не смотря на пріѣздъ его“...

Въ Петербургѣ приходилось судить о положеніи дѣлъ на Кавказѣ сквозь призму секретныхъ донесеній Паскевича, но несмотря на то, государь сумѣлъ разобраться въ его противорѣчіяхъ, и мы уже видѣли, какія щедрыя награды пожалованы были имъ Мадатову и Вельяминову. Только относительно Ермолова онъ подчинился безусловно взглядамъ Паскевича,—но чтобы отозвать съ Кавказа стараго вождя, нужно было выждать благопріятной минуты.

„Вы поймете,—писалъ шефъ жандармовъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ начальнику главнаго штаба 2-й арміи П. Д. Киселеву,—что государю не легко рѣшиться на увольненіе Ермолова. Надо имѣть въ рукахъ сильныя доказательства, чтобы смѣстить съ столь важнаго поста, особенно во время войны, человѣка, пользующаго огромною репутаціею, и который въ теченіе 12-ти лѣтъ управлялъ дѣлами лучшаго проконсульства въ Имперіи“ <sup>3)</sup>.)—Что подразумѣвалъ Бенкендорфъ подъ словомъ „сильныя доказательства“,—неизвѣстно, но видно, что даже этотъ, сильнѣйшій изъ недоброжелателей Ермолова, хорошо понималъ значеніе его на Кавказѣ и въ русскомъ обществѣ.

Теперь возвратимся къ событіямъ, происходившимъ на театрѣ военныхъ дѣйствій.

<sup>1)</sup> Дубровинъ, томъ II, стр. 704.

<sup>2)</sup> Къ Петру Николаевичу Ермолову.

<sup>3)</sup> „Біографія графа П. Д. Киселева“ Заблоцкаго.

## Глава VIII.

Дѣйствія Паскевича послѣ Елисаветпольскаго сраженія. -- Неудовольствія его на Ермолова. -- Роспускъ отряда Паскевича. Давызовъ и дѣйствія его на Эриванской границѣ. -- Ермоловъ въ татарскихъ дистанціяхъ. -- Усмиреніе имъ татарскихъ ханствъ. -- Походъ Ермолова противъ джарцевъ. -- Роспускъ войскъ на зимовія квартиры. -- Сношеніе Ермолова съ туркменами. -- Экспедиція князя Мадатова за Араксъ, какъ эпизодъ кампаніи 1826 года.

Послѣ пораженія персіянъ подѣ Елисаветполемъ побѣдоносный отрядъ Паскевича быстро двигался впередъ по слѣдамъ бѣгущаго непріятеля. Отъ Тертера войска, ---какъ занесъ въ свой путевой журналъ Паскевичъ,---дѣлали по 30-ти и 35-ти верстъ. Персіянъ нигдѣ не встрѣчали—они быстро бѣжали за Араксъ, но въ разоренной и обезлюдѣвшей странѣ отрядъ не находилъ продовольствія и терпѣлъ ощутительный недостатокъ въ удовлетвореніи первѣйшихъ потребностей. Съ этою цѣлью Мадатовъ еще 18-го числа отправился въ Шушу съ тѣмъ, чтобы попрежнему принять въ управленіе Карабагскую провинцію и на время остаться въ сторонѣ отъ военныхъ дѣйствій. Въ Шушѣ его ожидали другіе труды и заботы: ему нужно было возвратить разбѣжавшіяся кочевыя племена въ свои жилища, установить порядокъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ, открыть суды, заставить жителей вспахать и засеять поля для избѣжанія голода на будущій годъ и, наконецъ, добывать войскамъ продовольствіе. Послѣднее представляло собою неимовѣрныя трудности: деревни были разграблены, поля опустошены, лѣтній урожай пропалъ не собранный, а при такихъ условіяхъ, очевидно, довольствоваться отрядъ мѣстными средствами было невозможно. Паскевичъ и это приписалъ однако „злонамѣренному желанію поставить его въ затруднительное положеніе“, и заносить въ журналъ, что „Мадатовъ, не желая доставлять ему продоволь-

ствія, выдумываетъ басни, которыя никто не оспариваетъ. Вельяминовъ молчитъ, а окружающіе потокають Мадатову“ <sup>1)</sup>).

Отрядъ, между тѣмъ, дошелъ до рѣки Черекени, и здѣсь остановился лагеремъ, верстахъ въ 20-ти отъ Асландуза, заслоняя дорогу изъ Персіи къ Шушѣ. Бездѣйствіе, наложенное на него Ермоловымъ, запретившимъ переходить границу, вовсе не согласовалось ни съ желаніемъ, ни съ личными воззрѣніями Паскевича на положеніе Закавказья. Онъ хотѣлъ итти за Араксъ, находя возможнымъ продолжать и кончить войну въ предѣлахъ Персіи. По его плану слѣдовало вступить въ пограничную съ Карабагомъ персидскую область Карадагъ, занять ея главный городъ Агаръ, оттуда итти на Тавризъ. Онъ былъ увѣренъ, что „быстрое движеніе русскихъ войскъ застанетъ непріятеля врасплохъ. Тавризъ, не успѣвшій приготовиться къ защитѣ, будетъ въ нашихъ рукахъ, а тогда, съ завоеванными въ немъ орудіями, можно будетъ итти и брать Эривань“. Съ точки зрѣнія начальника отдѣльнаго отряда, только что одержавшаго побѣду, стремленія Паскевича еще могутъ быть оправданы, но съ точки зрѣнія главнокомандующаго, обязаннаго отвѣчать за цѣлый край, и за самого Паскевича, дѣло представлялось нѣсколько въ иномъ видѣ: нельзя было рисковать и подвергаться случайностямъ тамъ, гдѣ нужно было дѣйствовать осмотрительно и при томъ не иначе, какъ въ связи съ общимъ состояніемъ края; а въ сложномъ планѣ быстрыхъ движеній Паскевича безъ всякой подготовки,—все представляло собою рискъ, и малѣйшая неудача могла отразиться на судьбѣ цѣлой кампаніи. Ермоловъ взвѣсилъ всѣ шансы, и не далъ согласія на наступательныя дѣйствія.

„Если,—писалъ онъ Паскевичу <sup>2)</sup>,—Аббасъ-Мирза не имѣетъ довольно силъ, чтобы опять вступить въ Карабагъ, то и за Араксомъ противиться не станетъ, а, не имѣя конницы, преслѣдовать конницу вамъ невозможно. Но зато Аббасъ - Мирза, отвлекая за собою ваши войска, можетъ бросить сильныя толпы своей конницы на лѣвый берегъ Аракса и произвести опустошеніе въ Кара-

<sup>1)</sup> Интересно, что все обвиненіе основывается имъ только на словахъ армянина Корганова, извѣстнаго всему Кавказу подъ именемъ „Ваньки-Каина“.

<sup>2)</sup> Предписаніе Паскевичу 29-го сентября 1826 года, № 398.



багѣ, гдѣ еще нѣтъ спокойствія"... „Положимъ, -- говоритъ онъ далѣе, -- что ваше превосходительство, перейдя черезъ Араксъ, понудите Аббасъ-Мирзу отойти отъ онаго; но въ семъ случаѣ онъ столь же мало потеряетъ, сколько мало вы приобретете. Онъ оставитъ степь не заселенную, въ которой вы и тѣхъ малыхъ средствъ не найдете, отъ каковыхъ вы отдалитесь... Карадагъ не довольно даетъ продовольствія собственнымъ жителямъ, и еще менѣе представитъ онаго нашимъ войскамъ, когда пройдетъ впереди Аббасъ-Мирза“.

Паскевичъ остановился. Но подозрительность его нашла, однако, и въ этомъ случаѣ предлогъ писать государю, „что Ермоловъ *изъ личныхъ видовъ* помѣшалъ ему блестяще окончить войну въ стѣнахъ резиденціи наслѣднаго принца, такъ какъ не трудно было взбунтовать персидскій народъ противъ ненавистнаго ему правительства, обѣщая независимость ханамъ, подъ нашимъ покровительствомъ, какъ сдѣлано было то при Циціановѣ. Но сего послѣдняго нельзя сдѣлать при генералѣ Ермоловѣ, который выгналъ трехъ хановъ, и тѣмъ обезкредитовалъ русскихъ въ Персіи“. Дибичъ, сосредоточившій въ своихъ рукахъ всѣ нити военного управленія и дѣйствовавшій одинаково противъ Ермолова и противъ Паскевича, на этотъ разъ принялъ сторону послѣдняго. Но Ермоловъ и въ этомъ случаѣ не выказываетъ той дипломатической уступчивости, которою отличался, напримѣръ, Кутузовъ подъ Аустерлицомъ, крѣпко держитъ своихъ рукахъ общее руководство военными дѣйствіями. Онъ пишетъ государю прямо: „я воспретилъ движеніе“ <sup>1)</sup>, и настойчиво указываетъ на причины, заставившія его остановить наступленіе не только здѣсь, но и со стороны Эривани.

Какъ ни были склонны въ Петербургѣ вѣрить всему, что служило къ обвиненію Ермолова, но донесенія его были такъ ясны, просты и убѣдительны, что государь положилъ резолюцію: „Признаюсь, и я не раздѣляю мысли Паскевича, ибо она удаляетъ насъ отъ настоящей цѣли кампаніи“. Въ то же время онъ писалъ Ермолову: „Я совершенно согласенъ съ вами, что прежде нежели перейти Араксъ, лучше дождаться идущихъ подкрѣпленій, очистить

<sup>1)</sup> Всеподданнѣйшее донесеніе Ермолова отъ 30-го сентября 1826 года.

наши провинціи совершенно отъ непріятеля, упрочить спокойствіе оныхъ, обезпечить продовольствіе войскъ, и затѣмъ уже внести войну въ предѣлы Персіи и дѣйствовать рѣшительно....“ Онъ прибавлялъ только, что не должно упускать случая, *если бы таковой представился*, къ овладѣнію Эриванью, силою ли оружія, посредствомъ денегъ или тайныхъ сношеній съ эриванскимъ сардаремъ <sup>4)</sup>.

Но пока шла переписка, обстоятельства нѣсколько измѣнились. Аббасъ-Мирза самъ подошелъ къ Араксу, и близкое присутствіе его не замедлило сказаться тѣмъ, что 18-го октября непріятельская конница внезапно появилась на нашемъ берегу и угнала съ собою нѣсколько кочевій. На другой день повторилось то же. Нужно было отгнать непріятеля отъ нашихъ границъ, такъ какъ близость персіянъ волновала мусульманское населеніе провинцій и мѣшала войскамъ усмирить въ нихъ мятежъ. И вотъ, 24-го октября, Паскевичъ, не ожидая уже ни чьихъ разрѣшеній, поднялъ отрядъ и двинулъ его къ Мараліанской переправѣ. Араксъ нужно было переходить по глубокому броду, а такъ какъ въ окрестности нельзя было собрать ни лодокъ, ни паромовъ, то Паскевичъ приказалъ пѣхотѣ садиться на коней позади драгунъ и казаковъ, которымъ и пришлось совершить цѣлый рядъ рейсовъ, пока перевезли на тотъ берегъ нѣсколько баталіоновъ. Но случилось то, что именно предрекалъ Ермоловъ. Едва войска переправились, какъ Аббасъ-Мирза, имѣвшій при себѣ одну только конницу, быстро ушелъ къ Ардебилу, и вся экспедиція закончилась тѣмъ, что Шабельскій съ драгунами захватилъ одно татарское кочевье, угнанное изъ Карабага, да казаки отбили скотъ въ количествѣ пяти тысячъ головъ. Гнаться за непріателемъ дальше самъ Паскевичъ призналъ невозможнымъ, и 31-го октября переправился обратно на русскую сторону уже черезъ Асландузскій бродъ. „Въ походѣ моемъ за Араксъ и обратно,—отмѣчаетъ онъ въ секретномъ журналѣ,—ничего замѣчательнаго не случилось, исключая, что я замѣтилъ, что войска наши не привыкли драться въ горахъ“. Отзвѣвъ, конечно, нѣсколько странный по отношенію къ ермоловскимъ вой-

<sup>4)</sup> Записки Ермолова, ч. II. Письмо императора Николая 24-го октября 1826 года.

скамъ, исходившимъ весь Дагестанъ и подоблачныя выси Большаго и Малаго Кавказа.

Прошелъ еще мѣсяцъ бездѣйственной стоянки на рѣкѣ Черекени, а между тѣмъ наступила зима и горныя долины покрылись снѣгами, переправа черезъ Араксъ съ каждымъ днемъ становилась затруднительнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ упрочивалась и безопасность нашихъ предѣловъ. Ермоловъ рѣшилъ распустить отрядъ Паскевича, оставивъ въ Карабагѣ только часть войскъ, подъ начальствомъ князя Мадатова. Такимъ образомъ, 42-й егерскій полкъ составилъ попрежнему гарнизонъ Шушинской крѣпости; баталіонъ Херсонскаго полка съ казачьимъ полкомъ и двумя орудіями расположился въ Агжибедѣ, въ видѣ авангарда; баталіонъ карабинеровъ съ двумя казачьими полками и четырьмя орудіями — между Зардобомъ и Алвентомъ для охраны по Курѣ мельницъ и складовъ и, наконецъ, шесть ротъ Грузинскаго полка съ четырьмя орудіями и съ казачьимъ полкомъ Молчанова — въ Ахъ-Огланѣ для прикрытія транспортовъ, слѣдовавшихъ между Зардобомъ и Шушою; остальные войска <sup>1)</sup> отведены были въ Грузію.

Теперь обратимся къ дѣйствіямъ самого Ермолова.

Въ то время, какъ Паскевичъ шелъ къ Елисаветполю, эриванскій сардаръ, пользуясь тѣмъ, что войска были сняты съ рѣки Акстафы, вступилъ въ Шамшадильскую дистанцію со стороны озера Гокчи и сталъ въ вершинахъ рѣчки Дзегамъ. Имѣлъ ли онъ намѣреніе зайти въ тылъ Паскевича, или, приблизившись къ Курѣ, какъ полагалъ Ермоловъ, поддержать бѣглаго царевича Александра, который, соединившись съ шекинскимъ ханомъ, долженъ былъ напасть на Кахетію, — съ точностію опредѣлить нельзя; но такъ какъ во всякомъ случаѣ появленіе его въ нашихъ предѣлахъ могло угрожать серьезными послѣдствіями, то Ермоловъ 12-го сентября самъ выступилъ изъ Тифлиса и сталъ на рѣчкѣ Гассанъ-су, откуда дороги расходятся и къ Курѣ и къ Елисаветполю. Онъ взялъ съ собою Сводный гвардейскій полкъ, баталіонъ ширванцевъ, три роты 41-го егерскаго полка, 12-ть орудій и 400 казаковъ. „Со мною,

<sup>1)</sup> По баталіону отъ полковъ Херсонскаго гренадерскаго, Ширванскаго пѣхотнаго, 41-го егерскаго и двѣ роты карабинеръ.

—доносилъ онъ <sup>1)</sup>), выступили уже послѣднія войска, которыя ииѣлъ я на случай необходимости усилить эриванскій отрядъ и для наблюденія за пограничными турецкими землями, гдѣ, по новому распоряженію султана, формируются войска".

Еще не зная о пораженіи Аббасъ-Мирзы, Ермоловъ, выступая изъ Тифлиса, предписалъ въ то же время генераль-маіору Давыдову, извѣстному партизану отечественной войны, прибывшему на Кавказъ вмѣстѣ съ Паскевичемъ, отправиться въ Джелаль-Оглы и, принявъ начальство надъ отрядомъ князя Севарсамидзе, перейти въ наступленіе къ сторонѣ Эривани. Вмѣстѣ съ Давыдовымъ выступила изъ Борчалинской дистанціи и горійская дружина, лучшая изъ всѣхъ конныхъ дружинъ, выставленныхъ Грузією, а къ ней примкнули еще и тѣ ополченцы, которыхъ Мадатовъ отправилъ назадъ послѣ шамхорскаго боя. Собралось всего болѣе тысячи всадниковъ.

„Я отправляю съ вами, писалъ ему Ермоловъ, —грузинскую конницу. Она исполнена усердія и доброй воли; но надо знать, что продолжительный миръ ослабилъ воинственность здѣшнихъ жителей, и уже нѣтъ между ними той опытности, которую утверждали прежнія войны. Ваше превосходительство не подвергните ихъ труднымъ испытаніямъ, но, предоставляя имъ сначала легкіе успѣхи, приготовите ихъ къ подвигамъ достойнѣйшимъ, чего желаю я для дворянства, предложившаго себя на службу съ величайшею охотою" <sup>2)</sup>).

15-го сентября Давыдовъ былъ уже въ лагерь, на Каменной рѣчкѣ, а 19-го — на зарѣ двинулся за Безобдальскій хребетъ съ тѣмъ, чтобы очистить отъ персіянъ Бомбакскую и Шурагельскую провинціи. Съ нимъ выступили шесть ротъ Тифлискаго полка, три роты карабинеръ, 9 орудій, 150 казаковъ и 600 человекъ грузинской конницы; на походѣ присоединилась еще конная и пѣшая армянскія милиціи. Непріятельскіе аванпосты тотчасъ исчезли съ высотъ Безобдала, и русскія войска, поднявшись на хребетъ, уже запорошенный снѣгомъ, спустились въ Бомбакскую долину безъ выстрѣла. Непріятель повсюду отступалъ, зажигая траву и остав-

<sup>1)</sup> Всеподданнѣйшее донесеніе Ермолова 12-го сентября 1826 года.

<sup>2)</sup> Погодинъ. Матеріалы для біографіи Ермолова. Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣло 1826 года, № 3. Предписаніе Давыдову 11-го сентября, № 362.

ляя за собою черныя, покрытыя горячимъ пепломъ поля. 20-го сентября подѣ Амамлами грузины и казаки имѣли первую горячую схватку съ куртинами и взяли нѣсколько плѣнныхъ. Еще день и Давыдовъ, 21-го числа, въ виду заоблачнаго Алагеза, увидѣлъ четырехтысячный отрядъ Гассанъ-хана, занимавшій крутую каменистую возвышенность возлѣ начатаго и брошеннаго нами Миракского укрѣпленія. Крѣпкая позиція его упиралась правымъ флангомъ въ Миракскій оврагъ, а лѣвымъ—въ отроги Алагеза. Давыдовъ тотчасъ повелъ наступленіе. Онъ самъ командовалъ центромъ, на лѣвомъ флангѣ—князь Севарсамидзе, на правомъ—Муравьевъ; рота съ маіоромъ Кашутинымъ, взбираясь по крутизнамъ Алагеза, заходила въ тылъ персіянамъ. Бой продолжался не долго. Севарсамидзе, быстро овладѣвъ высотами, занялъ Миракъ,—и непріатель разсѣлся; самъ Гассанъ-ханъ съ остатками конницы укрылся въ горныхъ оврагахъ.

Миракское дѣло, незначительное въ военномъ отношеніи, было важно по своему моральному вліянію на эриванскихъ жителей. Нравственная сила врага была сломлена; самъ сардаръ, стоявшій съ войсками у Гокчинскаго озера, поспѣшно отступилъ въ Эривань и заперся въ крѣпости. Въ безсильной злобѣ онъ даже хотѣлъ предать огню знаменитый эчміадзинскій монастырь, но былъ удержанъ отъ этого намѣренія самими же татарами. „Сардаръ, — сказалъ ему одинъ изъ старѣйшихъ бековъ, — не дѣлай зла христіанскому храму. Вспомни: благословеніе монаховъ освятило мечъ непобѣдимаго Шахъ-Заде, и этимъ мечомъ онъ поразилъ турецкія полчища“... Монастырь уцѣлѣлъ.

Давыдовъ между тѣмъ быстро шелъ впередъ, и на другой день послѣ миракскаго дѣла вступилъ въ предѣлы Эриванскаго ханства. Окрестныя деревни были пусты; татарское населеніе бѣжало, увлекая за собою разоренныхъ армянъ. Давыдовъ подвергъ опустошенію семь вражескихъ селеній, встрѣтившихся ему на пути, и остановился на урочищѣ Суда-Кентъ, въ тридцати верстахъ отъ Эривани. Тамъ уже съ минуты на минуту ожидали появленія Давыдова.

Внезапный переходъ отъ торжества и упоенія іюльскими по-

бѣдами къ унынію и полному упадку духа въ народѣ, былъ такъ ощутителенъ, что многіе, и въ томъ числѣ Н. Н. Муравьевъ <sup>1)</sup>, полагають, что Давыдовъ могъ бы въ то время овладѣть Эриванью или же, по меньшей мѣрѣ, зимовать въ Эчміадзинѣ. Но Ермоловъ полагалъ, что періодъ наступательной войны еще не насталъ для русскихъ, и вносить оружіе въ предѣлы персидскаго государства онъ считалъ преждевременнымъ. Приближалась зима, которая прекращала въ горной странѣ всѣ сообщенія; обширный районъ прикаспійскихъ ханствъ не былъ еще усмиренъ, подкрѣпленія только ожидались, и небольшой отрядъ, зарвавшійся глубоко въ непріятельскую землю, могъ очутиться въ безвыходномъ положеніи. Имѣя строго опредѣленный планъ дѣйствій, Ермоловъ воспретилъ Паскевичу переходить Араксъ, и не могъ, конечно, одобрить перехода границы Давыдовымъ.

„Радъ сердечно успѣхамъ твоимъ, — писалъ ему Ермоловъ, — не досадуя, что залетѣлъ ты слишкомъ далеко. Напротивъ, доволенъ тѣмъ, что ты сумѣлъ воспользоваться обстоятельствами, ничего не дѣлая наудачу. Похваляю весьма твою скромность въ донесеніяхъ, которыя не омрачены наглою хвастливостью, и сужу объ успѣхахъ твоихъ дѣйствій по мѣсту, изъ котораго ты пишешь. Имѣй терпѣніе, не ропщи на бездѣйствіе, которое я налагаю на тебя; оно по общей связи дѣлъ необходимо“ <sup>2)</sup>.

Давыдовъ повернулъ назадъ и, возвратившись на Лорійскую степь, принялся за постройку Желалъ-оглинскаго укрѣпленія. Затѣмъ наступила зима, и отрядъ былъ распущенъ <sup>3)</sup>.

Въ то время какъ персіяне поспѣшно бѣжали съ обоихъ пунктовъ войны, изъ Карабага и отъ озера Гскчи, Ермоловъ съ своимъ небольшимъ отрядомъ все еще стоялъ на рѣчкѣ Гассанъ-су. Личное присутствіе его въ дистанціяхъ было необходимо и имѣло въ результатъ то, что въ русскій лагерь мало-по-малу стали съѣзжаться главные беки и старшины съ изъявленіемъ покорности и

<sup>1)</sup> Записки Муравьева. „Русская Хроника“.

<sup>2)</sup> Погодинъ. Матеріалы для біографіи Ермолова.

<sup>3)</sup> Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣло 1826 года, № 79.

„раскаянія въ своихъ заблужденіяхъ“. Дольше и упорнѣ другихъ держались борчалинцы, но и тѣхъ грузинская конница, высланная Давыдовымъ, заставила спуститься съ горъ на равнины, гдѣ были ихъ зимнія жилища. Кругомъ передъ лицомъ Ермолова все умиротворялось и затихало, какъ буря стихаетъ съ переменною вѣтра.

Теперь очередь была за усмиреніемъ ханствъ и джаро-белоканскихъ лезгинъ, находившихся еще въ полномъ возмущеніи, и Ермолову предстояло пройти съ войсками отъ границъ Кахетіи до береговъ Каспійскаго моря. Выполненіе этой задачи онъ принялъ на себя. „Я пройду владѣнія джарскія, — писалъ онъ государю, — изгоню изъ Шекинской и Ширванской провинцій мятежныхъ хановъ, заставлю сына шахскаго бѣжать изъ Кубинской провинціи, и сколько можно устрою продовольствіе войскъ на зимнее время, что составляетъ изъ всего самый трудный предметъ“. Но выступить въ походъ Ермоловъ однако не торопился. Паскевичъ бросаетъ на него тѣнь по поводу и этого обстоятельства, придавая его промедленію видъ не основательной и вредной потери времени. Но были серьезныя причины, заставлявшія Ермолова дѣйствовать съ крайнею осмотрительностію. Онъ выступилъ на Гассанъ-су, какъ сказано, съ послѣдними силами, ничего не оставивъ въ Тифлисѣ, и теперь удалаться отъ него на значительное уже разстояніе и на долгое время онъ не рѣшался: опасность могла возникнуть для Грузіи не со стороны одной только Персіи, но и Турціи: могли потребоваться подкрѣпленія Паскевичу, а еще болѣе къ отряду, сохранявшему Кахетію, да и внутреннее спокойствіе Грузіи не внушало къ себѣ еще безусловнаго довѣрія. Ермоловъ медлилъ, поджидая войска, направленные къ нему изъ Россіи. И какъ только передовыя части ихъ стали подходить къ Тифлису, онъ тотчасъ выступилъ въ походъ и 19-го октября подошелъ къ Нухѣ. Ханъ бѣжалъ съ такою поспѣшностію, что „сколь ни быстро преслѣдовали его посланные мною казаки, — доносилъ Алексѣй Петровичъ: — онъ много былъ впереди и догнать его невозможно“. Переходъ Шекинскаго ханства отъ возмущенія къ безусловной покорности совершился съ полнымъ спокойствіемъ.

Вообще, какъ только проносился слухъ о пораженіи персид-

ской арміи, картина края мгновенно измѣнялась повсюду. Гусейнъ-Кули-ханъ, блокировавшій Баку, тотчасъ ушелъ въ Талыши; за нимъ послѣдовалъ Мустафа ширванскій и шахскій сынъ Али-Мирза, стоявшіе передъ Кубою. Краббе такимъ образомъ освободился отъ блокады, и полковникъ Мищенко, двинувшійся по слѣдамъ непріятеля съ Апшеронскимъ полкомъ, занялъ опять Шемаху, а 14-го—настигъ Мустафу у Джевата. Переправа черезъ Куру взята была съ боя; баталіонъ маіора Марченко отбилъ два орудія и преслѣдовалъ бѣгущихъ по Муганской степи <sup>1)</sup>. Къ сожалѣнію, въ этомъ небольшомъ, но горячемъ дѣлѣ мы лишились убитымъ храбраго капитана Перкина, командовавшего въ отрядѣ татарскою конницею <sup>2)</sup>.

Такимъ образомъ непріятель повсюду былъ изгнанъ изъ русскихъ предѣловъ, но въ краѣ оставалось еще довольно враговъ внутреннихъ. Ермоловъ продолжалъ свое устрашающее шествіе по ханствамъ. Повсюду, на своемъ пути, онъ встрѣчалъ одно и тоже явленіе: наклонность высшаго сословія къ мятежу, и желаніе народа спокойно подчиниться русскимъ властямъ. „ибо,—какъ доносилъ онъ,—если большая часть бековъ была виновна въ самой гнусной измѣнѣ, то простой народъ былъ обрадованъ изгнаніемъ хановъ“. И тѣмъ не менѣе, по его словамъ, кратковременное управленіе похитившихъ провинцій размножило въ оныхъ величайшіе безпорядки; все расхищено, разрушено, приведено въ совершенное разстройство; многія селенія пусты. Продолжительныя безпокойства отвлекли жителей отъ полевыхъ работъ, а отсюда голодъ и страшная бѣдность. Теперь, съ переменною обстоятельствомъ, многое измѣнится; но не многіе беки и старшины остались на мѣстахъ,—остальные ушли въ Персію, простой же народъ, увлеченный туда силою, мало-по-малу возвращается на свои пепелища“.

Казалось все успокоилось, какъ вдругъ Ермоловъ, находившійся въ Баку, получилъ донесеніе князя Эристова, что горные лезгины, подстрекаемые царевичемъ Александромъ, а главное Аббасъ-Мирзою, двинулись въ значительныхъ силахъ къ Нухѣ, чтобы вновь

<sup>1)</sup> Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣло 1826 года, № 22.

<sup>2)</sup> Это былъ тотъ Перкинъ, который при отступленіи Ильинскаго изъ Ленкорани взорвалъ укрѣпленіе.





*Т. а. Ахкони Ахкангпобур  
Венанунот.*



Князь Валеріанъ Тригоровичъ  
Магачевъ.



Генералъ Еммануелъ.



Князь Георгій Елсесбург  
Друстовъ.

посадить на ханство одного изъ проживавшихъ въ Астрахани потомковъ старой ханской династіи, опиравшагося въ край яко бы на сильную партію приверженцевъ. Ермоловъ тотчасъ выступилъ въ обратный путь, сдѣлавъ распоряженіе, чтобы всѣ войска, по мѣрѣ прибытія ихъ изъ Россіи, направлялись частью въ Джарскую область, а частью въ Ширвань и Нуху.

Войска стали подходить только въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Вся 20-я пѣхотная дивизія, за исключеніемъ Севастопольскаго полка, задержаннаго въ Елисаветполѣ, направлена была на Алазань; 2-я уланская дивизія съ конно-артиллерійскою № 13 ротой — въ Нуху; бригада черноморскихъ казаковъ — въ Ширванскую провинцію, въ отрядъ полковника Мищенко, стоявшій у Джевата; сборный линейный казачій полкъ, вызванный съ береговъ Кубани и Терека, расположился въ окрестностяхъ Мцхета для охраны военно-грузинской дороги; а изъ шести казачьихъ полковъ, прибывшихъ съ Дона, два полка, Сергѣева и Кутейникова, отправлены въ Царскіе Колодцы, Побѣднова — въ Шекинскую провинцію, Шамшева вмѣстѣ съ донскою конно-артиллерійскою ротой — въ Карабагъ къ отряду князя Мадатова; Карпова — въ Сомхетію на смѣну грузинской конницы, которая должна возвратиться въ Тифлисъ изъ отряда Давыдова, и, наконецъ, полкъ Фомина разставленъ былъ по постамъ, на сообщеніи съ Елисаветполемъ.

Пока дѣлались эти распоряженія, Ермоловъ 9-го декабря уже прибылъ въ Нуху и нашелъ въ провинціи полное спокойствіе. Лезгины дѣйствительно пытались ворваться въ ея предѣлы, но быстрый сборъ шекинской конницы заставилъ ихъ отказаться отъ этого намѣренія, и дѣло окончилось только разореніемъ нѣсколькихъ пограничныхъ селеній.

Отсюда Ермоловъ съ двумя баталіонами ) отправился въ Джарскую область, уже занятую сильнымъ отрядомъ князя Эристова. Десять баталіоновъ 20-й пѣхотной дивизіи, два, взятые изъ Царскихъ Колодцевъ (Ширванскій и Грузинскій) и два, прибывшіе съ Ермоловымъ, обложили со всѣхъ сторонъ Закаталы, гдѣ заперлись джарцы, и угроза отрѣзать всѣ пути сообщеній съ за-Ала-

) Сводный гвардейскій полкъ изъ Нухи отправленъ былъ обратно въ Тифлисъ.

занскими селеніями, откуда только они и могли получать продовольствіе, сломила наконецъ упорство джарцевъ. Они просили пощады. Ермоловъ дальновидно разсчиталъ всю выгоду мирнаго исхода возникшихъ затрудненій, и именемъ государя объявилъ имъ прощеніе, поставивъ условіемъ, чтобы лезгины, пришедшіе изъ горъ, были ими выгнаны, подати внесены, аманаты выданы. Не довольствуясь этимъ, онъ приказалъ вырубить богатые сады, окружавшіе Джары въ видѣ густаго лѣса, чтобы открыть свободный путь къ Закаталамъ, и въ наказаніе джарцевъ за ихъ измѣну возложить на нихъ же продовольствіе довольно значительнаго отряда, оставляемаго у нихъ на зиму. Джарцы безпрекословно подчинились этимъ требованіямъ, „и весьма чувствуютъ и признаютъ ихъ справедливость“, какъ доносилъ Ермоловъ <sup>1)</sup>. Усмиреніе, не стоившее ни капли крови, было настолько прочно, что порядокъ въ послѣдующіе годы уже нигдѣ не нарушался.

Устроивъ здѣсь дѣла, Ермоловъ 27-го декабря возвратился въ Тифлисъ. Въ джарскихъ владѣніяхъ остались зимовать три полка 20-й дивизіи съ легкой артиллерійской ротой и Серпуховскій уланскій полкъ, взаимѣнъ котораго въ Нуху отправлены были два полка пѣхоты изъ Джарской области.

Такимъ образомъ къ январю 1827 года весь обширный районъ прикаспійскихъ провинцій былъ усмиренъ. Исключеніе составляло только одно Талышинское ханство, гдѣ все еще держался Миръ-Гассанъ-ханъ; но Ермоловъ рѣшилъ пока оставить его, справедливо разсчитывая, что появленіе весною русскихъ войскъ за Араксомъ само собою водворитъ въ Талышахъ покорность и повиновеніе. Кромѣ того въ то тревожное для Кавказа время Россія неожиданно нашла себѣ сильнаго союзника за Каспійскимъ моремъ въ лицѣ туркменскаго народа, давно уже искавшаго случая вступить въ русское подданство. Еще въ 1812 году, во время первой персидской войны, туркменскіе депутаты пріѣзжали въ Тифлисъ, изъявляя желаніе подчиниться „бѣлому царю“. Къ сожалѣнію, депутаты прибыли въ то время, когда генералъ Ртищевъ заключалъ въ Гюлистанѣ миръ и персіяне, отлично понимая насколько туркмены

<sup>1)</sup> Всеподданѣйшее донесеніе Ермолова 16-го декабря 1826 года.

при поддержкѣ Россіи могли быть опасными, потребовали, чтобы русское правительство не входило съ ними ни въ какія сношенія. Ртищевъ вынужденъ былъ уступить —и подданство не состоялось. „Народъ туркменскій,—говоритъ Муравьевъ, —былъ очень опечаленъ этою неудачей“.

Ермоловъ съ своей стороны старался поддерживать сношенія съ туркменами и въ 1819 году послалъ на восточный берегъ Каспія небольшую экспедицію, подъ начальствомъ капитана генеральнаго штаба Муравьева <sup>1)</sup>. Послѣдній, помимо сношеній съ туркменами, долженъ былъ проникнуть въ самую Хиву и попытаться завязать съ нею торговыя сношенія. Въ письмѣ къ хивинскому хану Ермоловъ цвѣтистыми восточными фразами выражалъ желаніе „изъ цвѣтовъ сада дружбы сплести пріятный узелъ соединенія съ нимъ неразрывною пріязнью“, —и просилъ его „отпереть русскимъ ворота дружбы и любезныхъ сношеній“.—Въ письмахъ этихъ, —говоритъ Ермоловъ, —употреблены мною сверхъ того скромныя выраженія и собственно на счетъ мой, напимѣрь: великій и могущественный главнокомандующій, и тому подобныя. Долго писалъ я обыкновеннымъ образомъ, но примѣтилъ, что здравое сужденіе не столько понятно здѣшнимъ народамъ, сколько пышная глупость“. Миссія Муравьева въ Хивѣ не увѣнчалась успѣхомъ, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ, но посольство его къ туркменамъ не осталось безрезультатнымъ. По крайней мѣрѣ Ермоловъ, по возвращеніи Муравьева, писалъ министру иностранныхъ дѣлъ графу Нессельроде слѣдующее:

„Въ случаѣ войны съ персіянами, небольшая часть войскъ, вспомошествоваемая воинственными племенами туркменскаго народа, войдетъ въ Астрабадскую и Мазандеранскую провинціи, извѣстныя своими богатствами. Тамошній народъ, избыточествующій дарами земли щедрой и роскошной, не твердъ въ сопротивленіи. Смежно съ Мазандераномъ лежитъ изобильная область Гилянская, неисчерпаемый источникъ богатствъ для Персіи; ее населяетъ также народъ торгующій, и война—не его упражненіе. Конечно, не симъ кратчайшимъ путемъ удобно достигнуть до сердца Персіи;

<sup>1)</sup> Николай Николаевичъ—впослѣдствіи Карскій.

но одно отдѣленіе сихъ областей отъ состава персидскаго государства нанесетъ ему неизлѣчимыя раны. Не стану утверждать, чтобы удобно было обладать сими странами, но малыя нужны имъ пособія, чтобы сдѣлать ихъ отъ Персіи независимыми“. И Ермоловъ не ошибался. Какъ только началась персидская война 1826 года, туркмены не замедлили воспользоваться удобнымъ случаемъ, и съ своей стороны напали на Хоросанскую область. Граница Персіи была опустошена и залита кровью. Туркмены возвратились съ триумфомъ; но торжество ихъ омрачено было внезапно смертью стараго вождя Бута-хана, прозваннаго въ народѣ „Грознымъ“. Онъ былъ предательски убитъ своимъ же туркменомъ, подкупленнымъ персіянами, и только это обстоятельство спасло пограничное персидское населеніе отъ ужасовъ свирѣпаго туркменскаго нашествія. Ермоловъ хотѣлъ было послать для содѣйствія туркменамъ часть каспійской флотиліи, чтобы сжечь Энзели и Астрабадъ, но такъ какъ суда были вооружены только легкими трехъ-фунтовыми пушками и имѣли малыя команды, то предпріятіе это противъ городовъ, снабженныхъ артиллерією большаго калибра, было оставлено. Вообще, по замѣчанію Ермолова, каспійская эскадра наша, состоявшая всего изъ одного корвета, двухъ бриговъ, двухъ транспортовъ и одного тендера, не приносила существенной пользы, такъ такъ какъ вся дѣятельность ея сводилась лишь къ сторожевой и охранной службѣ; одно судно постоянно занимало брантвахту на бакинскомъ рейдѣ, другое у Дербента, а прочія стояли у острова Сары, крейсируя у береговъ отъ Кизиль-Агачскаго залива до Туркмена <sup>1)</sup>.

Но если отдаленныя персидскія провинціи страдали отъ набѣговъ свирѣпыхъ туркменъ, то и зима въ Карабагѣ обѣщала быть тревожной. Кочевыя племена шахсеванцевъ, обладавшія сильною конницей, расположились зимовать по ту сторону Аракса отъ Муганской степи, вплоть до границъ Нахичеванскаго ханства, и своими разбоями наводили ужасъ на пограничное населеніе. Чтобы обезпечить хоть нѣсколько спокойствіе зимовыхъ квартиръ, надо было отодвинуть кочевниковъ отъ нашихъ границъ внутрь Азербейджа-

<sup>1)</sup> Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣло 1826 года, № 11.

на, и Ермоловъ, поручая это князю Мадатову, писалъ ему: „Желаю тебѣ успѣха, и не сомнѣваюсь въ немъ. Не теперь я знакомлюсь съ твоею храбростью, и потому совѣтую быть осторожнымъ. Если что случится съ начальникомъ, не всегда между подчиненными сохраняется порядокъ. Дай Богъ, любезный князь, счастья!“....

Мадатовъ собралъ свой отрядъ при Ахъ-Огланѣ, и 28-го декабря, подходя къ Асландузскому броду, соединился съ стрядомъ полковника Мищенко, пришедшимъ сюда изъ Джевата. Былъ сильный морозъ; но, несмотря на то, Араксъ перешли въ бродъ по поясъ въ водѣ, и Мадатовъ со всею конницей двинулся черезъ Дарауртское ущелье на рѣчку Самбуръ-чай, гдѣ сгруппировалось множество кочевій. Застигнутые врасплохъ, шахсеванцы искали спасенія въ бѣгствѣ и въ рукахъ Мадатова осталось 20 тысячъ овецъ, верблюдовъ и лошадей. 500 семействъ, уведенныхъ ими изъ нашихъ предѣловъ, получили свободу и были возвращены на родину.

Отсюда Мадатовъ двинулся дальше, распуская слухъ, что идетъ въ Талыши выгнать изъ Ленкорани Миръ-Гассанъ-хана. Слухъ этотъ имѣлъ за собою полную вѣроятность, а потому всѣ шахсеванцы, разбросанныя отдѣльными кочевьями по пути къ Талышамъ, поспѣшно перебрались въ сосѣдній Мешкинскій округъ, гдѣ такимъ образомъ собрался почти весь шахсеванскій народъ. Этого только и хотѣлъ Мадатовъ. Сдѣлавъ одинъ переходъ, онъ вдругъ повернулъ назадъ, и внезапно очутился среди ихъ кочевій. Тамъ никто не ожидалъ нападенія и, пораженные ужасомъ, кочевники бѣжали, оставивъ въ нашихъ рукахъ 10 тысячъ рогатаго скота, 60 тысячъ овецъ и двѣ тысячи верблюдовъ. Теперь передъ Мадатовымъ лежалъ открытый путь въ персидскія земли, и, дѣйствительно, едва войска перевалили огромный горный хребетъ Савать-Гядичъ, заваленный глубокими снѣгами, какъ Ларъ, главный городъ Мешкинскаго округа, отворилъ передъ ними ворота безъ боя, жители просили пощады и вмѣстѣ съ шахсеванцами приведены были къ присягѣ на вѣрность русскому государю.

Оставивъ здѣсь баталіонъ пѣхоты съ казачьимъ полкомъ и конно-артиллерійскою ротою, чтобы обезпечить себѣ путь отступ-

ленія, Мадатовъ быстро пошелъ на Агарь, главный городъ Карадагскаго ханства, и 5-го января остановился на рѣчкѣ Агарь-чай, у сел. Насирь-Абадѣ. Здѣсь сдѣлали дневку и русскій отрядъ на чужой землѣ, вдали отъ родины, торжественно отпраздновалъ день Богоявленія: послѣ крещенскаго парада совершенъ былъ обрядъ водоосвященія, и крестъ Спасителя, при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ, впервые погрузился въ воды Агарь-чая.

На слѣдующій день Мадатовъ подвинулся впередъ и сталъ въ одномъ переходѣ отъ Агара. Но дальше итти не было надобности. Смятеніе, распространенное повсюду бѣжавшими шахсеванцами, было такъ велико, что правитель Карадагскаго ханства, покинувъ городъ, бѣжалъ въ Тавризъ, а гарнизонъ разсѣялся. Карадагъ покорился безъ сопротивленія. Жители сами жгли персидскіе магазины съ провіантомъ и истребляли фуражъ, чтобы не дать возможности персіянамъ возвратиться сюда на зиму. Мадатовъ между тѣмъ освободилъ болѣе трехъ тысячъ семей, угнанныхъ изъ нашихъ предѣловъ, и уже готовился въ обратный путь, когда получилъ извѣстіе, что сынъ талышинскаго хана напалъ на наши карабагскія семьи, возвращавшіяся на родину. Ему содѣйствовала и часть шахсеванцевъ, измѣнившихъ присягѣ. Въ справедливомъ негодованіи Мадатовъ опустошилъ весь край отъ Агарь-чая до большой Ардебильской дороги и только тогда, считая свою задачу оконченной, перешелъ обратно Араксъ при Эдибулукѣ 17-го января 1827 года. Полковникъ Мищенко прошелъ отсюда на прежнюю стоянку въ селеніе Джеватъ, а князь Мадатовъ распустилъ войска на зимовья квартиры.

Такъ окончилась кампанія 1826 года.

## Глава IX.

Планъ кампаніи 1827 года, составленный Дибичемъ. — Возраженія на него Ермолова. — Государь утверждаетъ планъ Алексѣя Петровича. — Перемѣна на Кавказѣ начальствующихъ лицъ. — Жалобы Паскевича. — Приѣздъ въ Тифлисъ барона Дибича. — Его неудавшееся посредничество. — Письмо Ермолова къ государю, и назначеніе на мѣсто его Паскевича. — Последние годы жизни Ермолова.

-----

„Кампанія окончена, кампанія испорчена“,— такъ начинается письмо свое къ государю Паскевичъ <sup>1)</sup>,—и объясняетъ это тѣмъ, что „Ермоловъ не большой военный и въ намѣреніяхъ своихъ былъ сомнителенъ“, что онъ не способенъ ни управлять краемъ, ни командовать войсками, но зато способенъ распечатывать чужія письма и читать ихъ“. „Я не могъ писать къ вамъ до сихъ поръ,—сообщаетъ онъ Дибичу,—ибо подозрѣвалъ, что письма мои будутъ вскрыты. Я здѣсь все подозрѣваю. Я окруженъ шпионами. По приѣздѣ моемъ къ отряду я увидѣлъ, что окруженъ людьми, преданными Ермолову, и что они не съ охотой будутъ исполнять мои приказанія. Но я ихъ заставилъ“ (?!) <sup>2)</sup>.

• Въ Петербургѣ, за нѣсколько тысячъ верстъ, было трудно провѣрить насколько правъ Паскевичъ въ своихъ донесеніяхъ. Но если капля, падая за каплей, пробиваетъ камень, то и письма Паскевича, систематически преслѣдовавшія одну и ту же цѣль, не могли не оставить глубокаго слѣда въ душѣ императора. Между тѣмъ наступала зима, надо было готовиться къ новой кампаніи, и планъ ея, разработанный въ Петербургѣ барономъ Дибичемъ, сообщенъ Ермолову и Паскевичу на ихъ заключеніе. Планъ этотъ заключался въ двухъ проектахъ:

По первому изъ нихъ предполагалось направить главныя си-

---

<sup>1)</sup> Щербатовъ. Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ, его жизнь и дѣятельность. Стр. 137.

<sup>2)</sup> Дубровинъ. Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ.



лы изъ Грузіи въ Эриванское ханство, а оттуда, оставивъ наблюдательные отряды передъ крѣпостями, быстро наступать черезъ Нахичевань и Маранду къ Тавризу; въ то же время вспомогательный карабагскій отрядъ долженъ былъ итти къ Тавризу черезъ Агарь съ цѣлью отвлекать вниманіе Аббасъ-Мирзы отъ нашихъ дѣйствій подъ Эриванью.

По второму проекту: главныя силы сосредоточиваются въ Карабагѣ и, перейдя Араксъ, наступаютъ прямо къ Тавризу; другой же отрядъ, нѣсколько меньшей силы, долженъ вступить въ Эриванское ханство и овладѣть Эриванью. Въ обоихъ случаяхъ предполагалось отрѣзать всѣ сообщенія Азербейджана съ Эриванскимъ и Нахичеванскимъ ханствами, чтобы лишить Аббасъ-Мирзу продовольственныхъ средствъ обѣихъ провинцій.

„Изъ двухъ плановъ, препровожденныхъ начальникомъ главнаго штаба, — писалъ Паскевичъ <sup>1)</sup>, — тотъ, въ которомъ главныя силы идутъ изъ Карабага на Тавризь, есть самый рѣшительный и можетъ имѣть важнѣйшія послѣдствія для нашего оружія“. Онъ предполагалъ только наступать не черезъ Агарь, а на Герюсы и Джульфу, откуда до Тавриза всего четыре перехода. Такимъ движеніемъ, по мнѣнію Паскевича, непріятель будетъ обойденъ тамъ, гдѣ онъ не ожидаетъ, а Эриванская и Нахичеванская провинціи будутъ отъ него отрѣзаны.

Ни съ однимъ изъ этихъ проектовъ Ермоловъ, однако, не согласился. Оба они ближайшею и главною цѣлью кампаніи ставили взятіе Тавриза; по мнѣнію же Ермолова занятіе Тавриза не могло побудить персіянъ на какія либо уступки до тѣхъ поръ, пока не будутъ покорены и прочно заняты крѣпости Эриванскаго ханства, которыя должны были стать первою и главною цѣлью будущей кампаніи.

Дѣйствовать по двумъ путямъ, изъ Грузіи и Карабага, — какъ доносилъ Ермоловъ <sup>2)</sup>, — было чрезвычайно выгодно, но для этого требовалось имѣть войскъ значительно болѣе, нежели назначено. Оба пути не

---

<sup>1)</sup> Тамъ же, стр. 149. Мнѣніе Паскевича о планѣ будущей кампаніи.

<sup>2)</sup> Тамъ же, стр. 139--149. Секретное донесеніе Ермолова начальнику главнаго штаба барону Дибичу 5-го января 1827 г.

имѣли между собою никакихъ сообщеній, и потому каждый отрядъ долженъ былъ настолько самостоятеленъ, чтобы могъ противостоять всѣмъ силамъ непріятеля. Здѣсь краткость и удобства сообщеній были совершенно не въ нашу пользу. Занимая центральную позицію у Тавриза, непріятель могъ съ равнымъ удобствомъ броситься какъ къ Эривани, такъ и къ Асландузу, сосредоточивъ свои силы тамъ, гдѣ укажетъ надобность. Напротивъ, наши отряды, раздѣленные между собою едва проходимыми горами, не могли помогать другъ другу и легко подвергались отдѣльному пораженію“.

Возможность дѣйствій главными силами со стороны Карабага Ермоловъ вовсе отвергалъ. Бѣдность страны, по которой войскамъ пришлось бы двигаться, требовала снаряженіе значительныхъ транспортовъ, а это повело бы только къ раздробленію тѣхъ же войскъ на этапы. Кромѣ того, дѣйствія въ этомъ направленіи вовсе не отрывало сообщеній Азербейджана съ Эриванскою провинціей, да и Азербейджанъ самъ по себѣ считался изобильнѣйшею страной въ Персіи, и непріятелю не было надобности получать оттуда продовольствіе.

По мнѣнію Ермолова, главные силы должны были двигаться въ Эриванское ханство и, учредивъ въ Эчміадзинѣ главный этапный пунктъ, оставить одну часть войскъ для блокады крѣпости, а съ другою, не останавливаясь, итти и занять Нахичеванскую область. Отсюда Ермоловъ предполагалъ дѣйствовать уже сообразно съ обстоятельствами, такъ какъ въ теченіе этого времени образъ дѣйствій Аббасъ-Мирзы долженъ былъ бы выясниться. Что же касается до карабагскаго отряда, то Ермоловъ предполагалъ составить его гораздо слабѣе предположеннаго въ Петербургѣ. „Достаточно,— писалъ онъ,—если отрядъ будетъ имѣть 8 баталіоновъ и три казачьи полка при 24-хъ орудіяхъ. Цѣль его—охранять наши предѣлы, прикрывать лѣвый флангъ главныхъ силъ и, въ случаѣ надобности, содѣйствовать имъ овладѣть Нахичеванью“.

Планъ Ермолова основывался на томъ соображеніи, что если непріятель всѣми силами пойдетъ на Карабагъ, то тамошній отрядъ, не много слабѣйшій числомъ противъ разбившаго персіянъ подъ Елисаветполемъ, будетъ въ состояніи или остановить движе-

ніе непріятеля, или, отступая, держаться между Шушою и Елисаветполемъ, пока главныя русскія силы не зайдутъ ему въ тылъ. Если же Аббасъ-Мирза обратится на Эривань, то персіяне должны будутъ отдѣлить для наблюденія за карабагскимъ отрядомъ значительныя силы, чтобы не допустить его дѣйствовать у себя въ тылу.

Не согласился Ермоловъ также и относительно количества войскъ, которое въ Петербургѣ предположили оставить внутри страны для удержанія спокойствія. Тамъ, напримѣръ, считали достаточнымъ для Дагестана только одного дербентскаго гарнизона, а Куринскій и Апшеронскій полки предполагали выдѣлить въ составъ дѣйствующаго корпуса. Но, по мнѣнію Ермолова, дербентскій гарнизонный баталіонъ не былъ въ состояніи охранять ничего, кромѣ цитадели, а на спокойствіе жителей могъ оказать вліяніе только баталіонъ Куринскаго полка, расположенный, въ видѣ подвижнаго резерва, близъ самаго города.

Ермоловъ полагалъ, что снять оттуда баталіонъ,—значить отворить ворота въ Кубинскую провинцію. Въ Бурной необходимо было также имѣть одинъ баталіонъ. Куба, въ свою очередь, не можетъ оставаться безъ войскъ, и менѣе баталіона держать тамъ невозможно. Крѣпость Баку не имѣла на Дагестанъ никакого вліянія, но и ея гарнизонъ слѣдовало усилить по крайней мѣрѣ двумя ротами при двухъ орудіяхъ,—иначе могъ явиться опять какой нибудь ханъ, обложить крѣпость и будетъ препятствовать намъ пользоваться средствами земли. Такимъ образомъ изъ всей дагестанской бригады оставалось только два съ половиною баталіона, которые должны были расположиться у Старой Шемахи, какъ въ центральной позиціи между Ширванью, Баку и Дагестаномъ. Наконецъ, оставить войска въ Кахетіи совсѣмъ безъ артиллеріи, какъ это предположено Дибичемъ, Ермоловъ опять считалъ невозможнымъ по самому характеру, свойству и духу за-алазанскихъ лезгинъ.

Былъ и еще одинъ пунктъ, съ которымъ Ермоловъ не могъ согласиться, хотя на немъ то именно и настаивалъ государь. Онъ требовалъ, чтобы дивизіи или, по крайней мѣрѣ, бригады дѣйствовали непременно въ полномъ составѣ, отнюдь не раздроблять по разнымъ отрядамъ, и мѣру эту считалъ необходимой особенно по

отношенію къ войскамъ, прибывшимъ изъ Россіи. Противъ этого мнѣнія Ермоловъ возразилъ, что „неудобство сводныхъ командъ слишкомъ извѣстно, чтобы не стараться избѣгнуть ихъ, но что, за всѣмъ тѣмъ, въ Закавказьѣ, болѣе чѣмъ гдѣ нибудь, невозможно миновать дробленія, и при томъ именно по отношенію ко вновь прибывшей 20-й дивизіи, въ которой были люди, никогда не видавшіе непріятели“. „Сего,—говоритъ онъ,—одного достаточно, чтобы сдѣлать слабымъ тотъ отрядъ, главныя силы котораго составила бы эта дивизія“.

Замѣчанія, сдѣланныя начальникомъ главнаго штаба на донесеніе Ермолова, не замедлили внести новыя недоразумѣнія въ отношеніи плана войны. Дибичъ считалъ возможнымъ не останавливаться въ Нахичеванскомъ ханствѣ, а прямо итти за Араксъ и овладѣть Тавризомъ. Для этого онъ предполагалъ двигаться двумя колоннами: главныя силы, вмѣстѣ съ карабагскимъ отрядомъ, идутъ отъ Нахичевани, а дагестанская бригада, замѣненная въ мѣстахъ своего расположенія новыми войсками съ Кавказской линіи,—черезъ Агаръ. Если бы, по овладѣнію Тавризомъ, непріятель не принялъ предложенныхъ ему условій—тогда продолжать зимнюю кампанію и кратчайшею дорогою черезъ Султаніе итти на Тегеранъ.

Ермоловъ отвѣчалъ <sup>1)</sup>, что считаетъ рѣшительно необходимымъ остановиться въ Нахичевани и упрочить за собою Эриванское ханство, прежде чѣмъ итти къ Тавризу, опасаясь оставить въ тылу у себя непокоренную Эривань. Мнѣніе его имѣло сильное основаніе. Опасность заключалась не въ самой крѣпости, а въ томъ, что эриванскій сардаръ, конечно, вышелъ бы съ конницею въ поле и уничтожалъ бы наши транспорты и все, что двигалось за войсками; слѣдовательно, мало было оставить войска подъ Эриванью, надо было еще отдѣлить значительныя силы, чтобы противоdѣйствовать сардарю. „Не трудно будетъ прогнать его за Араксъ, говоритъ Ермоловъ, но столь же легко онъ опять будетъ возвращаться, и конницы его нельзя будетъ помѣшать dѣйствовать у насъ въ тылу“.

По взятіи Эривани, и потомъ Тавриза, Ермоловъ предпола-

---

<sup>1)</sup> Тамъ же, стр. 177 и 181. Отзывы Ермолова начальнику главнаго штаба барону Дибичу отъ 9-го и 10-го марта 1827 г., за №№ 12 и 13.

галъ расположить войска на зимовыя квартиры и, въ случаѣ необходимости, предпринять походъ къ Тегерану уже только весною 1828 года, и не изъ Тавриза, какъ думалъ Дибичъ, а со стороны Карабага черезъ Ардебиль, такъ какъ ближайшій путь на Султаніе представлялъ чрезвычайныя трудности — лѣтомъ отъ сильнаго зноя, безводицы и безкормицы, а зимою — отъ глубокихъ снѣговъ, заметающихъ всю эту равнину.

Дибичъ остался весьма недоволенъ возраженіями. „Дальнѣйшія дѣйствія по овладѣніи Тавризомъ разсчитаны Ермоловымъ такъ, — говоритъ онъ въ своемъ докладѣ государю, — что едва ли можно надѣяться окончить войну прежде 1829 года... Сіе послѣднее служить мнѣ только къ вящему удостовѣренію въ томъ мнѣніи объ осторожности и недостаточной предприимчивости генерала Ермолова, о которыхъ я уже неоднократно докладывалъ вашему величеству“.

Императоръ Николай Павловичъ тѣмъ не менѣе согласился съ Ермоловымъ. Представлялось болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, что государь, утвердивъ планъ Ермолова, ему же поручить и его выполненіе; но вышло иначе.

Ненормальное положеніе дѣлъ, созданное на Кавказѣ съ появленіемъ Паскевича, достигло къ концу 1826 года своего апогея. Паскевичъ, окрыленный елисаветпольскою побѣдой, которую, по мнѣнію его, никогда бы не могъ одержать Ермоловъ, сталъ предъявлять претензію уже на главную роль, а Ермоловъ, несмотря на гнетущія обстоятельства, и сознавая правоту своихъ дѣйствій, не хотѣлъ смиренно уступить свою власть Паскевичу. Воцарилось двоеначаліе, которое пагубно могло отразиться и на самой службѣ. Обѣ стороны враждебно смотрѣли другъ на друга, не желая дѣлать уступокъ. Ермоловъ видѣлъ въ Паскевичѣ соглядатая, представленнаго наблюдать за его дѣйствіями, а Паскевичъ считалъ свое положеніе низкимъ въ сравненіи съ тѣмъ, какое ему было общано въ Москвѣ при его назначеніи. Ни тотъ, ни другой не могли сохранить должнаго хладнокровія, и отсутствіемъ ея отличается вся переписка того времени. Скоро обстоятельства еще болѣе обострили дѣло.

Не касаясь уже одного Ермолова, донесенія Паскевича стали захватывать и его ближайших помощников. Удары ихъ прежде всего обрушились на Мадатова и Вельяминова, на тѣхъ самыхъ лицъ, которымъ Паскевичъ былъ обязанъ и самой побѣдой подъ Елисаветполемъ. „Болѣе всѣхъ лживѣе,—писалъ онъ Дибичу своимъ неправильнымъ языкомъ,—и обманчивѣе его (т. е. Ермолова) —генералъ-лейтенантъ Мадатовъ. Я писалъ Ермолову, что онъ не способенъ и чтобы его взяли. Ермоловъ отвѣчалъ, что никто не знаетъ такъ края, и не только не хотѣлъ о немъ объясняться, а, распустивъ мой отрядъ, назначилъ его командовать войсками въ Карабагъ... Вельяминовъ его поддерживаетъ“.... Естественно, что подобная переписка только разжигала страсти.

Доставалось, впрочемъ, не одному Ермолову или его сподвижникамъ, но политика и прежнихъ дѣятельныхъ и сильныхъ кавказскихъ главнокомандующихъ встрѣчала въ Паскевичѣ строгаго, хотя и не безпристрастнаго порицанія. „Честолюбіе здѣшнихъ начальниковъ,—говоритъ онъ,—дорого стоило Россіи. Честолюбіе Циціанова, который съ большими ухищреніями приобрѣлъ подъ покровительство Россіи четыре провинціи,—стоило десятилѣтней войны. Честолюбіе здѣшняго начальника произвело новую войну. Персіяне сіе утверждаютъ. Самъ Аббасъ-Мирза, къ коему я посылалъ предложеніе о размѣнѣ плѣнныхъ, согласенъ въ томъ, что Ермоловъ причина войны разными ухищреніями“...

Такимъ образомъ, и показанія самыхъ враговъ Россіи служить въ рукахъ Паскевича орудіемъ и единственнымъ авторитетнымъ доказательствомъ виновности Ермолова. Казалось бы, что итти дальше по этому пути уже некуда, но Паскевичъ нашелъ возможнымъ еще написать въ собственныя руки государя, „что всѣ распоряженія и дѣйствія Ермолова клонятся явно къ тому, чтобы война противъ персіянь была неуспѣшна“. Какъ ни склонны были вѣрить въ Петербургѣ всему тому, что служило къ обвиненію Ермолова, но послѣднія донесенія Паскевича были встрѣчены нѣкоторымъ довѣріемъ,—черезчуръ уже ясно проглядывали въ нихъ пристрастіе, придирчивость и преувеличенія. Поэтому и отвѣтъ, полученный Паскевичемъ, былъ для него совсѣмъ нежелательный.

Дибичъ писалъ, что депеши Паскевича возбудили справедливыя опасенія о степени успѣха будущей кампаніи, и если Ермоловъ откажется исполнить желаніе государя словомъ или дѣломъ, тогда назначеніе новаго главнокомандующаго послѣдуетъ немедленно. „Въ этомъ случаѣ, прибавлялъ Дибичъ<sup>1)</sup>,—Его Величество не сомнѣвается, что этотъ новый начальникъ, который можетъ быть только изъ самыхъ старшихъ и уважаемыхъ генераловъ (намекъ — на фельдмаршала графа Витгенштейна) еще болѣе будетъ нуждаться въ вашихъ совѣтахъ и въ вашей поддержкѣ. Полагая назначить васъ начальникомъ штаба дѣйствующей противъ персіянъ арміи, Его Величество даетъ вамъ возможность быть совѣтникомъ и подготовить всѣ средства, которыя обезпечили бы намъ кампанію, столь же счастливую, какъ и побѣда, одержанная вами 13-го сентября подъ Елисаветполемъ“). Послѣдняя льстивая фраза, конечно, не могла успокоить того, кому предлагали мѣсто начальника штаба въ то время, какъ онъ мѣтилъ самъ въ главнокомандующіе. Не имѣя возможности фактически обвинить Ермолова въ нежеланіи повиноваться волѣ государя, Паскевичъ настоятельно просилъ объ отозваніи его съ Кавказа, заявляя, что служить вмѣстѣ съ Ермоловымъ не можетъ. „Государь императоръ,—писалъ онъ Дибичу,—найдетъ другого генерала, который угодитъ Ермолову, а я не могу“. Другими словами, онъ предлагалъ сдѣлать выборъ между нимъ, побѣдителемъ подъ Елисаветполемъ, и Ермоловымъ, котораго онъ такъ очернилъ.

Рядъ противорѣчій въ письмахъ и извѣстіяхъ, какъ официальныхъ, такъ и частныхъ, не давали возможности судить о дѣйствительномъ положеніи края, и государь, чтобы положить конецъ этимъ распрямъ, столь неудобнымъ въ военное время, рѣшилъ отправить въ Тифлисъ начальника главнаго штаба барона Дибича, на безпристрастіе котораго вполне полагался. „Да поможетъ вамъ Господь и да вразумитъ онъ васъ,—писалъ ему императоръ,—чтобы быть справедливымъ“. Но эта справедливость, какъ бы предрѣшается уже самимъ государемъ не въ пользу Ермолова. „Надѣюсь,—прибавляетъ онъ,—что вы не позволите обольстить себя

<sup>1)</sup> Тамъ же, стр. 151. Письмо барона Дибича къ Паскевичу 6-го января 1827 года.

этому человѣку, для котораго ложь составляетъ добродѣтель, если онъ можетъ извлечь изъ нея пользу“.

Дибичъ прибылъ въ Тифлисъ 20-го февраля и приступилъ энергически къ дѣлу. Онъ оправдалъ въ глазахъ государя Мададова и Вельяминова, но уклонился отъ прямого обвиненія или оправданія Ермолова. Онъ не считаетъ себя вправѣ рѣшиться перемѣнить *посредственно* (т. е. Ермолова) безъ вѣрной надежды на *лучшаго* (т. е. Паскевича); кандидатуру графа Витгенштейна онъ также подвергаетъ сильному сомнѣнiю, какъ человѣка стараго и незнакомаго съ краемъ. Въ то же время онъ усиленно разрабатываетъ въ своихъ донесенiяхъ планъ предстоящей кампанiи, какъ бы именно съ цѣлью показать свои личныя способности къ управленiю Кавказскимъ краемъ и военнымъ дѣйствiямъ. Отсюда современники заключили, что начальникъ главнаго штаба самъ готовъ былъ занять мѣсто главнокомандующаго; но тутъ, — какъ справедливо замѣчаетъ историкъ Шильдеръ, — произошло нѣчто удивительное. Не скрывая нисколько отъ государя собранныхъ имъ свѣдѣнiй о положенiи дѣлъ на Кавказѣ и образѣ дѣйствiй какъ Ермолова, такъ и Паскевича, Дибичъ началъ незамѣтно склоняться въ пользу оставленiя въ Тифлисѣ Ермолова и отозванiя Паскевича. Сила ума проконсула Грузiи могла торжествовать побѣду и начинала увлекать Дибича на совершенно иной путь, чѣмъ тотъ, который былъ намѣченъ въ Петербургѣ. Ермоловъ, однако, вѣрно оцѣнилъ свое положенiе. Старый левъ не пожелалъ тянуть агонiю своей власти на Кавказѣ, и 3-го марта отправилъ слѣдующее письмо къ государю:

„Не имѣвъ счастья заслужить довѣренность Вашего Императорскаго Величества, долженъ я чувствовать сколько можетъ беспокоить Ваше Величество мысль, что при теперешнихъ обстоятельствахъ дѣла здѣшняго края поручены человѣку, неимѣющему ни довольно способности, ни дѣятельности, ни доброй воли. Сей недостатокъ довѣренности Вашего Императорскаго Величества поставилъ и меня въ положенiе чрезвычайно затруднительное: не могу я имѣть нужной въ военныхъ дѣлахъ рѣшительности, хотя природа и не совсѣмъ отказала мнѣ въ оной. Дѣятельность моя



охлаждается той мыслью, что не буду я умѣть исполнить волю вашу, всемилостивѣйшій государь.

„Въ семъ положеніи, не видя возможности быть полезнымъ для службы, не смѣю, однако же, просить объ увольненіи отъ командованія кавказскимъ корпусомъ, ибо въ теперешнихъ обстоятельствахъ можетъ быть приписано желанію уклониться отъ трудностей войны, которыхъ я совсѣмъ считаю непреодолимыми; но, устраняя всѣ виды личныхъ выгодъ, всеподданнѣе осмѣливаюсь представить Вашему Императорскому Величеству мѣру сію, какъ согласную съ общей пользою, которая была главною цѣлью моихъ дѣйствій“.

Ермоловъ опоздалъ со своимъ письмомъ. Государь, встревоженный письмами Дибича и замѣчая его колебанія, рѣшилъ, наконецъ, разрубить этотъ гордіевъ узелъ. „Что хотите вы, чтобы я сказалъ вамъ послѣ подобнаго чтенія?—спрашивалъ императоръ Дибича:—Если вы, находясь на мѣстѣ, не нашли возможнымъ рѣшиться, то какимъ образомъ могу я сдѣлать это съ такого дальняго разстоянія?... Я вижу ясно, что дѣла не могутъ итти подобнымъ образомъ. Поэтому, зрѣло взвѣсивъ все, я не усматриваю иного исхода, какъ поручить вамъ воспользоваться полномочіемъ, предоставленнымъ вамъ для смѣны Ермолова. Его преемникомъ я назначаю Паскевича, потому что изъ вашихъ донесеній я не усматриваю, чтобы онъ хоть въ чемъ-либо нарушилъ обязанности налагаемыя самой строжайшей дисциплиной. Опозорить же этого человѣка отозваніемъ его при подобныхъ обстоятельствахъ было бы не согласно съ моею совѣстью“ <sup>1)</sup>.

Въ другомъ письмѣ государь пишетъ: „Уполномочиваю васъ удалить Мадатова, Вельяминовыхъ, однимъ словомъ всѣхъ лицъ, коихъ вы признаете вредными... Я снова предупреждаю васъ, что вчера отправилъ предписаніе Сипягину немедленно отправиться въ Тифлисъ, чтобы исполнять должность военнаго губернатора Грузіи, въ случаѣ отсутствія Паскевича, котораго я приказомъ завтрашняго числа назначаю на мѣсто Ермолова, со всѣми его пра-

---

<sup>1)</sup> Тамъ же. Приложенія, стр. 209. Письмо императора Николая I барону Дибичу отъ 12-го марта 1827 г.

вами. Да благословить Господь этотъ важный шагъ, и да дать вамъ всѣмъ силы и разумъ. По полученіи этого письма, вы сообщите мнѣ всѣ подробности о томъ, какъ все обойдется; только безъ шума, скандала и насилія. Я положительно запрещаю всякое оскорбленіе и дѣлаю васъ въ этомъ отвѣтственнымъ: пусть все совершится въ порядкѣ, съ достоинствомъ и согласно точному порядку службы“<sup>1)</sup>).

Дибичу теперь оставалось только исполнить волю императора, —и 28-го марта она была объявлена Ермолову. Онъ „принялъ высочайшее рѣшеніе съ величайшею покорностью, безъ малѣйшаго изъясненія неудовольствія или ропота“,—какъ писалъ о томъ государю Дибичъ. Даже въ своемъ прощальномъ приказѣ, въ сухомъ и короткомъ, отданнымъ имъ на слѣдующій же день, Ермоловъ не нашелъ возможнымъ выйти изъ рамокъ одного только строго служебнаго требованія:

„Тифлисъ, 29-го марта 1827 года. Начальникъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества объявилъ мнѣ высочайшую волю государя императора, дабы, сдавъ начальство надъ войсками Отдѣльнаго кавказскаго корпуса и управленіе здѣшнимъ краемъ генераль-отъ-инфантеріи, генераль-адъютанту Паскевичу, отправился я въ Россію. О семъ высочайшемъ соизволеніи дѣлаю извѣстнымъ по корпусу“.

Несмотря на категорическое запрещеніе императоромъ малѣйшихъ оскорбленій ему со стороны Паскевича, его удаленіе съ блестящаго поприща славы и незабвенныхъ заслугъ передъ отечествомъ,—не обошлось безъ оскорбленій. Когда онъ, уволенный уже отъ должности, оставался еще въ Тифлисъ, приводя въ порядокъ свои дѣла, Дибичъ, по свидѣтельству Погодина, прямо совѣтовалъ ему поспѣшить отъѣздомъ, такъ какъ Паскевичъ могъ сдѣлать ему непріятность,—и Ермоловъ уѣхалъ.

Послѣднимъ камнемъ, брошеннымъ ему вслѣдъ, было письмо Паскевича, въ которомъ говорилось: „Ермоловъ домогался имѣть отъ всего грузинскаго дворянства прошеніе къ императору, дабы

---

<sup>1)</sup> Тамъ же. Приложение, стр. 215. Письмо государя барону Дибичу отъ 27-го марта 1827 года.

его оставить здѣсь, какъ хорошаго начальника; они въ собраніи отказали; но онъ, не удовольствовавшись симъ отказомъ, велѣлъ своимъ приближеннымъ носить по домамъ подписку, надѣясь, что обществомъ хотя вмѣстѣ и отказали, но поодиошно сего не осмѣлятся сдѣлать, ибо всякій изъ нихъ будетъ ему извѣстенъ; но, несмотря на все сіе, ему отказали. Негодованіе противъ него велико“.

Такъ писалъ Паскевичъ со словъ Ивана Корганова, одной изъ тѣхъ темныхъ личностей, которыя его окружали, но не то говоритъ намъ дѣйствительность, и въ Тифлисѣ долго распѣвалась сложенная грузинами слѣдующая уличная пѣсня: „Праздникъ (пасха) наступаетъ и природа обновляется. Паскевичъ пріѣхалъ, Иванъ Коргановъ назначенъ адъютантомъ и прозвали его Каиномъ. Жаль, что Ермоловъ смѣнился,—у народа сердце испортилось“<sup>1)</sup>.

Самъ Дибичъ, уѣзжая съ Кавказа, говорилъ встрѣтившемуся съ нимъ на Линіи извѣстному генералу Сабанееву: „Я нашелъ войска, одушевленные духомъ екатерининскимъ и суворовскимъ. Съ такими войсками Паскевичу одерживать побѣды будетъ не трудно“.

Ермоловъ сошелъ съ политической сцены въ самую цвѣтущую пору, когда ему было только 49 лѣтъ отъ роду. Грозный главнокомандующій тѣхъ войскъ, въ которыя онъ вложилъ суворовскій духъ, выѣхалъ изъ Тифлиса въ той же простой рогожной кибиткѣ, въ которой десять лѣтъ назадъ прибылъ сюда—„выѣхалъ съ третьимъ жалованьемъ въ карманѣ и съ глубокой раной въ сердцѣ“. „Новое начальство,—говоритъ онъ въ своихъ запискахъ,—не имѣло ко мнѣ даже и того вниманія, чтобы дать мнѣ конвой, въ которомъ никому не отказываютъ. Въ Тифлисѣ я его выпросилъ самъ, а на военныхъ постахъ по дорогѣ давали его начальники, по привычкѣ повиноваться мнѣ“. А какъ необходимъ былъ этотъ конвой, можно судить уже по тому, что подъ Урухскимъ укрѣпленіемъ, не далеко отъ минарета, по военно-грузинской дорогѣ, только за часъ до его проѣзда чеченская партія отогнала табунъ у Татарханова аула, и самъ Татарханъ, одинъ изъ храбрѣйшихъ осетинъ, былъ убитъ въ перестрѣлкѣ.

Миновавъ Кавказъ, Ермоловъ заѣхалъ въ Таганрогъ, единст-

---

<sup>1)</sup> Е. Вейденбаумъ. Кавказскіе этюды.

венно для того, чтобы поклониться мѣсту кончины императора Александра I-го, и затѣмъ заключился безвыѣздно въ бѣдной орловской деревушкѣ Лукьянчиково, принадлежавшей его отцу. Къ новому положенію своему онъ отнесся спокойно, хотя не безъ ироніи и не безъ горечи. „Собираюсь,—писалъ онъ другу своему Кикину,—заниматься хозяйствомъ, о которомъ пресмѣшныя имѣю понятія. Но не такъ велико состояніе, и не такъ многосложно управленіе, чтобы, наконецъ, я не сдѣлался экономомъ“. Какъ генераль, уволенный отъ службы, онъ облачился въ непривычное для него статское платье, и это обстоятельство служить ему новымъ поводомъ къ ироніи надъ самимъ собою и надъ тѣмъ положеніемъ, въ которое онъ былъ поставленъ. Въ этомъ смыслѣ въ высшей степени любопытно и характерно слѣдующее письмо его къ супругѣ статс-секретаря Кикина, связаннаго съ нимъ многолѣтнею дружбою.

„Чудесно счастливая мысль прислать сукна на сюртукъ, ибо не только я буду имѣть щегольской, но избавлюсь насмѣшекъ, которыя, конечно, вызвалъ бы я собственнымъ вкусомъ. Я уже готовъ былъ выбрать какой то аптекарскій цвѣтъ и появиться въ свѣтъ въ этой микстурѣ. Уже въ тяжкихъ спорахъ мы были съ Анной Петровной (съ сестрой), а какъ мнѣ, теперь отставному, повелѣвать не кѣмъ, то я находилъ удовольствіе по крайней мѣрѣ ея не слушать. Но въ то время, какъ я исполненъ благодарности за сукно, напуганъ рисункомъ, по которому я долженъ быть одѣтъ. Огромная фугура моя не можетъ имѣть стройной талии, которая требуется. Я бы рѣшился, несмотря на 50 лѣтъ, прибѣгнуть даже къ корсету, но и въ семъ случаѣ не думаю, чтобы изъ меня что нибудь вышло. Въ рисункѣ означена шляпа дикаго цвѣта. Говаривали прежде, что это цвѣтъ людей подозрительныхъ правилъ,—и я содрогнулся. Впрочемъ, простите человѣку, долго жившему въ глуши, если не довольно знаетъ, какъ могутъ часто перемѣняться моды. Однако же, по боязни прежнихъ толковъ, не пущусь я на шляпу подобнаго цвѣта. Если согласно съ рисункомъ въ петлицѣ будетъ роза, я надѣюсь, что вы не почтете, что я ношу собственное изображеніе. Много стоитъ скромности моей, когда нечаянно даже каснется красоты моей“.

Въ деревнѣ Ермолову приходилось жить расчетливо и скромно, потому что изъ всего содержанія ему оставлено было одно только жалованье, не превышавшее 4-хъ тысячъ ассигнаціями,—и это было все, что онъ имѣлъ, такъ какъ во всю свою службу отказывался отъ арендъ и денежныхъ наградъ. Графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская, услышавъ о такомъ скудномъ содержаніи Ермолова, сказала у себя за парадномъ столомъ, чтобы почла за счастье для себя, если бы Алексѣю Петровичу угодно было взять въ полное свое распоряженіе ея подмосковное имѣніе. (Оно стоило болѣе милліона). Слова эти были доведены до государя—и Ермоловъ сталъ получать по 14-ти тысячъ въ годъ.

Непривѣтливо, такимъ образомъ, складывалась въ уѣздной глуши жизнь знаменитаго когда то главнокомандующаго, привыкшаго къ власти и блеску тысячъ штыковъ, послушныхъ мановенію его руки. Старикъ-отецъ и сестра,—вотъ все, что составляло теперь его общество. Къ счастью, онъ имѣлъ богатую библіотеку, и истинныхъ друзей для себя нашелъ въ твореніяхъ великихъ писателей. Въ то же время онъ принялся за составленіе записокъ, обнимающихъ собою періодъ его служебной жизни по 1826-й годъ, и слогъ его отличается своеобразными оборотами рѣчи, остроуміемъ, блестящъ юморомъ, а подъ-часъ и возвышается до истиннаго краснорѣчія. Затѣмъ часть времени отдавалась механической работѣ,—переплету книгъ, искусство, въ которомъ Ермоловъ достигъ впоследствии до значительнаго совершенства.

Захочетъ—о себѣ, какъ Тацитъ, онъ напишетъ

И лихо рукопись свою переплететъ,—  
сказалъ про него Жуковский.

Здѣсь то, въ этой деревенской тиши, посѣтилъ Ермолова А. С. Пушкинъ проѣздомъ въ Эрзерумъ въ 1829 году. Вотъ какъ описываетъ великій поэтъ это свиданіе. „Изъ Москвы—говоритъ онъ,—поѣхалъ я на Калугу, Бѣлевъ и Орелъ; сдѣлавъ такимъ образомъ 200 верстъ лишнихъ, но зато увидѣлъ Ермолова. Съ перваго взгляда я не нашелъ въ немъ ни малѣйшаго сходства съ его портретами, писанными обыкновенно въ профиль. Лицо круглое, огненные сѣрые глаза, сѣдые волосы дыбомъ—голова тигра на геркуле-

совомъ торсѣ; улыбка непріятная, потому что не естественная. Когда же онъ задумывается или хмурится, то становится прекрасенъ и разительно напоминаетъ поэтический портретъ, писанный Довомъ. Онъ былъ въ зеленомъ черкескомъ чекменѣ, а на стѣнахъ его кабинета висѣли шашки и кинжалы—памятники его владычества на Кавказѣ. Онъ, повидимому, нетерпѣливо сноситъ свое бездѣйствіе; нѣсколько разъ принимался говорить о Паскевичѣ и всегда язвительно. Разговоръ нѣсколько разъ касался и литературы. Нѣмцамъ досталось. Лѣтъ черезъ 50,—сказалъ онъ,—подумають, что въ нынѣшнемъ походѣ (въ турецкой войнѣ 1828 года) была вспомогательная прусская или австрійская армія, предводимая такими то и такими то нѣмецкими генералами“.

— „И какъ хорошъ былъ этотъ среброволосый герой Кавказа,—разсказываетъ Бартеневъ,—когда онъ говорилъ, что поэты суть гордость націи. Съ какимъ сожалѣніемъ онъ отзывался о ранней смерти Лермонтова. На мои глаза онъ былъ истинно прекрасенъ. Это слоновое могущество, эта неповоротливая шея съ шалашемъ сѣдыхъ волосъ, и этотъ умъ и это одушевленіе на 78-мъ году возраста!.. Передо мною сидѣлъ человѣкъ, бравшій съ Суворовымъ Прагу, съ Зубовымъ ходившій къ Дербенту, съ Каменскимъ осаждавшій турецкія крѣпости, одинъ изъ главныхъ бойцовъ Бородина и Кульма, гроза Кавказа!.. И послѣ этого говорите противъ екатерининскаго вѣка—онъ его чадо!....“

Годы бездѣйствія не затмили народнаго героя, и величавый образъ его, на время оттѣсненный обстоятельствами, все ярче и ярче начинаетъ выступать передъ современниками. Чувства, которыя одушевляли общество, прекрасно выражены слѣдующими стихами неизвѣстнаго поэта:

Хоть дѣлъ великихъ окончанья  
Рукою ты не довершилъ,  
Но духъ твой изъ глуши изгнанья  
Другихъ къ побѣдамъ предводилъ.  
Свершить—тебѣ не дали время,  
Но всюду тамъ твои слѣды;  
Тобою брошеннаго сѣмя  
Россія соберетъ плоды.

И, дѣйствительно, современники знали, кто былъ истиннымъ виновникомъ громкихъ побѣдъ Паскевича и въ Персіи и въ Турціи. Но, вотъ, начинается польская война. Войсками предводительствуетъ сперва Дибичъ, а затѣмъ послѣ его смерти для командованія арміей вызванъ Паскевичъ изъ Грузіи... Ермоловъ былъ забытъ; но не забыли его поляки и, не зная великости его русской души, провозгласили отъ имени его мятежную прокламацію къ русскому войску. По странной случайности первые экземпляры ея попались въ руки Дениса Давыдова. Сочли за нужное довести о ней до свѣдѣнія Ермолова. Ермоловъ отвѣчалъ съ чувствомъ оскорбленнаго достоинства упрекомъ, какъ можно было удостоить вниманія такую нелѣпую клевету. „Вы узнали, — писалъ онъ Давыдову съ своей обычной ироніей, — о моихъ походахъ; этого мало: вы вѣрно услышите скоро о моихъ побѣдахъ, въ которыхъ жестокая судьба такъ долго отказываетъ генералу Дибичу“.

Въ томъ же 1831 году Ермоловъ лишился отца и, продавъ свое орловское имѣніе, переѣхалъ на жительство въ Москву, гдѣ купилъ себѣ небольшой деревянный домикъ. Всѣмъ памятна первая встрѣча его въ московскомъ дворянскомъ собраніи. „Онъ прибылъ, — говоритъ очевидецъ, — въ черномъ фракѣ съ однимъ георгіевскимъ крестомъ въ петлицѣ (крестъ этотъ Ермоловъ получилъ изъ рукъ великаго Суворова и никогда съ нимъ не разставался). При его появленіи въ залѣ мужчины и дамы, всѣ безъ исключенія, встали и встрѣтили поклономъ отставнаго героя“.

Москва переживала въ тотъ годъ тяжелое холерное время, и императоръ Николай самъ прибылъ въ Москву, чтобы успокоить населеніе древней столицы. Ермоловъ впервые, послѣ своей отставки, представился тогда государю. Императоръ принялъ его мило-стиво и, между прочимъ, сказалъ: „Я хочу всѣхъ васъ, стариковъ, собрать около себя и беречь, какъ старыя знамена“. Ермоловъ вновь опредѣленъ былъ на службу съ чиномъ генерала отъ артиллеріи и назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Но тутъ случайно или съ умысломъ его назначили членомъ комиссіи по преобразованію карантиннаго устава, гдѣ онъ не могъ оказать ни малѣйшей пользы, и въ то же время онъ не попадалъ въ такіе комитеты, идѣ

дѣло шло о преобразованіи войскъ или рѣшались другіе знакомые ему чисто военные вопросы. „Ваше величество,—сказалъ онъ однажды государю:—вѣроятно потеряли изъ виду, что я лишь военный человѣкъ и не могу быть полезнымъ въ новыхъ моихъ назначеніяхъ“. На это государь отвѣтилъ: „Вѣрно ты слишкомъ любишь отечество, чтобы желать войны; намъ нуженъ миръ для преобразованій и улучшеній; но въ случаѣ войны я употреблю тебя“. Видя себя, однако, бесполезнымъ въ званіи рядоваго члена Государственнаго Совѣта, онъ просилъ увольненія отъ присутствія въ немъ и, получивъ его, въ мартѣ 1839 года окончательно поселился въ Москвѣ.

Образъ его жизни оставался тотъ же, что и въ деревнѣ. Вставалъ онъ въ шесть часовъ утра и, тотчасъ одѣвшись въ свой казинуетовый скюртукъ, садился за столъ въ кабинетѣ, куда подавался ему чай. Время до обѣда посвящалось чтенію, занятіямъ и письменнымъ работамъ. Въ три часа слѣдовалъ неизмѣнный, неприхотливый обѣдъ, состоявшій изъ пирога, щей и жаркаго; изъ дома Ермоловъ выѣзжалъ рѣдко, но по вечерамъ любилъ принимать гостей у себя и просиживалъ далеко за-полночь.

Въ высшихъ петербургскихъ сферахъ на Ермолова продолжали смотрѣть недоброжелательно, но государь лично, несмотря на удаленіе его отъ дѣлъ, оказывалъ ему всѣ признаки своего благоволенія. Такъ, въ 1839 году Ермоловъ былъ приглашенъ сопровождать его на Бородинское поле и, какъ очевидецъ, объяснялъ подробности сраженія, въ которомъ игралъ такую крупную роль. Въ день открытія Кульмскаго памятника государь прислалъ ему Андреевскую ленту—высшую награду, которую онъ до сихъ поръ не имѣлъ. Наконецъ, 9-го апрѣля 1849 года, когда въ Москвѣ праздновался день учрежденія Преображенскаго полка, самъ главнокомандующій гвардейскимъ корпусомъ великій князь Михаилъ Павловичъ, въ сопровожденіи наслѣдника царевича и всѣхъ наличныхъ офицеровъ, отправился къ знаменитому ветерену русской славы, подъ начальствомъ котораго императорская гвардія покрылась побѣдными лаврами и Преображенскій полкъ заслужилъ георгіевскія знамена.



„И какъ пріятно москвичамъ было видѣть,—говорить Погодинъ,—этотъ торжественный поѣздъ сына царева государя наслѣдника и брата царева со всѣми представителями русской гвардіи къ скромному деревянному семи-оконному домику на Арбатскомъ бульварѣ, гдѣ живетъ убѣленный сѣдинами герой Бородина, Кульма и Кавказа, гдѣ надъ низменной крышей ярко горитъ лучъ русской славы“.

Однажды, въ бытность Ермолова въ Петербургѣ, государь пригласилъ его и Паскевича вмѣстѣ съ собою въ Кронштадтъ, тамъ встрѣтилъ ихъ знаменитый адмиралъ Беллинсгаузенъ, вернувшійся изъ своего кругосвѣтнаго плаванія. „Передъ вами стоитъ обладатель острова на Тихомъ океанѣ“—отрекомендовался ему Алексѣй Петровичъ, намекая на то, что новый, дотолѣ невѣдомый, островъ, открытый Беллинсгаузенемъ былъ названъ имъ „островъ Ермоловъ“.

„Вы то, Алексѣй Петровичъ, меня не знали,—отвѣтилъ Беллинсгаузенъ,—а я давно уже знаю Ермолова“.

Но этими внѣшними почетами и ограничивалась, впрочемъ, официальная общественная роль Ермолова. Стоя не у дѣлъ, онъ находилъ себѣ утѣшеніе въ той необычайной популярности своего имени, которая, проходя черезъ всѣ классы населенія, служила ему живымъ свидѣтельствомъ его заслугъ передъ родиной. Когда графъ М. С. Воронцовъ передъ отъѣздомъ на Кавказъ въ званіи намѣстника былъ выбранъ въ почетные члены англійскаго клуба, въ обществѣ тотчасъ заговорили, что нельзя выбирать Воронцова, не сдѣлавъ того же самаго для Ермолова. И Ермоловъ, далекій отъ всякихъ вліяній и связей, уединенно доживавшій свой вѣкъ въ Москвѣ, вдругъ единогласно выбирается въ почетные члены петербургскаго англійскаго клуба.

„Когда Алексѣй Петровичъ,—разсказываетъ одинъ современникъ,—появлялся въ театрѣ или въ собраніи, всѣ присутствующіе обыкновенно поворачивались въ ту сторону, гдѣ стоялъ Ермоловъ, опершись на свою вѣрную саблю, и задумчиво смотрѣли на его бѣлые волосы, на эту львиную голову, твердо стоявшую еще на исполинскомъ туловищѣ, и въ потускнѣвшихъ глазахъ его искали глубоко запавшія думы“... Всѣ проѣзжавшіе черезъ Москву кавказцы,

и старые и молодые, заѣзжали поклониться „батьшкѣ Алексѣю Петровичу“. Это его утѣшало и радовало.

Русская лира не хотѣла отстать отъ общественнаго мнѣнія, и не разъ возвышала свой благородный голосъ за униженное достоинство: имени Ермолова посвящено много поэтическихъ произведений. На одномъ изъ московскихъ вечеровъ, гдѣ былъ Ермоловъ, поэтъ Глинка, поднимая задравный бокалъ, привѣтствовалъ знаменитаго гостя слѣдующимъ экспромптомъ:

Умомъ затмилъ онъ блескъ алмаза,  
Въ бояхъ онъ славный былъ боецъ,  
Да здравствуетъ герой Кавказа!  
Да здравствуетъ герой сердецъ!  
Подъ буркою надъ русскимъ станомъ,  
Съ морщиной умной на челѣ,  
Не разъ стоялъ онъ великаномъ  
Монументально на скалѣ.

А шашка между тѣмъ чеченцевъ  
Вела съ штыкомъ трехграннымъ споръ;  
И именемъ его младенцевъ  
Пугали жены дикихъ горъ.

И вотъ еще изъ-за тумана,  
Которымъ ликъ его покрытъ,  
Глядитъ героемъ Оссіана  
Онъ на мельчающей намъ бытъ.

И подъ маститой сѣдиною  
Хоть взоръ орлиный и пригасъ,—  
Все баснословной стариною  
И славой обдаетъ онъ насъ.

На этотъ экспромптъ Димитріевъ тутъ же отвѣтилъ не менѣе прекраснымъ стихотвореніемъ, обращеннымъ къ самому импровизатору:

Ты бывалъ и самъ средь боевъ,  
Видѣлъ близко славы слѣдъ,—  
Не изъ нынѣшнихъ героевъ,  
Ты—не нынѣшній поэтъ.

Оттого, какъ блескъ алмаза,  
Блещетъ твой гранитный стихъ,  
И въ тебѣ герой Кавказа  
Вспламенилъ восторга мигъ!  
Не выдавъ войны кровавой,  
Я смиренно созерцалъ  
Мужа, избраннаго славой,  
Пѣть не смѣлъ я—и молчалъ.  
Я дивился исполину—  
Исполинскій былъ и вѣкъ--  
И какъ горную вершину  
И его вѣнчаетъ снѣгъ.  
Но какъ тотъ горитъ и блещетъ  
Въ искрахъ солнечныхъ огней,  
Мнѣ казалось, что трепещетъ  
И надъ нимъ вѣнецъ лучей!..

Но гдѣ память о немъ никогда не умирала, гдѣ она была вѣковѣчна, такъ это въ той странѣ, на которую онъ положилъ свои лучшія силы, опытность мужа и энергію героя. Кавказъ помнилъ своего богатыря отъ края до края, и ни блескъ побѣдъ въ Персіи и Турціи, ни громкій титулъ графа эриванскаго, ни санъ фельд-маршала,—ничто не искоренили въ памяти кавказскаго населенія имени Ермолова. Въ пѣсняхъ горцевъ говорится только о грозномъ Ермолоу и Вельяминовѣ. „Горы дрожатъ отъ гнѣва его,—говоритъ одна изъ этихъ пѣсенъ,—а взоръ его разсѣкаетъ, какъ молнія“. Самъ Шамиль на верху своего могущества показывалъ всегда особое уваженіе къ имени Ермолова и приказалъ не трогать мирные аулы, въ которыхъ жили родные его кебинныхъ женъ. Мало того, на берегу Каспійскаго моря, недалеко отъ Низоваго укрѣпленія, стояла изба, или пожалуй домикъ, выстроенный здѣсь когда то войсками, бывшими съ Ермоловымъ въ походъ, для укрытія отъ непогоды „батюшки Алексѣя Петровича“. Домикъ этотъ былъ построенъ изъ чинаръ, въ два обхвата каждый, и при немъ всегда жилъ инвалидъ-сторожъ, который и берегъ его, какъ славное преданіе минувшаго времени. Вотъ почему, когда возстаніе въ 1843

году охватило весь Дагестанъ, и Низовое было окружено непріятелемъ, всѣ съ грустью помышляли о печальной судьбѣ, которая должна была постигнуть этотъ домикъ, стоявшій одинъ-одинешенекъ посреди бушующаго населенія. Но такова сила историческаго имени, что, при всеобщемъ, можно сказать, разрушеніи, до этого домика не каснулась ни одна рука горскаго хищника „и по окончаніи смуть мы,—говоритъ одинъ очевидецъ,—вновь имѣли счастье поклониться этому скромному пріюту великаго кавказскаго дѣятеля“. Въ настоящее время вы уже не найдете и слѣдовъ этого домика: онъ исчезъ, благодаря только холодному равнодушію къ исторической славѣ и невѣжеству нашихъ современниковъ.

„Представьте,—разсказывалъ великій князь Михаилъ Павловичъ,—только что горцы провѣдали, что на Кавказъ ѣдетъ сынъ Ермолова, выпущенный изъ кадетскаго корпуса, какъ стали сбѣгаться на почтовую дорогу и повсюду встрѣчали его торжественными привѣтствіями“.

Когда плѣннаго Шамиля спросили въ Москвѣ, что онъ желаетъ видѣть? Онъ отвѣчалъ: „прежде всего Ермолова“. Въ альбомѣ князя Барятинскаго хранится рисунокъ, изображающій это характерное свиданіе двухъ знаменитѣйшихъ вождей Кавказа.

Ермоловъ съ своей стороны платилъ Кавказу тою же любовью, и съ горячимъ участіемъ слѣдилъ за тѣмъ, что дѣлается въ краѣ. А въ краѣ со временъ Паскевича принята была система, совершенно противоположная его системѣ, и Алексѣй Петровичъ не могъ не видѣть съ болью въ сердцѣ печальныхъ послѣдствій этого переворота. Онъ и являлся всегда въ роли ироническаго предвѣстника событій. Какъ извѣстно, послѣ Паскевича назначенъ былъ на Кавказъ баронъ Розень, Розена смѣнилъ Головинъ, Головина—Нейдгардтъ—и дѣла шли все хуже и хуже.

Когда смѣненный Розень пріѣхалъ въ Москву и посѣтилъ Ермолова, чтобы посоветоваться съ нимъ, не слѣдуетъ ли ему поѣхать въ Петербургъ для объясненій, Ермоловъ серьезнымъ тономъ отвѣтилъ: „Погоди немного, скоро вернется Головинъ, и тогда мы троимъ поѣдемъ въ Питеръ“. Головинъ въ самомъ дѣлѣ недолго пробылъ на Кавказѣ, и на его мѣсто отправился Нейдгардтъ. Уз-

навѣ объ этомъ, Ермоловъ сказалъ: „Ну, Нейдгардтъ видно, что нѣмецъ—предусмотрителенъ: нанялъ себѣ домъ въ Москвѣ заранее и даже далъ задатокъ,—знаетъ, что скоро вернется“.

Узнавъ же, что Розенъ и Головинъ собираются все таки поѣхать въ Петербургъ, онъ, при первой встрѣчѣ, сказалъ имъ: „Знаете ли, не пообождать ли намъ Нейдгардта? Онъ вѣроятно не замедлитъ приѣхать. Тогда наймемъ четырехмѣстную карету и покатимъ вмѣстѣ“. И Нейдгардтъ дѣйствительно не былъ счастливѣе своихъ предмѣстниковъ. Только назначеніе Воронцова, да впослѣдствіи князя Барятинскаго, Ермоловъ привѣтствовалъ съ истиннымъ доброжелательствомъ и предсказалъ имъ блестящіе успѣхи. Оба они начали съ того, что возвратились къ забытой системѣ Ермолова, и только этотъ путь привелъ ихъ къ окончанію, казавшейся не скончаемой, Кавказской войны.

Такъ проходили годы. И вотъ уже на полномъ склонѣ дней Ермолову внезапно выпадаетъ честь вновь появиться въ роли защитника отечества, и при томъ въ одинъ изъ самыхъ критическихъ моментовъ исторіи Россіи. Началась севастопольская война. Заговорили о народномъ ополченіи, и вся Москва, вспоминая избраніе Кутузова начальникомъ петербургскихъ дружинъ въ 1812 году, выразила желаніе имѣть вождемъ московскаго ополченія—Ермолова.

Избраніе состоялось торжественное, единодушное, потому что изъ многихъ тысячъ голосовъ въ избирательной урнѣ оказалось только девять черныхъ шаровъ. Графиня Растопчина отмѣтила это въ своемъ стихотвореніи:

Встарину въ Элладѣ вольной  
Было семь лишь мудрецовъ;  
А въ Москвѣ, Первопрестольной,  
Ровно девять подлецовъ.  
Грязь алмаза не мараетъ,  
Также дорогъ онъ для насъ,  
Но подлець, кто грязь бросаетъ  
На народный нашъ алмазь.

Въ привѣтственной рѣчи, обращенной къ Ермолову, по этому поводу говорилось между прочимъ:

„Самъ Богъ сберегалъ васъ для этой тягостной години общаго испытанія. Идите же, Алексѣй Петровичъ, съ силами Москвы, въ которой издревле отечество искало и всегда находило себѣ спасеніе. Пусть развернется передъ нами наше старое, наше славное знамя 12-го года. Всѣ русскіе воины будутъ рады увидѣть вашу бѣлую голову и услышать ваше любимое имя; оно неразлучно въ ихъ памяти съ именемъ Суворова, изъ рукъ котораго вы получили первый георгіевскій крестъ и съ именемъ Кутузова, которому служили правою рукою въ незабвенномъ Бородинскомъ сраженіи“.

Вся Москва ликовала. Купцы въ рядахъ, извозчики съ своими сѣдоками—все толковало о Ермоловѣ и радовалось, какъ будто побѣда осѣнила уже русскія знамена.

Графина Растопчина выразила это общее настроеніе Москвы въ слѣдующихъ звучныхъ стихахъ:

Народный голосъ—голосъ Бога,  
Онъ нынѣ громко вопіетъ:  
Вставай, Ермоловъ, Русь зоветъ;  
Тебѣ знакома вѣдь дорога.

Съ единомушнымъ увлеченьемъ  
Тебя назначила молва,  
И надъ московскимъ ополченьемъ  
Вождемъ поставила Москва.

Возьми рукой неослабѣлой  
Свой старый мечъ—французовъ страхъ.  
Нашъ вождь въ покоѣ посѣдѣлый  
Помолодѣешь ты въ бояхъ.

Вставай, честь русскаго народа!  
Его врагамъ припомяни  
И пусть двѣнадцатаго года  
Великіе воскреснуть дни.

Вставай! Когда по всей Россіи  
Извѣстенъ станетъ выборъ нашъ,  
Шатры восплещутъ боевые  
Хвалою откликнется шалашъ.

Какой то анонимъ отвѣтилъ ей отъ имени Ермолова:

Не неизвѣстнаго поэта  
Читаль я добрыя слова;  
По звукамъ лестнаго привѣта  
Васъ прямо назоветь молва.  
Вы помянули годъ возстанья,  
Для нашей славы дивный вѣкъ,  
Когда, услыша гласъ призванья,  
Явился русскій человѣкъ;  
Вы правы! Пусть меня забыли,—  
Но нашъ не позабылъ народъ,  
Когда Москву мы хоронили,  
Двѣнадцатый свершали годъ.  
И нынѣ чтутъ мои сѣдины  
Въ воспоминаньи старины  
И этой памятной годинѣ  
Ея достойные сыны.  
Но горделивыми мечтами,  
Повѣрьте, я не ослѣпленъ,  
Давно я удрученъ годами  
Отъ дѣла битвы удаленъ.  
Давно заржавѣлъ мечъ мой бранный,  
Ослабла дряхлая рука  
И пиръ кровавый, пиръ желанный  
Едва-ль по силамъ старикамъ.

Московскому ополченію, какъ извѣстно, не пришлось принять непосредственнаго участія въ дѣлѣ защиты отечества.

Тихо и незамѣтно прошли послѣдніе дни героя въ Москвѣ и 12-го апрѣля 1861 года онъ скончался на 85-мъ году отъ рожденія, сидя въ своемъ любимомъ креслѣ. И умирая, Ермоловъ не отклонился отъ величавой простоты, характеризовавшей его всю жизнь. Въ духовномъ завѣщаніи онъ сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе о своемъ погребеніи: „завѣщаю похоронить меня какъ можно проще. Прошу сдѣлать гробъ простой, деревянный, по образцу

солдатскому, выкрашенный желтой краской. Панихиду служить обо мнѣ одному священнику. Не хотѣлъ бы я ни всенныхъ почестей, ни несенія орденовъ, но какъ это зависитъ не стѣ меня, то предоставляю на этотъ счетъ распорядиться кому слѣдуетъ. Желая, чтобы меня похоронили въ Орлѣ, возлѣ моей матери и сестры; свезти меня туда на простыхъ дрогахъ, безъ балдахина, на парѣ лошадей; за мной поѣдутъ дѣти, да Николай мой, а черезъ Москву не откажутся стащить меня старые товарищи — артиллеристы“.

Похороны состоялись однако торжественныя, и вся Москва сопровождала бѣдный деревянный гробъ, везомый на артиллерійскомъ лафетѣ до самой заставы. Ермоловъ похороненъ въ Орлѣ, въ особомъ придѣлѣ Троицко - кладбищенской церкви. На одной изъ стѣнъ могильнаго склепа вдѣлана доска съ простою надписью: „Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, скончался 12-го апрѣля 1861 года“. Передъ его гробницей теплится чугунная лампада, поражающая своимъ устройствомъ и происхожденіемъ. Она утверждена на мѣдномъ пьедесталѣ и состоитъ изъ настоящей чугунной гранаты, въ которую вставлена стеклянная лампа. На гранатѣ грубыми литерами вычеканено: „Служащіе на Гунибѣ кавказскіе солдаты“. Лампада устроена усердіемъ нижнихъ чиновъ кавказской арміи,—и этотъ простой памятникъ дороже и краше всякаго мавзолея.

Другимъ памятникомъ ермоловской эпохи служить та скромная, уединенная землянка, въ которой во время возведенія Грозной жилъ и трудился Алексѣй Петровичъ. Она тщательно оберегается понынѣ, и всякій путешественникъ, былъ ли то царственный мужъ или простой человѣкъ, посѣщая Грозный, съ одинаковымъ благоговѣйнымъ чувствомъ приходилъ поклониться этой бѣдной землянкѣ. Передъ входомъ въ нее, на каменномъ столбѣ, стоитъ колоссальный бронзовый бюстъ Ермолова, а на крышѣ разведенъ богатый цвѣтникъ; со стороны улицы землянка обнесена изящной желѣзной рѣшеткой съ такими же воротами; на воротахъ короткая, но полная значенія надпись:

„Здѣсь жилъ Ермоловъ“.



Ермолу нѣтъ нигдѣ другого памятника. Но гордыя скалы Кавказа составляютъ несокрушимый пьедесталъ, на которомъ русскій человѣкъ вѣчно будетъ видѣть величавый образъ его, окруженный лучами славы.

---



Григорьевъ Григорій

## Глава X.

Кампанія 1827 года. — Военныя дѣйствія карабагскаго отряда на Араксъ. — Движеніе отряда Бенкендорфа. — Затрудненія. — Занятіе Бенкендорфомъ Эчмиадзина. — Поиски за продовольствіемъ. — Наступленіе къ Сардаръ-Абаду и пораженіе куртинцевъ. — Движеніе Бенкендорфа къ Эривани. — Обложеніе крѣпости. — Тактика персіянь. — Вылазки непріятеля. — Кавалерійское дѣло на р. Абаранъ. — Положеніе нашихъ войскъ подъ Эриванью къ половинѣ іюня <sup>1)</sup>).

---

29-го марта 1827 года высочайшимъ приказомъ, отданнымъ въ Петербургѣ, генераль-адъютантъ Паскевичъ назначенъ былъ на мѣсто Ермолова командиромъ Отдѣльнаго Кавказскаго корпуса со всѣми правами, властью и преимуществами главнокомандующаго большой дѣйствующей арміи.

Удаленіе Ермолова повлекло за собою немедленную смѣну всѣхъ, ктръ былъ близокъ къ нему или пользовался его расположеніемъ. Оба брата Вельяминовы отозваны были въ Россію и мѣсто начальника штаба занялъ генераль-лейтенантъ Красовскій, сдавшій командованіе 20-ю пѣхотною дивизіею генераль-маіору Панкратьеву. Управление гражданскою частью и вмѣстѣ съ тѣмъ командованіе всѣми резервами, оставшимися въ Грузіи, ввѣрено было новому тифлисскому военному губернатору генераль-адъютанту Сипягину. Начальникомъ артиллеріи дѣйствующаго корпуса назначенъ былъ генераль-лейтенантъ Унтилье, а завѣдывающимъ инженерной частью—генераль Трузсонъ. Князь Эристовъ, вызванный въ дѣйствующій корпусъ, принялъ 21-ю пѣхотную дивизію, а войска въ Кахетіи, которыми онъ командовалъ, поручены князю Бековичу-

---

<sup>1)</sup> При описаніи этой главы источниками служили: дѣла архива штаба Кавказскаго военного округа 1827 г., №№ 3, 20, 79, 87 и 90. Щербатовъ. Генераль-фельдмаршалъ князь Паскевичъ, т. II. Русскій архивъ 1889 г., № 11. Записки Муравьева. 1827 годъ. Персидская война. Войсковые источники: Бобровскій. Исторія 13-го лейбъ-гренадерскаго Эриванскаго полка, ч. 4. Боевая лѣтопись 14-го гренадерскаго Грузинскаго полка; Потто. Исторія 44-го драгунскаго Нижегородскаго полка, томъ III, и другіе.

Черкаскому. Генераль Давыдовъ остался при главной квартирѣ безъ всякаго назначенія и, пользуясь личнымъ разрѣшеніемъ государя, уѣхалъ въ Россію.

Затѣмъ къ числу новыхъ начальствующихъ лицъ въ Кавказскомъ корпусѣ принадлежали еще два генераль-адъютанта: Константинъ Бенкендорфъ и Сухтеленъ—оба назначенные сюда для участію въ персидской войнѣ, оба извѣстные своимъ образованіемъ, военными заслугами и пользовавшіеся особымъ довѣріемъ государя. Бенкендорфъ прибылъ вмѣстѣ съ Паскевичемъ еще при Ермоловѣ, но Сухтеленъ ожидался только въ іюль мѣсяцѣ. Такимъ образомъ, изъ старыхъ вождей остался одинъ только князь Мадаговъ, командовавшій, по волѣ государя, карабагскимъ отрядомъ; но Паскевичъ настаивалъ и на его удаленіи.

Между тѣмъ наступила весна 1827 года. Персія сдѣлала попытку войти въ переговоры о перемиріи и съ этою цѣлью начала переписку съ графомъ Нессельроде, а въ Тифлисѣ прибылъ отъ шаха уполномоченный чиновникъ. Онъ соглашался уступить Россіи тѣ земли, которыя и безъ того уже по Гюлистанскому трактату принадлежали Россіи, но далѣе не шель ни на какія уступки. Дибичъ напротивъ требовалъ уступки всѣхъ крѣпостей, лежавшихъ по Араксу и назначилъ громадную контрибуцію, которая должна была сдѣлать персидское правительство болѣе осмотрительнымъ на будущее время. Персидскій уполномоченный не могъ согласиться на эти условія и продолженіе войны становилось неизбѣжнымъ.

Паскевичъ и Дибичъ находили, впрочемъ, что военныя дѣйствія противъ персіянъ не могутъ представить особыхъ затрудненій. Измѣнивъ нѣсколько планъ, составленный Ермоловымъ, Дибичъ писалъ государю: „Надѣюсь, что въ началѣ марта Эриванское ханство будетъ занято нашимъ авангардомъ, чтобы спасти тамошнія средства продовольствія, а затѣмъ подойдутъ главныя силы и до наступленія знойнаго времени мы овладѣемъ Марандою, Хоемъ и, можетъ быть, Тавризомъ“. Такъ имъ казалось легко и просто проникнуть во внутреннія владѣнія Персіи. Суровая дѣйствительность не замедлила, однако, опровергнуть всѣ эти расчеты, не основанные на близкомъ знакомствѣ съ мѣстными условіями,

и показать на сколько основательны были осторожныя и методичныя дѣйствія Ермолова. Военныя дѣйствія начались въ Карабагѣ. 5-го апрѣля князь Мадатовъ сосредоточилъ свой отрядъ у Ахъ-Углана и отсюда перешелъ на рѣчку Черакень. Наличныя силы его состояли: изъ 2-й бригады 20-й пѣхотной дивизіи (Козловскій и Нашебургскій полки), 2-хъ баталіоновъ 42-го Егерскаго полка <sup>1)</sup>, трехъ донскихъ казачьихъ полковъ полковниковъ Грекова, Побѣдова и Костина и 24-хъ орудій; ожидался еще 41-й Егерскій полкъ, находившійся уже на маршѣ изъ Грузіи.

Непріятель также сосредоточивалъ свои силы на Араксѣ: у Худаферинскаго моста стоялъ двухтысячный отрядъ сарбазовъ и къ нему ожидалась значительная конница съ 15-ю орудіями; другой отрядъ стоялъ въ Асландузѣ, а напротивъ Маральяна ширванскій, шахсеванскій и другіе ханы собирали свои иррегулярныя войска. Главныя силы персидской арміи находились еще на пути изъ Тавриза, но куда онѣ направятся: къ Эривани или къ Карабагу — оставалось неизвѣстнымъ. По плану, составленному Ермоловымъ, отрядъ князя Мадатова долженъ былъ охранять Карабагъ, прикрывать лѣвый флангъ дѣйствующаго корпуса при наступленіи его въ Эриванское ханство и, наконецъ, способствовать главнымъ силамъ овладѣть Нахичеванью. Достигнуть этихъ цѣлей можно было или пассивною обороною береговъ Аракса или же внезапнымъ вторженіемъ въ персидскіе предѣлы къ сторонѣ Агара и Ардебиля. Князь Мадатовъ предпочелъ двинуться немедленно за Араксъ, чтобы не дать времени непріятелю усилиться, и 16-го апрѣля выступилъ съ войсками съ Черакеня. Но тутъ же получены были извѣстія, что сильная непріятельская партія появилась въ тылу отряда около сел. Герюсы и грабитъ армянскія селенія. Князь Мадатовъ не обратилъ на это вниманіе, зная неизбежность подобныхъ происшествій, которыя должны были прекратиться сами собою, какъ только русскія знамена появятся на правомъ берегу Аракса и потому торопился захватить переправу.

18-го апрѣля, не доходя 12-ти верстъ до Худаферинскаго моста, Мадатовъ отправился впередъ съ 3-мя донскими казачьими

---

<sup>1)</sup> Третій баталіонъ 42-го Егерскаго полка оставался въ Шушѣ.

полками и занялъ высоту, командовавшую надъ всею окрестностью и мѣткимъ огнемъ донской конной батареи черезъ рѣчку заставилъ стоявшій тамъ баталіонъ сарбазовъ отойти въ горы. Съ прибытіемъ пѣхоты, отрядъ сталъ лагеремъ, въ виду невозможности совершить переправу черезъ Араксъ. Рѣка была въ разливѣ, а Худаферинскій мостъ былъ разрушенъ персіянами и отъ него остались лишь ближайшіе къ берегамъ полуразвалившіеся своды, которые оборонялись каменной башней, стоявшей на лѣвомъ берегу въ видѣ предмостнаго укрѣпленія.

На слѣдующій день, 19-го апрѣля, подполковникъ Миклашевскій съ ротой 42-го Егерскаго полка подъ огнемъ непріятеля занялъ позицію въ 80-ти шагахъ отъ моста. Для обороны переправы персіяне выдвинули два баталіона сарбазовъ и конницу, расположившіеся въ боевомъ порядкѣ въ 100 саженьяхъ по правую сторону рѣки противъ моста. Пока противники стояли другъ противъ друга, еще одна рота егерей скрытно вышла изъ лагеря и въ 2-хъ верстахъ выше по Араксу принялась устраивать плоты для переправы. Стукъ топоровъ привлекъ вниманіе персіянъ и работы пришлось производить подъ учащеннымъ огнемъ непріятеля. Тѣмъ не менѣе къ утру плоты были готовы; сдѣланные изъ тяжелаго дубоваго лѣса, они едва держались на поверхности воды, но дѣло было не въ плотяхъ. Непріятель, ожидая въ этомъ мѣстѣ переправу, передвинулъ туда большую часть своихъ силъ, а подполковникъ Миклашевскій, воспользовавшись этимъ, бросился съ своими егерями къ мосту и внезапнымъ нападеніемъ овладѣлъ башней. Гарнизонъ ея былъ истребленъ, а вся потеря съ нашей стороны состояла изъ одного офицера и шести егерей раненыхъ. Здѣсь получили первое боевое крещеніе Козловскій и Нашебургскій полки, пришедшіе изъ Россіи.

Пока егеря, овладѣвши башней, устраивали ложементы, стрѣлки Козловскаго и Нашебургскаго полковъ въ лодкахъ переправились на ту сторону Аракса и вынудили весь 5-ти-тысячный отрядъ непріятеля отойти отъ берега.

Такимъ образомъ, переправа черезъ Араксъ была открыта и Мадатовъ готовился уже къ движенію къ Агару, но 22-го апрѣля

пріѣхаль изъ штаба дѣйствующаго корпуса курьеръ съ приказаніемъ Паскевича сдать отрядъ генералу Панкратьеву, а самому выѣхать въ Грузію. Черезъ полчаса въ лагерь пріѣхаль и вновь назначенный начальникъ отряда генераль-маіоръ Панкратьевъ.

Въ то же время карабагскій отрядъ получилъ другое назначеніе, и Панкратьевъ, отступивъ отъ Аракса на 18 верстъ, остановился лагеремъ въ ожиданіи дальнѣйшаго развитія кампаніи.

---

Почти одновременно съ дѣйствіемъ карабагскаго отряда началось наступленіе главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса. 30-го марта авангардъ его, въ составѣ: двухъ баталіоновъ Грузинскаго гренадерскаго, двухъ баталіоновъ Ширванскаго пѣхотнаго и одного баталіона 7-го Карабинернаго полковъ, подъ начальствомъ генераль-адъютанта Бенкендорфа, сосредоточился въ Шулаверахъ и 2-го апрѣля 1827 года двинулся въ Джелаль-Оглы черезъ Акзибіюкскій переваль. Бездорожица стояла полная. На первыхъ же семи верстахъ обозъ застрялъ въ невылазной грязи. Дорога черезъ горы оказалась настолько тяжелой, что хотя два баталіона и рота піонеръ, слѣдуя въ головѣ колонны, разрабатывали путь около 2-хъ сутокъ, но все же повозки приходилось тащить на людяхъ, впрягая по 50—70 солдатъ. Только вечеромъ баталіоны успѣли, наконецъ, перевалить черезъ горы и заночевали по ту сторону ихъ за Акзибіюкскимъ постомъ; обозы же ночевали въ горахъ и прибыли уже на слѣдующій день послѣ полудня.

Въ Джелаль-Оглы присоединились къ авангарду еще одинъ баталіонъ Тифлискаго полка, два донскихъ Андреева и Карпова казачьихъ полка (по 3 сотни каждый) и двѣнадцать орудій легкой № 3-й роты Кавказской гренадерской артиллерійской бригады. 5-го апрѣля прибылъ въ Джелаль-Оглы генераль-адъютантъ Дибичъ и послѣ смотра, закончившагося обычнымъ церемоніальнымъ маршемъ, войска двинулись въ походъ. Начался трудный подъемъ на крутой Безабдалъ („бѣсъ его далъ“—толковали между собою солдаты), и съ первыхъ же шаговъ обозы и орудія остановились и снова пришлось тяжелыя телѣги и пушки тащить на людяхъ. Чѣмъ

выше поднимались на горы, покрытыя еще снѣгомъ и густымъ туманомъ, тѣмъ больше препятствій встрѣчалось на каждомъ шагу. Къ тому же поднялась вьюга; повалилъ густыми хлопьями мокрый снѣгъ, пережевавшійся съ дождемъ, и дорога вскорѣ окончательно исчезла; ночь застала войска въ горахъ среди суровой непогоды подъ открытымъ небомъ. Только 7-го апрѣля авангардъ Бенкендорфа спустился, наконецъ, въ Памбакскую долину, гдѣ сдѣлалъ дневку. Непрiятеля нигдѣ не было видно; 9-го числа войска двинулись дальше и, переваливъ уже съ меньшими трудностями черезъ небольшой отлогій Памбакскій хребетъ, вступили въ непрiятельскую землю.

Дальнѣйшею цѣлью движенія авангарда Бенкендорфа было занятіе Эчміадзина, этого жизненнаго пульса Арменіи, чтобы отсюда управлять массой армянскаго населенія, подготовивъ въ ней надежнаго и вѣрнаго для себя союзника. Необходимъ былъ только человѣкъ, который сумѣлъ бы разбудить, дремавшія подъ гнетомъ вѣкового ига, народныя силы. Такимъ человѣкомъ въ описываемую эпоху явился архіепископъ Нерсесъ, въ послѣдствіе верховный патріархъ и католикосъ Арменіи.

Личность Нерсеса была весьма замѣчательная. Во время персидской войны ему насчитывали уже около 70-ти лѣтъ, но годы не охладили энергіи и бодрости святителя, взявшагося сопровождать русскій отрядъ до самаго Эчміадзина, съ которымъ соединились у него всѣ лучшія воспоминанія его долгой жизни. Тамъ онъ получилъ свое образованіе, тамъ постригся въ иноки и изъ простаго монаха, еще въ концѣ прошлаго столѣтія, возвысился до сана архіепископа. Онъ управлялъ Эчміадзиномъ въ трудное время циціановскихъ войнъ и тогда уже приобрѣлъ неограниченное довѣріе народа. Присутствіе его при войскахъ одушевляло армянъ и доводило ихъ до подвиговъ высокаго героизма. Лѣтописи тѣхъ временъ занесли на свои страницы, напримѣръ, слѣдующій случай.

Нужно было узнать заняты ли монастырь персіянами и если заняты, то уговорить монаховъ спасти какъ-нибудь, хранившіеся тамъ запасы продовольствія. Вызвался ѣхать молодой армянинъ по имени Оганезъ Осланянцъ, но по дорогѣ, на свою бѣду, попался въ руки персидскаго разъѣзда. — Кто ты и куда ѣдешь?—спросилъ



его начальникъ разѣзда. — Въ Эчмιάдзинѣ ага съ порученіемъ отъ нашего архіепископа. — Въ чемъ же заключается твое порученіе? — Я не имѣю права открыть тебѣ то, что мнѣ поручено подъ величайшимъ секретомъ. — Хорошо, посмотримъ, сказалъ ханъ и хлопнулъ въ ладоши; явилось тотчасъ нѣсколько татаръ, и судъ былъ короткій: несчастному сначала отрѣзали носъ, потомъ отрубили уши, вырвали глаза и вырѣзали языкъ. Измученный пыткой армянинъ былъ брошенъ въ полѣ, но, опомнившись, кое-какъ доползъ до Эчмιάдзина и все-таки исполнилъ порученіе. Оттуда дали знать, что небольшой гарнизонъ, разграбивъ монастырь, отступилъ на Абаранскую равнину, гдѣ собрана вся персидская конница, предававшая уничтоженію всѣ продовольственныя средства страны и перегонявшая армянъ на правый берегъ Аракса.

11-го апрѣля войска двинулись дальше и въ этотъ день ночевали у Мирака, а на другой день около 10-ти часовъ прибыли къ урочищу Судагенту. Трудная дорога, грязь, безпрестанные дожди и снѣга, при дурномъ кормѣ, до того изнурили подъемныхъ лошадей, что генераль-адъютантъ Бенкендорфъ оставилъ обозы на небольшой отдыхъ въ Судагентѣ подъ прикрытіемъ 1500 пѣхоты, 300 казаковъ и 4-хъ орудій, а самъ налегкахъ съ остальными войсками двинулся къ Эчмιάдзину.

13-го апрѣля среди пустынной непріятельской страны внезапно показались высокіе куполы христіанскихъ церквей. Это былъ Эчмιάдзинъ. Вблизи наружность его однако же не поражала ни богатствомъ, ни красотой. Массивныя прочныя зданія носили яркій отпечатокъ прожитыхъ ими вѣковъ и смотрѣли угрюмо и мрачно; въ сравненіи съ русскими монастырями и лаврами Эчмιάдзинъ являлся бѣднымъ, хотя и величественнымъ памятникомъ первыхъ временъ христіанства.

За то въ окрестностяхъ монастыря открывалась дивная картина: на сѣверѣ серебрянымъ вѣнцомъ сверкали снѣга Алагеза; на востокъ въ туманныхъ очертаніяхъ виднѣлась знаменитая Эриванская крѣпость, прославленная русскимъ оружіемъ, а вдали, на югѣ, выдѣляясь на знойной синевѣ горизонта, вставали сѣдыя вершины библейскаго Арарата. Эти мѣста для русскихъ были полны

историческихъ воспоминаній. Здѣсь подвизался пылкій Циціановъ, здѣсь въ кровавомъ бою, на стѣнахъ неприступной Эривани, полегла костью храбрая дружина Гудовича; здѣсь праздновали свои набѣги Несвѣтаевъ, Портнягинъ, Симоновичъ; на этихъ самыхъ поляхъ, гремѣло русское „ура“, и казалось тѣни погибшихъ здѣсь предковъ витали надъ головами новыхъ баталіоновъ въ прозрачной синевѣ безоблачнаго неба.

Благоговѣйная тишина, невольно водворившаяся въ рядахъ, прервалась вдругъ ударомъ соборнаго колокола, и мѣрно потекли по окрестностямъ его могучіе звуки. Въ торжественномъ облаченіи вышло изъ воротъ Эчміадзина немногочисленное духовенство монастыря на встрѣчу своему архипастырю и русскому отряду съ привѣтственными кликами: „Да здравствуетъ Николай—государь и повелитель Арменіи!“ Бенкендорфъ сошелъ съ лошади и принялъ благословеніе иноковъ и приложился къ чудотворной иконѣ Спасителя.

„Возсіялъ день избавленія,—сказалъ маститый архипастырь Нерсесъ, обращаясь къ эчміадзинскому монашеству—и вѣковая слава Арменіи вновь оживаетъ на землѣ подъ сѣнью креста, съ которымъ идутъ къ намъ русскіе братья. Въ призывномъ голосѣ вождя ихъ мы видимъ указаніе Бога, располагающаго судьбами царствъ и народовъ. Внимайте этому голосу и днесъ, аще, услышите его не ожесточите сердецъ вашихъ!“

Онъ облачился въ святительскія ризы и молился о родинѣ, о ниспосланіи ей долгихъ и счастливыхъ дней подъ мощнымъ покровомъ Россіи, молился о томъ, чтобы армянскій народъ „оказался достойнымъ своего бытія и воскресенія изъ мертвыхъ“. Такъ совершилось занятіе русскими войсками Эчміадзина, этого центра духовной и религіозной жизни армянскаго народа, въ то время какъ съ противоположнаго берега Абарани зорко слѣдилъ за нами сильный конный отрядъ, во главѣ котораго стоялъ Измаилъ-ага, одинъ изъ старѣйшинъ куртинцевъ.

Монастырь представлялъ теперь пустынный видъ: ворота его были завалены камнями и изъ всего эчміадзинскаго монашества осталось только 22 человекъ, а остальные всѣ увезены были въ Эривань; какъ не торопился отрядъ Бенкендорфа, онъ всетаки

опоздалъ и большинство населенія было переселено за Араксъ. Въ опустѣвшемъ краѣ нечѣмъ было довольствоваться войска; надежды на богатые запасы Эчміадзина также исчезли, а на скорое прибытіе транспортовъ изъ Грузіи нельзя было рассчитывать. Монахи указывали впрочемъ на двѣ деревни нижнія и верхнія Айгланлы, покинутыя жителями, гдѣ по ихъ соображеніямъ должно было быть значительное количество хлѣба, зарытаго въ землю. Чтобы разыскать его, Бенкендорфъ послалъ двѣ роты Ширванскаго полка подъ командою маіора Юдина.

Нижнія Айгланлы оказались занятыми персіянами. Укрѣпившись въ садахъ, за высокими глиняными стѣнами, непріятель встрѣтилъ ширванцевъ сильнымъ огнемъ, но маіоръ Юдинъ повелъ рѣшительное наступленіе и взялъ деревню. Войска перерыли сакли, осмотрѣли окрестности, но нигдѣ не было ни зерна хлѣба. Между тѣмъ на помощь къ Юдину подошли остальные роты его баталіона и двѣ роты карабинеровъ съ сотнею казаковъ и однимъ орудіемъ. Тогда онъ рѣшилъ двинуться въ верхнія Айгланлы, но на пути этотъ отрядъ встрѣтила сильная куртинская конница. Волнистая мѣстность скрывала силы непріятеля, но видно было, что курды не намѣрены уступить своей позиціи безъ боя и едва отрядъ тронулся, какъ завязалась горячая перестрѣлка. Бѣшенно носились по полю курды на своихъ кровныхъ жеребцахъ, сверкая оружіемъ и крутя надъ головами гибкія пики. Видъ былъ поражающій, способный на первыхъ парахъ озадачить противника. Донцы поддались этому впечатлѣнію и каждый разъ, когда на нихъ налетала куртинская конница, давали тылъ. Кучки застрѣльщиковъ также невольно сжимались плотнѣе. Все это не остановило, однако, наступленія отряда къ верхнимъ Айгланлы, которыя оказались также пусты, какъ нижнія и маіору Юдину пришлось возвратиться въ Эчміадзинъ безъ всякихъ запасовъ. Изъ этой небольшой экспедиціи Бенкендорфъ вынесъ, какъ писалъ онъ, печальныя убѣжденія „что донскіе казаки не могутъ противостоять пылкости куртинскихъ наѣздниковъ“ <sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> Щербатовъ. Генераль-фельдмаршалъ Паскевичъ, стр. 234. Журналъ Паскевича съ 19-го по 24-е апрѣля 1827 года.

Недостатокъ продовольствія, угрожавшій голодомъ всему авангарду, вызывали серьезныя опасенія, встревожившія Паскевича. Навигация по Каспійскому морю еще не открывалась и транспортировка запасовъ изъ Баку черезъ Зардобъ и Карабагъ не могла быть организована; въ Грузіи много запасовъ и перевозочныхъ средствъ достать было невозможно; съ большимъ трудомъ удалось собрать со всей Грузіи только 800 аробъ и отправить ихъ съ продовольствіемъ къ Эчміадзину. Но этотъ арбяной транспортъ, вслѣдствіе трудности пути, окончательно останавилъ всякое другое движеніе. „По горѣ Акзибіюкъ,—доносилъ офицеръ, сопровождавшій транспортъ,—тянутся всѣ 800 аробъ и вся дорога между Шулаверами и Джелаль-Оглы загорожена ими; отъ непрерывныхъ дождей пути испортились такъ, что головныя арбы, вышедшія изъ Шулаверъ 24-го апрѣля, прибыли въ Джелаль-Оглы только 4-го мая, т. е. въ 11-ть дней сдѣлали всего 56 верстъ“. Тогда Паскевичъ прибѣгнулъ къ другой мѣрѣ и сформировалъ два вычужныхъ транспорта: одинъ—на волахъ, другой—на 800 лошадяхъ 1-го и 4-го Черноморскихъ конныхъ полковъ и немедленно отправилъ ихъ въ Эчміадзинъ подъ прикрытіемъ одного баталіона 39-го Егерскаго полка и двухъ легкихъ орудій 20-й артиллерійской бригады. Последнею мѣрою имѣлось въ виду также усилить отрядъ Бенкендорфа двумя боевыми казачьими полками, видѣвшими у себя на Кубани и не такого непріятеля, какъ курды.

Но пока транспорты медленно двигались по своему назначенію, отрядъ генераль-адъютанта Бенкендорфа не могъ оставаться безъ продовольствія и долженъ былъ попытаться искать его въ окрестностяхъ персидской крѣпости Сардаръ-Абада съ тѣмъ, что если не будетъ возможности овладѣть самою крѣпостью, то направить особую колонну черезъ с. Талынъ къ р. Арпачаю и добыть съѣстные припасы изъ Карскаго пашалыка.

16-го апрѣля Бенкендорфъ, оставивъ въ Эчміадзинѣ гарнизонъ изъ одного баталіона Ширванскаго полка и сотни донскихъ казаковъ съ двумя орудіями, всѣ тяжести и слабыхъ людей, съ остальными войсками выступилъ въ походъ. Въ 12-ти верстахъ отъ Эчміадзина находилось урочище Карасу-Баши, болотистое и густо

заросшее крупнымъ камышемъ. Тамъ ожидала русскихъ опять отборная куртинская конница, подъ личнымъ начальствомъ Измаиль-хана Айлюкского. Она стояла на высотахъ около истоковъ рѣчки Кара-су.

Бенкендорфу въ первый разъ пришлось наблюдать здѣсь эту типичную восточную конницу и своимъ опытнымъ глазомъ онъ видѣлъ, что нравственная сила не на сторонѣ разбойничьяго племени. Пользуясь громадной популярностью среди донского войска еще со временъ наполеоновскихъ войнъ, онъ съ большимъ умѣньемъ всегда вліялъ на нравственную сторону казаковъ. „Безграничное самолюбіе,—писалъ онъ однажды императору Александру I-му съ театра своихъ партизанскихъ дѣйствій,—есть одно изъ отличительнѣйшихъ свойствъ казаковъ, и я этимъ пользуюсь“. Онъ и теперь прибѣгнулъ къ тому же испытанному имъ вѣрному средству. Горячая рѣчь его заставила казаковъ устыдиться малодушія, выказаннаго ими въ послѣднемъ дѣлѣ, и они готовы были на все. По его командѣ, три донскихъ сотни полковника Карпова полка, развернувъ фронтъ, бросились въ пики на непріятеля; за ними двинулись двѣ донскія сотни изъ полка полковника Андреева, обходя правый флангъ куртинцевъ; двѣ роты тифлисцевъ съ однимъ орудіемъ, поддерживавшіе это движеніе, не желая отстать отъ конницы и хватаясь за стремена, бѣжали наряду съ казаками. На этотъ разъ донцы съ необычайнымъ пыломъ ударили на курдовъ. Полковникъ Карповъ первый врѣзался въ ихъ ряды и увлекъ за собою казаковъ. Изумленные столь неожиданнымъ ударомъ, курды понеслись назадъ, не успѣвая даже подбирать тѣла убитыхъ. Самъ Измаильханъ, видя пораженія центра, бросился въ толпу, чтобы остановить бѣгущихъ, но въ эту минуту на него налетѣлъ урядникъ Кульгинъ и ударомъ пики сбиль его съ лошади. Храбрый Измаильханъ очутился въ плѣну.

Въ то же время весь правый флангъ непріятеля былъ сбитъ двумя казачьими сотнями, которыя повелъ въ атаку подполковникъ Андреевъ; тифлисцы, подоспѣвшіе съ орудіемъ, усилили поражение бѣглымъ огнемъ и картечью. День этотъ стоилъ намъ только двухъ казаковъ убитыми и семнадцать ранеными. „Казакъ,—писалъ объ

этомъ сраженіи Дибичъ государю,—горя желаніемъ загладить неудачу, понесенную ими въ дѣлѣ при Айгланлы, съ невѣроятнымъ мужествомъ бросились на курдовъ, въ одно мгновеніе опрокинули ихъ и гнали почти до воротъ Сардаръ-Абада“.

Пока донцы управлялись съ курдами, подошелъ весь отрядъ. Наступилъ уже темный вечеръ, когда вдали передъ нами обрисовалась какая то огромная черная масса, рельефно выдѣлавшаяся на темномъ фонѣ неба. То были стѣны Сардаръ-Абада. Отрядъ остановился и расположился бивакомъ въ виду крѣпости. На другой день утромъ генераль-адъютантъ Бенкендорфъ послалъ парламентаря съ требованіемъ сдачи крѣпости; но, получивъ отказъ, выдвинулъ впередъ батарею и открылъ огонь. Непріятель съ своей стороны отвѣчалъ учащенной пальбой изъ всѣхъ орудій. Въ крѣпости вспыхнулъ пожаръ, всѣ войска ожидали штурма, но Бенкендорфъ, удостоившись въ силѣ укрѣпленій, ограничился рекогносцировкой и на слѣдующій день отошелъ къ Эчміадзину. Вопросъ о продовольствіи остался не рѣшеннымъ и приходилось принять другія мѣры. За покупкою хлѣба у турокъ, на Арпачай былъ посланъ князь полковникъ Севарсамидзе съ шестью ротами пѣхоты, казачьимъ полкомъ и тремя орудіями. Съ своей стороны генераль-адъютантъ Паскевичъ отправилъ поручика Блома въ Эрзерумъ къ сераскиру, чтобы получить отъ него разрѣшеніе на покупку припасовъ во владѣніяхъ султана. Но сераскиръ отказалъ, сославшись на то, что Турція находится въ дружескихъ сношеніяхъ съ Россіей и Персіей и потому помогать той или другой сторонѣ онъ считаетъ противнымъ международному праву.

Неудача эта усложнилась еще тѣмъ, что казачій конвой, сопровождавшій Блома до турецкой границы, на возвратномъ пути былъ атакованъ въ окрестностяхъ Цалки, какою то скитавшеюся шайкою турецкихъ разбойниковъ и погибъ въ неравной борьбѣ. Изъ семнадцати донцовъ—сотникъ Нероновъ и семь казаковъ были изрублены, пять раненыхъ захвачены въ плѣнъ и только четверемъ казакамъ удалось спастись въ густыхъ камышахъ Топорванскаго озера. Также мало успѣха имѣлъ и князь Севарсамидзе въ своихъ сношеніяхъ съ карсскимъ пашею; онъ съ трудомъ досталъ хлѣба

только для своего отряда. Положеніе становилось критическимъ, но 23-го апрѣля прибылъ, наконецъ, давно ожидаемый воловий вьючный транспортъ изъ Грузіи, и войска, обезпеченные 10-ти-дневнымъ запасомъ довольствія, двинулись къ крѣпости Эривани.

На другой день авангардъ, переправившись въ бродъ черезъ р. Зангу, поднялся на прибрежныя высоты. Знаменитая крѣпость, стоившая намъ въ минувшія войны немало крови, находилась верстахъ въ тридцати отъ Эчміадзина, на скалистомъ возвышенномъ берегу рѣчки Занги. Эриванскія крѣпостныя верки были слишкомъ сильны, чтобы страшиться атаки малочисленного стряда генерала Бенкендорфа, но онъ могъ блокировать крѣпость и подорвать ея нравственныя силы до тѣхъ поръ, пока придутъ главныя силы Паскевича. Въ роковое утро, 24-го апрѣля, персидскіе развѣзды прискакали съ извѣстіемъ, что русскіе уже приближаются къ крѣпости. Навстрѣчу отряду выѣхала эриванская конница, которая съ приближеніемъ нашихъ войскъ, отступила къ крѣпости и, войдя въ сферу орудійныхъ выстрѣловъ съ ея стѣнъ, спѣшила и заняла ближайшія сады, пытаясь остановить наступленіе. Вездѣ однако же непріятель былъ сбитъ стрѣлками двухъ ротъ Грузинскаго гренадерскаго полка, которыя на глазахъ эриванскаго гарнизона заняли высокий курганъ Муханатъ-тапа, лежавшій противъ юго-восточнаго угла крѣпости. Къ вечеру, послѣ горячаго боя, предмѣстья и большая часть садовъ, окружавшихъ Эривань, перешла въ наши руки.

Для блокады Эривани войска расположились слѣдующимъ образомъ: три роты Тифлискаго полка сстались въ Эчміадзинѣ, гдѣ собраны были больные и всѣ лишнія тяжести авангарда. Противъ южнаго фаса крѣпости стали лагеремъ Грузинскій гренадерскій полкъ съ тремя орудіями и часть донскихъ казачьихъ Андреева и Карпова полковъ; здѣсь же помѣстилась главная квартира генералъ-адъютанта Бенкендорфа. Далѣе курганъ Муханатъ-тапа заняла одна рота 7-го Карабинернаго полка и сотня донскихъ казаковъ; противъ восточнаго фаса стоялъ второй баталіонъ Ширванскаго полка съ двумя орудіями, подъ командою подполковника Волжинскаго, а между ширванцами и карабинерами, для связи между ними, расположилась одна рота Тифлискаго полка. Затѣмъ, про-

тивъ сѣвернаго фаса дѣйствовалъ первый баталіонъ Ширванскаго полка съ четырьма орудіями подъ командою маіора Юдина, а противъ западнаго, по ту сторону Занги, на Иракліевой горѣ—стали остальные три роты карабинеровъ съ двумя орудіями и пятьдесятъ донскихъ казаковъ подъ командою маіора Хомутскаго. Отъ послѣдняго отряда выставлялся постъ для охраны моста черезъ рѣчку Зангу.

Первая недѣля блокады прошла среди ежедневныхъ перестрѣлокъ и не было ни одной попытки персіянъ прорвать блокадную линію русскихъ. Но въ ночь на 30-е апрѣля сильныя партіи персидской конницы внезапно бросилась на пикетъ, охранявшій мостъ черезъ Зангу. По первымъ выстрѣламъ гарнизонъ крѣпости въ свою очередь сдѣлалъ сильную вылазку и постъ былъ окруженъ густыми толпами непріятеля. Пятьдесятъ карабинеровъ съ поручикомъ Петровымъ заняли бугоръ недалеко отъ моста и здѣсь выдержали геройскій бой съ непріателемъ, въ двадцать разъ превосходившій ихъ числомъ. Когда подошли подкрѣпленія, поручикъ Петровъ уже отбилъ нападеніе: сарбазы возвратились въ крѣпость, а конница ушла на ту сторону Занги.

Какъ ни ничтожна была сама по себѣ эта попытка, но она наводила на мысль, что курды стоятъ гдѣ-нибудь поблизости. Оказалось, что Гассанъ-ханъ дѣйствительно выступилъ изъ Сардаръ-Абада со всей своей конницей, и наши казачьи разъѣзды видѣли большіе огни за Араксомъ. Предвидѣніе Ермолова сбывалось и въ этомъ случаѣ; онъ утверждалъ въ свое время, что персидская конница не будетъ сидѣть за стѣнами крѣпости, а выйдетъ въ поле и примется уничтожать обозы, транспорты и все, что двигалось у насъ въ тылу. „Не трудно будетъ прогонять ее за Араксъ — писалъ онъ,—но также легко будетъ она возвращаться и дѣйствовать въ тылу“. Для противодѣйствія Гассанъ-хану нужна была сильная кавалерія и Бенкендорфъ требовалъ, чтобы къ нему прислали Нижегородскій драгунскій полкъ или одну бригаду 2-й уланской дивизіи съ конною артиллерією. Нижегородцы также какъ и уланы стояли еще на зимовыхъ квартирахъ и прибыть скоро не могли. Но въ это время уже прибыли въ лагерь два черноморскіе кон-



ные полки, доставившіе изъ Грузіи провіантскій транспортъ на своихъ лошадахъ, и Бенкендорфъ воспользовался ими, чтобы заставить Гассанъ-хана держаться дальше отъ блокадной линіи.

8-го мая въ полночь оба черноморскіе и одинъ донской казачьи полки выступили изъ лагеря. Гассанъ-ханъ, стоявшій лагеремъ въ углу, образуемомъ сліяніемъ р.р. Аракса и Занги, тотчасъ отступилъ и занялъ другую позицію за глубокой и быстрой рѣчкой Абаранъ, черезъ которую вовсе не было бродовъ. Медлить атакой было, однако, невозможно, и полковникъ Карповъ, достаточно уже знакомый съ тактикой персидской кавалеріи по прежнимъ дѣламъ, во главѣ полка первый бросился вплавъ.

Абаранъ неслась съ страшной быстротой и лошадей относило теченіемъ далеко въ сторону. Вода доходила до груди казаковъ, и на поверхности ея виднѣлись только конскія головы, да казацкія шапки. Но донцы приближались все ближе и ближе къ берегу, а за ними слѣдовали грозные черноморскіе полки. Едва донцы выскочили на берегъ, какъ на нихъ обрушилась разомъ вся куртинская конница. Въ эту минуту подоспѣла черноморская бригада и дружнымъ ударомъ „на сломъ“ опрокинула курдовъ. Тогда началось страшное побоище непріятеля. Волны Аракса поглощали тѣхъ, которые пытались переплыть на его правый берегъ, а казачьи пики уничтожали все, что спасалось по лѣвому берегу. Жестокое преслѣдованіе продолжалось до самаго Сардаръ-Абада. Часть непріятельской конницы успѣла вскочить въ крѣпостныя ворота, другая, отбитая въ сторону, загнана была въ турецкія владѣнія. У насъ потерю непріятеля считали въ 300 человекъ, но впослѣдствіи курды сами говорили, что лишились убитыми и утонувшими болѣе 600 всадниковъ и въ томъ числѣ многихъ важныхъ лицъ изъ персидской Карадагской провинціи и Хоя. Въ плѣнъ взято было 53 человекъ—всѣ раненые, и въ томъ числѣ тестъ самого эриванскаго сардаря; лошадей захвачено было множество и даже вьюки Гассанъ-хана остались въ нашихъ рукахъ.

Разбитый на Абаранъ, Гассанъ-ханъ съ необычайною быстротою успѣлъ собрать новый пятитысячный конный отрядъ и сталъ за Араксомъ у Бей-Булаха въ самомъ центрѣ армянскаго населе-

нія. Здѣсь онъ принялся опустошать провинцію, жечь армянскія деревни, истреблять хлѣба и избивать тѣхъ армянъ и татаръ, которые занимались поливкой поствовъ вопреки волѣ сардаря. Гассанъ-ханъ примѣнялъ систему войны самую опасную для блокадныхъ войскъ и нельзя было не удивляться его энергіи и военной опытности, которыми онъ, какъ выражается Паскевичъ, „далеко превосходилъ опрометчивые расчеты наслѣднаго принца“. Гарнизонъ съ своей стороны проявлялъ необычайную дѣятельность и частыми вылазками старался приковать вниманіе русскихъ войскъ къ крѣпости, чтобы тѣмъ дать Гассанъ-хану полную свободу дѣйствій.

Бенкендорфу предстояло или продолжать блокаду крѣпости, подъ угрозой вѣчныхъ нападеній, или преслѣдовать Гассанъ-хана, ежедневно мѣнявшаго мѣста своего расположенія. Отходить далеко мы не имѣли возможности, но тѣмъ не менѣе,—вся русская конница приблизилась къ Араксу и стала. высылать отъ себя летучія партіи. Мѣра эта принесла большую пользу, такъ какъ въ теченіе нѣсколькихъ дней перехвачено было множество вьюковъ, пробиравшихся въ крѣпость съ пшеницей, рисомъ и другими продуктами. Небольшія партіи, сопровождавшія ихъ, или истреблялись или захватывались въ плѣнъ казаками. Эти или другія обстоятельства заставили Гассанъ-хана покинуть, наконецъ, Бей-Булахъ и двинуться внизъ, къ сторонѣ Сардаръ-Абада. Для раскрытія его намѣренія, Бенкендорфъ самъ перешелъ Араксъ и 25-го мая выслалъ впередъ три сотни черноморскихъ казаковъ, подъ командою войскового старшины Вержбицкаго. Послѣдній скоро далъ знать, что онъ на слѣду непріятели и на помощь къ нему немедленно отправленъ былъ донской казачій полкъ подполковника Карпова. Но прежде чѣмъ подоспѣла эта помощь, катастрофа уже совершилась.

Увлеченный храбростью, Вержбицкій, старый и опытный воинъ, одинъ изъ лучшихъ представителей Черноморскаго войска, на этотъ разъ вдался въ обманъ и, преслѣдуя уходящую отъ него небольшую партію курдовъ, попалъ на засаду. Среди глухихъ овраговъ, гдѣ невозможно было даже развернуться, три черноморскія сотни, внезапно очутились охваченныя всею пятитысячною

конницей Гассанъ-хана. Казаки замѣтили опасность только тогда, когда уходить изъ-подъ ударовъ уже было поздно. Самъ Вержбицкій, донской сотникъ Ушаковъ и съ ними болѣе ста черноморцевъ были изрублены; остальные въ безпорядкѣ поскакали назадъ. Пораженіе было бы еще рѣшительнѣе, если бы въ этотъ моментъ не подоспѣлъ полковникъ Карповъ съ донскими казаками. Онъ остановилъ курдовъ и далъ возможность остаткамъ черноморскихъ сотенъ выбраться изъ западни.

Одушевленный успѣхомъ, Гассанъ-ханъ самъ перешелъ Араксъ и напалъ на татарскія селенія, чтобы перегнать ихъ въ Персію. Бенкендорфъ подоспѣлъ во время чтобы отстоять татаръ, но Гассанъ-ханъ уклонился отъ боя и, снова уйдя за Араксъ, принялъ угрожающее положеніе. Армяне передавали, что онъ замышлялъ набѣгъ на русскія сообщенія, намѣреваясь пройти съ огнемъ и мечемъ до самыхъ Гумръ, а оттуда черезъ Джалалъ-Оглы и Башкичетъ до Цалки. 1500 всадниковъ, предводимыхъ Джафаромъ и Наги-ханомъ, уже были готовы въ походъ. Бенкендорфъ не имѣлъ никакихъ средствъ предотвратить опасность и возвратился въ лагерь, донеся обо всемъ Паскевичу. Но въ это время началось уже движеніе главныхъ силъ къ Эчміадзину и на Лорійской степи успѣли принять мѣры къ отраженію опасности. Узнавъ, что войска стоять во многихъ пунктахъ для охраны жителей во время ихъ полевыхъ работъ, Гассанъ-ханъ пріостановилъ набѣгъ и предпріятіе его разстроилось.

Между тѣмъ блокадныя дѣйствія подъ Эриванью шли своимъ чередомъ, и русскія батареи время отъ времени громили ея вѣковыя стѣны. Но положеніе обѣихъ сторонъ было тяжелое. Знойные іюньскіе дни отразились одинаково на обоихъ противникахъ. Малочисленный, ослабленный болѣзнями, отрядъ Бенкендорфа не могъ предпринять рѣшительныхъ дѣйствій противъ крѣпости, а въ крѣпости, между тѣмъ, среди эриванскаго гарнизона сталъ ощущаться недостатокъ жизненныхъ припасовъ и развелась гнилая горячка, отъ которой смертность достигала ужасающей цифры. Вылазки почти прекратились. Напрасно эриванскій сардаръ, стараясь ободрить гарнизонъ, указывалъ на прежнія блокады, говоря, что русскіе скоро

отойдутъ отъ крѣпости; но онъ самъ мало этому вѣрилъ и началъ отправлять изъ города въ Казвинъ всѣ драгоцѣнности и въ томъ числѣ золотую луну, снятую съ главной эриванской мечети. Ходили даже слухи, что онъ намѣревался съ небольшимъ конвоемъ прорваться изъ Эривани, и Бенкендорфъ обѣщалъ 500 червонцевъ тому, кто схватитъ его живого.

Такъ прошло время до 15-го іюня, когда подъ Эривань прибылъ генераль-адъютантъ Паскевичъ.

— — — — —

## Глава XI.

Мѣры къ обезпеченію продовольствіемъ дѣйствующаго корпуса. — Движеніе главныхъ силъ къ Эривани. — Приѣздъ Паскевича. — Снятіе блокады Эривани. — Движеніе главныхъ силъ съ Паскевичемъ къ Нахичевани. — Осада и бомбардированіе крѣпости Аббасъ-Абада. — Джеванъ-Булахское сраженіе. — Сдача Аббасъ-Абада. — Настроеніе и планы шаха. — Перенесеніе лагеря главныхъ силъ въ горы къ Кара-баба.

---

Блокада Эривани выяснила всѣ неблагопріятныя послѣдствія ранняго открытія кампаніи, непредвидѣнныя въ должной мѣрѣ ни Паскевичемъ, ни Дибичемъ. Оказалось, что вся страна отъ нашей границы до самаго Аракса обращена въ безлюдную пустыню и продовольствія нельзя было нигдѣ достать. Генераль-адъютантъ Паскевичъ первоначально предполагалъ выступить съ главными силами вслѣдъ за авангардомъ, рассчитывая въ началѣ мая быть уже подъ Эриванью. Но, получая отъ генераль-адъютанта Бенкендорфа, а также изъ карабагскаго отряда весьма неутѣшительныя извѣстія о полномъ недостаткѣ продовольствія, ему пришлось отложить наступленіе главныхъ силъ и заняться предварительно устройствомъ базы и сосредоточеніемъ на ней запасовъ. Еще въ началѣ апрѣля Паскевичъ началъ формировать „подвижные магазины“ на обоихъ флангахъ дѣйствующихъ войскъ. На лѣвомъ флангѣ—въ Зардобѣ, на Курѣ, устраивался главный запасный магазинъ, куда свозился на подводахъ провіантъ изъ Кубинскаго и Ширванскаго ханствъ и сплавлялись на киржихахъ по Курѣ всѣ запасы, подвозимые моремъ изъ Астрахани къ Сальянамъ и Божьему Промыслу. Изъ Зардоба запасы перевозились на волахъ въ Герюсы, гдѣ устраивался второй магазинъ. Изъ постоянного магазина въ Герюсахъ запасы поднималъ „подвижный магазинъ“, т. е. транспортъ, который долженъ былъ слѣдовать къ Нахичевани, какъ только главныя силы Паскевича пройдутъ Эриванское ханство и займутъ этотъ городъ. Мѣстному населенію приказано было разработать дорогу отъ Шу-

ши черезъ Герюсы къ Нахичевани. Запасы зардобскаго и герюскаго магазиновъ предназначались для довольствія главныхъ силъ Паскевича при движеніи его за Араксъ къ Тавризу, а для нуждъ собственно карабагскаго отряда устраивался особый магазинъ въ Ахъ-Огланѣ, снабжаемый мѣстными средствами Карабага. На правомъ флангѣ—въ Шулаверахъ сосредоточивались всѣ запасы и перевозочныя средства Грузіи, Кахетіи, Борчалы, Сомхетіи, Казаха и Шамшадилѣ; изъ Шулаверъ всѣ запасы долженъ былъ поднять „подвижный магазинъ“ и перевезти ихъ въ Эчміадзинъ, гдѣ предполагалось устроить главный складочный пунктъ продовольствія для войскъ, дѣйствующихъ подъ Эриванью. Каждый изъ этихъ магазиновъ поднималъ 8 тысячъ четвертей хлѣба, главнымъ образомъ сухарей.

Осадная артиллерія составляла особый транспортъ и должна была двигаться къ Эривани вслѣдъ за подвижнымъ магазиномъ, но въ началѣ апрѣля осадныя орудія, да и то безъ лафетовъ, отправленные изъ Риги, достигли только Гудаура на военно-грузинской дорогѣ.

Въ концѣ апрѣля главныя силы стали, наконецъ, сосредоточиваться у Шулаверъ, куда 13-го мая прибылъ и Паскевичъ. Войска въ это время находились уже въ движеніи. Еще 11-го мая стали выступать изъ Шулаверъ по-эшелонно полки: лейбъ-гвардіи сводный гвардейскій и Крымскій пѣхотный, баталіонъ 7-го Карабинернаго полка, 8-й піонерный баталіонъ, вся пѣшая артиллерія и инженерный паркъ, а вслѣдъ за ними 15-го мая двинулась и кавалерія. Но войска подвигались впередъ чрезвычайно медленно. Самъ Паскевичъ, ѣхавшій въ легкой коляскѣ, въ три дня сдѣлалъ едва 30 верстъ и добрался до Акзабіюкскаго поста. Отсюда онъ писалъ государю, что понимаетъ теперь, почему тяжелые транспорты проходили этотъ путь въ десять и болѣе дней. Изъ Гергеръ Паскевичъ поѣхалъ впередъ, приказавъ слѣдовать за собой на легкѣ только лейбъ-гвардіи сводному полку, полку донскихъ казаковъ и армянской сотнѣ съ двумя орудіями. Онъ торопился въ Эчміадзинъ, чтобы до прибытія войскъ ознакомиться на мѣстѣ съ положеніемъ дѣлъ и безотлагательно принять мѣры къ дальнѣйшему наступленію. 8-го іюня онъ былъ уже въ Эчміадзинѣ <sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> Щербатовъ. Генераль-фельдмаршалъ князь Паскевичъ, томъ II, глава VI.

Цѣлый рядъ рекогносцировокъ убѣдилъ Паскевича въ невозможности овладѣть Эриванью безъ осадной артиллеріи, а послѣдняя только 28-го іюня могла выступить изъ Тифлиса, а подъ Эривань прибыть лишь въ половинѣ августа.

„Вижу—писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ донесеній государю <sup>1)</sup>—что нельзя обойтись безъ правильной осады, и что не сдѣлавъ бреши, нельзя отважиться на приступъ. Крѣпость имѣетъ двѣ высокія параллельныя стѣны, узкое пространство между которыми представляетъ препятствіе еще труднѣйшее, чѣмъ самый ровъ, опоясывавшій крѣпость. Внутренняя стѣна уставлена орудіями, расположенными въ закрытыхъ башняхъ; наружная—имѣетъ бойницы и обороняется ружейнымъ огнемъ и фальконетами. Если бы полевые орудія и разбили сѣверную башню, то штурмовать эту брешь было бы сопряжено съ неимовѣрными трудностями, такъ какъ за нею вставала другая внутренняя стѣна, также увѣнчанная башнями. При такихъ условіяхъ успѣхъ былъ бы не вѣренъ, ибо осадныхъ средствъ у меня нѣтъ, а артиллерійскіе снаряды нужно беречь для рѣшительныхъ дѣйствій въ Нахичеванскомъ ханствѣ“.

Такимъ образомъ, самая необходимость заставляла Паскевича, сходно съ первоначальными предположеніями Ермолова, двинуться на нижній Араксъ и тамъ овладѣть сперва Нахичеванью, чтобы лишить эриванскій гарнизонъ возможности получить съ этой стороны какую-нибудь помощь. Кромѣ того, главныя силы Паскевича вообще не могли задерживаться долго въ Эриванскомъ ханствѣ, такъ какъ подвижный магазинъ праваго фланга и запасы въ Джелаль-Оглы были рассчитаны лишь на 5 тысячъ, дѣйствовавшихъ подъ Эриванью, а главнымъ силамъ приходилось спѣшить къ Нахичевани, чтобы довольствоваться запасами изъ магазина въ Герюсахъ.

На рѣшеніе Паскевича итти на Нахичевань безъ сомнѣнія имѣло вліяніе также и страшная болѣзненность, опустошавшая ряды войскъ, блокировавшихъ Эривань. „День ото дня,—писалъ онъ государю <sup>2)</sup>—я убѣждаюсь, что въ это время года невозможно бло-

<sup>1)</sup> Тамъ же. Журналъ военныхъ дѣйствій съ 16-го мая по 13-е іюня 1827 года.

<sup>2)</sup> Тамъ же. Приложение къ гл. 6. Журналъ командира Отдѣльнаго Кавказскаго корпуса отъ 13-го іюня 1827 г.

кировать крѣпость, ибо въ продолженіи 5-ти дней, какъ я здѣсь, уже свыше 400 человекъ больныхъ отправлено въ Эчміадзинъ. Изъ опыта молдавской кампаніи, я знаю какъ уменьшаются полки больныхъ и боюсь, чтобы войска не дошли до того, что нечѣмъ будетъ и осады дѣлать. Въ Молдавіи случалось, что изъ числа людей въ полку, три части были въ лазаретѣ и четвертая только во фронтѣ“. Всѣ эти обстоятельства заставили главнокомандующаго снять блокаду и расположить эриванскій отрядъ въ горахъ, въ здоровой мѣстности, гдѣ было бы достаточно воды и подножнаго корма; въ то же время онъ долженъ былъ прикрывать наши сообщенія съ Грузіей и имѣть возможность скоро поспѣвать по надобности къ Эривани, Эчміадзину и Сардаръ-Абаду.

Такъ безрезультатно окончилась для насъ двухмѣсячная блокада Эривани, стоившая, однако, намъ немало крови и жертвъ, унесенныхъ больными. Въ сущности вся эта блокада и пребываніе авангарда Бенкендорфа въ Эриванскомъ ханствѣ оказались совершенно безцѣльными и ненужными въ общемъ ходѣ военныхъ дѣйствій.

Рѣшеніе свое итти въ Нахичеванское ханство Паскевичъ немедленно началъ приводить въ исполненіе. 15-го іюня войска, бывшія подъ начальствомъ генераль-адъютанта Бенкендорфа, поступили въ составъ главныхъ силъ, а для наблюденія за Эриванью и прикрытія сообщеній дѣйствующаго корпуса оставлены были 1-я и 3-я бригады 20-й пѣхотной дивизіи (Севастопольскій и Крымскій пѣхотные и 39-й и 40-й Егерскіе полки, въ 2-хъ баталіонномъ составѣ каждый), 8-й Піонерный баталіонъ, два донскіе казачьи полки—Сергѣева и Андреева; 20-я артиллерійская бригада (всѣ три роты) и два орудія донской казачьей конно - артиллерійской № 3 роты. Всего 9 баталіоновъ, 12 сотенъ и 26 орудій. Для командованія эриванскимъ отрядомъ назначенъ былъ генераль-лейтенантъ Красовскій, бывший начальникъ корпуснаго штаба, отказавшійся отъ этой должности, вслѣдствіе непріятностей съ Паскевичемъ и по прежнему вступившій въ командованіе 20-й пѣхотной дивизіей. На мѣсто его начальникомъ штаба временно назначенъ былъ полковникъ Н. Н. Муравьевъ.



Передъ началомъ похода, главныя силы дѣйствующаго корпуса, подъ личнымъ начальствомъ генераль-адъютанта Паскевича, 14 баталіоновъ, двѣ піонерныя рты, 14 эскадроновъ, 6 казачьихъ полковъ и 42 орудія <sup>1)</sup>),—всего 4800 человекъ пѣхоты, 800 кавалеріи и 3000 казаковъ сосредоточились къ 19-му іюня на р. Гарни-чаѣ, и стали лагеремъ въ 25-ти верстахъ отъ Эривани.

О непріятель въ это время имѣлись у насъ довольно точныя свѣдѣнія. Вся персидская армія, еще не готовая къ походу, была разбросана на довольно большомъ пространствѣ: въ Хоѣ стоялъ наслѣдныи принцъ Аббасъ-Мирза съ 10-ти тысячнымъ корпусомъ, 10 тысячъ занимали Тавризь, а въ двухъ съ половиною переходахъ отъ него, въ Уджанѣ, были сосредоточены 20 тысячъ, подъ начальствомъ самого шаха; одинъ изъ шахскихъ сыновей съ отдѣльнымъ отрядомъ находился у Худаферинскаго моста; Гассанъ-ханъ съ куртинскою конницею попрежнему держался за Араксомъ, на границѣ Эриванскаго ханства. Такимъ образомъ, на всемъ

1) Всѣ войска главныхъ силъ корпуса были раздѣлены Паскевичемъ на двѣ дивизіи:

1-я дивизія—генераль-маіоръ князь *Видобольскій*.

<i>Пѣхота:</i>	Лейбъ-гвардіи своднаго полка . . . . .	2 баталіона.
	7-го Карабинернаго полка . . . . .	2 " "
	Херсонскаго гренадерскаго полка (при нихъ армянское ополченіе) .	2 " "
	8-го піонернаго баталіона . . . . .	2 роты.
<i>Кавалерія:</i>	Борисоглѣбскій и Серпуховскій уланскіе полки (по 4 эскадрона) .	8 эскадр.
<i>Артиллерія:</i>	Кавказской гренадерской артиллерійской бригады № 3 рота . .	8 орудій.
	Конно-артиллерійская № 13 рота . . . . .	8 " "

ИТОГО: 6 баталіоновъ, 2 роты, 8 эскадроновъ и 16 орудій.

2-я дивизія—генераль-лейтенантъ князь *Драгомиръ*.

<i>Пѣхота:</i>	Грузинскій гренадерскій полкъ . . . . .	4 баталіона.
	Ширванскаго пѣхотнаго полка . . . . .	2 " "
	Тифлискаго " " . . . . .	2 " "
<i>Кавалерія:</i>	Нижегородскій драгунскій полкъ . . . . .	6 эскадр.
<i>Казачьи полки:</i>	подъ общимъ начальствомъ походнаго атамана генераль-лейтенанта Иловайскаго.	

*Донскіе полки:*

1-й—Иловайскаго, 2-й—Карпова, 3-й—Шамшева и 4-й—Леонова . 4 полка.

*Черноморскаго казачьяго войска:*

Два Черноморскіе полка . . . . . 2 полка.

<i>Артиллерія:</i>	Кавказской гренадерской артиллерійской бригады № 1-я батареіная и № 2-я легкая роты (по 8-ми орудій) . . . . .	16 орудій.
	Донская казачья конно-артиллерійская № 3-я рота . . . . .	10 орудій.

ИТОГО: 8 баталіоновъ, 6 эскадроновъ, 6 казачьихъ полковъ и 26 орудій.

пути до Нахичевани нельзя было рассчитывать на встрѣчу съ сильнымъ противникомъ, но тѣмъ не менѣе, предстоявшій походъ могъ представить едва преоборимыя трудности въ другихъ отношеніяхъ. Передъ войсками лежала совершенно почти обезлюдѣвшая страна. До прихода русскихъ войскъ, Эриванское ханство населяло до 20-ти тысячъ жителей армянъ, а также частью кочевыхъ, частью осѣдлыхъ татаръ и курдовъ. Теперь всѣ осѣдлые жители угнаны были за Араксъ, чтобы оставить поля невоздѣланными и этимъ лишить русскихъ возможности продовольствоваться средствами края. Кочующіе татары, поднятые со своихъ пастбищныхъ мѣстъ, также покинули свои кочевья; часть ихъ перешла въ Турцію, но большинство осталось въ персидскихъ предѣлахъ; многіе поступили всадниками въ конницу Гассанъ-хана; другіе укрывались въ горахъ; третьи разбили свои становища по правую сторону Аракса. Изъ всѣхъ ихъ составилъ новый врагъ, не лишенный серьезнаго значенія.

21-го юня главныя силы дѣйствующаго корпуса двинулись, наконецъ, въ походъ. Весь путь отъ Гарни-чая до Нахичевани, въ 72 версты, пролегалъ низменною долиною р. Аракса, отличающейся знойнымъ, удушливымъ климатомъ. Наступила уже страшная жара, доходившая до 33° Р. въ тѣни; каменистая почва раскалилась; мельчайшая пыль набивалась въ уши и носъ, и яркое солнце ослѣпляло глаза; воды, годной для питья, почти не было, такъ какъ всѣ попутныя рѣчки пересохи или разошлись по оросительнымъ канавамъ. Утомительный походъ продолжался съ недѣлю и съ каждымъ переходомъ число больныхъ увеличивалось: на пятый день похода ихъ было 700, а на седьмой—возросло свыше одной тысячи человѣкъ. Ужасный, непривычный климатъ для русскихъ отзывался не только на людяхъ, но и на животныхъ: лошади прекрасной уланской бригады, выдержанныя въ конюшняхъ военныхъ поселеній, скоро пришли въ сильное изнуреніе.

Непріятель во все время похода нигдѣ не показывался, и только у самой Нахичевани встрѣтилъ насъ довольно значительный отрядъ персидской конницы. Но одно появленіе Нижегородскаго полка и уланъ заставило персіянъ отступить, и Нахичевань,—одинъ



**ПЛАНЪ**  
**КРѢПОСТИ АБАСЪ АБАДА,**  
 СЪ ПОКАЗАНІЕМЪ ПРОИЗВЕДЕННОЙ АТАКИ,  
 ПОДЪ НАЧАЛЬСТВОМЪ ГЕНЕРАЛЬ-АДЪЮТАНТА  
**ПАСКЕВИЧА.**

Масштабъ.  
 50 40 30 20 10 0 50 100 150 200 М.



**Изъясненіе:**

а. Армянская церковь.  
 б. Ханский домъ.  
 в. Мечеть.  
 г. Казарны.  
 д. Пороховой погребъ.

е. Кавальеры.  
 ж. Кварталы.  
 з. Эпохментъ для прикры-  
 тія арбалного моста.  
 и. Тень-де-нонь.

А. Первая параллель съ батареями, устроенная 2<sup>го</sup> и 3<sup>го</sup> іюля.  
 Б. Демонтиръ-батарея на 12 и В-оренъ-батарея на 6 орудій.  
 В. Редутъ на 6 конныхъ орудій, устроенный вооруженный въ ночь на 4<sup>го</sup> іюля.  
 Г. Вторая параллель, заложенная въ ночь на 4<sup>го</sup> іюля.  
 Д. Батареи, вооруженныя въ ночь на 7<sup>го</sup> іюля.



изъ древнѣйшихъ городовъ Арменіи, сдалась безъ боя. Жители—христіане встрѣтили русскихъ весьма дружелюбно. какъ своихъ избавителей, но правитель города, Керимъ-ханъ со всѣми городскими властями бѣжалъ къ персіянамъ; жители сосѣднихъ горныхъ округовъ явились съ изъявленіемъ покорности, но этого было еще недостаточно для полного умиротворенія края.

Въ 10-ти верстахъ къ юго-западу отъ Нахичевани, на лѣвомъ берегу Аракса, стояла крѣпость Аббасъ-Абадъ, построенная Аббасъ-Мирзою по указаніямъ англійскихъ инженеровъ. Она представляла собой пятиугольникъ бастионнаго начертанія, примкнутый болѣе длиннымъ фасомъ къ Араксу; надъ брустверомъ, между амбразурами, возвышалась глиняная стѣна съ бойницами въ два ряда; крѣпостной ровъ, въ  $2\frac{1}{2}$  сажени ширины и 2 сажени глубины, съ каменными эскарпомъ и контръ-эскарпомъ, имѣлъ фланговую оборону; гласисъ и прикрытый путь были также приспособлены къ оборонѣ. На валахъ крѣпости стояли 18 орудій, а гарнизонъ ея, подъ начальствомъ шахскаго зятя, Мамедъ-Эминъ-хана, состоялъ изъ 4-хъ тысячъ сарбазовъ <sup>1)</sup>).

Крѣпость Аббасъ-Абадъ сама по себѣ имѣла достаточно важное значеніе, такъ какъ являлась оплотомъ владычества персіянъ въ Нахичеванскомъ ханствѣ и обезпечивала переправу черезъ Араксъ. При наступленіи къ Тавризу ее нельзя было оставить въ рукахъ персіянъ; пришлось бы имѣть подъ ея стѣнами наблюдательный отрядъ, что значительно ослабило бы главныя силы, уже и такъ ослабленныя, вслѣдствіе усилившихся съ прибытіемъ въ знойную и лихорадочную долину Аракса заболѣваній. Кромѣ того, осаждая Аббасъ-Абадъ, находившійся въ 56-ти верстахъ отъ Чорскаго укрѣпленнаго лагеря, въ которомъ сосредоточилась къ этому времени вся армія Аббасъ-Мирзы, до сихъ поръ уклонявшагося отъ боя,—можно было рассчитывать заставить наслѣднаго принца поспѣшить на помощь къ крѣпости, т. е. заставить его принять генеральное сраженіе и, такимъ образомъ, однимъ ударомъ закончить всю кампанію. Какъ бы не желалъ Аббасъ-Мирза избѣгнуть рѣши-

---

<sup>1)</sup> Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. По генеральному штабу. Дѣло 1827 г. № 15. Журналъ осадныхъ работъ.

тельного столкновѣнія съ Паскевичемъ, но всетаки онъ не могъ допустить русскихъ овладѣть крѣпостью у себя на глазахъ; въ этомъ случаѣ ему приходилось считаться съ фанатизмомъ населенія всего Азербейджана, которое никогда бы не простило ему подобнаго бездѣйствія. Наконецъ, какое бы рѣшеніе относительно Аббасъ-Абада не принялъ Паскевичъ, ему во всякомъ случаѣ приходилось оставаться въ окрестностяхъ крѣпости не менѣе 3-хъ недѣль, такъ какъ сообщеніе съ Герюсами не было еще открыто и скорого прибытія транспортовъ ожидать было нельзя. Всѣ эти причины и заставили Паскевича направить на эту крѣпость свой первый ударъ.

28-го іюня, исправлявшій должность начальника корпуснаго штаба, полковникъ Муравьевъ, былъ посланъ съ двумя казачьими сотнями произвести рекогносцировку, а на слѣдующій день, 29-го числа, около 11-ти часовъ утра, къ Аббасъ - Абаду подошелъ самъ главнокомандующій со всею кавалерією, 7-мъ Карабинернымъ полкомъ и 22-мя полевыми орудіями. Войска приблизились на пушечный выстрѣлъ и скоро съ крѣпостныхъ верковъ открылась канонада. Въ это время по ту сторону Аракса, со стороны Хойской провинціи, показалась сильная персидская конница, которая, однако, при появленіи нижегородскихъ драгунъ и серпуховскихъ уланъ, смѣло переплывшихъ рѣку подъ огнемъ изъ крѣпости, быстро повернула назадъ и скрылась. Затѣмъ нижегородцы и уланы вернулись обратно на лѣвый берегъ.

1-го іюля въ полдень наши войска приблизились къ Аббасъ-Абаду и разбили лагерь въ двухъ верстахъ отъ крѣпости на берегу Аракса. Произведенная рекогносцировка точно опредѣлила направленіе осадныхъ работъ, и въ ночь на 2-е іюля заложена была первая параллель, противъ сѣвернаго полигона, гдѣ для атаки былъ выбранъ лѣвый бастионъ, примыкавшій къ рѣкѣ такъ близко, что его можно бы было обстрѣливать съ праваго берега. Пользуясь темнотою и безпечною непріятеля, параллель ночью была окончена и на правой ея оконечности установилась демонтиръ-батарея на 12-ть орудій. Съ утра 2-го іюля началась канонада, а къ вечеру крѣпостные амбразуры частью были засыпаны и два непріа-

тельскія орудія сбиты. Въ ночь со 2-го на 3-е іюля траншеи были расширены и приступлено къ устройству брешь-батареи. Непріятель въ этотъ разъ замѣтилъ работы; изъ крѣпости, освѣщенной яркими подсвѣтами, загремѣли выстрѣлы. Въ траншеяхъ огни были потушены; русскія батареи молчали, а канонада съ крѣпости разгоралась все сильнѣе. Въ эту ночь сжидали сильной вылазки, и прикрытіе до самаго разсвѣта стояло подъ ружьемъ; за ночь брешь-батарея была окончена и батарейная № 1 рота Кавказской гренадерской артиллерійской бригады установила на ней свои шесть орудій.

Въ то время какъ вниманіе непріятеля отвлечено было въ сторону траншейныхъ работъ, особая команда въ полуверстѣ отъ крѣпости устраивала туры и фашины. Кромѣ того, 300 человекъ рабочихъ перешли на правую сторону рѣки и, подъ прикрытіемъ Нижегородскаго драгунскаго полка, въ одну ночь возвели въ разстояніи 350 саженой редутъ на продолженіи фаса атакованнаго бастіона. Къ утру драгуны вернулись назадъ, а редутъ былъ вооруженъ шестью конными орудіями и занятъ одною ротою Грузинскаго гренадерскаго полка.

Положеніе аббасъ-абадскаго гарнизона, очутившагося теперь подъ перекрестнымъ огнемъ съ нашихъ батарей, становилось съ каждымъ днемъ все болѣе опаснымъ. Въ теченіи всего дня 3-го іюля съ крѣпостныхъ валовъ и съ нашихъ батарей безъ умолку грохотали пушечные выстрѣлы; почти всѣ амбразуры атакованнаго фаса были повреждены; крѣпостныя стѣны во многихъ мѣстахъ рухнули и сквозь проломы можно было различать уже внутреннія постройки. Въ ночь на 4-е іюля работы продолжались, и къ утру въ 165 шагахъ отъ крѣпости была заложена вторая параллель<sup>1)</sup>. Но на этомъ осадныя работы временно должны были приостановиться.

Въ полдень 4-го іюля походный атаманъ казачьихъ войскъ, генераль-лейтенантъ Иловайскій, прикрывавшій осадный корпусъ со стороны Азербейджана, далъ знать въ главную квартиру о наступленіи изъ Чорса значительныхъ силъ персидской арміи, кото-

<sup>1)</sup> Акты Кавк. археограф. комиссіи, т. VII, 513. Всеподданнѣйшій рапортъ Паскевича отъ 4-го іюня 1827 г. Журналъ осадныхъ работъ.

рыя наши лазутчики - карапахи исчисляли въ 26 тыс. съ 40 орудіями; въ крѣпости же Хой, въ 38-ми верстахъ за Чорсомъ, стоялъ съ такими же силами самъ Фетхъ-Али-шахъ. Предположенія Паскевича повидимому оправдались: Аббасъ-Мирза шелъ на выручку Аббасъ-Абада.

Дѣйствительно, планъ наслѣднаго принца заключался въ томъ, чтобы оттянуть русскія войска отъ крѣпости и заставить ихъ наступать къ укрѣпленной позиціи у Каразіадина. Подъ защитой этой укрѣпленной позиціи, Аббасъ - Мирза надѣялся, если не разбить русскихъ, то, по крайней мѣрѣ, упорной обороной задержать Паскевича на столько, чтобы дать время конницѣ Гассанъ-хана выйти изъ Макинскаго ханства къ Нахичевани, т. е. въ тылъ нашихъ войскъ у Аббасъ-Абада. Планъ этотъ былъ задуманъ весьма хорошо, но исполненіе было настолько слабо и нерѣшительно, что привело къ пораженію самого Аббасъ-Мирзы при Джеванъ-Булахъ.

При первомъ полученіи извѣстій отъ Иловайскаго, положеніе главнокомандующаго было весьма затруднительно. Приходилось или отступить отъ крѣпости, или раздѣлить свои силы, чтобы продолжать осаду и дѣйствовать въ полѣ. Для рѣшенія столь важнаго вопроса, Паскевичъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ большинство голосовъ постановило — оставить подъ Аббасъ-Абадомъ для прикрытія осадныхъ работъ и для охраны складовъ и транспортовъ въ Нахичевани 3<sup>1</sup>/<sub>2</sub> баталіона и 28 орудій, а со всѣми остальными войсками двинуться впередъ и атаковать непріятеля. Это рѣшеніе привело къ джеванъ-булахскому бою <sup>1)</sup>).

Пока у насъ строили черезъ Араксъ плавучій мостъ, персіяне на разсвѣтъ 5-го іюля сами атаковали наши посты, переброшенные на ту сторону рѣки. Два донскихъ и два черноморскихъ казачьихъ полка, подъ общимъ начальствомъ походнаго атамана генерала Иловайскаго, поддерживали свои пикеты, но многочисленныя толпы персидской конницы въ свою очередь атаковали казаковъ и стали ихъ тѣснить. Тогда Паскевичъ двинулъ впередъ всю

<sup>1)</sup> Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣло 1827 года № 242. Реляція боя 5-го іюля, приложенная къ предписанію Паскевича генераль-адъютанту Сипягину отъ 18-го іюля 1827 года № 1548. Дѣло 1827 года, № 3, часть I. Изъясненіе къ плану сраженія при Джеванъ-Булахъ.

кавалерію съ конно-артиллерійскою ротою, подѣ общимъ начальствомъ генерала Бенкендорфа, чтобы сдержать первый напоръ непріятеля до прибытія пѣхоты. Нижегородцы и бригада уланъ, разобравъ по рукамъ артиллерійскіе снаряды, вынутые изъ зарядныхъ ящиковъ, пустились вплавъ, а за ними пошли и конныя орудія, отъ которыхъ на поверхности воды виднѣлись однѣ только правила.

За Араксомъ передъ нашей кавалеріей открылась каменистая долина, съ трехъ сторонъ окаймленная сплошною цѣпью изрѣзанныхъ ущельями высотъ. На этихъ высотахъ виднѣлась масса персидской кавалеріи и нѣсколько орудій.

Появленіе конной артиллеріи скоро охладило пылъ непріятеля, насѣдавшаго на казаковъ; но за то изъ горныхъ ущелій, влѣво отъ пути, по которому наступала наша кавалерія, появилась новая конная толпа, угрожавшая обойти насъ съ фланга. Артиллерія наша тотчасъ направила огонь въ ту сторону, а Бенкендорфъ двинулъ впередъ 3-й дивизіонъ Нижегородскаго драгунскаго полка, приказавъ ему сбить непріятеля. Два эскадрона понеслись въ атаку съ такою стремительностью, что персіане, не выждавъ удара, скрылись въ горахъ и болѣе уже не показывались. Между тѣмъ Бенкендорфъ развернулъ кавалерію въ боевой порядокъ: атаманъ Иловайскій съ казаками образовалъ правый флангъ; въ центрѣ развернулась уланская бригада—желтый Борисоглѣбскій полкъ справа, синій Серпуховской — слѣва. Еще лѣвѣе стали нижегородцы съ донскою конно-артиллерійскою № 3 ротою. Непріятель уже весь былъ на виду и занималъ вогнутой дугой высоты, окаймлявшія каменистую долину, по которой наступали русскія войска. Центръ его, состоявшій изъ полковъ регулярной кавалеріи, предводимыхъ самимъ Аббасъ-Мирзою, занималъ крутую возвышенность, которая легко могла скрывать за собою многочисленную пѣхоту и артиллерію; лѣвое крыло, состоявшее изъ эриванской конницы Гассанъ-хана, подавалось впередъ по направленію къ Араксу, обходя казачьи полки Иловайскаго, а правое—пять тысячъ отборной шахской конницы, предводимой Аллаяръ-ханомъ, стояло на гребнѣ горныхъ утесовъ, противъ нижегородцевъ, не дававшихъ имъ спуститься на равнину.

Гулъ пушечныхъ выстрѣловъ, показывавшій, что кавалерія уже



вступила въ дѣло, заставилъ Паскевича поспѣшить съ переправой пѣхоты, но едва успѣлъ головной баталіонъ перейти по бурдючному мосту, устроенному черезъ Араксъ въ трехъ верстахъ выше Аббасъ-Абада, какъ серединные бурдюки разорвались, и переправа пѣхоты задержалась на цѣлый часъ; артиллеріи же пришлось перейти Араксъ въ бродъ. Не смотря на палящій зной, каменистую раскаленную почву и полное безводіе, пѣхота съ пѣшей артиллеріей безостановочно и безъ приваловъ прошла въ 3 часа около 15-ти верстъ. Паскевичъ велъ лично пять баталіоновъ прямо на центръ непріятеля; три остальные баталіона, подъ командою князя Эристова, двигались нѣсколько позади и получили приказаніе пристроиться къ лѣвому флангу. При первомъ взглядѣ на дѣло, Паскевичъ увидѣлъ, что конныя толпы персіянъ, обходившія казачьи полки Иловайскаго, могли ежеминутно ринуться въ тылъ нашимъ войскамъ, а потому тотчасъ приказалъ генералъ-адъютанту Бенкендорфу вести на помощь казакамъ Борисоглѣбскій уланскій полкъ съ двумя конными орудіями и въ то же время приказалъ князю Эристову атаковать лѣвое крыло непріятеля.

Съ барабаннымъ боемъ повелъ Эристовъ три баталіона Грузинскаго, Тифлискаго и Ширванскаго полковъ, и вскорѣ тѣснины, защищаемыя пятитысячною шахскою конницею, были взяты приступомъ. 1-й и 3-й дивизіоны Нижегородскаго полка бросились преслѣдовать персіянъ, но непріятель оказывалъ упорное сопротивленіе и драгунамъ не разъ приходилось спѣшивать то тотъ, то другой эскадронъ, сбивая непріятеля въ мѣстахъ, недоступныхъ для конницы, въ горячей погонѣ нижегородцы взяли непріятельское знамя.

Правое крыло непріятеля было разбито, центръ обойденъ. Паскевичъ приказалъ ударить наступленіе, и наша пѣхота въ боевомъ порядкѣ стала подниматься на высоты, гдѣ были главныя непріятельскія силы. Въ это время 2-й дивизіонъ Нижегородскаго полка, посланный впередъ, чтобы освѣтить лежавшую за ними мѣстность, выяснилъ, что пѣхоты въ персидскомъ отрядѣ не было, и что Аббасъ-Мирза отступалъ уже по всему фронту; лѣвый флангъ непріятеля, тѣснимый борисоглѣбскими уланами и казаками Иловайска-



5<sup>го</sup> Іюля 1827 года.





го, также отходилъ. Но это еще не было бѣгствомъ, и наслѣдный принцъ, отошедши версты четыре, занялъ новую позицію, пытаясь задержать наступленіе русскихъ. Въ это время наша пѣхота, слѣдовавшая по пятамъ непріятеля, уже подходила, но ей и здѣсь не пришлось принять непосредственного участія въ дѣлѣ: русская конница не дала Аббасъ-Мирзѣ времени, чтобы устроиться на новой позиціи. Конная артиллерія, подскакавшая къ непріятельскимъ линіямъ, быстро снялась съ передковъ и открыла учащенный огонь гранатами. Въ то же время лѣвѣе ея вынеслась голубая линія серпуховскихъ уланъ, и 1-й дивизионъ пошелъ въ атаку. Весь правый непріятельскій флангъ, попавшій подъ этотъ ударъ, былъ сбитъ; лѣвый—бѣжалъ, не выждавъ даже натиска конныхъ полковъ Бенкендорфа и Иловайскаго. Второму дивизиону нижегородцевъ, бывшему въ головѣ кавалерійской колонны, пришлось вынести на своихъ плечахъ главную и рѣшительную атаку на центръ непріятеля. Предводимый маіоромъ княземъ Андрониковымъ, онъ опрокинулъ огромную конную массу, спускавшуюся съ горы и, пробившись черезъ ряды ея, кинулся прямо туда, гдѣ развивалось знамя наслѣднаго принца. У подножія высокаго холма, занятаго его блестящей свитой, драгуны на мгновеніе приостановились—и вдругъ, кто на коняхъ, а кто пѣшкомъ, ринулись на каменистую гору. Поручикъ Левковичъ самъ изрубилъ байрактара и вырвалъ изъ рукъ его знамя, на которомъ красовалась надпись „Побѣдное“. Все это произошло такъ быстро и неожиданно, что Аббасъ-Мирза, очутившись лицомъ къ лицу съ драгунами, едва не былъ захваченъ въ плѣнъ; онъ почти въ упоръ выстрѣлилъ въ нихъ изъ ружья и едва успѣлъ ускакать; но ружье, дымившееся еще выстрѣломъ, оруженосецъ, возившій его за наслѣдникомъ, и шесть знатнѣйшихъ персидскихъ вельможъ были взяты драгунами. Одинъ изъ этихъ сановниковъ Неджефъ-Али-султанъ ранилъ князя Андроникова, но Андрониковъ сбилъ его съ сѣдла и самъ обезоружилъ.

Пѣхота, успѣвшая подойти къ этому времени, тотчасъ заняла центральный холмъ, господствовавшій надъ всѣмъ пространствомъ боевого поля и выдвинула сильную батарею. Но сражаться было уже не съ кѣмъ: непріятель находился въ полномъ бѣгствѣ, и наши

войска, подвинувшись впередъ еще на нѣсколько верстъ, остановились на урочищѣ Хумларъ, у ручья Джеванъ-Булаха, по имени котораго и названо было самое сраженіе. Нижегородскій полкъ, уланы и казаки несмотря на палящій зной, проскакали еще верстъ десять за Хумларъ.

Впослѣдствіи Паскевичъ узналъ, что подъ начальствомъ Аббасъ-Мирзы находилось 16 тысячъ конницы, и что пѣхота его стояла въ 28-ми верстахъ у Каразіадина по дорогѣ къ Чорсу. Туда то по безводнымъ путямъ, изрѣзаннымъ оврагами, и думалъ Аббасъ-Мирза, какъ сказано, завлечь наши войска, совсѣмъ не рассчитывая вступать съ ними въ рѣшительный бой на берегахъ Аракса. Быстрое прибытіе нашей кавалеріи втянуло его въ дѣло и разрушило всѣ расчеты. Персіяне потеряли въ этотъ день два знамени, оба взятые нижегородцами, болѣе 400 убитыми и до 200 плѣнными. Наша потеря состояла всего изъ 3-хъ офицеровъ и 38-ми нижнихъ чиновъ <sup>1)</sup>.

Вечеръ уже спускался на джеванъ-булахское поле, когда послѣдніе орудійные выстрѣлы, гулко прокатившись по окрестнымъ полямъ, замерли въ воздухѣ. Паскевичъ, окруженный свитой, пѣшкомъ поднялся на высокій утесистый холмъ, усѣянный огромными глыбами камней. Кругомъ, по лощинамъ, двигались еще колонны пѣхоты, скакали драгуны, мчались уланы, пестрѣя цвѣтными флюгерами своихъ пикъ. Это были послѣднія минуты замиравшаго сраженія. Но вотъ барабаны ударили „отбой“ и звучной мелодичной трелью вторили имъ кавалерійскія трубы. „Славный оконченъ бой, трубачъ труби отбой“—казалось говорили ихъ звуки. Преслѣдованіе окончилось. Сидя на камнѣ, на разосланной шинели, генералъ-адъютантъ Паскевичъ принималъ плѣнныхъ персидскихъ саванниковъ, подходившихъ къ нему съ восточнымъ подобострастіемъ, а въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него тихо колыхалось „побѣдное“ персидское знамя, которое держалъ Нижегородскаго полка поручикъ Левковичъ, и тутъ же стояло другое, нѣсколько меньшихъ раз-

---

<sup>1)</sup> Акты Кавказской археографической комиссіи, томъ VII, 515. Всепоподаннѣйшій рапортъ Паскевича отъ 7-го іюля 1827 г. Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣло 1827 г., № 3, часть 2-я, о войнѣ съ персіянами. Реляціи о занятіи Аббасъ-Абада.

мѣровъ. Огромная свита, конные и пѣшіе драгуны, окружали эту блестящую группу. Картина могла вдохновить поэта-художника,— и художникъ Мошковъ, сопровождавшій Паскевича въ его походахъ, именно этотъ моментъ изобразилъ своею дивною кистью.

Въ ту же ночь Паскевичъ съ пѣхотой возвратился въ свой лагерь подъ Аббасъ-Абадомъ, а на слѣдующій день, 6-го іюля утромъ, прибыла и кавалерія. Въ лагерь Паскевичъ узналъ, что во время боя у Джеванъ-Булаха, гарнизонъ крѣпости сдѣлалъ сильную вылазку, но былъ отраженъ блокадною частью съ большимъ урономъ.

Джеванъ-булахская побѣда, лишившая осажденных надежды на помощь извнѣ, имѣла въ окончательномъ своемъ результатѣ паденіе Аббасъ-Абада. Паскевичъ готовился къ штурму. „Завтра,— писалъ онъ къ великому князю Михаилу Павловичу, только что возвратившись изъ боя, —завтра надо лѣзть на приступъ и гнать непріятеля до самого сердца Персіи. Исчезли скука и усталость, побѣдители мои веселы и счастливы“....

Предварительно Паскевичъ приказалъ, однако, поставить на главной батарее отнятыя у непріятеля знамена, чтобы этимъ ослабить духъ у осажденныхъ. Съ 9-ти часовъ утра 6-го іюля на главной нашей батарее уже развивались два персидскихъ знамени, а въ крѣпость Паскевичъ послалъ нѣсколько плѣнныхъ съ извѣстіемъ о пораженіи Аббасъ-Мирзы и съ предложеніемъ коменданту безусловной сдачи. Комендантъ просилъ трехдневной отсрочки, но Паскевичъ отвѣчалъ отказомъ и приказалъ усилить бомбардированіе, а въ траншеи ввести 1500 человекъ съ штурмовыми лѣстницами. Всѣ эти мѣры привели къ тому, что гарнизонъ совершенно упалъ духомъ, и вечеромъ, какъ только въ русскомъ лагерьѣ пробили зорю, изъ Аббасъ - Абада явились парламентарями два командира — нахичеванскаго баталіона Эксанъ-ханъ и тавризскаго—Мамедъ-Риза-ханъ; они привезли извѣстіе, что гарнизонъ сдается безусловно, и капитуляція немедленно была подписана. Тавризскій баталіонъ объявленъ былъ военноплѣннымъ, а Эксанъ-ханъ отъ имени своего баталіона просилъ послать его на службу противъ персіянъ, такъ какъ съ этого момента онъ считалъ себя подданнымъ русскаго государя.

Тѣмъ не менѣе, въ ночь на 7-е іюля, осадныя работы продолжались и вторая параллель была закончена. Но работы эти являлись уже излишними. 7-го іюля, когда Паскевичъ, окруженный штабомъ, прибылъ на главную батарею, въ 4 часа утра, онъ засталъ на ней уже коменданта крѣпости, сардаръ Махмедъ-Эминъ-хана, одного изъ важнѣйшихъ сановниковъ Персіи. Послѣдній подалъ Паскевичу ключи отъ крѣпости и тутъ же офицеры гарнизона вручили ему знамена своихъ баталіоновъ. Тѣмъ временемъ въ Аббасъ-Абадъ очищали заложенные камнями ворота, и гарнизонъ въ числѣ 2700 человекъ, выстроившись на гласисѣ, положилъ оружія. Въ крѣпости досталось побѣдителямъ 23 орудія, и въ томъ числѣ три русскія мѣдныя пушки. Когда церемонія сдачи окончилась, лейбъ-гвардіи сводный полкъ съ музыкой вошелъ въ крѣпость и занялъ караулы. На другой день, 8-го іюля, въ покоренную крѣпость въѣхалъ Паскевичъ <sup>1)</sup>. На площади отслужено было благодарственное молебствіе; при пѣніи „Тебе Бога хвалимъ“—грянулъ орудійный залпъ, и въ этотъ моментъ надъ главной башней персидской цитадели взвился русскій флагъ. Нахичеванская область навсегда присоединялась къ Россійской Имперіи.

Когда первое впечатлѣніе страха, вызванное джеванъ-булахскимъ пораженіемъ и быстрымъ паденіемъ Аббасъ-Абада, прошло, персидскія войска снова сосредоточились: въ Хоѣ стоялъ самъ Фетхъ-Али-шахъ съ главной своей арміей, а въ чорсскомъ лагерѣ — Аббасъ-Мирза съ десяти тысячнымъ авангардомъ. Персіанамъ было извѣстно, что Паскевичъ имѣлъ всего около 6-ти тысячъ войскъ, да и тѣ съ каждымъ днемъ все болѣе уменьшались массовыми заболѣваніями. Несмотря на превосходство въ силахъ, шахъ не рѣшался, однако, перейти въ наступленіе и придумывалъ совершенно несбыточные условія мирнаго договора, который, по его мнѣнію, долженъ былъ одновременно удовлетворить Россію и Персію.

„Опасаясь молвы народа, который гоняется болѣе за именами, нежели за ихъ значеніемъ, — писалъ по этому поводу Паске-

---

<sup>1)</sup> Акты, т. VII, 515 и 518. Всеподданнѣйшее донесеніе Паскевича отъ 7-го іюля 1827 г. и обвѣщеніе генерала Паскевича.

вичъ въ своемъ донесеніи государю,—шахъ желаетъ только обмѣняться областями, т. е. передать намъ двѣ провинціи по сію сторону Аракса, и требуетъ за то присоединенія къ Персіи Талышинскаго ханства и Муганской степи. Относительно уплаты намъ военныхъ издержекъ персидское правительство отмалчивалось“.

Посылка съ нашей стороны А. С. Грибоѣдова въ чорскій лагерь и переговоры съ Мирзой-Салехомъ, прибывшимъ въ лагерь Паскевича, убѣдили послѣдняго въ совершенной бесполезности дальнѣйшихъ переговоровъ съ персіянами <sup>1)</sup>, — и они были прерваны.

При такихъ условіяхъ намъ ничего не оставалось дѣлать болѣе, какъ продолжать военныя дѣйствія, чтобы заставить шаха бояться русскихъ несравненно болѣе „народной молвы“. Паскевичъ предполагалъ наступать по кратчайшей дорогѣ къ Тавризу, минуя Хой, справедливо рассчитывая, что шахъ поспѣшитъ на защиту столицы Азербейджана и вынужденъ будетъ принять бой въ открытомъ полѣ. Однако, состояніе главныхъ силъ дѣйствующаго корпуса не позволяло начать наступленіе немедленно: больныхъ въ войскахъ было 1700 человекъ; полки, имѣвшие по списку 1800 штыковъ, выводили въ строй едва тысячу; болѣзненность, съ каждымъ днемъ усиливаясь, принимала злокачественный характеръ; транспорты отъ сильнаго падежа воловъ также разстроились, и въ будущемъ войскамъ опять грозилъ недостатокъ продовольствія.

Все это заставило главнокомандующаго отложить наступленіе къ Тавризу. „Избѣгая совершеннаго уничтоженія моего войска, отъ іюльскихъ нестерпимыхъ жаровъ, — доносилъ Паскевичъ государю, — я нахожусь въ необходимости отойти къ горамъ къ Кара - бабѣ, въ болѣе прохладныя мѣста и съ лучшей водой“. Крѣпость Аббасъ-Абадъ была приведена въ оборонительное состояніе и въ ней устроили лазаретъ и продовольственный магазинъ, а на правомъ берегу Аракса, для прикрытія переправы, былъ возведенъ надежный тетъ-де-понъ. Оставивъ въ крѣпости генераль-маіора Сакена съ Херсонскимъ гренадерскимъ полкомъ, сотнею казаковъ и 4-мя орудіями, главныя силы дѣйствующаго корпуса

<sup>1)</sup> Акты Кавказск. археограф. ком., томъ VII, 516. Донесеніе Грибоѣдова въ іюль 1827 г.

19-го іюля выступили изъ-подъ Аббасъ-Абада и 23-го числа прибыли къ селенію Кара-баба, прославленному кровавымъ боемъ, который здѣсь выдержалъ генераль Небольсинъ въ 1808 году. Во время передвиженія къ Кара-бабѣ въ корпусной квартирѣ было получено извѣстіе, что персидская армія выступила изъ Хоя съ цѣлью отторгнуть отъ насъ Нахичеванское ханство. Паскевичъ не придалъ, однако, серьезнаго значенія этому извѣстію. „Если это правда,—отмѣчаетъ онъ въ своемъ журналѣ, — то я дамъ персіанамъ время обложить Аббасъ-Абадъ и тогда спущусь съ горъ и разобью ихъ“. „Для перваго сюрприза Аббасъ-Мирзѣ“ Нижегородскій драгунскій и Борисоглѣбскій уланскій полки съ конною артиллеріею были оставлены подъ Аббасъ-Абадомъ и скрытно расположены въ холмистой мѣстности, чтобы дать первый отпоръ неприятелю. Но противникъ нигдѣ не показывался. „Это былъ одинъ изъ тѣхъ многихъ замысловъ,—говоритъ Паскевичъ,—которые персіане дѣлають, но не смѣють исполнить“. Драгуны и уланы, простоявъ нѣсколько дней въ напрасномъ ожиданіи появленія персіанъ, двинулись къ Кара-бабѣ, гдѣ стали лагеремъ на рѣчкѣ Айдарѣ.

Къ этому же времени относится одинъ эпизодъ, имѣвшій для насъ нѣкоторую важность въ политическомъ отношеніи. Это былъ обратный переходъ къ намъ изъ Персіи бывшаго владѣльца Карабага Мехти-Кули-хана <sup>1)</sup>).

Безплодныя скитанія по персидской землѣ видимо прискучили старому хану; онъ изъявлялъ желаніе вернуться на родину частнымъ человѣкомъ безъ всякихъ притязаній на какую-либо политическую роль. Отдавая себя на милосердіе русскаго государя, онъ просилъ лишь, чтобы ему разрѣшено было жить въ Шушѣ, въ домѣ, который когда то принадлежалъ ему и его предкамъ. Такимъ миролюбивымъ настроеніемъ хана не хотѣли, однако, злоупотреблять, и Паскевичъ писалъ гр. Нессельроде, что полагаетъ несовмѣстнымъ съ достоинствомъ и славой императора, если бы ханъ карабагскій превзошелъ наше правительство въ великодушныхъ поступкахъ. Онъ обѣщалъ ему возвращеніе генераль-

<sup>1)</sup> Акты Кавказской археографической комиссіи, томъ VII, Карабагъ, №№ 401—410.



скаго чина, царскій подарокъ—бриллиантовое перо на шапку, четыре тысячи червонцевъ пенсіи и управленіе въ Карабагѣ тѣми 3—4 тысячами семействъ, которыя онъ обѣщалъ вывезти съ собою изъ Персіи. По мнѣнію его, услуги Мехти-хана были такъ важны, довѣріе его къ Россіи такъ велико, а отторженіе отъ персіянъ трехъ тысячъ воинственныхъ семействъ наносило имъ такой чувствительный вредъ, что онъ получалъ безспорное и полное право на уваженіе. Поэтому Паскевичъ торопилъ министерство какъ можно скорѣе испросить высочайшее соизволеніе на милости, которыя имъ обѣщаны хану. „Это только одно,—писалъ онъ,—и можетъ возстановить довѣріе къ русскому правительству по сію сторону Кавказа, которое въ послѣднее время (т. е. при Ермоловѣ) крайне колебалось“. И въ Петербургѣ, дѣйствительно, торопились. Приведенное письмо Паскевича, судя по времени, еще не могло прійти, а условія съ ханомъ были уже утверждены и главнокомандующему оставалось только вручить ему высочайшія грамоты и царскій подарокъ.

Персіяне неохотно выпустили хана изъ своихъ рукъ и даже послали погоню, но онъ успѣлъ ускакать и спасти свое семейство; весь же обозъ его былъ отбитъ и разграбленъ. Это обстоятельство еще болѣе возвысило Мехти-Кули-хана въ глазахъ Паскевича, и онъ послѣ свиданія съ нимъ, состоявшагося въ Нахичевани, уже находилъ, что строгая справедливость требовала отъ насъ возвращеніе хану управленія всего Карабага, хотя и безъ владѣтельныхъ правъ. „Гоненіе, претерпѣнное имъ отъ Ермолова,—писалъ онъ въ своихъ представленіяхъ,—были такъ безстыдны и неправосудны, что нѣтъ ни одного голоса, который не свидѣтельствовалъ бы въ пользу гонимаго“. Но императоръ Николай I не раздѣлялъ мнѣнія Паскевича, и, признавая, что „невозможно быть безпристрастнымъ при томъ возбужденіи, въ которомъ находилась страна“, приказалъ оставить все дѣло до окончанія войны, когда жалобу Мехти-Кули-хана представить на предварительное разсмотрѣніе комитету министровъ.

Жалобѣ этой не суждено было, однако, пойти такъ далеко; война еще не окончилась, какъ Паскевичу пришлось уже разоча-

роваться въ томъ, кому онъ такъ покровительствовалъ. Едва ханъ почувствовалъ за собою силу, какъ тотчасъ возвысиль тонъ и далъ понять, что пенсіи въ четыре тысячи червонцевъ ему недостаточно и требовалъ водворенія его въ Карабагъ вновь на правахъ владѣтельнаго хана. Паскевичъ былъ пораженъ подобною наглостью, и ему еще разъ пришлось убѣдиться въ правотѣ и цѣлесообразности политической системы Ермолова. Онъ объявилъ хану, что „столь невыносимыя требованія“ не могутъ принести ему пользы, и приказалъ военному губернатору Сипягину учредить за нимъ секретный надзоръ. Сипягинъ донесъ, что ханъ собирается бѣжать обратно въ Персію, но не дѣлалъ съ своей стороны никакихъ распоряженій къ задержанію Мехти. По его мнѣнію, бѣгство хана не составляло большой потери для насъ, и четыре тысячи червонцевъ можно будетъ съ пользою употребить на другіе предметы. Паскевичъ согласился. Но едва съ ханомъ перестали церемониться, онъ тотчасъ же понялъ бесполезность всякихъ претензій на политическую роль и, не смѣя уже возвратиться въ Персію, спокойно дожидъ свой вѣкъ частнымъ человѣкомъ въ той самой Шушѣ, гдѣ нѣкогда былъ неограниченнымъ ея повелителемъ.

---

## Глава XII.

Устройство коммуникаціонной линіи. — Дѣйствіе отрядовъ генераловъ Краббе и Панкратьева въ Карабагѣ. — Стоянка главныхъ силъ Паскевича у Кара-бабы. — Дѣло подъ Ордубадомъ 7-го августа. — Генераль Красовскій. — Расположеніе Эриванскаго отряда у Джингили. — Планы Аббасъ-Мирзы и наступленіе его въ Эриванское ханство. — Движеніе Красовскаго къ Эчмиадзину.

Съ расположеніемъ войскъ дѣйствующаго корпуса въ горной полосѣ у Кара-бабы, передъ Паскевичемъ на первый планъ выступила необходимость установить правильное сообщеніе со своею коммуникаціонною линіею. Линія эта, какъ мы сказали, начала устраиваться еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, и тогда же приняты были мѣры для охраненія ея отъ непріятельскихъ набѣговъ. Изъ дагестанскаго отряда: три роты Куринскаго и двѣ роты Апшеронскаго пѣхотныхъ полковъ съ сотнею казаковъ заняли Сальяны и лежавшее при устьѣ р. Куры мѣстечко Божій Промыселъ; въ Шемахѣ расположились двѣ апшеронскія роты, а кубинская и ширванская конница, посты которой непрерывною цѣпью протянулись по берегу Куры, охраняла все пространство между селеніями Зардобомъ и Сальянами. Наконецъ, въ окрестностяхъ Зардоба, въ видѣ резерва, расположилась 1-я бригада 2-й Уланской дивизіи (Бѣлгородскій и Чугуевскій полки). Для большей безопасности линіи, приказано было съ разливомъ Аракса спустить каналы и затопить земли, лежавшія по правому берегу Куры, тамъ, гдѣ находились пашни муганцевъ. Разливъ ожидался большой и наводненіе пашенъ должно было образовать повсюду непроходимыя болота, которыя могли исчезнуть не раньше августа мѣсяца. Таковы были распоряженія начальника дагестанскаго отряда генерала Краббе.

Съ своей стороны генераль Панкратьевъ, районъ котораго ограничивался линіею отъ Зардоба до Нахичевани, выставилъ отъ

карабагскаго отряда двѣ роты 42-го Егерскаго полка съ сотнею казаковъ и взводомъ артиллеріи въ Агджибеты, собственно для сопровожденія транспортовъ, а остальные войска распредѣлили: 9-ть ротъ занимали гарнизоны въ Шушѣ <sup>1)</sup>, въ Ахъ-Огланѣ <sup>2)</sup> и въ Герюсахъ <sup>3)</sup>; 2-я бригада 20-й пѣх. дивизіи (Козловскій и Нашебургскій полки) съ казачьимъ полкомъ и семью орудіями отправлена была въ Герюсы для разработки горной дороги къ Нахичевани и Кара-баба; 41-й Егерскій полкъ и 6 ротъ 42-го — съ двумя казачьими полками и остальною артиллеріею составили другой отрядъ, расположившійся въ садахъ сел. Джебраила, вблизи пересѣченія дорогъ изъ Шуши въ Герюсы и къ Худоферинской переправѣ; онъ же охранялъ Карабагъ отъ вторженія персіянъ изъ-за Аракса. Впослѣдствіи войска въ этихъ отрядахъ мѣнялись, но роль ихъ оставалась та же. Оба отряда находились въ непрерывныхъ сношеніяхъ между собою, и если бы одинъ изъ нихъ подвергся нападенію, другой долженъ былъ немедленно оказывать ему поддержку. Въ случаѣ крайности, Панкратьеву разрѣшалось потребовать къ себѣ дѣйствующіе эскадроны 1-й бригады 2-й Уланской дивизіи, но резервные дивизіоны ихъ (5-й и 6-й эскадроны) во всякомъ случаѣ должны были оставаться въ распоряженіи генерала Краббе.

Но безопасность линіи установилась не сразу. Еще весной, до прибытія первыхъ каравановъ съ запасами изъ Астрахани, непріятель, зорко слѣдившій за всѣми приготовленіями, попытался уничтожить наши перевозочныя средства. Первый набѣгъ его удался вполне, и между Зардобомъ и Агджибетомъ угнано было до 100 черводарскихъ лошадей, приготовленныхъ подъ вьюки. 7-го мая нападеніе повторилось. Другая сильная конная партія, вышедшая изъ Талышинскаго ханства, подошла къ Зардобу, но у селенія Лембарана внезапно наткнулась на посты Бѣлогородскаго уланскаго полка. Незначительная аванпостная стычка осталась памятна жителямъ тѣмъ, что уланскій офицеръ поручикъ Маковъ сразился одинъ на одинъ съ извѣстнымъ персидскимъ наѣзди-

<sup>1)</sup> Каспійскій морской баталіонъ и одна рота 42-го Егерскаго полка.

<sup>2)</sup> Одна рота 42-го Егерскаго и одна рота Нашебургскаго пѣхотнаго полковъ.

<sup>3)</sup> Двѣ роты 42-го Егерскаго полка.

комъ Байрамомъ. Поединокъ произошелъ въ виду обѣихъ сторонъ. Байрамъ ранилъ Макова, а Маковъ богатырскимъ ударомъ разрубилъ его пополамъ.

Пока на аванпостахъ шла перестрѣлка, непріятель успѣлъ захватить въ ближайшихъ селеніяхъ нѣсколько сотъ лошадей. Выстрѣлы, однако, подняли тревогу, и изъ Лембарана двинулся эскадронъ бѣлогородскихъ уланъ, а на пути присоединились къ нему еще три полуэскадрона того же полка. Непріятель, медленно отступавшій съ добычей, былъ скоро настигнутъ. Стройная атака уланъ, ихъ рослая лошадь, пики съ шумящими флюгерами, произвели такое впечатлѣніе на талышинцевъ, что они, бросивъ добычу, обратились въ бѣгство. Уланы гнали ихъ около 50-ти верстъ и нанесли большія потери. Схватка эта, сама по себѣ незначительная, имѣла для насъ, однако, большія послѣдствія. Если бы талышинцамъ удался этотъ набѣгъ, то русскимъ транспортамъ грозила бы постоянная опасность; послѣ же дѣла 7-го мая кочевники притихли и въ теченіе всей остальной кампаніи болѣе уже не являлись.

Въ іюнѣ мѣсяцъ начался, наконецъ, подвозъ провіанта моремъ изъ Астрахани въ Баку. Тамъ его грузили на арбы и отправляли въ Сальяны, откуда онъ доставлялся дальше, средствами Ширванской провинціи. Впослѣдствіи нашли возможнымъ подвозить провіантъ, минуя Баку, прямо въ Сальяны и потомъ сплавлять его на киржимахъ вверхъ по Курѣ до Зардоба, что значительно облегчало доставку грузовъ.

Съ устройствомъ магазиновъ въ Сальянахъ и на Божьемъ Промыслѣ эти пункты приобрѣтали уже первенствующее значеніе, и на нихъ теперь устремились всѣ усилія непріятеля. Въ самомъ началѣ іюля изъ Сальянъ выступило первое отдѣленіе до верху нагруженныхъ киржимовъ и направилось вверхъ по Курѣ, конвоируемое ширванской конницей. Прикрытіе двигалось по обоимъ берегамъ рѣки и своими разъѣздами наблюдало Муганскую степь. Въ Сальянахъ снаряжалось уже второе отдѣленіе, какъ вдругъ, 7-го іюля, дали знать о появленіи въ степи сильной персидской конницы, за которой слѣдовала пѣхота съ фальконетами. Не зная еще въ какомъ направленіи двинется непріятель, коман-

довавший войсками въ Сальянахъ полковникъ Кроминъ рѣшилъ защищать всѣ переправы по Курѣ и растянулъ свой маленькій отрядъ на 15—20 верстъ. Воспользовавшись этимъ, непріятель двинулся прямо на Сальяны, и нашимъ разбросаннымъ частямъ пришлось уже поспѣшно отступать. Въ Сальянахъ Кроминъ не рѣшился держаться, такъ какъ непріятель всегда имѣлъ возможность обойти его и овладѣть Божьимъ Промысломъ, гдѣ, сложенный въ громадныхъ бунтахъ весь наличный запасъ провіанта грузился на киржимы. Какъ не были важны Сальяны, отдать которые значило рисковать всѣмъ воднымъ коммуникаціоннымъ путемъ, тѣмъ не менѣе приходилось ихъ покинуть, чтобы прикрыть Божій Промыселъ. Съ отступленіемъ нашимъ изъ Сальянъ, персіяне тотчасъ заняли мѣстечко и превратили его буквально въ развалины; часть же ихъ конницы пустилась вверхъ по Курѣ въ погоню за киржидами перваго отдѣленія, которое въ тотъ день ночевало въ Джеватѣ. Получивъ свѣдѣніе о появленіи персидскихъ войскъ въ Сальянахъ, генералъ Панкратьевъ тотчасъ усилилъ конвой, сопровождавшій киржимы, а для большей безопасности изъ Зардоба навстрѣчу къ транспорту двинулся на рысяхъ эскадронъ чугуевскихъ уланъ. Персіяне не рѣшились произвести нападенія и повернули назадъ <sup>1)</sup>).

Извѣстіе объ этихъ событіяхъ Паскевичъ получилъ еще подъ Аббасъ-Абадомъ. Потеря Сальянъ, прекращавшая коммуникацію въ низовьяхъ Куры, не могла его не встревожить, такъ какъ дѣйствующій корпусъ могъ остаться совершенно безъ продовольствія, и полковникъ Кроминъ получилъ отъ него предписаніе во чтобы ни стало овладѣть Сальянами, выгнать персіянъ и преслѣдовать ихъ за Куру на одинъ или на два перехода. „Даже съ посредственными лазутчиками,—писалъ ему Паскевичъ съ укоромъ,—можно было знать о намѣреніяхъ непріятели и, заблаговременно собравъ достаточно войскъ, самому выступить къ нему навстрѣчу“.

Но прежде чѣмъ прискакалъ этотъ курьеръ, дѣла наши на

---

<sup>1)</sup> Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣла 1827 г. №№ 15 и 375 о нападеніи и занятіи персіянами Сальянъ съ журналомъ о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ. Дѣло 1827 г. № 4. Репортъ генерала Краббе отъ 11-го іюля за № 327.

коммуникаціонной линіи приняли совершенно иной оборотъ. Въ то время къ Божьему Промыслу прибыли изъ Шемахи двѣ роты Апшеронскаго полка, дивизионъ чугуевскихъ уланъ и 250 конныхъ татаръ, поспѣшно собранныхъ шемахинскимъ комендантомъ. Кромѣ того стали подходить, направленные съ Кубани въ Ширванскую провинцію, полки 1-й бригады 22-й пѣхотной дивизіи (Тенгинскій и Навагинскій, каждый въ составѣ 2-хъ баталіоновъ). Изъ нихъ 1-й баталіонъ Тенгинскаго полка направился въ отрядъ Кромина, а 2-й баталіонъ и весь Навагинскій полкъ остановились въ Шемахѣ, куда одновременно съ тѣмъ Краббе отправилъ изъ Кубы два орудія. Трудный походъ въ знойное время недешево обошелся этимъ полкамъ, оставившимъ на пути до 500 человѣкъ больными; но за то съ прибытіемъ ихъ можно было быть совершенно спокойнымъ за лѣвый флангъ. Цѣлые три баталіона стояли въ Шемахѣ, почти столько же занимали Божій Промыселъ; при обоихъ отрядахъ было достаточное число орудій и конницы. Этихъ войскъ было слишкомъ достаточно, чтобы оградить коммуникаціонную линію отъ повторенія подобныхъ набѣговъ. Дѣйствительно, персіяне, какъ только узнали о прибытіи подкрѣпленій, сами очистили Сальяны и отошли за Куру. Полковникъ Кроминъ перешелъ тогда въ наступленіе, отбилъ на Муганской степи до 3000 головъ скота и возвратилъ семейства сальянскихъ жителей, которыхъ персіяне не успѣли еще угнать въ Талыши. Не видя нигдѣ непріятеля, отрядъ полковника Кромина 24-го іюля повернулъ отъ урочища Тахты - чай назадъ; но едва войска наши вышли изъ камышей на открытую степь, какъ сильная персидская конница изъ засады атаковала нашъ арріергардъ; другая, еще большая толпа бросилась съ фронта на головную часть—резервный дивизионъ чугуевскихъ уланъ; ихъ бѣлые лацканы и сѣрые кони рельефно выдѣлялись на темной зелени Муганской степи. Дивизионъ быстро развернулъ фронтъ и, шумя флюгерами склоненныхъ пикъ, стремительно бросился въ атаку. Персіяне дрогнули и дали тылъ, устилая путь своими тѣлами. Но въ бѣшенной скачкѣ молодые, еще недостаточно выѣзженные уланскіе кони, занесли чугуевцевъ слишкомъ далеко; они наткнулись на свѣжія непріятельскія силы

и въ свою очередь были опрокинуты, горячо преслѣдуемые персіянами. Картечные выстрѣлы и подоспѣвшая 3-я мушкетерская рота тенгинцевъ остановили непріятеля и дали возможность уланамъ выйти изъ-подъ его ударовъ. Въ этомъ дѣлѣ мы потеряли одного офицера, пять нижнихъ чиновъ и восемь лошадей убитыми и ранеными. Но это были уже послѣднія усилія персіянъ; съ этого времени и до самого конца кампаніи они не пытались болѣе препятствовать начавшемуся тогда большому движенію транспортовъ по Карабагу <sup>1)</sup>.

Дѣятельность собственно карабагскаго отряда за все это время была совершенно пассивная. Вступленіе въ командованіе имъ генерала Панкратьева сопровождалось рѣшительной отмѣной всѣхъ предначертаній и распоряженій предмѣстника его, князя Мадатова, и спеціальнымъ назначеніемъ отряда становится съ этихъ поръ только устройство и обезпеченіе путей сообщеній. „Всю весну, лѣто и начало осени,—говоритъ одинъ изъ участниковъ похода,—отрядъ лѣваго фланга стоялъ или бродилъ со своими транспортами между Угланомъ и Герюсами—двумя запасными магазинами главнаго корпуса... Мы не участвовали въ его походахъ, но тѣмъ не менѣе постъ нашъ былъ важенъ въ общей операціи корпуса: мы были его кормильцами“.

Теперь обратимся къ главнымъ силамъ Паскевича.

---

Стоянка въ Кара-бабѣ въ климатическихъ и санитарныхъ условіяхъ совершенно не оправдала общихъ ожиданій, и войска по прежнему изнурялись не менѣе, чѣмъ подѣ Аббасъ-Абадомъ. Тотъ же удушливый зной, еще болѣе усиливавшійся въ каменныхъ разсѣлинахъ ущелій, встрѣтили здѣсь наши войска вмѣсто прохлады, и болѣзненность между нижними чинами не уменьшалась, а увеличилась. По прибытіи въ Кара-бабу части привезли съ собою 1808 больныхъ, а по прошествіи 3-хъ—4-хъ недѣльной стоянки число ихъ возрасло до 1950. Къ этому присоединился еще падежъ скота, сильно озабочивавшій Паскевича; ежедневно падало отъ 70 до 90 во-

<sup>1)</sup> Тамъ же. По генеральному штабу, дѣла 1827 г. за №№ 4 и 15; тамъ же д. № 151.



ловъ, и впереди грозило совершенное истощеніе перевозочныхъ средствъ. Транспорты со стороны Эривани, такимъ образомъ, разстроились, а изъ Карабага не приходили, такъ какъ дорога не вся еще была разработана, и войска терпѣли во всемъ большой недостатокъ. Паскевичъ платилъ по 100 рублей ассигнаціями за пудъ сахару, а офицеры давно уже не видѣли ни сахару, ни чаю, ни водки. Главнокомандующій, еще изъ-подъ Аббасъ-Абада, ѣздилъ осматривать работы и хотя въ общемъ остался ими чрезвычайно доволенъ, изумляясь колоссальному труду солдатъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ сознаться, что направленіе дороги было взято нѣсколько ошибочно. Кратчайшій путь черезъ высочайшую заоблачную гору Сальварти былъ чрезвычайно труденъ, и хотя разработка дороги на высотѣ 11-ти тысячъ футъ надъ уровнемъ моря была произведена весьма тщательно, но подъемы, которыхъ миновать было невозможно, во многихъ мѣстахъ оставались такъ круты, что тяжело нагруженныя арбы даже въ лѣтнюю пору едва-едва могли подниматься; съ наступленіемъ же зимы сообщеніе должно было и совсѣмъ прекратиться, вслѣдствіе свирѣпствовавшихъ здѣсь снѣжныхъ метелей. Между тѣмъ на Герусы существовала еще другая дорога, правѣ Сальварти, черезъ Ахъ-Караванъ-сарай, по ущелью рѣчки Кара-баба; путь этотъ не представлялъ такихъ затрудненій лѣтомъ и опасностей зимою, но онъ былъ кружной и при выборѣ этого направленія потребовались бы новыя большія дорожныя работы. Тѣмъ не менѣе главнокомандующій остановился именно на этомъ пути, какъ болѣе надежномъ для устройства сообщеній Карабага съ Нахичеванскою областью, и баталіонъ Козловскаго пѣхотнаго полка съ двумя піонерными ротами, стоявшими на Сальварти, отправленъ былъ къ Караванъ-сараяу. Работа быстро закипѣла, и новый путь былъ оконченъ въ теченіи 3-хъ—4-хъ недѣль. Впослѣдствіи Паскевичъ, желая увѣковѣчить память похода русскихъ войскъ въ Персію и колоссальныя труды, положенныя здѣсь русскимъ солдатомъ, приказалъ сдѣлать на горныхъ скалахъ слѣдующія двѣ надписи: на Сальварти — „Въ царствованіе Николая I, при главноначальствующемъ генералѣ Паскевичѣ, здѣсь на вершинахъ горъ, дотолѣ недоступныхъ,

врѣзалъ проложеніемъ дороги въ каменистой скалѣ памятникъ трудамъ своимъ во славу отечества Козловскаго пѣхотнаго полка баталіонъ 1827 года“.

На другой скалѣ, въ мѣстности Ахъ-Караванъ-сарая, надпись гласить:—„Въ 1827 году въ войну съ Персією проложили сію дорогу баталіоны: 8-й піонерный и Козловскій пѣхотный. Камни не устояли—не устоятъ и враги Россіи“ <sup>1)</sup>).

Не оправдались также надежды Паскевича и на возстановленіе полного спокойствія въ занятомъ нами краѣ, такъ какъ жители лѣваго берега Аракса то и дѣло подвергались разоренію со стороны хищныхъ курдовъ и карапаховъ. Во главѣ разбойничьихъ шаекъ стоялъ извѣстный тогда Керимъ-ханъ, послѣдній персидскій правитель города Нахичевани, одинъ изъ именитыхъ и вліятельнѣйшихъ людей стараго ханства. Послѣ сдачи Аббасъ-Абада, онъ одновременно предложилъ свои услуги Паскевичу и Аббасъ-Мирзѣ, выжидая кто больше заплатитъ. Но такъ какъ ни та, ни другая стороны не спѣшили удовлетворить его чрезмѣрные требованія, то онъ сдѣлалъ своею спеціальностью набѣги на мирныхъ жителей,—ремесло, доставившее ему барыши, далеко превосходившіе русское и персидское жалованье вмѣстѣ. Вотъ онъ то и былъ главною причиною всѣхъ безпокойствъ и тревогъ въ Нахичеванской области.

Обстоятельства, однако, сложились такъ, что тутъ же нашелся и ревностный сторонникъ Россіи, ставшій опаснымъ противникомъ Керимъ-хана. Это былъ отважный Нисибъ-Эксанъ-ханъ, владѣлецъ ордубадскій, командовавшій въ Аббасъ-Абадѣ во время осады баталіономъ нахичеванскихъ сарбазовъ. По сдачѣ крѣпости, Эксанъ-ханъ открыто принялъ нашу сторону и остался въ своей небольшой резиденціи Ордубадѣ, съ прекрасно устроеннымъ имъ крѣпостцою-замкомъ. Паскевичъ предупредилъ его, что онъ не долженъ рассчитывать на русскія войска, которыя не могутъ защищать Ордубада, такъ какъ занятіе этого города не входило въ планъ воен-

<sup>1)</sup> Желаніе Паскевича не было приведено въ исполненіе своевременно, и надписи, проектированны имъ, высѣчены въ скалахъ только въ ноябрѣ 1903 года стараніями елисаветпольскаго губернатора генераль-маіора Лутцау. Архивъ военно-историческаго отдѣла; дѣло по описи № 109.

ныхъ операцій; но Эксанъ-ханъ, желая спасти городъ и жителей, рѣшился держаться въ немъ до послѣдней крайности, рассчитывая исключительно на собственныя силы. Керимъ-ханъ не замедлилъ открыть противъ него враждебныя дѣйствія.

17-го іюля, когда войска стояли еще подъ Аббасъ-Абадомъ, Эксанъ-ханъ сообщилъ въ штабъ дѣйствующаго корпуса, что большія толпы персіянъ готовятся напасть на Ордубадъ; онъ извѣщалъ также, что будетъ защищаться, вполне надѣясь на своихъ людей, но если семейства преданныхъ ему сарбазовъ, находящіяся беззащитными по деревнямъ, будутъ захвачены непріателемъ, то большая часть гарнизона уйдетъ на защиту своихъ семей. Паскевичъ поставленъ былъ въ весьма затруднительное положеніе. Съ одной стороны помочь хану нужно было во всякомъ случаѣ, а съ другой—защита населенія, разбросаннаго на обширномъ горномъ пространствѣ, неминуемо вела за собою раздробленіе войскъ и въ будущемъ служила бы только причиною вѣчныхъ тревогъ и напрасныхъ походовъ. Изъ этого затрудненія вывелъ главнокомандующаго самъ Эксанъ-ханъ, который рѣшилъ организовать свою собственную вооруженную силу, но просилъ только ружей и одну пушку. „Я долженъ былъ согласиться на это,—пишетъ Паскевичъ въ своемъ донесеніи,—ибо въ противномъ случаѣ, оставшись безъ оружія, онъ, Эксанъ-ханъ, поневолѣ долженъ будетъ передаться непріятелю“.

19-го іюля Тифлисскій пѣхотный полкъ съ черноморской казачьей бригадой и шестью конными орудіями, подъ начальствомъ генераль-маіора князя Вадбольскаго, прибылъ въ Ордубадъ. Князь Вадбольскій, найдя въ окрестностяхъ города полное спокойствіе, передалъ Эксанъ-хану 400 ружей и одну пушку, изъ числа взятыхъ въ Аббасъ-Абадѣ, и затѣмъ отрядъ возвратился назадъ. Спокойствіе, найденное княземъ Вадбольскимъ, однако было обманчиво, и едва онъ вернулся въ лагерь, какъ Керимъ-ханъ появился уже передъ Ордубадомъ. Эксанъ-ханъ отбилъ нападеніе, и главнокомандующій писалъ государю, „что бывшіе персидскіе подданные, будучи предоставлены самимъ себѣ, уже обратили оружіе свое противъ враговъ вашего величества“.

Неудача, однако, только озлобила Керимъ-хана и черезъ нѣсколько дней онъ снова появился передъ Ордубадомъ съ трехтысячной партіей. На этотъ разъ форштадтъ былъ взятъ; два баталіона персидскихъ сарбазовъ съ орудіями обложили замокъ, а конница блокировала городъ съ другого берега Аракса. Исходъ блокады и страшная участь, которая угрожала самому Эксанъ-хану, если бы онъ попался въ руки персіянъ, встревожили Паскевича и въ Ордубадъ, 30-го іюля, форсированнымъ маршемъ былъ направленъ 2-й баталіонъ Грузинскаго полка съ сотнею казаковъ и двумя орудіями, подъ начальствомъ полковника барона Фредерикса; особымъ эшелономъ двинулся за нимъ еще генераль-маіоръ князь Багратіонъ съ армянской сотней и конной грузинской дружиной.

Между тѣмъ положеніе Эксанъ-хана становилось отчаяннымъ. 8 дней съ горстью своихъ приверженцевъ онъ выдерживалъ уже блокаду въ ордубадскомъ замкѣ и послѣдніе 36 часовъ не имѣлъ даже воды. Гарнизонъ начиналъ колебаться, но быстрое появленіе нашего отряда заставило Керимъ-хана снять блокаду и отступить за Араксъ. Городъ былъ занятъ нами безъ боя; но непріятельская конница не хотѣла такъ легко отказаться отъ своей добычи и кинулась внезапно на вьючный обозъ, подходившій къ городу. Керимъ-ханъ справедливо рассчиталъ, что если удастся отбить транспортъ, то русскій отрядъ поставленъ будетъ въ необходимость или уйти назадъ, или очутиться вмѣстѣ съ Эксанъ-ханомъ въ блокадѣ при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ, безъ воды и продовольствія. Но находившаяся въ прикрытіи вьюковъ рота грузинцевъ дала геройскій отпоръ, а къ этому времени подоспѣлъ князь Багратіонъ съ конницей, и, какъ старшій, принялъ общее начальство надъ войсками.

Удерживать за собою Ордубадъ, источникъ вѣчныхъ тревогъ, онъ нашелъ бесполезнымъ, да и самъ Эксанъ-ханъ понималъ, что съ уходомъ русскихъ войскъ, персіяне могли появиться еще въ большихъ силахъ и участь его рано или поздно должна была завершиться кровавой катастрофой. Онъ только просилъ нѣсколько дней, чтобы дать жителямъ время собраться къ переселенію и слѣдовать вмѣстѣ съ отрядомъ. 7-го августа Ордубадъ, наконецъ,

былъ покинуть и войска сами уничтожили замокъ, въ которомъ защищался Эксанъ-ханъ, чтобы не дать персіянамъ устроить изъ него опорный пунктъ на лѣвомъ берегу Аракса.

Обратный путь отряда лежалъ на деревню Чаланапы. Намъ нужно было торопиться, чтобы пройти какъ можно скорѣе тѣсное Ванандское ущеліе и не быть застигнутымъ въ немъ непріателемъ; но громаднѣйшій обозъ съ переселенческими семьями и безконечный рядъ жительскихъ и ханскихъ аробъ и вьюковъ настолько замедлили движеніе, что головная часть отряда не успѣла еще выйти изъ ущелья, какъ непріятельская конница съ посаженными на крупы лошадей персидскими сарбазами уже преградила намъ путь въ Чаланапы. Положеніе становилось опаснымъ. Прямая дорога къ деревнѣ была отрѣзана, и князю Багратіону надо было рѣшиться быстро и безъ колебаній или вернуться назадъ въ Ордубадъ, съ рискомъ подвергнуться нападенію въ только что пройденномъ глухомъ ущельи, или пробить себѣ путь штыками, имѣя на рукахъ тысячи семействъ, которыя подверглись бы въ этомъ случаѣ почти неминуемой гибели.

Изъ этого труднаго положенія вывелъ всѣхъ самъ Эксанъ-ханъ, указавшій Багратіону виднѣвшуюся влѣво высокую гору, которая могла послужить для насъ отличною позиціею. Тамъ отрядъ могъ продержаться весь день, а съ наступленіемъ ночи Эксанъ-ханъ брался провести его въ лагерь прямо черезъ горы. Князь Багратіонъ на этомъ и остановился. Вся 6-я рота грузинцевъ, подъ командою штабсъ-капитана Вретова, и взводъ 2-й гренадерской роты прапорщика князя Чавчавадзе разсыпались въ цѣпь, и подъ ея заслономъ весь отрядъ съ обозами, вьюками и спѣшенной казачьей бригадой, которая вела въ поводу своихъ лошадей, навьюченныхъ провіантомъ, достигъ благополучно намѣченной позиціи. Помѣшать этому движенію непріятель не успѣлъ, но когда начала отступать наша стрѣлковая цѣпь, произошла кровавая схватка. Два баталіона сарбазовъ, поддержанные своей конницей, обрушились на нашъ правый флангъ, гдѣ былъ гренадерскій взводъ. Персіяне напрасно старались смять его; но пылкій князь Циціановъ, потерявъ хладнокровіе, самъ бросился въ шты-

ки и этимъ неосторожнымъ движеніемъ вовлекъ въ бой большую часть баталіона.

Увидя, что взводъ окруженъ, командиръ гренадерской роты штабсъ-капитанъ Подлуцкій бросился къ нему на помощь, но было уже поздно. Князь Чавчавадзе, „искупивъ своею кровью,—какъ доносилъ Паскевичъ,—честь русскаго оружія“, палъ подъ ударами сабель; взводъ его былъ истребленъ, и самъ штабсъ-капитанъ Подлуцкій, пытавшійся поправить дѣло, получилъ смертельную рану. Персіяне добили храбраго офицера, но не могли завладѣть его тѣломъ: унтеръ-офицеръ Кобановъ врѣзался съ нѣсколькими гренадерами въ густую толпу непріятеля и вынесъ трупъ своего командира.

Между тѣмъ бой принялъ уже значительные размѣры; выручка то одного, то другого товарища втянула въ дѣло всѣ роты, а вмѣстѣ съ тѣмъ повела и къ новымъ значительнымъ жертвамъ. Въ штыковой схваткѣ Грузинскаго полка командиры: четвертой роты — Литвиновъ и пятой — Чубскій были ранены, прапорщикъ Севарсамидзе убитъ. Палъ также храбрый штабсъ-капитанъ Вретовъ, герой Елисаветполя, въ тотъ моментъ, когда во главѣ своей 6-й роты бросился во флангъ непріятеля; онъ былъ раненъ смертельно, но вынесенъ изъ боя своимъ фельдфебелемъ Яковлевымъ. Его мѣсто заступилъ прапорщикъ Лавровъ, который, также весь израненый, былъ схваченъ персіянами и одинъ изъ нихъ уже готовился отсѣчь ему голову, когда полковникъ Фредериксъ, увидя это, самъ врुбился въ толпу, и, вырвавъ его изъ рукъ непріятеля, вынесъ на своихъ рукахъ. Отчаянный отпоръ, полученный персіянами на этомъ пунктѣ, заставилъ ихъ сдѣлать попытку противъ лѣваго фланга, гдѣ стояла спѣшенная грузинская конница. Пока здѣсь шла сильная перестрѣлка, вдали, неожиданно для всѣхъ, показалась рота 7-го Карабинернаго полка, предусмотрительно высланная Паскевичемъ навстрѣчу князя Багратіона. Появленіе карабинеровъ рѣшило участь сраженія, и непріятель отступилъ. Въ этотъ день мы потеряли 7 офицеровъ и болѣе 50-ти нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными.

Ордубадское дѣло осталось памятнымъ какъ одинъ изъ тѣхъ

эпизодовъ, полныхъ самоотверженія, которые никогда не забываются. Въ этомъ бою поражаетъ особенно рядъ высокихъ проявлений по истинѣ братскаго чувства, которое побуждало сражавшихся жертвовать собою ради спасенія товарищей. Величавый образъ полковника, врубающагося въ толпу враговъ, чтобы спасти меньшого изъ своихъ подчиненныхъ, и не менѣ трогательный образъ рядового, отнимающаго изъ рукъ сильныхъ враговъ умирающаго начальника, чтобы не дать посмѣяться надъ его головою,—говорятъ громко о той нравственной силѣ и чувствѣ долга, которыми исполнены были старыя кавказскія войска.

Генераль-адъютантъ Паскевичъ, описывая эти подвиги въ своемъ всеподданнѣйшемъ донесеніи, въ концѣ добавляетъ: „таковые примѣры я счелъ нужнымъ изложить здѣсь, дабы представить духъ неустрашимости и любви къ начальству, коими одушевлены въ здѣшнемъ краю войска вашего императорскаго величества“ <sup>1)</sup>).

Большое число раненыхъ и тяжелая дорога вынудили отрядъ слѣдовать медленно, и только 12-го августа онъ прибылъ въ Кара-бабу.

Въ опустѣломъ Ордубадѣ персіянамъ дѣлать было нечего, и Керимъ-ханъ попытался перенести свою дѣятельность въ самыя окрестности главнаго русскаго лагеря. Въ 30-ти верстахъ отъ Кара-бабы, по направленію къ Джульфинской переправѣ, въ горахъ стояла небольшая персидская крѣпостца Аланча (Алынджа), на которую до сихъ поръ никто не обращалъ вниманія. Малочисленный и при томъ совершенно изолированный гарнизонъ ея представлялъ слишкомъ ничтожную силу, чтобы отважиться на какія - нибудь предпріятія,—и покореніе крѣпостцы было предоставлено времени. Между тѣмъ, этотъ то забытый уголокъ Керимъ-ханъ и избралъ теперь центромъ своихъ операций. Когда подъ стѣнами Аланчи появилась конница смѣлаго партизана и въ одинъ переходъ могла нагрянуть оттуда на пастбищныя мѣста въ окрестностяхъ Кара-

<sup>1)</sup> Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣла по генеральному штабу 1827 г., №№ 3, ч. II и 39. Инструкція командиру Грузинскаго гренадерскаго полка полковнику Фредериксу. Репорты князя Багратіона отъ 8-го августа. Журналъ всеподданнѣйшихъ донесеній 1827 г. № 99.

бабы, гдѣ ходили кавалерійскіе табуны, порціонный скоть и транспортные волы и всему отряду стала грозить ежеминутная опасность, —эта ничтожная крѣпостца вдругъ выросла до значенія сильнаго опорнаго непріятельскаго пункта, который оставлять въ рукахъ непріятеля было невозможно.

Пастбищныя войсковыя мѣста охранялись всего одной ротой, слишкомъ слабой, чтобы бороться съ Керимомъ, и Паскевичъ тотчасъ выслалъ туда еще три роты Тифлискаго полка, дивизіонъ нижегородскихъ драгунъ и двѣ сотни казаковъ съ однимъ горнымъ орудіемъ, подъ начальствомъ полковника Муравьева. Послѣднему было приказано прогнать Керимъ-хана за Араксъ, а если бы онъ заперся въ Аланчѣ, блокировать крѣпостцу и принудить ее къ сдачѣ. Отъ лазутчика Паскевичъ имѣлъ свѣдѣнія, что Аланча построена на высокой скалѣ, и что гарнизонъ ея можетъ быть легко отрѣзанъ отъ воды, которую добываютъ съ большимъ трудомъ изъ небольшой рѣчки Алынджи-чай, протекающей у самой подошвы утеса.

18-го августа Муравьевъ подошелъ къ Аланчѣ, но не засталъ уже здѣсь ни Керимъ-хана, ни другихъ разбойничьихъ шаякъ, которыя, поднявшись вдругъ съ этихъ насиженныхъ мѣстъ, поспѣшно ушли къ Эривани. Самая Аланча оказалась крѣпостцой неприступной, овладѣть которою можно было только въ случаѣ оплошности ея гарнизона, а блокировать и совсѣмъ бесполезно, такъ какъ въ крѣпости находились три родника, обильные водою, и собраны большіе запасы. Очевидно, что подъ Аланчой стоялъ было нечего, и Муравьевъ возвратился назадъ тѣмъ болѣе, что исчезновеніе Керимъ-хана казалось въ первое время весьма загадочнымъ. Но вскорѣ обстановка выяснилась. Въ Кара-бабу пришло извѣстіе, что вся персидская армія съ самимъ Аббасъ - Мирзою вторглась въ Эриванское ханство,—и Паскевичу пришлось спѣшить на помощь генералу Красовскому.

Но прежде чѣмъ описывать дальнѣйшія событія необходимо познакомиться съ личностью начальника эриванскаго отряда, Аванасія Ивановича Красовскаго, одного изъ лучшихъ нашихъ боевыхъ генераловъ. Молодые годы, проведенные имъ въ прежней Слободско-Украинской губерніи, гдѣ все еще дышало старою ка-



зацкою удалю, совпали какъ-разъ со временемъ начинавшихся огромныхъ европейскихъ войнъ, представлявшихъ обширное поприще для боевыхъ отличій. Служба Красовскаго и началась въ 1805 году въ рядахъ 13-го Егерскаго полка, который въ составѣ десантнаго отряда былъ направленъ въ Каттарскій заливъ на помощь къ черногорцамъ. Вмѣстѣ съ ними онъ, тогда еще молодой поручикъ, участвовалъ въ битвахъ съ французами при взятіи укрѣпленныхъ высотъ Баргартъ, при осадѣ Рагузы и затѣмъ въ Герцеговинѣ, при обложеніи крѣпости Никшичъ. Военная школа, пройденная имъ въ сорабничествѣ такихъ людей какъ обитатели Черной горы, не могла не обнаружить громаднаго вліянія на всю его послѣдующую боевую дѣятельность. Отъ нихъ заимствовалъ онъ ледяное спокойствіе въ опасности, неукротимый пылъ во время, атаки, и тѣ своеобразные приемы войны, которые могли быть созданы только людьми, приученными къ борьбѣ всей обстановкой своей обыденной жизни. Когда французы ушли изъ Черногоріи, 13-й Егерскій полкъ былъ перевезенъ моремъ въ Венецію, а оттуда сухимъ путемъ отправленъ въ составъ молдавской арміи. Онъ прибылъ туда въ началѣ 1809 года, и 6-го апрѣля участвовалъ уже въ памятномъ штурмѣ крѣпости Браилова, когда изъ полка, въ которомъ Красовскій командовалъ гренадерской ротой, возвратилось назадъ только 4-ре офицера и 200 солдатъ; въ числѣ первыхъ былъ и А. И. Красовскій. Въ слѣдующемъ году онъ во главѣ охотниковъ переплываетъ Дунай и беретъ редутъ, прикрывавшій доступъ къ крѣпости Туртукаю; потомъ участвуетъ въ кровавомъ штурмѣ Рушукъ и, наконецъ, снова переносится въ Сербію вмѣстѣ съ корпусомъ отважнаго Засса. Здѣсь при взятіи редута на островѣ Ланпаланкѣ онъ получилъ тяжелую рану пулею въ бокъ, а потомъ командовалъ сербской дружиной, прибывшей изъ Неготина съ воеводою Велько Петровичемъ,—этимъ народнымъ героемъ, о которомъ ходили цѣлыя легенды, сдѣлавшія имя его грозою и ужасомъ турокъ. Съ нимъ вмѣстѣ Красовскій дѣйствовалъ по путямъ изъ Виддина къ Софіи, уничтожая подвижныя турецкія колонны, захватывая транспорты и разоряя небольшія укрѣпленія. Дѣла эти не вызывали громкихъ реляцій, но цѣлый

рядъ отличій настолько способствовалъ быстрой служебной карьерѣ Красовскаго, что, начавъ турецкую войну армейскимъ поручикомъ, онъ окончилъ ее полковникомъ съ Георгіемъ 4-го класса и Владиміромъ въ петлицѣ, съ брилліантовыми знаками Анны 2-й степени и золотою шпагою „за храбрость“. Въ отечественную войну Красовскій командовалъ уже 14-мъ Егерскимъ полкомъ въ арміи Тормасова; снова былъ раненъ пулею въ животъ, а при штурмѣ Борисова, во время березинской переправы французовъ, получилъ въ чинѣ полковника Георгія 3-го класса. Дальнѣйшее участіе въ наполеоновскихъ войнахъ — Лейпцигъ Реймсъ, Краонъ и Парижъ—доставили ему чинъ генераль-майора, золотую саблю, осыпанную алмазами и анненскую ленту. По заключеніи мира, Красовскій нѣсколько лѣтъ состоялъ по арміи, потомъ назначенъ былъ начальникомъ штаба 4-го пѣхотнаго корпуса, а въ день коронаціи императора Николая Павловича, произведенъ въ генераль-лейтенанты и получилъ въ командованіе 20-ю пѣхотную дивизію, направленную тогда на Кавказъ. „Съ достоинствомъ воина—говорятъ о немъ современники—онъ соединялъ въ себѣ достоинство человѣка,—и вотъ почему ему принадлежали справедливо и души и сердца наши“.

Принявъ начальство надъ эриванскимъ отрядомъ, Красовскій былъ пораженъ страшною смертною въ полкахъ и призналъ болѣе благоразумнымъ отойти отъ крѣпости въ сосѣднія горы, чтобы дать войскамъ оправиться до осени, когда придетъ осадная артиллерія. Онъ подробно написалъ обо всемъ Паскевичу—и разрѣшеніе, какъ мы уже знаемъ, послѣдовало.

21-го іюля, въ полночь, блокадный отрядъ тихо снялся съ своихъ позицій и отступилъ къ Эчміадзину. Непріятель узналъ объ этомъ только на слѣдующій день, когда взошедшее солнце освѣтило передъ нимъ пустыя батареи, да брошенные редуты—безмолвные остатки еще недавняго присутствія здѣсь русскихъ войскъ. Но ни одного штыка, ни одной казачьей пики не было видно съ эриванскихъ башенъ. Радость и ликованіе эриванскихъ жителей, впервые вздохнувшихъ свободно послѣ двухмѣсячной тяжелой блокады, не имѣли предѣловъ, и старый сардаръ, при громѣ крѣпостныхъ ору-

дій, торжественно отправился въ мечеть благодарить Аллаха за избавленіе отъ нашествія невѣрныхъ.

Въ Эчміадзинѣ отрядъ простоялъ нѣсколько дней, устроилъ въ немъ госпиталь, вооружилъ три монастырскія башни полевой артиллерією и, оставивъ въ гарнизонѣ одинъ баталіонъ Севастопольскаго пѣхотнаго полка, пять орудій и конную армянскую сотню, которая сама просила поручить ей защиту роднаго монастыря, отошелъ на Башъ-Абаранскую возвышенность, гдѣ на урочищѣ Джингили расположился лагеремъ. Послѣ нестерпимаго зноя и сильныхъ удушливыхъ вѣтровъ, войска вдругъ очутились въ горной прохладѣ, среди роскошной зелени. Солдаты ожили и минувшіе труды были ими забыты. Однообразно потянулась лагерная жизнь, время отъ времени прерываемая лишь небольшими тревогами, когда Красовскому приходилось высылать отряды противъ эриванскаго гарнизона, выходившаго въ поле; серьезныхъ дѣлъ не происходило, но было видно, что занятіе нами Эчміадзина беспокоило стараго сардаря; онъ нѣсколько разъ съ большею частью своего гарнизона подходилъ къ монастырскимъ стѣнамъ, но всегда безуспѣшно. Кромѣ того, опасаясь неожиданнаго наступленія Красовскаго, сардаръ выдвинулъ для наблюденія за русскимъ лагеремъ тысячный конный отрядъ карапаховъ Наги-хана, который, расположившись на отлогостяхъ Алагеза, зорко слѣдилъ за каждымъ движеніемъ нашихъ войскъ. Зная изъ его донесеній и отъ своихъ лазутчиковъ, что русскій отрядъ ослабленъ болѣзнями и подкрѣпленія, идущія къ нему, еще далеко, онъ съ обычною восточною хвастливостью не приминувъ извѣстить наслѣднаго принца о своихъ мнимыхъ успѣхахъ. „Эривань, — писалъ онъ къ нему, — освобождена отъ блокады, русскіе отброшены въ горы; отрядъ ихъ малочисленъ, разстроенъ и нѣтъ ничего легче, какъ овладѣть теперь Эчміадиномъ, отбить осадную артиллерію,двигающуюся еще въ Безобдальскихъ горахъ и, истребивъ Красовскаго, открыть дорогу въ Грузію“.

Донесенія эриванскаго сардаря о положеніи отряда Красовскаго вполнѣ совпадали съ предположеніями самого Аббасъ-Мирзы, хорошо понимавшаго, что съ прекращеніемъ знойнаго времени

неминуемо послѣдуетъ наступленіе Паскевича къ Тавризу. И вотъ, чтобы помѣшать этому движенію, онъ остановился на смѣломъ и рѣшительномъ планѣ—броситься внезапно изъ Чорса въ Эриванское ханство въ тылъ главнымъ силамъ и, такимъ образомъ, заставить Паскевича отказаться отъ своего намѣренія. При благопріятныхъ обстоятельствахъ Аббасъ - Мирза могъ рассчитывать даже перейти въ наступленіе и вырвать изъ рукъ побѣдителя плоды его побѣдъ и усилий. Для этого онъ предполагалъ сначала разрушить до основанія Эчміадзинъ, а затѣмъ, разбивъ слабый отрядъ Красовскаго, или, оставивъ его стоять въ Джингилахъ, со всѣми силами устремиться въ Грузію черезъ Гумы. Путь этотъ былъ кружной, но весьма удобный для движенія войскъ съ артиллеріей и при томъ защищаемый только нѣсколькими слабыми нашими ротами, разбросанными по разнымъ пунктамъ. Такимъ образомъ, Аббасъ - Мирза рассчитывалъ свободно овладѣть Тифлисомъ, но не останавливаться въ немъ, а только разрушить городъ и затѣмъ черезъ Елисаветполь и Карабагскую провинцію возвратиться въ Азербейджанъ. Цѣлью этого быстрого кругового движенія предполагалось, сверхъ разрушенія Тифлиса, истребленіе на всемъ пути продовольственныхъ средствъ. Планъ былъ задуманъ очень хорошо и показывалъ насколько правъ былъ осторожный Ермоловъ, предвидя для Грузіи многочисленныя опасности, которыхъ не хотѣли видѣть и признавать другіе. „Все это,—сознается Красовскій,—Аббасъ-Мирза легко могъ исполнить, ибо въ теченіе 10-ти—15-ти дней своего летучаго марша не встрѣтилъ бы нигдѣ на своемъ пути болѣе одного баталіона“ <sup>1)</sup>. Удайся этотъ набѣгъ и наши главныя силы, стоявшія у Кара-бабы, отрядъ Красовскаго и вообще всѣ войска, находившіяся въ персидскихъ границахъ, лишились бы продовольствія и были бы вынуждены поспѣшно возвратиться въ Грузію.

Планъ этотъ персіяне не сумѣли, однако, сохранить въ тайнѣ, и скоро онъ сдѣлался извѣстенъ командовавшему войсками въ Грузіи генераль-адъютанту Сипягину, который тотчасъ передвинулъ двѣ роты 41-го Егерскаго полка изъ Цалки въ Башкичетъ, баталіонъ

---

<sup>1)</sup> Кавказскій Сборникъ, т. XXII. Дневникъ генерала Красовскаго 1826—1828 гг.

Севастопольскаго полка перевелъ изъ отряда Красовскаго въ Гумры, и туда же направилъ роту Тифлискаго полка съ двумя орудіями. Граница была теперь прикрыта, но зато небольшой отрядъ Красовскаго уменьшился на цѣлый баталіонъ пѣхоты.

Между тѣмъ Аббасъ-Мирза уже началъ приводить свой планъ въ исполненіе. 4-го августа онъ переправился черезъ Араксъ противъ Сардаръ-Абада и сталъ на крѣпкой позиціи у Аштаракъ, между Эчміадзиномъ и русскимъ лагеремъ. Четырехтысячный отрядъ нашъ внезапно очутился лицомъ къ лицу съ значительными силами персидской арміи (10 тысячъ пѣхоты, 15 тысячъ кавалеріи и 15 орудій). Аббасъ-Мирза не рѣшился, однако, атаковать Красовскаго, и оба противника нѣкоторое время стояли въ бездѣйствіи, какъ бы присматриваясь другъ къ другу. Прежде чѣмъ рѣшиться на нападеніе, каждый хотѣлъ узнать силы и расположеніе своего противника.

Наконецъ, 10-го августа, Аббасъ-Мирза произвелъ усиленную рекогносцировку, но вынесъ изъ нея только убѣжденіе, что русская позиція весьма крѣпка и лагерь неприступенъ. Съ своей стороны то же убѣжденіе вынесъ и Красовскій изъ своей рекогносцировки непріятельскаго лагеря. Такимъ образомъ, обѣимъ сторонамъ оставалось одно—постараться выманить противника въ открытое поле. Но медлить Аббасъ-Мирзѣ было слишкомъ опасно; надо было рѣшиться на что-нибудь, и вотъ, 15-го августа, персидская армія, покинувъ Аштаракъ, передвинулась къ Ушагану и стала на дорогѣ къ Эчміадзину. Аббасъ-Мирза рассчиталъ вѣрно, что опасность, грозившая монастырю, защищаемому только слабымъ гарнизономъ, вынудитъ Красовскаго спуститься съ горъ и вступить съ нимъ въ бой.

Комендантомъ Эчміадзина былъ въ то время старый артиллерійскій, подполковникъ Линденфельденъ, одинъ изъ лучшихъ штабъ-офицеровъ 20-й бригады. Внезапное появленіе персидскихъ войскъ передъ монастыремъ не смутило его. На предложеніе сдать Эчміадзинъ онъ отвѣчалъ лаконически, однимъ короткимъ словомъ: „Не сдамъ“. Когда персидскіе сановники, разсыпая передъ нимъ перлы своего краснорѣчія, пытались переманить его въ шахскую

службу, онъ сказалъ, что русскіе собою не торгуютъ, а если монастырь персіянамъ нуженъ, то пусть они войдутъ въ него съ оружіемъ въ рукахъ. Упорство коменданта заставило Аббасъ-Мирзу обратиться къ другому средству и искать себѣ союзника въ лицѣ архіепископа Нерсеса. Онъ обѣщалъ ему и Эчмιάдину высокое покровительство шаха, но прибавлялъ, что если онъ не отворитъ ворота добровольно, то монастырь будетъ окруженъ артиллеріей и разоренъ до основанія. „Обитель сильна защитой Бога,—отвѣчалъ на это Нерсесъ,—попытайся взять ее силой“. Тогда персіяне выдвинули свои батареи и къ вечеру открыли сильную канонаду, донесившуюся до самого лагеря Красовскаго.

Вмѣстѣ съ бомбардированіемъ началась тѣсная блокада монастыря, совершенно прервавшая всѣ сообщенія его съ нашимъ отрядомъ. Положеніе Красовскаго было тяжелое; ожидая осадную артиллерію, а вмѣстѣ съ ней и Кабардинскій пѣхотный полкъ, находившіеся всего въ 3-хъ—4-хъ переходахъ, онъ не могъ итти на выручку Эчмιάдина. Между тѣмъ канонада подъ монастыремъ, начавшаяся съ ранняго утра 16-го августа, гремѣла на равнинѣ до самого полудня, показывая серьезныя намѣренія непріятеля разгромить Эчмιάдинъ. Въ этотъ же самый день Красовскому доложили, что въ Эчмιάдинѣ нѣтъ провіанта; въ послѣдствіи это оказалось простымъ недоразумѣніемъ, но это извѣстіе, вмѣстѣ съ просьбою Нерсеса поспѣшить на помощь, заставило Красовскаго двинуться къ Эчмιάдину и доставить туда транспортъ съ продовольствіемъ. Многіе пытались отклонить его отъ этого опаснаго движенія, но онъ остался непреклоненъ. „Одинъ часъ промедленія, —говорилъ онъ—можетъ сдѣлать непоправимый поворотъ въ цѣломъ ходѣ кампаніи. Монастырь въ опасности—надо итти“. Старый ветеранъ, человекъ безупречной храбрости, Красовскій вѣрилъ въ доблесть русскаго солдата, и многочисленность непріятеля его не пугала. „По неоднократнымъ опытамъ—говоритъ онъ въ своемъ дневникѣ <sup>1)</sup>—я въ полной мѣрѣ могъ положиться на довѣріе ко мнѣ, усердіе и неустрашимость, одушевлявшія офицеровъ и солдатъ“.

Для предстоящаго похода были назначены: 40-й Егерскій полкъ,

---

<sup>1)</sup> Дневникъ генерала Красовскаго 1826—1828 г.г., стр. 14.

по одному баталіону отъ Крымскаго пѣхотнаго и 39-го Егерскаго полковъ, два казачьи полка Андреева и Сергѣева, 4 батареи и 6 легкихъ орудій 20-й артиллерійской бригады и, наконецъ два орудія; къ нимъ присоединился еще особый сводный баталіонъ, составленный Красовскимъ изъ двухъ ротъ 40-го Егерскаго полка, 80-ти человекъ, оставшихся при штабѣ отъ Севастопольскаго баталіона и 60 человекъ пѣшей грузино-армянской милиціи. Двухмѣсячное пребываніе въ Эриванскомъ ханствѣ настолько ослабило войска, что въ баталіонахъ едва насчитывалось по 450 штыковъ, а казачьи полки, оба вмѣстѣ, не могли выставить болѣе 300 всадниковъ; общая численность отряда не превышала 2800 человекъ пѣхоты и конницы. Для прикрытія лагеря остался только одинъ баталіонъ Крымскаго полка съ полуротою пионеръ и 10 орудій, подъ командою генералъ-маіора Берхмана. Въ 5 часовъ пополудни огромный обозъ изъ артельныхъ повозокъ, полковыхъ и артиллерійскихъ фуръ съ 10-ти-дневнымъ запасомъ провіанта вытянулся по дорогѣ и отрядъ двинулся къ Эчмиадзину.

„Ребята!—говорилъ Красовскій въ своемъ приказѣ по войскамъ <sup>1)</sup>—я увѣренъ въ вашей храбрости и усердіи, увѣренъ въ готовности вашей бить непріятеля, что я уже видѣлъ на опытѣ. Въ какихъ бы силахъ онъ съ нами ни встрѣтился, мы не будемъ считать его, а постараемся нанести рѣшительное пораженіе. Мы имѣемъ передъ непріателемъ то превосходство, что одушевлены единымъ чувствомъ служить вѣрно отечеству и свято исполнять волю нашего государя. Я предвораю васъ, что строгій порядокъ и устройство всегда приведутъ васъ къ побѣдѣ“...

Передъ выступленіемъ отслужено было молебствіе, и благочинный 20-й пѣхотной дивизіи, Тимофеей Мокрицкій, благословилъ воиновъ, идущихъ въ бой, исходъ котораго былъ скрытъ за непроницаемою завѣсою будущаго.

„Воины!—говорилъ онъ — не уstraшитесь многочисленности враговъ вашихъ. Они только прославятъ мужество ваше и вѣще доставятъ вамъ лавры почестей и похвалъ“... <sup>2)</sup>

<sup>1)</sup> Тамъ же, стр. 15. Приказъ Красовскаго по войскамъ 16-го августа 1827 года № 48.

<sup>2)</sup> Тамъ же, стр. 16 Рѣчь сказанная благочиннымъ 20-й пѣхотной дивизіи Тимофеемъ Мокрицкимъ.

Отъ Джингили до Эчміадзина всего было 35 верстъ, и Красовскій рѣшилсѣ сдѣлать ихъ въ два перехода. Солдаты шли бодро, вездѣ гремѣла музыка и пѣсни. Около 9-ти часовъ вечера войска спустились въ долину противъ селенія Сангу-Саванга, и здѣсь ночевали. На утро предстояла встрѣча съ непріятелемъ <sup>1)</sup>).

---

<sup>1)</sup> Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣло 1827 г. № 2—с движенія и дѣйствія генерала Красовскаго.



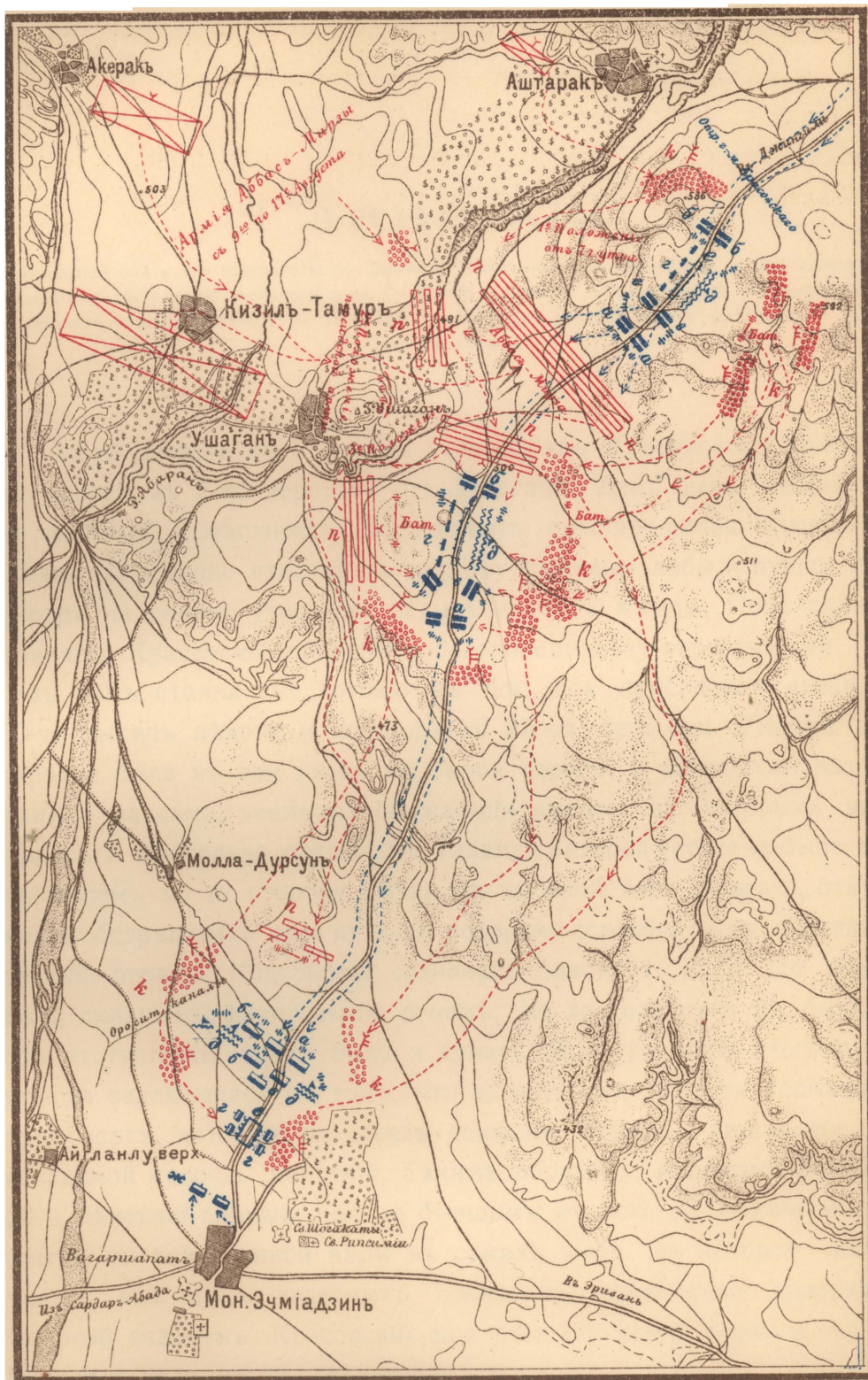
# ПЛАНЪ

## БОЯ ПРИ Д.УШАГАНЪ И МОН. ЭЧМІАДЗИНЪ

17<sup>20</sup> Августа 1827 года.

Масштабъ:

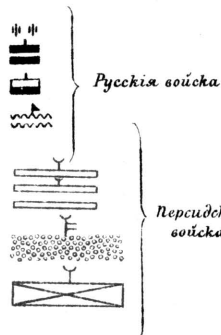
0 2 2 вер.



Объясненіе:

- а, — батал. 39 Егерскаго полка
- б, — " 40 " "
- в, — " Крымскаго пѣх. пол.
- з, — " Сводный баталіонъ  
(Полур. 8<sup>00</sup> Пѣхер б., 80 т. Севастоп. пол. рат-  
ники грузинской и армянской дружины)
- д, сотни донск. полк. Андреева и  
Сергѣева.
- е, Обозъ
- п., Персидская пѣхота
- к., " конница
- м. часть гарнизона Эчмиадзина

Знаки:



## Глава XIII.

Аштаракскій бой и его результаты. — Движеніе Паскевича изъ Кара-бабы къ Эчміадзину. — Поспѣшное отступленіе Аббасъ-Мирзы. — Взятіе крѣпости Сардаръ-Абада. — Выступленіе къ Эривани и осада крѣпости. — Попытки Гассанъ-хана прорваться изъ крѣпости. — Паденіе Эривани.

---

15-го августа въ 7 часовъ утра отрядъ Красовскаго прибылъ на высоты въ 2-хъ верстахъ отъ Ушагана. День былъ необычайно знойный, а мѣстность, въ полномъ смыслѣ слова, безводная. Люди, помогавшіе втаскивать на гору тяжелыя арбы и пушки, не смотря на раннее утро, уже задыхались отъ жажды. Пока дѣлали приваль, Красовскій произвелъ рекогносцировку окрестностей. Передъ нимъ стояла уже готовая къ бою вся персидская армія до 30-ти тысячъ пѣхоты и конницы съ 22-мя орудіями. Пѣхота построена была въ три линіи на самой дорогѣ, а кавалерія, разсыпанная массами, занимала ближайшія высоты, на которыхъ виднѣлось и нѣсколько орудій. Но главная батарея устроена была неприятелемъ по ту сторону рѣчки, на высокой горѣ Ушаганъ, откуда могла обстрѣливать весь путь, по которому долженъ былъ проходить русскій отрядъ. Красовскій сознавалъ опасность идти все время подъ сильнымъ фланговымъ огнемъ, но другого пути не было, а объ отступленіи нечего было и думать. Вся трудность этого предпріятія заключалась въ томъ, что за войсками тянулся громадный транспортъ, который связывалъ движеніе отряда, лишая его необходимой свободы дѣйствій. Такимъ образомъ, молодымъ полкамъ 20-й пѣхотной дивизіи, еще не бывшимъ въ бою, не имѣвшимъ ни опыта, ни той великой вѣры въ самихъ себя, въ которой заключается вся тайна чудесныхъ подвиговъ, предстояло выдержать трудный экзаменъ. Красовскій еще разъ объѣхалъ полки и отрядъ двинулся за нимъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

Въ авангардѣ, по обѣ стороны дороги, слѣдовали два полубаталіона 39-го Егерскаго полка съ четырьмя орудіями; за ними— въ томъ же порядкѣ баталіонъ Крымскаго полка также съ четырьмя орудіями; далѣе, по самой дорогѣ, длинною лентой тянулся обозъ, подъ прикрытіемъ справа своднаго баталіона, слѣва—казаковъ; арріергардъ составлялъ 40-й Егерскій полкъ съ остальными четырьмя легкими орудіями <sup>1)</sup>.

Съ первой позиціи персіяне были сбиты легко и съ большою потерей отступили подъ главныя батареи, тотчасъ же открывшія сильный огонь. Наша артиллерія отвѣчала энергически, и войска, подъ ея прикрытіемъ, шагъ за шагомъ подавались впередъ. Но главныя трудности предстояли еще впереди, гдѣ попадались мѣстами такіе крутые обрывы, что пушки и тяжело нагруженные фуры приходилось во многихъ мѣстахъ спускать на канатахъ.

Между тѣмъ Аббасъ-Мирза успѣлъ уже устроить свою разстроенную пѣхоту и всѣми силами атаковалъ отрядъ со всѣхъ сторонъ. 22 орудія принялись громить его перекрестнымъ огнемъ; въ то же время часть непріятельской пѣхоты преградила намъ путь съ фронта, а главныя силы Аббасъ-Мирзы, пропустивъ арріергардъ, зашли намъ въ тылъ. Отрядъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. Напрасно Красовскій торопилъ движеніе; трудные подъемы и спуски заставляли останавливаться повозки, изъ которыхъ нѣкоторыя были подбиты и, загромождая дорогу, еще болѣе усиливали отчаянное положеніе отряда. Съ каждымъ шагомъ впередъ потери становились значительнѣе, а бой между тѣмъ разгорался сильнѣе и сильнѣе. Пока храбрый баталіонъ 39-го Егерскаго полка штыками прокладывалъ дорогу отряду, непріятель всѣми силами обрушился на нашъ арріергардъ. Пришлось подкрѣпить его цѣлымъ баталіономъ крымцевъ, и Красовскому не разъ приходилось самому водить въ штыки то ту, то другую роту, чтобы только дать время остальнымъ отойти вслѣдъ за обозомъ.

Въ одинъ изъ такихъ моментовъ пришлось прикрывать отступление на одномъ чрезвычайно опасномъ спускѣ двумъ орудіямъ легкой № 3-й роты 20-й артиллерійской бригады, при которыхъ на-

---

<sup>1)</sup> Кавказскій Сборникъ, томъ XXII. Дневникъ Красовскаго, стр. 18.

ходилъ самъ командиръ батареи капитанъ Соболевъ. Красовскій видѣлъ опасное положеніе орудій, и опасаясь вредныхъ послѣдствій въ случаѣ преждевременнаго отступленія ихъ, самъ поскакалъ на батарею, чтобы ободрить людей. Но капитанъ Соболевъ „съ полнымъ присутствіемъ духа и удовольствіемъ на лицѣ,—пишетъ Красовскій въ своемъ дневникѣ <sup>1)</sup>—сказалъ: „Будьте увѣрены, и двадцать персидскихъ орудій меня не собьютъ“. И дѣйствительно, потерявъ большую часть своихъ людей, онъ отступилъ не прежде, какъ получилъ приказаніе. „Мужество и неустрашимость, — говоритъ Красовскій, — достойныя изумленія“!

Едва Соболева смѣнили на новомъ спускѣ другой артиллерійскій взводъ, какъ непріятельское ядро разбило ось у батарейнаго орудія. Полковникъ Гилленшмидтъ лично подвезъ запасный лафетъ, чтобы переложить орудіе, но непріятель, воспользовавшись этимъ моментомъ, бросился толпами, чтобы захватить пушку. Красовскій, увидѣвъ замѣшательство людей, самъ поскакалъ къ орудію и очутился подъ страшнымъ картечнымъ огнемъ, которымъ персіяне очевидно хотѣли заставить насъ бросить подбитое орудіе. Стрѣлковая цѣпь наша на этомъ пунктѣ была уже опрокинута. „Ваше превосходительство! — сказалъ Красовскому Гилленшмидтъ: я васъ прошу оставьте меня на жертву, но не подвергайтесь сами столь очевидной опасности. Будьте увѣрены, что мы сами сдѣлаемъ все, чтобы спасти орудіе“.—„Я останусь съ вами“,—отвѣтилъ Красовскій, и, приказавъ маіору Щеголеву съ двумя ротами 40-го полка не уступать ни шагу, самъ поскакалъ къ резерву и крикнулъ: „Ребята! За мной, выручайте пушку!“. Его одушевленіе сообщилось всѣмъ. Солдаты врѣзались въ густую толпу персіанъ, уже бѣжавшихъ къ орудію, а пока шла рукопашная схватка, артиллеристы успѣли подхватить и вывезти орудіе.

Дѣло было сдѣлано, но самъ Красовскій едва избѣжалъ при этомъ гибели. Лошадь подъ нимъ была убита; но только что онъ успѣлъ пересѣсть на другую, какъ осколокъ непріятельской гранаты раздробилъ ему ключицу и почти въ тотъ же моментъ убита подъ нимъ и вторая лошадь. Поручикъ Пожидаевъ, коман-

---

<sup>1)</sup> Тамъ же, стр. 22.

довавший цѣпью, подвелъ ему свою, но Красовскій уже не могъ сѣсть на нее безъ посторонней помощи. Его посадили егеря. „Я старался—говорить онъ въ своемъ дневникѣ—скрывать положеніе руки моей, долженъ былъ показывать совершенное спокойствіе и ободрять личнымъ присутствіемъ вездѣ, гдѣ намъ угрожала наибольшая опасность“. Дѣйствительно, едва Красовскій отъѣхалъ отъ отряда вслѣдъ за орудіями Гилленшмидта, какъ дали знать, что маіоръ Щеголевъ раненъ въ голову, и что непріятель начинаетъ тѣснить егерей. Опасаясь, чтобы потеря этого достойнаго офицера не поколебала твердости его баталіона, Красовскій снова прискакалъ къ егерямъ, ободрилъ ихъ, и нападеніе было отбито.

Едва отразили враговъ на этомъ пунктѣ, какъ Красовскій замѣтилъ, что часть непріятельской конницы быстро перенеслась черезъ дорогу и скрылась слѣва за ближайшимъ гребнемъ. Опытнымъ взглядомъ окинулъ онъ поле сраженія и тотчасъ же увидѣлъ два наши орудія, которыя, слишкомъ выдвинувшись впередъ, стояли безъ прикрытія и весьма энергично сдерживали своимъ огнемъ непріятеля, старавшагося сбить лѣвую цѣпь. Очевидно было, что эти то орудія и манили къ себѣ персидскую конницу. Закрытая рядомъ холмовъ, она была отъ нихъ уже всего саженьяхъ въ тридцати, какъ появился Красовскій. Блѣдный, съ перевязанною рукою, изнемогавшій отъ страданій, онъ соскочилъ съ коня и сталъ во главѣ тридцати егерей, прибѣжавшихъ вслѣдъ за своимъ отважнымъ начальникомъ. Въ этотъ моментъ непріятельская конница вынеслась на чистое мѣсто и приостановилась на бугрѣ, не далѣе пистолетнаго выстрѣла отъ батареи. Тридцать егерей, конечно не могли отстоять орудій. Но прежде чѣмъ непріятельская кавалерія стянулась и устроилась къ бою, Красовскій самъ бросился въ штыки, и непріятель, изумленный внезапнымъ нападеніемъ, повернулъ назадъ и скрылся изъ виду.

Среди постоянныхъ и безпрерывныхъ схватокъ, войска до этихъ поръ сохраняли строгій порядокъ. Но вотъ передъ ними послѣдній подъемъ, за которымъ начинается равнина. Всѣ понимали, что здѣсь то именно отрядъ и подвергался опасности быть смятымъ и раздавленнымъ многочисленной конницей противника. Наступи-

ла роковая минута, когда, окруженный въ десять разъ сильнѣйшимъ непріателемъ, онъ долженъ былъ итти на проломъ, чтобы спасти знамена. Оставивъ обозы подъ прикрытіемъ арьергарда, Красовскій размѣстилъ орудія въ серединѣ баталіоновъ и двинулся впередъ. Священникъ Крымскаго полка отецъ Ѳедотовъ, въ эпитрахилѣ и съ крестомъ въ рукахъ, пошелъ впереди всѣхъ. Къ счастью, въ этотъ самый моментъ изъ воротъ Эчміадзина вышелъ на встрѣчу къ намъ баталіонъ Севастопольскаго полка, и непріатель, самъ опасаясь попасть между двумя огнями, быстро очистилъ дорогу.

Соединившись съ севастопольцами, Красовскій сталъ въ двухъ верстахъ отъ монастыря, поджидая арьергардъ съ обозами, которые тянулись еще по равнинѣ. Арьергардъ наконецъ прибылъ, и тогда стрѣлковымъ цѣпямъ и казакамъ, раскинутымъ по обѣ стороны дороги, приказано было присоединиться къ колоннамъ. Но тутъ то, когда главная опасность для отряда уже миновала, и произошла внезапная катастрофа. Стрѣлки, изнуренные зноемъ и жаждой, вмѣсто того чтобы исполнить приказаніе, кинулись къ широкой канавѣ съ водой, а въ эту минуту налетѣла на нихъ персидская конница и принялась рубить. Паника охватила весь отрядъ, и въ страшномъ безпорядкѣ всѣ части, перемѣшавшись между собою, бросились къ Эчміадзину, неся огромныя потери подъ ударами персидской конницы. Въ плѣнъ персіяне никого не брали; они и живымъ, и мертвымъ рѣзали головы и съ этой добычей скакали назадъ, чтобы получить за каждую обѣщанныя имъ десять червонцевъ; большая часть русскихъ труповъ была собрана потомъ обезглавленными. Здѣсь погибъ геройскою смертью командиръ Крымскаго полка полковникъ Головинъ, сраженный тремя пулями; здѣсь получилъ тяжелую рану командиръ 40-го Егерскаго полка подполковникъ Шумскій и убитъ храбрый командиръ севастопольскаго баталіона маіоръ Бѣлозеръ. Послѣдній еще раньше отдалъ свою лошадь раненому офицеру, а самъ скоро изнемогъ до того, что отсталъ отъ отряда и, сѣвъ на камень, приказалъ людямъ, сопровождавшимъ его, спастись, а его оставить одного. Наскакавшіе персіяне сорвали съ него эполеты и отрубили голову.



Замѣтивъ отчаянное положеніе отряда, Красовскій бросился возстановить порядокъ и былъ окруженъ персіанами. Многіе подлѣ него были изрублены, и та же участь ожидала его самого, но 50 донцовъ съ войсковымъ старшиной Шуруповымъ, увидѣвъ безвыходное положеніе начальника, врѣзались въ толпу и вырвали его изъ рукъ непріятеля. Паника, однако, продолжалась недолго; усиліями Красовскаго порядокъ вскорѣ былъ возстановленъ и отрядъ снова стоялъ въ боевомъ порядкѣ, готовый на новые подвиги. Непріятель еще разъ попытался атаковать его, но былъ отраженъ — и кровопролитный аштаракскій бой, продолжавшійся съ 7-ми часовъ утра до 4-хъ часовъ пополудни, окончился. Красовскій ввелъ въ монастырь только слабые остатки своего отряда, потерявъ въ этотъ кровавый день 24 офицера и 1130 нижнихъ чиновъ,—потеря громадная, если припомнить, что вся численность отряда не превышала 2800 человекъ.

Эчміадзинъ съ своей стороны переживалъ во все время боя минуты тяжкаго сомнѣнія. Весь монастырь молился. Самъ архіепископъ Нерсесъ со всѣмъ духовенствомъ совершалъ божественную службу. Все время, пока происходило сраженіе, онъ, стоя передъ алтаремъ, простиралъ вверхъ святое копье, омоченное кровью Христа, и просилъ побѣды русскому оружію. Но вотъ грохотъ пушечной канонады мало по малу затихъ, и остатки русскаго войска вошли въ монастырь; ихъ встрѣтили съ молебнымъ пѣніемъ и колокольнымъ звономъ. „Горсть нашихъ братьевъ, — говорилъ Нерсесъ, обращаясь къ народу, — пробилась къ намъ сквозь тридцатитысячную армію разъяренныхъ враговъ. Эта горсть стяжала себѣ безсмертную славу, и имя генерала Красовскаго навсегда останется незабвеннымъ въ лѣтописяхъ Эчміадзина“.

Впослѣдствіи, въ память этого боя, по мысли престарѣлаго патріарха Ефрема, поставленъ былъ монастыремъ скромный обелискъ въ видѣ часовни на самомъ мѣстѣ сраженія и вмѣстѣ съ тѣмъ установлено ежегодно праздновать 17-е августа. Въ этотъ день все эчміадзинское духовенство ежегодно, почти до нашихъ дней, совершало крестный ходъ къ памятнику и служило тамъ панихиду по убиеннымъ воинамъ. Памятникъ и понынѣ стоитъ въ

четырехъ верстахъ отъ Эчмιάдзина, на пути къ деревнѣ Ушаганъ, и на мѣдныхъ доскахъ, врѣзанныхъ въ его пьедесталъ, начертаны имена начальниковъ частей и названіе полковъ, участвовавшихъ въ аштаракскомъ бою.

На другой день, 18-го августа, Красовскій послалъ приказаніе Кабардинскому полку, прибывшему въ Джингили съ осадной артиллеріей, ночью на легкѣ приблизиться къ Эчмιάдзину и условнымъ знакомъ извѣстить о своемъ прибытіи. Кабардинцы съ точностью исполнили приказаніе, и Красовскій въ ночь на 20-е августа, усиливъ гарнизонъ монастыря 40-мъ Егерскимъ полкомъ, съ остальными войсками и кабардинцами благополучно вернулся въ Джингили.

Ближайшимъ слѣдствіемъ боя 17-го августа было совершенное освобожденіе монастыря отъ блокады, которая въ ту же ночь была снята персіянами. Аббасъ-Мирза перенесъ свой лагерь изъ-подъ Ушагана на лѣвую сторону рѣки Занги, ближе къ Эривани и сталъ въ 15-ти верстахъ отъ джингилинскаго лагеря.

Аштаракскій бой вызвалъ у современниковъ два крайне противоположныя сужденія. Одни, основываясь на томъ, что Аббасъ-Мирза вынужденъ былъ снять блокаду и отойти отъ монастыря, относятъ его къ числу яркихъ побѣдныхъ триумфовъ персидской войны; другіе—считаютъ его пораженіемъ. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и самъ Паскевичъ, имѣвшій, впрочемъ, противъ Красовскаго личныя неудовольствія. Онъ назвалъ аштаракскій бой „страннымъ“, и въ рѣзкихъ выраженіяхъ отозвался о немъ въ своемъ донесеніи: „Я былъ поставленъ въ недоумѣніе,—писалъ онъ Дибичу,—въ какомъ видѣ я долженъ представить реляцію генерала Красовскаго. Препроводивъ ее безъ всякихъ сужденій своихъ, я далъ бы поводъ думать, что оправдываю дѣйствіе его; присовокупивъ же замѣчанія свои, я боялся упрека, что строго разбираю поступки моего подчиненнаго и безъ того обвиняемаго самими обстоятельствами“.

По мнѣнію Паскевича, Красовскому слѣдовало бы дожидаться Кабардинскаго полка и затѣмъ уже итти на непріятеля, между тѣмъ какъ онъ оставилъ *большую* часть своихъ войскъ въ лагерѣ



и съ какою то неизвиняемою торопливостію пошелъ всего съ четырьмя баталіонами противъ огромныхъ силъ непріятеля <sup>1)</sup>). Но доводы Паскевича блекнутъ, однако, передъ тѣми фактами, что въ лагерь оставленъ былъ только одинъ баталіонъ, и что Кабардинскій полкъ прибылъ спустя два дня, когда Эчміадзинъ уже могъ быть взятъ персіянами. Послѣднее, конечно, нанесло бы неисправимый вредъ цѣлой кампаніи, какъ матеріальный, такъ и нравственный, а быть можетъ и дало бы Аббасъ-Мирзѣ исполнить свой планъ, проникнуть въ Грузію,

Такъ или иначе, но ни одинъ голосъ изъ числа участниковъ боя не поднялся тогда, чтобы обвинить въ несчастныхъ обстоятельствахъ аштаракскаго боя самого Красовскаго. Всѣ понимали, что если отрядъ, поставленный въ такое тяжелое положеніе, все-таки пробился, спасъ знамена и не оставилъ въ рукахъ непріятеля ни одного орудія, то этимъ онъ былъ обязанъ только необычайному мужеству и боевой распорядительности своего начальника. Такъ именно взглянулъ на дѣло и самъ императоръ Николай Павловичъ. Прочитавъ донесеніе объ аштаракскомъ боѣ, онъ, не смотря на рѣзкія замѣчанія Паскевича, написалъ собственноручно: „Красовскому дать орденъ св. Владиміра второго класса, а самый бой занести въ календарь съ присовокупленіемъ словъ: столь смѣлое и удачное предпріятіе заслуживаетъ быть причисленнымъ къ достопамятнѣйшимъ подвигамъ храбраго русскаго воинства“.

Съ своей стороны офицеры 20-й пѣхотной дивизіи испросили высочайшее соизволеніе на поднесеніе Красовскому большой картины, изображавшей бой при Аштаракѣ, гдѣ самъ Красовскій представленъ былъ въ минуту отбитія имъ персидской конницы отъ русскихъ орудій. Картина была поднесена Красовскому при адресѣ, подписанномъ всѣми штабъ и оберъ-офицерами 20-й дивизіи и казачьими полками Басова и Сергѣева <sup>2)</sup>).

---

<sup>1)</sup> Акты Кавказск. археогр. комиссіи, т. VII, 517. Всеподданнѣйшій рапортъ Паскевича въ августѣ 1827 года.

<sup>2)</sup> Дневникъ генерала Красовскаго. Приложение 1. Письмо, писанное штабъ и оберъ-офицерами эриванскаго отряда, при отъѣздѣ генераль-лейтенанта Красовскаго изъ Эривани въ Тифлисъ, для пользованія ранъ, 19-го февраля 1828 года.

„Битва при, Ушаганѣ,—говорилось въ этомъ письмѣ,—никогда не изгладится изъ памяти участвовавшихъ въ ономъ, а воспоминаніе о томъ неразлучно съ воспоминаніями о подвигахъ вашего превосходительства. Мужеству вашему отрядъ обязанъ своимъ спасеніемъ; рѣшительности вашей обязано правительство сохраненіемъ артиллеріи со множествомъ военныхъ запасовъ; твердости вашей обязана Грузія своею защитою отъ истребленія хищнаго непріятеля; Россія—приумноженіемъ славы своего оружія.

Проницательный взоръ мудраго Монарха оцѣнилъ уже заслуги ваши: сраженіе сіе причислено къ достопамятнѣйшимъ дѣламъ храбраго русскаго войска.

Признательные армяне, видя, что бой сей, поколебавши духъ персидской арміи, былъ одною изъ главнѣйшихъ причинъ блистательнаго окончанія войны, воздвигаютъ памятникъ на мѣстѣ кровавой битвы, да передать онъ позднѣйшему потомству подвигъ русскихъ и имя мужественнаго вожда ихъ.

Церковь армянская установила ежегодно праздновать день сей, какъ день освобожденія первопрестольнаго монастыря Эчмиадзина отъ грозившей ему гибели.

Что же мы принесемъ въ даръ вашему превосходительству, мы, осчастливленные отеческимъ вниманіемъ вашимъ и вами спасенные въ день аштаракской битвы? Каждый изъ насъ желаетъ имѣть изображеніе любимаго нами начальника, равно какъ изображеніе той минуты, когда содрогнулись мы при видѣ опасности, въ которой вы находились, присутствуя вездѣ, гдѣ сильнѣе была сѣча. И мы подносимъ вашему превосходительству портретъ вашъ и картину, прося васъ убѣдительно испросить Высочайшаго соизволенія на гравированія оныхъ. Не столь долговѣчно слабое приношеніе наше, но, по крайней мѣрѣ, пусть покажетъ оно общее желаніе излить передъ вами и доказать передъ свѣтомъ чувство живѣйшей признательности, искренней привязанности и глубочайшаго уваженія нашего. Ваше превосходительство съ достоинствомъ воина—соединяете достоинство человѣка. Вамъ справедливо принадлежать и души, и сердца наши“.

Таковъ былъ Красовскій, и такова была любовь къ нему его подчиненныхъ.

Аштаракскій бой повелъ за собою совершенное измѣненіе всего плана кампаніи.

---

Наступила вторая половина августа 1827 года, и Паскевичъ уже готовился къ походу на Тавризъ, какъ пришло извѣстіе, что Аббасъ-Мирза двинулся съ войсками въ Эриванское ханство. Извѣстіе это было тѣмъ неожиданнѣе, что не далѣе какъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ, Паскевичъ имѣлъ повидимому достовѣрныя свѣдѣнія о полной деморализаціи персидской арміи и даже о бѣгствѣ самого наслѣднаго принца изъ Чорса. Поэтому онъ не придалъ серьезнаго значенія движенію Аббасъ-Мирзы, полагая, на основаніи тѣхъ же *надѣжныхъ* источниковъ, что онъ не можетъ имѣть съ собою болѣе какъ шесть баталіоновъ и двѣ или три тысячи конницы, тогда какъ силы Красовскаго, напротивъ, онъ считалъ гораздо значительнѣе, чѣмъ онъ были въ дѣйствительности. Паскевичъ спокойно ожидалъ извѣстій о полномъ пораженіи персидскаго отряда. Но отъ Красовскаго не было никакихъ извѣстій, и когда

пришло короткое донесеніе отъ 15-го августа, то Паскевичъ увидѣлъ только, что Аббасъ-Мирза обложилъ Эчмѣадзинъ, а что Красовскій еще стоитъ въ Джингили.

Паскевичъ былъ крайне недоволенъ такимъ положеніемъ дѣлъ. „И такъ,—писалъ онъ въ своемъ журналѣ,—генераль Красовскій вмѣсто того, чтобы при первомъ появленіи непріятеля итти впередъ и разбить его, дождался, чтобы оный передъ нимъ самъ атаковалъ Эчмѣадзинъ и даже флангъ коммуникаціонной линіи ея до Башъ-Абарани. Сіе заставляетъ меня предполагать, что если бы я не снялъ блокады Эривани, то Красовскій, безъ сомнѣнія, снялъ бы ее самъ, ибо не могъ бы онъ ничего предпринять съ тремя тысячами человѣкъ, когда нынѣ и съ шестью тысячами дѣйствуетъ лишь оборонительно, что я и поставилъ ему на видъ“.

Скоро, однако, истинное положеніе дѣлъ обнаружилось, и Паскевичъ узналъ, что противъ Красовскаго стоялъ Аббасъ-Мирза со всѣми своими силами, въ то время какъ у того не было не только шести, но даже трехъ тысячъ, не говоря о томъ, что отрядъ его былъ ослабленъ цѣлымъ баталіономъ, направленнымъ въ Гумры, по приказанію генерала Сипягина. Послѣднее обстоятельство также раздражило Паскевича. „Съ сожалѣніемъ увидѣлъ я, — говоритъ онъ въ своемъ донесеніи государю, — что генераль - адъютантъ Сипягинъ такъ несвоевременно ослабилъ отрядъ Красовскаго, когда тому нужны были всѣ способы для рѣшительнаго дѣйствія противъ Аббасъ-Мирзы. Главное дѣло—разбить непріятеля, а защищать границу на всѣхъ ея пунктахъ невозможно. Если непріятель разбить, то всѣ покушенія его кончатся сами собою, а если онъ побѣдитъ, то и баталіонъ будетъ истребленъ; при томъ набѣгъ на пустую землю, какова Сомхетія, неваженъ, а далѣе въ большихъ силахъ онъ не осмѣлился бы проникнуть. Впрочемъ, лучше выдержать набѣгъ, чѣмъ, раздробляя свои войска, подвергать ихъ опасности“.

Такимъ образомъ, Паскевичу приходилось считаться съ существующимъ фактомъ и рѣшить вопросъ о дальнѣйшемъ направленіи военныхъ дѣйствій. Онъ могъ или двинуться къ Эривани и вмѣстѣ съ Красовскимъ разбить главную персидскую армію, или же,

пользуясь отсутствіемъ Аббасъ-Мирзы, дѣйствовать къ сторонѣ Маку или Хоя, или, наконецъ, итти на Тавризъ. Паскевичъ лично склонялся въ пользу послѣдняго движенія, но извѣстіе, полученное 27-го августа утромъ объ аштаракскомъ боѣ, разстроило всѣ его расчеты, и нарисовало передъ нимъ картину, еще быть можетъ, болѣе мрачную, чѣмъ она была въ дѣйствительности. Теперь о покореніи Тавриза, Хоя или Маку уже нѣльзя было думать, —приходилось спѣшить къ Эривани на помощь Красовскому.

Отъ Кара-бабы до Эривани считается 150 верстъ, а потому времени терять было нельзя, и въ тотъ же день, 27-го августа, 7-й Карабинерный, Грузинскій гренадерскій и Ширванскій пѣхотный полки выступили къ Эчміадзину. Кавалерія, имѣвшая лошадей своихъ на пастбѣ въ двухъ переходахъ отъ лагеря, не могла двинуться вмѣстѣ съ ними, и почти на два дня задержала выступленіе самого Паскевича. Нижегородскій драгунскій полкъ явился въ полномъ составѣ, но изъ уланской бригады, разстроенной болѣзнями и смертностью, пришлось образовать одинъ сводный 4-хъ эскадронный полкъ, а остальныхъ людей и лошадей отправить въ Карабагъ на отдыхъ. Эта кавалерійская бригада вмѣстѣ со своднымъ гвардейскимъ полкомъ и 24-мя орудіями образовала второй эшелонъ, выступившій только 29-го августа, подъ личнымъ начальствомъ Паскевича. На походѣ присоединились къ нему еще Чугуевскій уланскій полкъ и донской казачій полкъ Карпова, прибывшіе изъ Карабага.

Войска двигались форсированнымъ маршемъ, и 5-го сентября въ 10 часовъ вечера, стояли уже подъ стѣнами Эчміадзина. Несмотря на позднее время, архіепископъ Нерсесъ встрѣтилъ главнокомандующаго со всею подобающею почестью, но Паскевичъ, считая его однимъ изъ главныхъ виновниковъ аштаракскаго дѣла, обошелся съ нимъ сухо и съ этой минуты начинается явное нерасположеніе его къ маститому представителю армянской церкви. Еще съ большей непріязней встрѣтилъ онъ Красовскаго, который на слѣдующій день, 6-го сентября, со всѣмъ отрядомъ прибылъ на соединеніе съ главными силами.

Между тѣмъ наши кавалерійскіе разъѣзды, посланные въ раз-

няя стороны, возвращались назадъ съ извѣстіемъ, что непріятеля нигдѣ не видно и даже не было о немъ никакихъ слуховъ. Очевидно, что быстрое прибытіе къ Эчміадзину главныхъ силъ Паскевича заставило Аббасъ-Мирзу поспѣшно отступить за Араксъ, — и Эривань стояла передъ нами одна, предоставленная собственнымъ силамъ.

Но здѣсь на сцену снова выступилъ грозный вопросъ о продовольствіи. Оказалось, что въ отрядѣ Красовскаго, запасовъ оставалось лишь на три дня, а въ главныхъ силахъ Паскевича, прибывшихъ изъ Кара-бабы, имѣлось ихъ не болѣе, какъ на 15 дней. Правда, ожидался транспортъ еще изъ Джелаль-оглы съ семидневнымъ провіантомъ, но на дальнѣйшій подвозъ рассчитывать было уже нельзя. Сипягинъ доносилъ, что въ Грузіи открылся падежъ скота, перевозочныхъ средствъ не было, и транспорты пришли въ такое разстройство, что, за недостаткомъ воловъ, по 18-ти дней стояли въ горахъ безъ всякаго движенія.

Тѣмъ не менѣе, намъ нужно было покончить съ Эриванскимъ ханствомъ теперь же, до наступленія зимы, когда сообщенія съ Грузіей прекращались на долго, и намъ нельзя было получать съ той стороны ни запасовъ, ни подкрѣпленій. Между тѣмъ уже надвигалась турецкая война, и Паскевичъ писалъ государю, что, овладѣвъ Эриванью, „мы будемъ держаться на правомъ флангѣ противъ турокъ, а лѣвымъ дѣйствовать противъ Тавриза“.

Но прежде чѣмъ итти къ Эривани, Паскевичъ рѣшилъ овладѣть Сардаръ-Абадомъ, въ которомъ, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, находились такіе громадныя запасы хлѣба, что его достало бы для продовольствія всѣхъ русскихъ войскъ въ теченіе полутора мѣсяца. Съ такими запасами, осаду Эривани можно бы было считать обезпеченной <sup>1)</sup>).

И вотъ, 8-го сентября, весь дѣйствующій корпусъ, усиленный еще однимъ баталіономъ Кабардинскаго полка, выступилъ изъ Эчміадзина и сталъ верстахъ въ 20-ти отъ Сардаръ-Абада. Отсюда

---

<sup>1)</sup> Щербатовъ. Генераль-фельдмаршалъ князь Паскевичъ, томъ II. Приложение, стр. 250. Всеподданнѣйшее донесеніе 14-го сентября 1827 года.

вся кавалерія, подъ начальствомъ молодого, только что прибывшаго изъ Петербурга, генераль-адъютанта Сухтелена <sup>1)</sup>, сдѣлала набѣгъ въ м. Кульпы, извѣстные своими соляными каменоломнями. Тамъ также находились персидскіе магазины, и графъ Сухтеленъ привезъ съ собою 400 четвертей различнаго хлѣба и пригналъ до пятисотъ головъ рогатаго скота. Тутъ же, во время этого набѣга, было выяснено, что Аббасъ-Мирза, стоявшій у Кара-Калы, отступилъ къ Маку, предоставивъ защиту Эриванскаго ханства его собственнымъ силамъ.

Теперь у Паскевича руки были развязаны, и 13-го сентября Сардаръ-Абадъ былъ обложенъ.

Выстроенная эриванскимъ ханомъ лѣтъ 10—12 тому назадъ, крѣпость эта стояла на открытой равнинѣ, слегка покатой къ сторонѣ Алагеза. Двойныя высокія стѣны ея, расположенныя правильнымъ четырехугольникомъ, съ огромными башнями и воротами, —придавали ей видъ внушительный; но гарнизонъ ея не превышалъ двухъ тысячъ человѣкъ и находился подъ начальствомъ внука эриванскаго сардаря, человѣка молодого и совершенно неопытнаго. На это обстоятельство Паскевичъ возлагалъ не малыя надежды; но къ началу осады въ крѣпость пробрался старый Гассанъ-ханъ и, воодушевивъ гарнизонъ напоминаніемъ объ Эривани, которую онъ отстоялъ отъ русскихъ въ 1808 году, взялъ съ него клятву умереть на стѣнахъ. Хотя условія атаки глинобитныхъ азійскихъ крѣпостей съ того времени значительно измѣнились, но тѣмъ не менѣе, энергичный вождь много значилъ въ дѣлѣ защиты крѣпости, и Паскевичъ рѣшилъ дѣйствовать съ должной настойчивостью, но осторожно. Располагая теперь осадной артиллеріей, прибытіе которой ожидалось съ часу на часъ, онъ хотѣлъ избѣгнуть штурма и покорить крѣпость постепенной атакой, не подвергая войска, по возможности, не нужнымъ потерямъ. „Много еще впереди дѣла“, говорилъ онъ „и добывая сардаръ-абадскій хлѣбъ, не приходится жертвовать людьми, будемъ бить артиллеріей“ <sup>2)</sup>.

---

<sup>1)</sup> Графъ Сухтеленъ, по желанію Паскевича, занялъ должность начальника корпуснаго штаба, вмѣсто полковника Н. Н. Муравьева.

<sup>2)</sup> Щербатовъ, томъ II, стр. 315.

Для атаки былъ избранъ юго-западный фасъ крѣпости, и осадныя работы поручены генераль-лейтенанту Красовскому.

Въ ночь съ 14-го на 15-е сентября, на небольшомъ холмѣ въ трехстахъ саженяхъ отъ крѣпости, была построена демонтировать-батарея, а черезъ два дня, когда прибыла тяжелая артиллерія, поставили брешь-батарею на 12 осадныхъ орудій. Съ разсвѣтомъ 18-го началось бомбардированіе крѣпости. Персіяне впервые услышали здѣсь залпы громадныхъ осадныхъ орудій, отъ рева которыхъ тряслась земля, сыпались верхушки башенъ въ глубокой ровъ, и рушились непрочныя азіятскія строенія, хороня подъ своими развалинами несчастныхъ жителей, искавшихъ въ нихъ убѣжища. Особенное впечатлѣніе производила бомбардировка ночью, когда на темномъ небѣ зловѣщими огненными точками вспыхивали ядра и бомбы, вносившія смерть и опустошеніе въ самые дома обывателей. Два дня гремѣла непрерывно канонада, и непріятельскія орудія одно за другимъ были окончательно сбиты. Средняя четырехугольная башня, возвышавшаяся надъ крѣпостными воротами, рухнула; куртина возлѣ нея на половину обвалилась и была близка къ совершенному паденію; въ стѣнахъ повсюду образовались огромныя бреши, и ядра, пронизывая крѣпость, опустошали цѣлыя улицы. Въ то же время полевые орудія, обстрѣливали другія башни и зубчатые стѣны настолько успѣшно, что скоро ни одинъ непріятельскій сарбазъ не смѣлъ на нихъ показаться. Невозможность дальнѣйшей обороны была очевидна, и 19-го сентября въ 5 часовъ пополудни надъ крѣпостью взвилось бѣлое знамя. Явился парламентеръ съ письмомъ отъ Гассанъ-хана, въ которомъ знаменитый наѣздникъ просилъ перемирія на три дня и дозволеніе гарнизону отступить съ оружіемъ въ рукахъ.

„Скажи Гассанъ-хану,—отвѣчалъ Паскевичъ парламентеру,— что если онъ не сдастся въ 24 часа безусловно, то будетъ со всѣмъ своимъ гарнизономъ на штыкахъ моихъ гренадеръ“.

Русскія батареи усилили огонь. Наступилъ темный вечеръ; въ войскахъ пробили уже зорю, какъ вдругъ съ крѣпостной стѣны раздался крикъ: „Солдатъ иди! Сардаръ бѣжалъ“. Поднялась суматоха. Рота Карабинернаго полка, стоявшая въ траншеяхъ, пер-







вая вскочила въ крѣпость и нашла въ ней не болѣе сотни сарбазовъ. Весь остальной гарнизонъ вмѣстѣ съ Гассанъ-ханомъ успѣлъ бѣжать черезъ эриванскія ворота. Въ лагерь ударили тревогу. Нижегородскій драгунскій, Чугуевскій уланскій и казачьи полки, подъ общимъ начальствомъ генераль-адъютанта Бенкендорфа, поскакали въ обходъ, чтобы захватить всѣ пути къ Эривани, Тавризу и турецкой границѣ. Среди непроглядной темной ночи, нижегородцы первые настигли бѣгущихъ, а къ нимъ подоспѣли чугуевскіе уланы и казаки. „Наша кавалерія, — доносилъ Паскевичъ, — „стоптала и порубила до 500 человекъ, и до двухсотъ взяла въ плѣнъ“. Гассанъ-ханъ успѣлъ, однако, бѣжать и впослѣдствіи явился въ Эривани.

Такъ палъ Сардаръ-Абадъ, въ которомъ мы нашли около 16-ти тысячъ четвертей пшеницы, ячменя и другого хлѣба. Цѣль наша, стало быть, была достигнута, и Паскевичъ писалъ государю; „Повергая къ стопамъ вашего величества ключи Сардаръ - Абада, я остаюсь въ надеждѣ, что, кромѣ способовъ продовольствія, нами пріобрѣтенныхъ, безъ которыхъ мы не могли бы удержаться въ здѣшнемъ краѣ, — самый ужасъ, распространенный смертоноснымъ дѣйствіемъ нашихъ тяжелыхъ орудій, поразилъ чрезвычайно умы непріятеля“<sup>4)</sup>.

Съ паденіемъ Сардаръ-Абада дорога къ Эривани лежала передъ Паскевичемъ открытою. Еще недавно лучшій оплотъ персидскаго государства, крѣпость эта уже не обладала, какъ во времена Циціанова и Гудовича, той нравственной силой, безъ которой бесполезны всякія укрѣпленія. По прежнему стояла она на крутомъ утесистомъ берегу быстрой Занги, попрежнему ея высокія гордыя твердыни, ея бастіоны и башни грозно смотрѣли изъ-за глубокихъ, наполненныхъ водою рвовъ, недоступныхъ для эскалады; но за крѣпкими стѣнами уже давно исчезъ воинственный духъ, и мирные жители, населявшіе городъ, представляли собою плохое ручательство за упорное сопротивленіе. Паскевичъ это зналъ и писалъ го-

---

<sup>4)</sup> Акты Кавказской археограф. комиссіи, томъ VII, 221. Всеподданнѣйшій рапортъ Паскевича, отъ 21-го сентября 1827 года — объ осадѣ и сдачѣ Сардаръ-Абада.

сударю, что Эривань, конечно, не продержится болѣе нѣсколькихъ сутокъ.

Пользуясь впечатлѣніемъ произведеннымъ паденіемъ Сардаръ-Абада, Паскевичъ оставилъ въ немъ только одинъ баталіонъ Крымскаго полка съ 2-мя орудіями, сотню казаковъ, да армянскую дружину, а съ остальными войсками двинулся къ Эривани и 23-го числа стоялъ уже на берегу быстрой Занги, въ двухъ верстахъ отъ города. Здѣсь онъ узналъ, что старый Гуссейнъ - Кули - ханъ эриванскій тайно бѣжалъ изъ крѣпости, покинувъ свои владѣнія на произволъ судьбы, и что вмѣсто него сардаремъ былъ все тотъ же неутомимый Гассанъ-ханъ, успѣвшій пробраться сюда изъ Сардаръ-Абада. Мужество гарнизона и жителей до нѣкоторой степени было имъ поднято.

На слѣдующій день генералъ-адъютантъ Паскевичъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ рѣшили вести атаку крѣпости съ ея юго-восточнаго угла. Войска заняли восточный форштадтъ и въ ночь на 26-е число, на высокомъ холмѣ Муханатъ-тапа, откуда открывалась почти вся крѣпость, устроили первую демонтиръ-батарею на 6 батарейныхъ орудій; правѣ ея въ садахъ форштадта, за уцѣлѣвшими строеніями, возведена была и другая—на 4 двухъ-пудовыя мортиры.

Съ утра началась канонада. Непріятель отвѣчалъ энергично, но скоро долженъ былъ уступить превосходству русской артиллеріи; одинъ изъ первыхъ же снарядовъ ея попалъ въ главную мечеть и пробилъ великолѣпный куполь, сдѣланный съ неподражаемымъ искусствомъ изъ глазированныхъ синихъ кирпичей, другой—пробилъ стѣну сардарскаго дома и повредилъ шахскій портретъ—обстоятельство, имѣвшее на суевѣрныхъ персіанъ чрезвычайно дурное впечатлѣніе; даже самъ Гассанъ-ханъ, покинулъ свой пышный дворецъ и переселился въ тѣсную каморку крѣпостного каземата. Передъ закатомъ солнца тяжелыя орудія прекратили пальбу, но мортирная батарея продолжала стрѣлять всю ночь, и бомбы ея, освѣщая небо яркими метеорами, падали и падали въ крѣпость. Между тѣмъ, войска снова принялись за работу, и къ утру 27-го числа первая параллель была закончена. На флангахъ ея

опять появились двѣ батареи — одна на 12-ть, а другая—на 6-ть орудій.

Теперь крѣпость громили уже пять батарей; но несмотря на то въ урочный часъ, по захожденіи солнца, слышно было какъ въ Эривани играли вечернюю англійскую зорю. Видно было, какъ эриванскій гарнизонъ принялся исправлять поврежденія, сдѣланныя въ стѣнахъ русскими снарядами и затѣмъ все затихло: не спали одни часовые, густою цѣпью разставленные по крѣпостной стѣнѣ, и ихъ протяжный окликъ неумолкалъ до самого разсвѣта.

Между тѣмъ наши работы быстро подвигались впередъ и въ ночь на 28-е число устроена была брешь-батарея на 16-ть осадныхъ орудій, въ разстояніи всего 150 саженой отъ атакованнаго фаса. Весь день и всю слѣдующую ночь снаряды русской артиллеріи громили эриванскія стѣны, окутанныя густыми облаками порохового дыма и пыли; съ трескомъ и гуломъ валились онѣ большими каменными глыбами и засыпали дно крѣпостного рва; амбразуры были разрушены, часть орудій подбита. Огонь съ крѣпости слабѣлъ съ каждымъ часомъ,—въ этотъ вечеръ въ городѣ уже не звучала англійская зоря, а слышались только одни унылые монотонные оклики часовыхъ.

Едва наступила темная ночь, какъ баталіонъ Карабинернаго полка скрытно перешелъ на ту сторону Занги и на Иракліевой горѣ, командовавшей всею окрестностью, поставилъ новую шестиорудійную батарею. Такимъ образомъ, съ разсвѣтомъ 29-го числа крѣпость принялись бомбардировать разомъ 50 орудій и подъ ихъ ожесточеннымъ огнемъ къ полудню рухнула восточная башня вмѣстѣ съ смежною съ нею куртеной. Теперь оставалось только взорвать контръ-эскарпъ и тогда, заваливъ ровъ, можно бы было итти на приступъ <sup>1)</sup>. Щадя осажденныхъ, Паскевичъ въ тотъ же день предложилъ Гассанъ-хану сдать крѣпость добровольно подъ условіемъ, что ему со всѣмъ гарнизономъ предоставленъ будетъ свободный выходъ изъ крѣпости. Шестъ часовъ ему давалось на размышленіе. Гассанъ-ханъ не соглашался однако оставить Эривань

---

1) Акты Кавказской археограф. комиссіи, т. VII, 523. Всеподданнѣйшій рапортъ Паскевича 3-го октября—объ осадѣ и взятіи крѣпости Эривани.

безъ воли Аббасъ-Мирзы, стоявшаго, по его словамъ, верстахъ въ семидесяти около Хоя, и просилъ позволенія послать къ нему нарочно. „Безъ посылки къ кому бы то ни было, — сдать ся сейчасъ же, — отвѣчалъ Паскевичъ, — иначе Гассанъ узнаетъ силу русскихъ штыковъ“. Парламентеръ уѣхалъ и болѣе не возвращался.

Тѣмъ временемъ, ночью 30-го сентября была окончена третья параллель и намъ оставалось теперь только подойти летучей сапой къ самому контръ-эскарпу, чтобы вѣнчать гласисъ <sup>1)</sup>). Для прикрытія рабочихъ, съ вечера всѣ батареи открыли жестокой огонь по городу и крѣпости. Эта была ночь, о которой съ неописаннымъ ужасомъ долго вспоминали эриванскіе старожилы; въ городъ было брошено болѣе тысячи бомбъ, и зарево пожаровъ освѣщало страшную картину разрушенія. Крѣпость гибла подъ своими развалинами; артиллерія ея молчала, и крѣпостныя верки, не освѣщаемыя уже огнемъ пушечныхъ выстрѣловъ, скрылись во мракѣ темной ночи. Крѣпость доживала, повидимому, послѣднія минуты — и съ нашей стороны были усилены мѣры предосторожности на случай прорыва гарнизона. Весь Нижегородскій драгунскій полкъ съ двумя казачьими полками отправленъ былъ для наблюденія за правымъ берегомъ Занги, а на лѣвомъ — шесть баталіоновъ пѣхоты, Чугуевскій уланскій и два донскіе казачьи полка заняли сѣверный форштадтъ, подъ личною командою генерала Красовскаго <sup>2)</sup>). Кавалерійскіе разѣзды по сю сторону Занги были повсюду усилены.

Предосторожности были приняты во время, такъ какъ около 10-ти часовъ вечера Гассанъ-ханъ съ частью гарнизона сдѣлалъ попытку прорваться изъ крѣпости именно черезъ сѣверный форштадтъ. Но форштадтъ уже былъ занятъ нами, и гарнизонъ, на-

---

<sup>1)</sup> Измѣрить ширину и глубину рва вызвался подпоручикъ лейбъ-гвардіи московскаго полка Александръ Федоровичъ Багговутъ, — впоследствии извѣстный кавалерійскій генералъ, — герой Башъ-Кадыкъ-лара и Кюрюкъ-Дара; — онъ исполнилъ это порученіе подъ сильнымъ огнемъ непріятеля, при чемъ изъ двухъ сопровождавшихъ его егерей одинъ былъ убитъ въ самомъ рву осколкомъ гранаты. Паскевичъ тутъ же пожаловалъ Багговуту орденъ св. Владимира съ бантомъ.

<sup>2)</sup> У Красовскаго находились: Кабардинскій и 39-й Егерскій полки, и по баталіону отъ полковъ Крымскаго и Севастопольскаго.

ткнувшись внезапно на цѣлый баталіонъ егерей, поспѣшно возвратился въ крѣпость. Только самъ Гассанъ-ханъ съ конной партией около 60-ти человѣкъ прорвался черезъ нашу цѣпь, но, встрѣченный Чугуевскимъ уланскимъ полкомъ и казаками, отброшенъ былъ съ потерей обратно въ крѣпость. Когда онъ вернулся назадъ, вся Эриванъ стояла въ огнѣ; смятеніе въ городѣ было полное, женщины и дѣти съ воплемъ бѣжали по узкимъ улицамъ, стараясь укрыться отъ носившейся за ними повсюду смерти; наконецъ, огромная толпа бросилась къ Гассанъ-хану съ требованіемъ сдачи; но Гассанъ-ханъ угрозами и бранью быстро прекратилъ народный ропотъ,—и оборона продолжалась. Такъ прошла эта страшная для Эривани ночь.

Наступило утро 1-го октября, и жители съ ужасомъ увидѣли, что русскіе туры стоятъ уже на краю, у самого рва. Отчаяніе овладѣло всѣми; цѣлыя толпы бросились на стѣны и, становясь на колѣни, махали бѣлыми платками, давая знакъ, что они сдаются. Этимъ моментомъ воспользовался полковникъ Гурко, находившійся въ траншеяхъ съ шестью ротами гвардейскаго полка и, бросившись безъ приказанія черезъ крѣпостную брешь, быстро захватилъ въ свои руки юго-восточную башню. Въ то же время генераль Красовскій двинулъ къ сѣвернымъ воротамъ большую часть своего отряда, а вслѣдъ за нимъ прибылъ и генераль-маіоръ Лаптевъ съ двумя гвардейскими ротами, находившимися въ траншеяхъ.

Чтобы ускорить сдачу, Красовскій перешелъ ровъ и сталъ у самыхъ воротъ, сопровождаемый тояко графомъ Сухтеленомъ, двумя адъютантами и оберъ-аудиторомъ Бѣловымъ. Огромныя, окованныя желѣзомъ, ворота были еще заперты, и за ними слышался шумъ, похожій на говоръ многихъ голосовъ. Красовскій приказалъ Бѣлову, владѣвшему татарскимъ языкомъ, сказать, чтобы ворота немедленно были отперты,—иначе войска пойдутъ на штурмъ. Въ отвѣтъ на это изъ крѣпости грянулъ выстрѣлъ и большая фальконетная пуля раздробила Бѣлову черепъ; но эта была уже послѣдняя непріятельская пуля, пущенная изъ Эривани, послѣдній выстрѣлъ, направленный рукою самого Гассанъ-хана. Черезъ минуту ворота распахнулись, и русскія войска вступили въ крѣпость.

Въ послѣдній моментъ обороны, упорный защитникъ Эривани, Гассанъ-ханъ, какъ предполагають, намѣревался взорвать цитадель и бросилъ въ пороховой погребъ горящій фитиль. Къ счастью, поручикъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка Лемакинъ во время замѣтилъ опасность и выхватилъ его изъ погреба. Гарнизонъ положилъ оружіе, но Гассанъ-ханъ со своею свитою заперся въ мечети.

Честь взятія его въ плѣнъ принадлежитъ Красовскому. Онъ приказалъ двумъ ротамъ гвардейскаго полка окружить мечеть, а самъ началъ переговоры, заставивъ непріятеля угрозою штурма, прекратить перестрѣлку. Затѣмъ онъ одинъ, въ сопровожденіи только двухъ адъютантовъ, вошелъ въ мечеть, гдѣ находилось болѣе 200 персіянъ,—и этому присутствію духа и отважной рѣшимости мы были обязаны тѣмъ, что взятіе въ плѣнъ сардаря, извѣстнаго своимъ неукротимымъ характеромъ, обошлось спокойно и безъ кровопролитія. „Оружіе его, снятое мною лично, — говоритъ Красовскій въ своемъ дневникѣ, — отдалъ я графу Сухтелену для отправленія корпусному командиру (Паскевичу)“.

Покорившись участи плѣнника, отважный Гассанъ-ханъ жаловался Красовскому только на потерю драгоцѣннаго меча, который во время несчастной попытки прорваться изъ крѣпости, онъ выронилъ изъ ноженъ и въ суматохѣ не могъ розыскать его. Мечъ этотъ по преданіямъ нѣкогда принадлежалъ Тамерлану и былъ неразлучнымъ спутникомъ его во всѣхъ походахъ по востоку; затѣмъ онъ перешелъ къ одному изъ предковъ, царствовавшей въ Персіи династіи Сефи и долго служилъ украшеніемъ сокровищницы персидскихъ государей. Когда въ двадцатыхъ годахъ побѣды Гассанъ-хана сдѣлали имя его грозою для турокъ, шахъ прислалъ ему фирманъ, разрѣшая просить награду, какую пожелаетъ. Ханъ потребовалъ тамерлановъ мечъ, вмѣстѣ съ титуломъ „Серъ - Арслана“, т. е. главы или предводителя львовъ, и шахъ исполнилъ его желаніе. Очевидно, потеря меча, столь знаменитаго въ Персіи, не могла не вызвать съ нашей стороны энергическихъ мѣръ къ его розысканію,—и мечъ былъ найденъ. Красовскій, согласно желанію самого Гассанъ-хана, тогда-же отправилъ его въ даръ императору Николаю Павловичу.

„Къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, — писалъ онъ,—повергаю мечъ великаго Тамерлана, добытый мною въ стѣнахъ Эривани. — Кому, если не Государю моему и благодѣтелю принесу я въ даръ мечъ сей, украшавшій сокровищницу шаховъ персидскихъ. Нѣкогда, въ могучей десницѣ Тамерлана, онъ покорилъ востокъ и попралъ гордость турокъ въ лицѣ ихъ султана Баязида-Молніи; нынѣ же въ благословенныхъ рукахъ Вашего Величества да повторитъ онъ свѣтлый ударъ Тамерлана, сокрушивъ враговъ вѣры и человѣчества“ <sup>1)</sup>).

Побѣдителямъ досталось въ крѣпости 49 орудій, 50 фальконетовъ и 4 знамени; въ плѣнъ взято около 4-хъ тысячъ сарбазовъ. Потери наши сравнительно были ничтожны и состояли изъ трехъ офицеровъ и 52-хъ нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными. Такъ пала въ день Покрова Пресвятыя Богородицы знаменитая крѣпость, подъ стѣнами которой 19-ть лѣтъ передъ тѣмъ русскія потери считались тысячами.

На слѣдующій день, 2-го октября, войска торжествовали побѣду большимъ парадомъ, и зрители восторгались стройнымъ движеніемъ пѣхоты и конницы. Но царицею военного праздника являлась артиллерія, особенно тѣ громадныхъ размѣровъ осадныя орудія, передъ которыми такъ быстро сокрушилась персидская твердыня, и которыя теперь медленно съ ихъ длинною запряжкой проходили мимо Паскевича. Въ тотъ же день передъ войсками читался слѣдующій приказъ главнокомандующаго:

„Храбрые товарищи! Вы много потрудились за царскую славу, за честь русскаго оружія. Я былъ съ вами днемъ и ночью свидѣтелемъ вашей бодрости неусыпной, мужества непоколебимаго — и побѣда вездѣ сопровождала васъ.

Въ четыре дня взяли вы Сардаръ-Абадъ; въ шесть—Эриванъ, ту знаменитую твердыню, которая слыла неприступнымъ оплотомъ Азіи. Прежде ее осаждали цѣлые мѣсяцы, и въ народѣ шла молва, что годы нужны для ея покоренія. Вамъ стоило провести нѣсколько ночей безъ сна, и вы разбили стѣны ея, стали на краю рва и навели ужасъ на ея защитниковъ. Эриванъ пала, — и нѣтъ

<sup>1)</sup> Дневникъ Красовскаго, стр. 61.

вамъ болѣе противниковъ въ цѣломъ персидскомъ государствѣ. Россія будетъ вамъ признательна, что поддержали ея величіе и могущество“.

Героямъ Эривани даны были щедрыя награды: Паскевичъ получилъ ордена: за Аббасъ-Абадъ — Владимира первой степени, а за Эривань—Георгія второго класса; графу Сухтелену, Труссону и Унтиле пожалованы были георгіевскіе кресты 3-й степени, а Красовскому брилліантовые знаки ордена св. Анны первой степени; въ то же время высочайше повелѣно 7-му Карабинерному полку именоваться впредь Эриванскимъ карабинернымъ полкомъ.

„Всемилоствѣйшій, великій Государь Императоръ,—объявилъ по этому поводу Красовскій въ своей прокламаціи жителямъ,— по полученіи извѣстія о покореніи Эривани, въ знакъ особеннаго благоволенія къ сему городу, удостоилъ наименовать 7-й Карабинерный полкъ — полкомъ Эриванскимъ, съ каковымъ благоволеніемъ Его Величества спѣшу поздравить всѣхъ жителей здѣшняго края и увѣрить ихъ, что сіе означаетъ присоединеніе Эривани уже навсегда къ великой Россійской Имперіи“ <sup>1)</sup>.

---

<sup>1)</sup> Тамъ же, стр. 44. Объявленіе 27-го ноября 1827 г. № 92.



## Глава XIV.

Нахичеванскій отрядъ князя Эристова.—Попытка Аббасъ-Мирзы вторгнуться въ Нахичеванскую область.—Наступленіе Эристова и взятіе имъ Тавриза.—Вступленіе въ Тавризъ Паскевича.—Мирные переговоры въ Дей-Караганъ.—Внезапный перерывъ ихъ и возобновленіе военныхъ дѣйствій.—Наступленіе Паскевича къ Тегерану.—Взятіе Ардебиля графомъ Сухтеленъ.—Окончаніе войны и Туркманчайскій миръ.—Присоединеніе къ Россіи ханствъ Эриванскаго и Нахичеванскаго.—Переселеніе армянъ изъ Азербейджана, Урміи и Хоя въ Россію.

---

Въ то время, какъ Паскевичъ съ главными силами двинулся 27-го августа обратно къ Эривани, небольшой отрядъ генералъ-лейтенанта князя Эристова былъ оставленъ для прикрытія Нахичеванской области. Но этотъ отрядъ, если не считать слабыхъ гарнизоновъ, занимавшихъ Аббасъ-Абадъ и Нахичеванъ, состоялъ всего изъ баталіона тифлискаго полка, двухъ-трехъ казачьихъ сотенъ, да нѣсколькихъ орудій, стоявшихъ въ Кара-баба; къ нимъ, въ случаѣ надобности, могли присоединиться еще два черноморскихъ казачьихъ полка, оставленныхъ Паскевичемъ на Базаръ-чаѣ для прикрытія коммуникаціонной линіи, и это было все, чѣмъ могъ располагать князь Эристовъ въ первые дни послѣ ухода Паскевича. Сильное подкрѣпленіе ожидалось, однако, изъ Карабага, откуда уже слѣдовала вся 2-я бригада 20-й пѣхотной дивизіи, вмѣстѣ съ Бѣлогородскимъ уланскимъ полкомъ, подъ личной командой генерала Панкратьева. Такимъ образомъ въ Карабагѣ осталась только одна егерская бригада, но на помощь къ ней направлены были изъ войскъ Дагестанскаго отряда Тенгинскій и Навагинскій полки, а изъ Тифлиса — піонерная рота и сводный уланскій полкъ (резервные дивизіоны: серпуховскій и бѣлогородскій). Такъ измѣнился составъ карабагскаго отряда, и начальство надъ нимъ, вмѣсто Панкратьева, Паскевичъ поручилъ генералъ-маіору князю Вадбольскому.

Зная ничѣмъ неукротимую храбрость Эристова, Паскевичъ, выступая подъ Эриванъ, очертилъ кругъ его дѣятельности строгою

программу: отрядъ долженъ былъ прикрывать вагенбургъ, оставленный главнымъ корпусомъ, защищать границы области и даже дѣлать небольшія движенія за Араксъ, чтобы отвлекать непріятельскія силы отъ Эривани; но ему строго запрещено было вдаваться внутрь Персіи и затѣвать какое-нибудь серьезное дѣло.

Но обстоятельства сложились совсѣмъ иначе, чѣмъ предполагалъ Паскевичъ, и грозная опасность стала собираться надъ нами съ той стороны, откуда ее не ожидали. Получены были извѣстія, что Аббасъ-Мирза, покинувъ Эриванское ханство, со всей арміей движется въ Нахичеванскую область, замышляя исполнить тотъ же маневръ, который уже разъ удался ему противъ Красовскаго. Зная какими ничтожными силами располагаетъ князь Эристовъ, онъ думалъ легко овладѣть Нахичеванью, разбить слабый отрядъ, стоявшій у Кара-бабы, и истребить русскіе транспорты. Участь всей кампаніи снова висѣла на волоскѣ, такъ какъ увѣнчайся этотъ смѣлый планъ успѣхомъ,—и Аббасъ-Мирза пріобрѣлъ бы результаты несравненно важнѣйшіе чѣмъ тѣ, которые представлялись послѣ пораженія Красовскаго. Тогда Паскевичъ долженъ былъ оставить походъ на Тавризу, а теперь онъ вынужденъ бы былъ бросить осаду Эривани.

Но въ то время, какъ Аббасъ-Мирза приближался къ русскимъ границамъ, къ Эристову уже подошелъ отрядъ генерала Панкратьева, а вслѣдъ за нимъ прибылъ изъ Карабага еще сводный уланскій полкъ. Съ этими силами князь Эристовъ самъ двинулся на встрѣчу къ Аббасъ-Мирзѣ и встрѣтилъ его на Араксѣ, у брода Кейгачъ. Съ обѣихъ сторонъ открылась канонада черезъ рѣку; уланы сдѣлали нѣсколько удачныхъ атакъ на персидскую конницу, появившуюся на нашей сторонѣ, но главныя силы Аббасъ - Мирзы не рѣшились на переправу въ виду русскихъ войскъ и отошли назадъ. Тогда Эристовъ, вернувшись въ Нахичевани, самъ перешелъ границу у Джульфы, и 2-го октября, когда Паскевичъ праздновалъ покореніе Эривани, русскія войска прошли черезъ трудное Дарадизское ущелье и на половинѣ пути къ Тавризу заняли безъ боя городъ Марандъ. Но отрядъ не успѣлъ еще раскинуть свой бивакъ, какъ пришло извѣстіе о прибли-

женіи Аббасъ-Мирзы. Онъ также шелъ въ Марандъ, но, узнавъ о занятіи города русскими, быстро измѣнилъ свой планъ и, захвативъ нахичеванскій путь, отрѣзалъ отрядъ отъ Аракса. Положеніе Эристова при другихъ условіяхъ могло бы сдѣлаться весьма опаснымъ.

Случилось, однако, не такъ. Благодаря неимоверной быстротѣ, съ какою обыкновенно распространяются въ Азіи вѣсти всякаго рода, въ лагерь Аббасъ-Мирзы въ этотъ самый день узнали о взятіи Паскевичемъ Эривани. Извѣстіе это произвело потрясающее дѣйствіе, и персидская армія, охваченная паникой, обратилась въ бѣгство. Съ жалкими остатками ея наслѣдный принцъ уже не могъ думать о какихъ либо наступательныхъ дѣйствіяхъ и заперся въ Хоѣ. Отсюда онъ послалъ въ Тавризъ приказаніе вывозить драгоценности и истреблять всѣ военныя заготовленія, чтобы они не достались русскимъ. Эристовъ, имѣвшій достовѣрныя свѣдѣнія о положеніи персидской арміи, рѣшился тотчасъ воспользоваться общей паникой и овладѣть Тавризомъ, прежде чѣмъ распоряженія Аббасъ-Мирзы будутъ исполнены. Успѣхъ предпріятія онъ бралъ на свою отвѣтственность.

Но какъ ни вѣрно были рассчитаны имъ всѣ шансы, движеніе это все же оставалось до крайности рискованнымъ. Тавризъ былъ многолюденъ, прикрытъ сильными укрѣпленіями и при рѣшимости гарнизона могъ оказать непреодолимое сопротивленіе. „Но судьба,—говоритъ одинъ очевидецъ этихъ событій,—какъ бы въ возмездіе за кровавыя жестокости, совершенныя нѣкогда Ага-Магометь-ханомъ въ Тифлисѣ, послала черезъ 30 лѣтъ мстителя персидскому народу въ лицѣ того же грузина, но во главѣ уже русскаго войска“. Дерзкое предпріятіе удалось вполнѣ.

Выступивъ изъ Маранда по тавризской дорогѣ 11-го октября, князь Эристовъ утромъ 13-го числа остановился уже на рѣчкѣ Аджи-чай, въ двухъ - трехъ верстахъ отъ тавризскаго форштадта.

Въ Тавризѣ въ то время было до шести тысячъ войскъ, оставленныхъ здѣсь Аббасъ-Мирзою, для защиты города, подѣланныхъ однимъ изъ важнѣйшихъ сановниковъ Персіи Аллаярь-хана. Но извѣстіе о взятіи Эривани, близость русской арміи, послѣднія не-

удачи Аббасъ-Мирзы, загнаннаго къ Хою — все это настолько подорвало нравственные силы сарбазовъ, что они малодушно покинули городъ, — и предмѣстье его занято было нами безъ выстрѣла. „Но будетъ или не будетъ защищаться самый Тавризь, — говоритъ Муравьевъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ отцу, — мы ничего не знали; мы видѣли передъ собою только огромную крѣпость, вооруженную множествомъ орудій, грозную цитадель и многолюдный непріятельскій городъ, болѣе чѣмъ съ 60-ю тысячами жителей. Нельзя сказать, чтобы мы были спокойны, когда вмѣсто ожидаемой торжественной встрѣчи увидѣли гробовое молчаніе....“ Но эти минуты тяжкаго сомнѣнія къ счастью были непродолжительны, ворота наконецъ распахнулись и изъ нихъ показались знатнѣйшіе старшины съ самимъ муштеидомъ во главѣ, христіанское духовенство съ крестами и хоругвями, и массы народа. Городъ выходилъ навстрѣчу побѣдителямъ. Эристовъ выслушалъ рѣчь городскихъ представителей, и затѣмъ войска, въ полдень 13-го октября, съ музыкой и барабаннымъ боемъ вступили въ Тавризь. Никогда еще городъ, обнесенный крѣпкими стѣнами, не былъ взятъ съ такою неимовѣрною легкостью.

Въ Тавризѣ достались намъ всѣ боевые и продовольственные запасы персидской арміи, всѣ склады ихъ, богатый арсеналъ, а главное пороховой и литейный заводы, на которыхъ въ послѣднее время такъ дѣятельно работали англичане. Тронъ Аббаса-Мирзы, повелительный жезлъ его, 40 орудій и 2 знамени составили военные трофеи. Плѣнныхъ было немного, но въ числѣ ихъ находился самъ Аллаяръ-ханъ, верховный министръ Персіи, которому поручена была защита Тавриза. Онъ пытался бѣжать изъ города, но, настигнутый въ полѣ донскимъ урядникомъ, взятъ въ плѣнъ. Казакъ посадилъ персидскаго вельможу на своего коня и привезъ въ Тавризь, гдѣ народъ съ изумленіемъ и страхомъ смотрѣлъ на превратность судьбы, постигшую его грознаго правителя.

Такимъ образомъ, резиденція наслѣднаго принца Персіи лежала у ногъ русскаго воинства. Съ политической точки зрѣнія паденіе Тавриза было для Персіи равносильно потери всей сѣверной половины государства, а захватъ русскими въ цитадели всѣхъ

боевыхъ средствъ страны лишалъ Аббасъ-Мирзу всякой возможности продолжать войну безъ риска потерять самый санъ наследника персидскаго царства.

Въ главной квартирѣ долго не знали о взятіи Тавриза. Увѣнчанный въ Эривани свѣжими лаврами, Паскевичъ далъ войскамъ кратковременный отдыхъ и только 7-го октября, получивъ донесеніе о движеніи Эристова внутрь Персіи, выступилъ въ походъ. Онъ шелъ брать Тавризь, но на пути получилъ извѣстіе, что Тавризь уже взятъ. Это было для него тѣмъ неожиданнѣе, что всего за нѣсколько дней передъ тѣмъ, онъ послалъ Эристову экстренное предписаніе—остановиться и ждать приказаній. „Движеніе ваше на Тавризь съ малозначущими силами,—писалъ онъ ему,—считаю преждевременнымъ. Зная, что я слѣдую самъ къ Тавризу съ главнымъ корпусомъ, въ сопровожденіи парковъ и транспортовъ, могущихъ единственно обезпечить основательное наступательное дѣйствіе, вашему сіятельству должнѣе было ограничиться только твердымъ занятіемъ Дарадизскаго ущелья, дабы обезпечить мое приближеніе, и затѣмъ заготовленіемъ продовольствія изъ мѣстныхъ способовъ облегчить маршъ моей колонны. Теперь я опасаюсь, дабы съ вами не случилось, какъ передъ симъ съ генералъ-лейтенантомъ Красовскимъ, и что я вынужденъ буду поправлять дѣла неблагопріятныя, отъ неосторожности вашей происшедшія, ибо ваше сіятельство изъ виду упускаете, что на дальнемъ разстояніи отъ Аракса, имѣя еще непріятеля по обоимъ флангамъ, вы можете подвергнуть не только самого себя опасности потерять всякое сообщеніе, но и меня нападеніямъ непріятельской кавалеріи на транспортъ. Вслѣдствіе чего предписываю, буде вы еще далѣе не подвинулись, то, остановясь у Маранда, заняты Дарадизское ущеліе надежнымъ отрядомъ и ожидать дальнѣйшихъ приказаній“. Но предписаніе это, составленное 12-го октября, слѣдовательно наканунѣ взятія Тавриза, не могло уже поспѣть своевременно.

Нельзя не отмѣтить, что предписаніе это вызвало у современниковъ двоякое сужденіе. Одни, припоминая съ какою настойчивостью стремился самъ Паскевичъ послѣ елисаветпольской побѣды

къ завоеванію Тавриза, когда отрядъ его былъ не сильнѣе Эристова, а общая обстановка на театрѣ военныхъ дѣйствій была безусловно еще менѣе благоприятна, нежели теперь — смотрѣли на это просто какъ на капризъ могущественнаго человѣка, опасавшагося, что подчиненный предупредитъ его въ столь важномъ дѣлѣ, какъ покореніе столицы Азербейджана; другіе видѣли въ этомъ только одну предусмотрительность главнокомандующаго. Въ минувшемъ году Паскевичъ въ качествѣ частнаго начальника, неотвѣтственнаго за успѣхъ кампаніи, за цѣлость Кавказа и кавказскаго корпуса, могъ разсуждать иначе; но теперь, испытавъ на дѣлѣ всю тяжесть лежавшихъ на немъ обязанностей, не хотѣлъ рисковать ничѣмъ и былъ остороженъ не менѣе Ермолова, котораго такъ порицалъ въ глазахъ государя.

Но какими бы причинами не руководился Паскевичъ, онъ не могъ скрыть своего неудовольствія, и оно отразилось прежде всего на персидскомъ сановникѣ, прибывшемъ къ нему отъ Аббас-Мирзы съ письмомъ о перемиріи. Паскевичъ тотчасъ же отправилъ его назадъ съ словеснымъ отвѣтомъ, что мѣсто для свиданія будетъ указано имъ своевременно, и поспѣшилъ къ Тавризу. Вся осадная артиллерія, въ которой уже не встрѣчалась надобность, оставлена была въ Марандѣ подъ прикрытіемъ Кабардинскаго полка, а остальные войска пошли впередъ двумя эшелонами. Осень во всемъ Азербейджанѣ стояла ненастная, и дороги до того испортились, что отрядъ могъ двигаться только небольшими переходами. Паскевичъ оставилъ пѣхоту, и въ сопровожденіи одной кавалеріи 19-го октября появился въ виду Тавриза. Между тѣмъ Эристовъ приготовилъ ему заранѣе торжественную встрѣчу. Все духовенство, старшины, почетные беки и многочисленныя толпы народа встрѣтили его за чертою города въ праздничной одеждѣ, усыпали дорогу цвѣтами и, по обычаю востока, поливали ее горячею кровью быковъ, тутъ же закалываемыхъ въ честь побѣдителя. На гласисѣ крѣпости стоялъ подъ ружьемъ весь отрядъ князя Эристова, привѣтствовавшій главнокомандующаго барабаннымъ боемъ, склоненіемъ знаменъ и крикомъ „ура“. Едва Паскевичъ въѣхалъ на подъемный мостъ, какъ началась пальба изъ всѣхъ персидскихъ орудій, разстав-

ленныхъ по стѣнамъ цитадели крѣпости. Квартира для него была приготовлена во дворцѣ Аббасъ-Мирзы, и здѣсь князь Эристовъ, во главѣ городскихъ представителей, поднесъ ему ключи отъ города.

Свиданіе Паскевича съ Эристовымъ было оригинальное. Паскевичъ обрушился на него всею тяжестью гнѣва и осыпалъ упреками; но старый грузинъ все выслушалъ молча, съ величайшимъ спокойствіемъ, а затѣмъ, когда тотъ окончилъ, поздравилъ Паскевича съ тѣмъ, что онъ, Паскевичъ, покорилъ Тавризъ. Паскевичъ его обнялъ, исходатайствовалъ даже александровскую ленту, но все-таки удалилъ изъ дѣйствующей арміи и отправилъ сенаторомъ въ Грузію.

Послѣ цѣлаго ряда празднествъ, наступило, наконецъ, время открытія переговоровъ, и Паскевичъ перенесъ свою главную квартиру въ м. Дей-Караганъ, гдѣ расположился особый отрядъ генерала Панкратьева: Лейбъ-гвардіи сводный и Козловскій пѣхотный полки, дивизіонъ нижегородцевъ, сводный уланскій полкъ, бывшій съ Паскевичемъ подъ Эриванью, полкъ донскихъ казаковъ и шесть конныхъ орудій. Остальныя войска расположились слѣдующимъ образомъ.

Нашебургскій полкъ, баталіонъ тифлисцевъ, казачій полкъ и 12 орудій, подъ начальствомъ генерала Бенкендорфа, должны были итти на Чевистеръ и тамъ, соединившись съ другимъ отрядомъ генерала Лаптева, слѣдовавшимъ изъ Маранда—Кабардинскій полкъ, 3 сотни казаковъ и три конныя орудія—овладѣть крѣпостью Хой. Если бы городъ рѣшилъ защищаться, Бенкендорфъ могъ потребовать даже осадную артиллерію, чтобы подвергнуть его бомбардированію. По взятіи Хоя, онъ долженъ былъ двигаться дальше въ Салмасскій округъ и занять дороги, ведущія къ Урміи. Оба эти отряда составляли правое крыло русскаго дѣйствующаго корпуса.

Въ самомъ Тавризѣ, въ центрѣ театра войны, остались, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта князя Эристова, Херсонскій и Грузинскій гренадерскіе и Ширванскій пѣхотный полки, рота пионеровъ и два полка черноморскихъ казаковъ.

Лѣвое крыло дѣйствующаго корпуса должно было образоваться изъ войскъ карабагскаго отряда, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта князя Вадбольскаго, который уже двигался на Агаръ, чтобы занять Мешкинскій округъ.

Наконецъ, въ видѣ авангарда, подъ командою генераль-маіора барона Розена, былъ выдвинутъ на тегеранскую дорогу особый отрядъ, въ составъ котораго вошли: Эриванскій карабинерный полкъ, два дивизіона нижегородскихъ драгунъ, бригада уланъ (полки Чугуевскій и сводный, прибывшій изъ Карабага), полкъ донскихъ казаковъ и шесть конныхъ орудій. Этотъ отрядъ занялъ замокъ Уджанъ, но затѣмъ продвинулся еще впередъ и сталъ у подошвы Кафланъ-ку, близъ города Міане. Не смотря на суровую зиму, авангардъ расположился бивакомъ. Розенъ не рѣшилсѣ размѣстить солдатъ по квартирамъ, опасаясь ядовитыхъ міанскихъ клоповъ, укушеніе которыхъ считается безусловно смертельнымъ.

Паскевичъ прибылъ въ Дей-Караганъ вечеромъ 5-го ноября, а 6-го числа, утромъ дали знать о прибытіи и наслѣднаго принца. Пріемъ ему былъ приготовленъ торжественный. Еще наканунѣ отпраздненъ былъ изъ Дей-Карагана дивизіонъ нижегородцевъ съ двумя конными орудіями, который и встрѣтилъ принца въ четырехъ верстахъ отъ Чевистера. Съ этимъ почетнымъ эскортомъ, смѣнившимъ персидскій конвой, Аббасъ-Мирза тронулся дальше. Подходя къ Чевистеру, онъ встрѣтилъ отряды Бенкендорфа и Лаптева, слѣдовавшіе на Хой и Салмасъ. Бенкендорфъ остановилъ войска на обширной равнинѣ, близъ озера Урміи, и привѣтствовалъ принца пушечнымъ салютомъ. „Аббасъ-Мирза,—говоритъ онъ въ своихъ запискахъ,—произвелъ на всѣхъ насъ неожиданно пріятное впечатлѣніе. Черты лица его отличаются замѣчательною красотою и правильностью. Подобныя лица могутъ встрѣчаться только въ Азіи или въ классическомъ Римѣ. Онъ прибылъ одинъ, безъ свиты, въ сопровожденіи только зятя своего Фетхъ-Али-хана и двухъ англійскихъ офицеровъ въ красныхъ мундирахъ. Самъ принцъ былъ одѣтъ чрезвычайно просто, и только одинъ кинжалъ его весь унизанъ былъ драгоцѣнными камнями; лошадь подъ нимъ была лучшая, каковую я когда-либо видѣлъ въ жизни. Это былъ знамени-



тый во всемъ Азербейджанѣ бѣлый иноходецъ, украшенный сбруей изъ чистаго золота“. По желанію принца Кабардинскій полкъ и дивизіонъ нижегородцевъ съ конной артиллеріей прошли передъ нимъ церемоніальнымъ маршемъ. Онъ благодарилъ войска и, улыбаясь, сказалъ Бенкендорфу: „Имѣя такихъ противниковъ, не стыдно проиграть кампанію“.

Аббасъ-Мирза ночевалъ въ этотъ день въ Чевистерѣ, гдѣ для него приготовлена была роскошная палатка и при ней почетный караулъ: по одну сторону 30 нижегородскихъ драгунъ, по другую— 30 персидскихъ курдовъ. Картина была достойна кисти художника.

Далѣе, передъ самымъ Дей-Караганомъ, стоялъ эскадронъ уланъ, одѣтый въ парадную форму, и при немъ находился генераль-адъютантъ графъ Сухтеленъ со всѣмъ корпуснымъ штабомъ. У квартиры принца, его ожидалъ почетный караулъ — рота гвардейскаго полка со знаменемъ, и тутъ же привѣтствовалъ его отъ имени главнокомандующаго генераль Панкратьевъ. Въ тотъ же день Паскевичъ и Аббасъ-Мирза обмѣнялись визитами, а на слѣдующій начались конференціи.

Условія, поставленныя Паскевичемъ были слѣдующія: 1) уступка Россіи двухъ ханствъ: Эриванскаго и Нахичеванскаго, 2) очищеніе персіянами ханства Талышинскаго и 3) пятнадцать куруровъ (т. е. 30 м. р. с.) контрибуціи. Въ томъ случаѣ, если бы денежныя требованія были отвергнуты, имѣлся наготовѣ другой проектъ, именно—отторжаніе отъ Персіи всей Азербейджанской провинціи, вмѣстѣ съ Тавризомъ. И въ перепискѣ Паскевича съ государемъ вопросъ шелъ только о томъ, сдѣлать ли ее простою областью Россіи, по примѣру другихъ закавказскихъ провинцій, или образовать изъ нея независимое ханство, подъ протекторатомъ Россіи.

Съ первыхъ же засѣданій Аббасъ-Мирза началъ просить объ уменьшеніи денежныхъ требованій. Паскевичъ скинулъ пять куруровъ, но далѣе ни на какія уступки не шелъ. Мало того, онъ объявилъ, что не подпишетъ самаго акта о заключеніи мира до тѣхъ поръ, пока первые пять куруровъ не будутъ въ русскомъ лагерѣ. „Со всякою другою державою,—писалъ Паскевичъ министру ино-

странныхъ дѣлъ, конечно, сперва заключается мирный трактатъ, а потомъ приступаютъ къ его исполненію; но здѣсь наоборотъ: сперва надо заставить выполнить требованія, а потомъ подписать и трактатъ“. Упорство Паскевича заставило ожидать извѣстій изъ Тегерана, откуда, наконецъ, дали знать, что первый денежный транспортъ вышелъ въ Тавризъ 10-го декабря.

Но въ то самое время, когда, казалось, дѣла приняли благоприятный оборотъ, когда условія мира начинали уже исполняться, вдругъ въ русско-персидскихъ отношеніяхъ совершенно неожиданно произошелъ крутой поворотъ. Въ Дей-Караганъ получено было извѣстіе, что денежный транспортъ, находившійся уже въ пути, задержанъ въ гор. Казвинѣ, а вмѣсто него ѣдетъ въ лагерь уполномоченный отъ шаха Мирза-Абуль-Гасанъ-ханъ съ увѣдомленіемъ, что если русская армія безъ малѣйшаго замедленія не очиститъ Азербейджана и не отступить за Араксъ, то шахъ не заплатитъ никакого вознагражденія и не ратикуетъ мира. Извѣстіе было до того поразительно, что самъ Аббасъ-Мирза не хотѣлъ ему вѣрить. Но дѣло объяснялось просто: султанъ, намѣреваясь объявить Россіи войну, увѣдомилъ объ этомъ шаха и совѣтовалъ ему не спѣшить заключеніемъ мира, обѣщая свою помощь. Ванскій паша даже прямо предлагалъ въ распоряженіе Аббасъ-Мирзы тѣ силы, которыя были собраны имъ на границѣ Салмаса; и если бы Аббасъ-Мирза благоразумно не отклонилъ вмѣшательство, говоря, что помощь опоздала и что онъ подписалъ уже предварительныя условія мира,—то турецкія войска немедленно вошли бы въ Персію.

Въ то же время въ самомъ Тегеранѣ появился новый претендентъ на персидскій престолъ, другой сынъ шаха—Гассанъ-Али-Мирза, герой хоросанскій. Молодой, опрометчивый принцъ славился своею неустрашимостью, но ни онъ, ни его сподвижники еще ни разу не видѣли русскихъ, а потому приписывали неудачи въ Азербейджанѣ только неспособности Аббасъ-Мирзы и малодушію тамошнихъ своихъ соотечественниковъ. Узнавъ о положеніи дѣлъ, онъ поспѣшилъ въ столицу, и приведя съ собою 8 тысячъ войска, объявилъ всенародно, что скорѣе умереть, нежели позволить вывезти хотя одинъ червонецъ изъ Тегерана. Народъ съ вос-

торгомъ разнесъ эти слова по городу, и глубокое впечатлѣніе, произведенное ими, воспламенило совсѣмъ было уже потухшія надежды. Въ мечетяхъ раздался ярый призывъ на войну съ невѣрными и изъ столицы послали въ Мешхедъ за священнымъ зеленымъ знаменемъ пророка. Въ отвѣтъ на это Паскевичъ немедленно прервалъ переговоры и отдалъ войскамъ приказаніе готовиться къ походу.

Стояла суровая холодная зима съ глубокими снѣгами и совершеннымъ бездорожьемъ, когда Паскевичъ 8-го января 1828 года выѣхалъ изъ Дей-Карагана, торопясь въ Тавризъ, чтобы скорѣе начать военныя дѣйствія. На этомъ, сравнительно небольшомъ перѣздѣ, Паскевичъ лично могъ убѣдиться, какія страшныя препятствія ожидали войска въ зимнемъ походѣ. Ужасная вьюга, захватившая его въ дорогѣ, стояла цѣлыя сутки и была такъ сильна, что за массою крутившагося снѣга невозможно было добраться ни до какого жилья. Многіе, изъ бывшихъ даже въ самомъ поѣздѣ Паскевича, отбились отъ него и блуждали по степи; два писаря корпуснаго штаба и нѣсколько конныхъ татаръ изъ его конвоя погибли буквально на глазахъ товарищей, которые не могли оказать имъ помощи. И, несмотря на все это, откладывать военныя дѣйствія было невозможно.

Войска праваго фланга, занимавшія, подъ начальствомъ генерала Лаптева, Хойскую провинцію и Салмасскій округъ, первые двинулись впередъ и 15-го января заняли Урмію — многолюдный городъ съ хорошей цитаделью и съ громадною стѣною, укрѣпленную множествомъ башенъ. Войска изъ Дей-Карагана, предводимыя генераломъ Панкратьевымъ, двинулись на Марагу, чтобы разсѣять персидскія войска, стоявшія къ югу отъ Урмійскаго озера. Карабагскому отряду поручено было овладѣть Ардебилемъ и затѣмъ выйти на путь къ Тегерану для соединенія съ главными силами. Самъ Паскевичъ съ центральной колонною выступилъ изъ Тавриза на Міане, гдѣ стоялъ авангардъ барона Розена. Отсюда предполагалось перейти хребетъ Кафланъ - ку и наступать далѣе черезъ Зинганъ къ Тегерану.

Такого быстрого наступленія русскихъ никто не ожидалъ, и паника охватила цѣлую Персію; шахъ готовился покинуть столицу;

персидскія войска нигдѣ не защищались, и Паскевичъ шелъ впередъ, не встрѣчая даже попытокъ къ сопротивленію; только въ карабагскомъ отрядѣ прогремѣло нѣсколько выстрѣловъ, да и то какъ послѣдній салютъ заканчивающейся кампаніи. Отрядомъ этимъ вмѣсто князя Вадбольскаго, назначенъ былъ командовать генераль-адъютантъ Сухтеленъ, который догналъ его уже за Агаромъ. Какъ прежде, юный Сухтеленъ, командуя еще Волынскимъ уланскимъ полкомъ, особенно отличился при взятіи Реймса, города славнаго вѣнчаніемъ на царство французскихъ королей, такъ и теперь ему предстояло взять Ардебиль, изстари знаменитый коронованіемъ въ немъ персидскихъ государей. Несмотря на суровую зиму, памятную въ Персіи необычайно глубокими снѣгами и холодомъ, онъ быстро шелъ впередъ и 25-го января стоялъ уже передъ цѣлью своего похода. Ардебиль совершенно не былъ готовъ къ оборонѣ. Правда, сыновья Аббасъ-Мирзы, Махметъ и Джанхиръ, заперлись въ цитадели съ двухтысячнымъ гарнизономъ и хотѣли защищаться; но нѣсколькихъ ракетъ, пущенныхъ въ городъ, было достаточно, чтобы поколебать мужество защитниковъ. Въ городѣ вспыхнулъ мятежъ, и жители, ворвавшись въ крѣпость, сами обезоружили сарбазовъ. Между тѣмъ, старѣйшины города отворили ворота и встрѣтили подходившій отрядъ съ хлѣбомъ и солью. Оба принца, лишенные возможности бѣжать, сдались военнопленными.

Въ Ардебилѣ русскому отряду пришлось прежде всего увидеть печальные трофеи, добытые персіанами въ первые моменты вторженія ихъ въ наши предѣлы. На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ 1826 году стоялъ шахскій лагерь, верстахъ въ четырехъ отъ города, влѣво отъ тавризской дороги, возвышались на высокому курганѣ шесть пирамидъ, сложенныхъ изъ русскихъ головъ. Сухтеленъ имѣлъ утѣшеніе разрушить эти кровавые памятники и отдать послѣдній долгъ нашимъ невѣдомымъ мученикамъ-героямъ. 31-го января на курганѣ собраны были 42-й Егерскій и казачій Андреева полки, наиболѣе другихъ потерпѣвшіе въ началѣ войны. Священникъ прочиталъ молитвы объ упокоеніи душъ—имена же ихъ Ты Господи вѣси,—и при возглашеніи вѣчной памяти и троекратномъ

залпѣ, кости опущены въ могилу. Солдаты 42-го Егерскаго полка поставили надъ нею большой деревянный крестъ.

Въ Ардебилѣ взято нами 27 орудій. Но то, что сдѣлало завоеваніе его особенно памятнымъ какъ въ лѣтописяхъ военной исторіи, такъ и въ лѣтописяхъ мирной науки, — это приобрѣтеніе нами богатой бібліотеки, хранившейся въ мечети Шейхъ-Сафи-Эдене, въ этомъ Палладіумѣ шиитской мудрости, служившей лучшимъ украшеніемъ города. Въ одной изъ стѣнъ этой мечети, въ прекрасно выдѣланной нишѣ, подъ мрачнымъ куполомъ стоитъ гробница этого святого, основателя храма, привлекающая сюда на поклоненіе со всего міра массу магометанъ-шиитовъ. Вправо отъ нея находится другая гробница, въ которой покоится прахъ Шахъ-Измаиль-Сефи, основателя старой персидской монархіи и родоначальника династіи Сефевъ, царствовавшей до Шахъ-Надира. Отсюда нѣсколько драгоценныхъ дверей, окованныхъ серебромъ и чистымъ золотомъ, ведутъ въ обширный и свѣтлый залъ, гдѣ хранилась, знаменитая на всемъ востокѣ, бібліотека арабскихъ и персидскихъ рукописей. Говорятъ, что эта бібліотека получила основаніе въ царствованіе Шахъ-Аббаса, тщательно собиравшаго всѣ литературные памятники древности. Вотъ этою то драгоценною бібліотекою и всѣмъ, что было въ ней цѣннаго, что составлялось вѣками изъ пожертвованій многихъ властителей Персіи, — Сухтеленъ овладѣлъ какъ военнымъ трофеемъ. Нынѣ она хранится въ Императорской Публичной бібліотекѣ.

Покореніемъ Ардебиля закончились военныя дѣйствія въ Персіи. Вновь занятые русскими пункты: Урмія, Марага, Ардебиль и путь къ Міане образовали желѣзную цѣпь, надвигавшуюся къ самому сердцу персидской монархіи. Сопротивленіе шаха становилось невозможнымъ. Едва Паскевичъ дошелъ до Уджанскаго замка, какъ его встрѣтилъ уполномоченный англійскій министръ Макдональдъ, прибывшій изъ Тегерана съ извѣстіемъ, что шахъ принимаетъ всѣ условія мира.

Въ сорока трехъ верстахъ отъ Міане, на пути изъ Тавриза, расположена небольшая деревня Туркманчай. Этому то ничтожному селенію, едва извѣстному во времена Паскевича въ ближайшихъ

центрахъ Персіи, и суждено было оставить свое имя въ исторіи.

Получивъ извѣстіе, что Аббасъ-Мирза, по повелѣнію шаха ѣдетъ навстрѣчу къ русскимъ войскамъ для подписанія мирнаго договора, Паскевичъ 6-го февраля прибылъ въ Туркманчай, гдѣ уже находились два эскадрона уланъ и сводный гренадерскій баталіонъ, назначенные въ конвой главной квартиры. Домикъ деревенскаго кеятъ-худе (старосты), въ которомъ остановился Паскевичъ, сохраняется понынѣ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ былъ во время персидской войны. Домикъ весьма невеликъ, одноэтажный и состоитъ всего изъ двухъ комнатъ, раздѣленныхъ между собою корридормъ; въ каждой комнатѣ по одному окну, и такъ какъ стекла въ нихъ разноцвѣтныя, то въ комнатахъ всегда царствуетъ полусвѣтъ; на верху—бельведеръ съ маленькимъ помѣщеніемъ, на дворѣ—прекрасный цвѣтникъ, также маленький—и все это обнесено, по восточнымъ обычаямъ, высокою глиняною стѣною. Паскевичъ занялъ въ домѣ только одну комнату, оставивъ другую для Аббасъ-Мирзы. Здѣсь и рѣшилась судьба Персіи. Переговоры окончились въ три дня, и ровно въ полночь съ 9-го на 10-е февраля, въ моментъ, объявленный персидскимъ астрологомъ самымъ благопріятнѣйшимъ, миръ былъ подписанъ, и 101 пушечный выстрѣлъ немедленно возвѣстилъ объ этомъ событіи войскамъ и народу.

Война окончилась. Персидскія войска, занимавшія Зинганъ, отступили къ Тегерану; русскій авангардъ, стоявшій въ Міане, отошелъ къ Тавризу, а графу Сухтелену послано было приказаніе очистить Ардебиль, такъ какъ Аббасъ-Мирза долженъ былъ имѣть въ немъ свою временную резиденцію до окончательнаго выступленія русскихъ войскъ изъ Азербейджана. Но относительно очищенія Азербейджана, вопросъ оставался еще нерѣшеннымъ.

Дѣло заключалось въ томъ, что по настояніямъ Паскевича, изъ числа 10 куруровъ, семь должны были быть внесены прежде, чѣмъ войска оставятъ Тавризь; въ обезпеченіе восьмого курура, русскіе временно оставляли за собою Хойскую провинцію, а уплата остальныхъ двухъ куруровъ разсрочена была на нѣсколько лѣтъ. Пять куруровъ персіане тотчасъ же заплатили, и 26 повозокъ, нагру-

женныхъ золотомъ и запряженныхъ рослыми лошадьми, покрытыми богатыми коврами, имѣли торжественный въѣздъ въ Тифлисъ, при радостныхъ кликахъ народа, которому казалось, что въ стѣны Тифлиса возвращаются сокровища, нѣкогда увезенныя изъ него жестокимъ Ага-Магометъ-ханомъ, основателемъ нынѣшней царствующей династіи Каджаровъ. Шестой куруръ былъ въ дорогѣ, а седьмого достать было негдѣ, и Аббасъ-Мирза просилъ объ отсрочкѣ. Паскевичъ согласился, но взялъ въ обезпеченіе Урмійскую провинцію.

Когда такимъ образомъ всѣ дѣла были, наконецъ, улажены Паскевичъ отправилъ въ Тегеранъ генералъ-маіора барона Розена привѣтствовать шаха съ заключеніемъ мира. Въ свою очередь, шахъ, желая сдѣлать, что либо пріятное русскому государю, повелѣлъ, чтобы гвардейскій баталіонъ джанбазовъ, расположенный въ Тегеранѣ, именовался баталіономъ Его Величества Императора Всероссійскаго, а одинъ изъ баталіоновъ азербейджанскихъ—именемъ Паскевича.

Но прежде чѣмъ русскіе вышли изъ Тавриза, въ городѣ стало совершаться, нѣчто такое, что прямо противорѣчило условіямъ мира, въ которыя входилъ и обязательный размѣнъ военнопленныхъ. Въ послѣдніе дни замѣчено было, однако, что персіяне исподтишка склоняли русскихъ солдатъ къ побѣгамъ, а были случаи даже открытаго насилія, когда ихъ захватывали въ плѣнъ по одиночкѣ, и впослѣдствіи или зачисляли въ шахскую гвардію, или продавали въ далекое безысходное рабство.

Однажды вечеромъ 4-го марта, тавризскому коменданту дали знать, что нѣсколько русскихъ солдатъ задержаны персіянами въ одномъ изъ домовъ, стоявшихъ на самой отдаленной части глухого тавризскаго форштадта. Немедленно отправленъ былъ туда офицерскій патруль, и солдаты были освобождены. На шумъ сбѣжалась, между тѣмъ, огромная толпа вооруженнаго народа и напала на патруль; офицеръ былъ раненъ и слабая команда вынуждена была отступить. Въ это время двое рядовыхъ Ширванскаго полка, Куксенко и другой, имя котораго не сохранилось, были отрѣзаны отъ своихъ и очутились среди толпы персіянъ. Товарищъ Куксенки упалъ въ какую то яму, и хотя успѣлъ выскочить, но уже безъ оружія;

тогда они оба бросились въ первую попавшуюся хату и въ ней заперлись. Персіане вломились въ двери и, произошедъ почти невѣроятный эпизодъ. Выстрѣливъ изъ ружья и положивъ на мѣстѣ двухъ персіанъ, Куксенко громко скомандовалъ самому себѣ: „На—руку!“ и, бросившись въ толпу персіанъ, не только отбился отъ сотенъ вооруженныхъ людей, но успѣлъ провести сквозь остолбенѣвшую толпу и своего безоруженнаго товарища. Геройскій подвигъ этотъ послужилъ достойнымъ эпилогомъ къ персидской кампаніи, и Паскевичъ собственноручно надѣлъ на Куксенко знакъ отличія военнаго ордена.

Послѣ этого случая русскія войска стали выходить изъ Тавриза, и вмѣстѣ съ ними выѣхалъ глава мусульманскаго духовенства, тавризскій „муштеидъ“ Ага - Миръ - Фетхъ - Сеидъ, пожелавшій переселиться въ Россію. Вліяніе этого муджетхида на весь Азербейджанъ, и тѣмъ болѣе на жителей столицы, было громадное. Понятно, что персіане не охотно выпускали его изъ Тавриза, полагая справедливо, что отъѣздъ его будетъ настолько же пагубенъ для власти Каджаровъ въ Азербейджанѣ, насколько принесетъ пользу Россіи окончательнымъ умиротвореніемъ ея мусульманскихъ провинцій.

Дѣйствительно, пріобрѣтеніе столь важной духовной особы Алиевой секты, не могло не имѣть для русскихъ серьезнаго политическаго значенія, которымъ Паскевичъ и воспользовался въ полной мѣрѣ, подчинивъ Фетхъ-Сеиду все духовенство шиитовъ, которое до сихъ поръ по необходимости относилось въ дѣлахъ, касавшихся вѣры, къ Тавризу. Муштеидъ основалъ свою резиденцію въ Тифлисѣ, гдѣ памятникомъ его пребыванія понынѣ служить большой общественный садъ, извѣстный въ народѣ подъ именемъ „Муштаида“.

Вслѣдъ за персидскимъ первосвященникомъ 8-го марта утромъ, вмѣстѣ съ послѣднею колонною, выѣхалъ изъ Тавриза и Паскевичъ, а въ полдень Аббасъ-Мирза имѣлъ торжественный вѣздъ въ свой загородный дворецъ. Русскія войска очистили Персію, и только въ Урміи и Хоѣ остался значительный отрядъ генерала Панкратьева, впредь до уплаты восьмого курура.



Признательный монархъ щедро награди́лъ вожда побѣдоносныхъ русскихъ войскъ: за заключеніе мира Паскевичъ получилъ —милліонъ рублей изъ взятой контрибуціи, а за присоединеніе къ русскимъ владѣніямъ двухъ областей, съ главнымъ городомъ Эриванью—графское достоинство съ титуломъ Эриванскаго.

Аббасъ-Мирзѣ императоръ отправилъ въ подарокъ 18 пушекъ съ полнымъ комплектомъ боевыхъ зарядовъ и свой портретъ, богато украшенный, для ношенія на груди, на голубой лентѣ. Для всѣхъ участниковъ персидской войны установлена была серебряная медаль на соединенной лентѣ орденовъ св.Георгія и Владимира, „Да послужить знакъ сей,—сказано было въ высочайшемъ приказѣ,—памятникомъ мужества и кроткаго поведенія вашего; да будетъ онъ новымъ залогомъ вѣрной службы вашей и Моей къ вамъ признательности“.

Въ тоже время въ указѣ правительствующему сенату, даннымъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ, по поводу заключенія мира съ Персіей, сказано: „Силою трактата, заключеннаго съ Персіей, присоединенія къ Россіи ханства Эриванское и Нахичеванское, повелѣваемъ во всѣхъ дѣлахъ именовать отнынѣ областю Армянскою и включить оную въ титулъ нашъ“.

Съ этихъ поръ начинается переселеніе армянъ изъ Азербейджана, Урміи и Хоя въ новую русскую область. И къ осени 1828 года явилось 8249 семей, что въ сложности составляло болѣе 40 тысячъ жителей. Тогда же утвержденъ былъ и особый гербъ для Армянской области: посрединѣ накладного щита, на голубомъ полѣ, изображена серебристая снѣговая вершина Арарата; ее окружають серебряныя облака, а на вершинѣ—золотой ковчегъ.

Нижняя часть герба раздѣлена на двое: на право, въ красномъ полѣ, древняя корона армянскихъ царей; самая корона золотая съ серебряною звѣздою, осыпанная жемчугомъ, а повязка и подкладка ея — голубыя. Налѣво, въ зеленомъ полѣ —церковь эчмиадзинская, вся серебряная, а главы и кресты золотые.

Въ верхнемъ отдѣленіи герба, въ золотомъ полѣ, двуглавый русскій орелъ. Онъ объемлетъ и держитъ въ лапахъ означенный щитъ. А надо всѣмъ императорская корона.

Впослѣдствіи, когда армянская область вошла въ составъ вновь учрежденной Эриванской губерніи, гербъ этотъ былъ замѣненъ другимъ: на лазуревомъ щитѣ—серебряная скала, увѣнчанная золотымъ русскимъ крестомъ; надъ щитомъ—императорская корона.

Въ гербѣ же собственно русскихъ императоровъ остался левъ, какъ гербъ послѣдней царственной династіи Арменіи — Рупиніановъ <sup>1)</sup>.



<sup>1)</sup> Архивъ штаба Кавказскаго военнаго округа. Дѣло 1827 г., № 3. О движеніи и дѣйствіи отряда кн. Эристова. „Кавк. Сборн.“, т. 1. Воспоминаніе изъ „Кавказской Старины“ — Андреева. Кавказская война въ отдѣльныхъ очеркахъ, легендахъ и біографіяхъ. Потто.

# УКАЗАТЕЛЬ.

## I.

### Личныя имена.

- А** ббасъ-Мирза, наслѣдный принцъ персидскій, 3, 8, 9, 12, 13, 15—19, 22, 27—31, 33—36, 38—40, 42 44, 46—48, 50—52, 54—61, 63, 69, 94, 97, 100, 102—106, 108—117, 122, 129, 134, 135, 143, 146, 152, 155, 157, 166, 175, 180—182, 184, 188, 196—198, 201, 244—246, 248, 250—252, 254—256, 266, 272, 276—278, 282, 287—292, 294, 299, 304—314, 316—319.
- Абулъ-Гасанъ-ханъ, персидскій министръ, 47.
- Абулъ - Гассанъ - Низами, персидскій поэтъ, 167.
- Авенаріусъ, 92.
- Ага-бекъ-Калантаровъ, 107, 110.
- Ага-бекъ-Садыковъ, полковникъ, 43.
- Аллахъ-Урханъ (Аллаяръ-ханъ), персидскій министръ, 23, 28, 250, 305, 306.
- Александръ I, Императоръ, 4—7, 9, 11, 16, 34, 41, 47, 53, 54, 56, 160, 161, 207, 231.
- Александръ, грузинскій царевичъ, 40, 48, 62, 122, 134, 135, 138, 146, 149, 150, 183, 188.
- Али-Мирза-ханъ, хоросанскій валій, 37.
- Али-Наги-Мирза, тахскій сынъ, 125.
- Амбургеръ, секретарь миссіи, 57.
- Амиръ-ханъ-сардаръ, 119, 153, 155.
- Андреевъ, подполковникъ, 95, 231.
- Андрониковъ Зурабъ, князь, 151, 174, 251, 252.
- Аскеръ-ханъ, 14.
- Асланъ-ханъ, 133.
- Ашенбергъ, подполковникъ, 131.
- Багговутъ**, подпоручикъ Лейбъ гвардіи Московскаго полка, 299.
- Багратионъ, князь, генералъ, 160, 268, 269, 271.
- Бартоломей, полковникъ, 57, 60, 63.
- Барятинскій, князь, 216.
- Беджанъ-ханъ, персидскій сановникъ, 111.
- Бековичъ-Черкасскій, князь, 222.
- Беллинсгаузенъ, адмиралъ 212.
- Бенкендорфъ, генералъ - адъютантъ, 178, 222, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 239, 240, 241, 242, 249, 250, 251, 296, 309—311.
- Берхманъ, генералъ-маіоръ, 279.
- Бломъ, поручикъ, 232.
- Богдановъ, поручикъ, 103.
- Бутъ-ханъ, туркменскій вождь, 192.
- Бѣловъ, оберъ-аудиторъ, 301.
- Бѣлозеръ, маіоръ, 286.
- Вадбольскій**, князь, генералъ-маіоръ, 43, 267, 268, 303, 310, 314.
- Варлаамъ, митрополитъ Грузіи, 14.

Назимка, подполковникъ, 97, 100, 101, 102, 103, 104, 115.

Назимокъ, поручикъ, 103.

Небольсинъ, генералъ, 256.

Негри, совѣтникъ посольства, 25.

Неджефъ-Али-султанъ, персидскій савонникъ, 252.

Нейгардтъ, командиръ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, 215, 216.

Нероновъ, сотникъ, 232.

Нерсесъ, архіепископъ, 226, 228, 278, 286, 291.

Несвѣтаевъ, генералъ-маіоръ, 228.

Нессельроде, графъ, 5, 6, 30, 33, 34, 53, 54, 56, 58, 63, 77, 82, 143, 144, 191, 222, 257.

Николай I, Императоръ, 55, 76, 147, 161, 163, 175, 176, 200, 210, 228, 258, 266, 274, 302, 319.

**Орбеліани**, князь, 91, 92, 151.

Остроуховъ, подполковникъ, 135.

**Павель I**, Императоръ, 159.

Панкратьевъ, генералъ-маіоръ, 221, 225, 260, 262, 264, 303, 304, 309, 311, 313, 318.

Паскевичъ И. Ф. генералъ-адъютантъ, 147, 148, 158—171, 173—184, 186, 187, 195, 196, 200—206, 208, 210, 212, 215, 221, 222, 225, 230, 232, 233, 239—242, 246, 248—259, 262, 263, 265—268, 271—274, 276, 287—299, 302, 303, 304, 305, 307—319.

Переверзевъ, капитанъ, 84, 87.

Перкинъ, капитанъ, 123, 125, 188.

Петровъ, поручикъ, 234.

Подлущкій, штабсъ-капитанъ, 270.

Пожидаевъ, поручикъ, 284.

Поповъ, полковникъ, командиръ Херсонскаго полка, 157.

Поповъ, поручикъ, 85.

Портнягинъ, 228.

Прозоровскій, князь, 160.

Пушкинъ, поэтъ, 208.

**Реутъ**, полковникъ, 97—108, 110—116.

Рогозинъ, прапорщикъ, 101.

Розенъ, баронъ, полковникъ, 127, 215, 216, 310, 313, 317.

Ртищевъ, генералъ, командиръ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, 4, 190, 191.

**Сабанеевъ**, генералъ, 206.

Сагиновъ, подполковникъ, 51.

Сакенъ, генералъ-маіоръ, 256.

Саркисъ, архіепископъ, 117.

Свистуновъ, поручикъ, 124.

Севарсамидзе, князь, полковникъ, 50, 51, 59, 60, 64, 72—87, 89, 91, 95, 184, 185, 232.

Севарсамидзе, прапорщикъ, 270.

Селимъ-ханъ, шекинскій, 122.

Симоничъ, графъ, 135, 157, 166, 168, 170, 172, 175, 176, 177, 228.

Симоновъ, надворный совѣтникъ, 120.

Сипягинъ, военный губернаторъ Грузіи, 204, 221, 258, 277, 290, 292.

Снесаревъ, штабсъ-капитанъ, 101.

Снѣжевскій, казахскій приставъ, 84, 85.

Соболевъ, капитанъ, 283.

Соволовъ, совѣтникъ посольства, 19, 25.

Сумскій, подполковникъ, 286.

Сурхай ханъ, казакумухскій, 46, 122, 130, 133.

Сухтеленъ, графъ, генералъ-адъютантъ, 222, 293, 301, 302, 304, 311, 314—316.

**Тархановъ** Ростомъ, старшина, 109, 113.

Трузсонъ, генералъ, 221, 304.

**Угурлу-ханъ**, ганжинскій, 119, 175.

Увилье, генералъ-лейтенантъ, 221, 304.

**Фетхъ-Али-шахъ**, 3, 8, 9, 11, 12, 21, 23, 24, 29, 34, 39, 44, 45, 46, 53, 63, 248, 255.

- Флиге, подполковникъ артиллеріи, 83.  
 Фредериксъ, баронъ, полковникъ, 88,  
 268, 270
- Харченковъ**, поручикъ артиллеріи,  
 121.  
**Хомутскій**, маіоръ, 234  
**Хруповъ**, инженерный прапорщикъ,  
 85.
- Циціановъ**, князь, главнокомандую-  
 щій, 41, 74, 93, 122, 181, 228,  
 270, 296.
- Чавчавадзе**, князь, прапорщикъ, 86,  
 87, 269, 270.  
**Чиляевъ**, маіоръ, 99, 111, 115,  
 116.  
**Чубскій**, командиръ роты, 270.
- Шабельскій**, И. П., полковникъ, 136, 138, 165, 171, 172, 173,  
 174, 175, 182.  
**Шамиль**, 214, 215.  
**Шамхалъ Тарковский**, 133.  
**Шевелевъ**, капитанъ, 115, 116.  
**Шильдеръ**, генералъ, историкъ, 203.  
**Шнитниковъ**, капитанъ, 120, 121.  
**Шуруповъ**, войсковой старшина, 286.
- Щеголевъ**, маіоръ, 284.
- Эристовъ**, князь, 136, 140, 151,  
 188, 189, 221, 243, 250, 251,  
 303—309.
- Юдинъ**, маіоръ, полковникъ, 176,  
 229, 234.
- Яковлевъ**, фельдфебель, 270.
- Оедотовъ**, священникъ, 285.

## Географическія имена.

- А баранъ**, рѣка, 58, 228, 281, 282.  
**Аббасъ-Абадъ**, крѣпость, 69, 245, 246, 248—250, 253, 256, 262, 264—267, 303.  
**Абхазія**, 66.  
**Агаръ**, городъ, 63, 180, 194, 196, 199, 223, 224, 310, 314.  
**Агаръ-чай**, рѣка 194  
**Азербейджанская провинція**, 13, 69, 75, 192, 196, 197, 46, 248, 255, 276, 308, 311, 312, 316, 318, 319  
**Адіаманъ**, селеніе, 74, 9.  
**Айгланлу**, селеніе, 229, 232.  
**Айдары**, рѣчка, 256.  
**Акеранъ-чай**, р. 102, 103.  
**Акзобиюкъ**, хребетъ, 71, 90, 91, 95, 96, 225, 230, 240.  
**Акстафа**, рѣка, 59, 71, 148, 157, 164, 166, 183.  
**Алагезъ**, гора, 10, 58, 59, 71, 74, 185, 227, 275.  
**Алазанъ**, рѣка, 137, 138, 140, 189.  
**Алвентъ**, селеніе, 183.  
**Алынджи-чай**, рѣка, 272.  
**Аланча (Алынджа)**, персидская крѣпостца, 271, 272.  
**Амамлы**, селеніе, 51, 58, 64, 72, 81, 89, 185, 240.  
**Андаляль**, общество въ Дагестанѣ, 133.  
**Аннефельдъ**, колонія, 121.  
**Араксъ**, рѣка, 7, 10, 20, 43, 57, 99, 106, 164, 167, 175, 179—183, 186, 190, 193, 194, 199, 222—225, 227, 229, 234, 239—241, 244—247, 249, 250, 252, 255, 256, 259, 260, 266, 268, 269, 272, 277, 292, 294, 304, 305, 307, 312.  
**Араратъ**, гора, 227, 319.  
**Ардебиль**, городъ, 48, 63, 103, 182, 200, 223, 313—316.  
**Арпачай**, рѣка, 7, 10, 70, 71, 73, 230, 232.  
**Археанъ**, постъ, 123.  
**Аспандузъ**, укрѣпленіе, бродъ, 106, 180, 182, 193, 197, 223.  
**Астаринскій постъ**, 123.  
**Астрабадъ**, провинція, 9, 28, 31, 191, 192.  
**Астраханъ**, городъ 189, 239, 260, 261.  
**Астрикъ**, рѣка, 151. 53.  
**Ахалкалаки**, городъ, крѣпость, 96.  
**Ахалцихъ**, крѣпость, 67, 93.  
**Ахпатскій монастырь**, 93, 94.  
**Ахсу (новая Шемаха)** городъ, 129, 130.  
**Ахъ-Караванъ-сарай**, 265, 266.  
**Ахъ-Огланъ**, замокъ, 102, 164, 175, 183, 193, 223, 240, 259, 260, 264.  
**Аштаракъ**, селеніе, 277, 289.  
**Баку**, городъ, 65, 67, 70, 122, 123, 125, 127, 128, 130, 133, 188, 198, 230, 261.  
**Балыкъ-чай**, рѣка, 42, 49, 50, 51, 58, 59, 71, 73, 76, 79, 82, 88.  
**Балыкъ-чайскій постъ**, 74, 84, 87.  
**Бармакскій магалъ**, 131.  
**Башкичетъ**, селеніе, 67, 91, 277.  
**Башъ-Абаранъ**, селеніе, 32, 59, 73, 81, 275, 290.  
**Баязетъ**, городъ, 38.  
**Безобдалъ**, хребетъ, 64, 71, 72, 81, 84, 86, 87, 88, 89, 90, 95, 184, 225, 240, 276.

- Бекантъ, селеніе, 72, 81, 89.  
 Божій Промыселъ, на р. Куръ, 239, 259, 261, 262, 263.  
 Большой Сатанагачъ, рѣка, урочище, 49, 50.  
 Борчала, Борчалинская дистанція, 41, 70, 71, 88, 93, 94, 134, 149, 150, 184, 240.  
 Браиловъ, крѣпость, 160.  
 Бурная, крѣпость, 128, 132, 198.  
 Бѣлый Ключъ, штабъ-квартира, 67, 83, 93.
- В**  
 Ванандское ущелье, 269.  
 Вапъ, городъ, 39.  
 Варна, крѣпость, 160.  
 Вильно, городъ, 160.  
 Волчьи Ворота, перевалъ горъ, 96.
- Г**  
 Гамзачеманъ, урочище, 59.  
 Гамзачемапка, рѣка, 72, 79.  
 Ганжинское ханство, 119, 121, 152, 156, 157, 175, 177.  
 Гарни-чай, рѣка, 243, 244.  
 Гасанъ-су, рѣка, 151, 183, 186, 187.  
 Георгіевскій холмъ, 297.  
 Гергеры постъ, селеніе, 72, 81, 90.  
 Гержевани, деревня, 130.  
 Герми, гермійскій постъ, 123, 124.  
 Герюсы, селеніе, 97, 98, 100, 101, 102, 196, 239, 240, 242, 246, 259, 260, 264, 265.  
 Гильмени, рѣка, 132.  
 Гиль, урочище, 49, 50.  
 Гилянъ, область, 28, 31, 191.  
 Гимринскія горы, 10.  
 Гимринскій округъ, 46.  
 Гори, городъ, 67.  
 Гоуха, озеро, 10, 43, 46, 50, 51, 53, 54, 58, 71, 73, 74, 76, 94, 183, 185, 186.  
 Грозная, крѣпость, 34, 219.  
 Грузія, 3, 4, 5, 7, 20, 46, 53, 54, 75—77, 87, 88, 95, 106, 111, 117, 122, 134, 141, 142, 146, 149, 150, 158, 162, 183, 187, 196, 203, 204, 210, 221, 223, 225, 229, 230, 233, 240, 276, 277, 88, 289, 292.
- Гудауръ, 240.  
 Гумры (Александрополь), 14, 58, 67, 72, 74, 79, 80, 81, 82, 84, 88, 89, 90, 96, 276, 277, 290.  
 Гунибъ, гора, 219.  
 Гурія, 66.  
 Гюлистанъ, селеніе, 190.
- Д**  
 Даваль, 294.  
 Дагестанъ, 5, 27, 45, 46, 66, 83, 111, 122, 128, 130, 133, 134, 135, 183, 198, 215.  
 Даралагезъ, урочище, 10, 40, 48.  
 Даравургское ущелье, 193.  
 Даричагъ, урочище, 51.  
 Дей-Карганъ, мѣстечко, 309—313.  
 Делижанское ущелье, 50, 51, 64, 71, 84, 141, 166.  
 Дербентъ, крѣпость, городъ, 62, 65, 28, 129, 131, 132, 192.  
 Джанговъ, деревня, 132.  
 Джаро-Белокапская (Джарская) область, 134, 189, 190.  
 Джебраилъ, селеніе, 260.  
 Джебавъ-Булахъ, ручей, 248, 252, 253.  
 Джебавъ, селеніе, 127, 129, 183, 189, 193, 194, 262.  
 Джелаль-оглы, укрѣпленіе, 58, 67, 72, 77, 81, 88, 89, 90, 94, 141, 184, 186, 225, 230, 241, 292.  
 Диадинъ, замокъ, 38.  
 Джила, рѣка, 88.  
 Джингили, урочище, ущелье, 275, 276, 280, 287, 290, 292.  
 Джульфы, селеніе, 196, 271.  
 Дзегамъ, рѣка, 152, 153, 183.
- Е**  
 Едибулукскій бродъ, 10.  
 Екатериноградъ, 163.  
 Екатериненфельдская колонія, 67, 91, 93.  
 Еленендорфская колонія, 121.  
 Елисаветполь, городъ, 67, 68, 70, 88, 90, 94, 96, 99, 100, 117, 119—122, 142, 145, 146, 148,

- 152, 155—158, 164, 166, 169, 173, 175, 179, 183, 189, 197, 198, 201, 202, 270, 276.
- Закаталы**, селеніе, 189, 190.
- Зардобъ**, 183, 230, 239, 259, 260—262.
- Занга**, рѣка, 59, 63, 233, 234, 287, 296, 297, 299, 300, 301.
- Зангезурскій округъ**, 101.
- Зенганъ-чай**, р. 19, 60.
- Зіахуры**, мѣстечко, 132.
- Зурнабадъ**, селеніе, 120.
- Имеретія**, 66.
- Испаганъ**, городъ, 12.
- Кабарда**, 66.
- Кавказская линія**, 4, 34, 55, 65, 66, 128, 140, 163, 199, 206.
- Казахъ**, казахская дистанція, 10, 50, 59, 70, 71, 75, 134, 135, 140, 49, 240.
- Казикумухъ**, 128, 130, 133.
- Каладараси**, деревня, 103.
- Каменная**, рѣчка, 72, 83, 88, 89, 184.
- Капанакъ-чай**, р., 10, 43.
- Капанъ-чай**, р., 43.
- Капанскій магаль**, 43.
- Караагачъ**, штабъ-квартира, 137, 138.
- Кара-баба**, селеніе, 256, 259, 260, 264, 265, 271, 272, 277, 291, 292, 303, 304.
- Карабагское ханство**, область, провинція, 7, 10, 26, 27, 40, 41, 43, 45, 48, 54, 57, 62, 68, 70, 97—102, 105, 106, 110, 111, 114, 115, 117—119, 128, 129, 140, 141, 145, 146, 164, 167, 175, 179, 180, 182, 183, 186, 189, 192, 196, 197, 200, 201, 223, 230, 240, 257—260, 263, 265, 276, 291, 303, 304, 310.
- Каравансарай**, постъ, 10, 51, 59.
- Карадахъ**, ханство, 48, 63, 180, 181, 194.
- Каразіадинъ**, укрѣпленіе, 248, 252.
- Карагайтагъ**, страна, 133.
- Караклисъ**, селеніе, 14, 51, 58, 59, 67, 72, 77, 79—90.
- Карасу-Баши**, урочище, 230.
- Кара-су**, рѣка, 231, 294.
- Карсъ**, крѣпость, 38.
- Карсскій пашалыкъ**, 230.
- Карталинія**, 67, 134.
- Каспійское море**, 9, 10, 49, 70, 118, 125, 127, 163, 187, 190, 191, 214, 230.
- Кафланъ-ку**, хребетъ, 310, 319.
- Кахетія**, 67, 122, 134, 135, 136, 138, 140, 146, 149, 150, 164, 183, 187, 198, 221, 240.
- Кизиль-Агачъ**, постъ, 123, 132.
- Кизиль-Агачскій заливъ**, 192.
- Кишлякъ**, деревня, 86.
- Коды**, селеніе, 14.
- Константинополь**, 93, 160.
- Красный мостъ**, 149.
- Куба**, кубинская провинція, 70, 128—134, 139, 187, 188, 198, 239, 263.
- Кубанъ**, рѣка, 66, 189, 230, 263.
- Кульпы**, мѣстечко, 293.
- Кура**, рѣка, 7, 127, 128, 129, 167, 183, 188, 239, 259, 261, 262, 263.
- Куракъ чай**, рѣка, 155, 166, 174, 175.
- Куракчайская станція**, 169, 173, 174.
- Кутаисъ**, городъ, 67.
- Кюра** (кюринское ханство), 128, 133.
- Ларъ**, городъ, 193.
- Лезгинская линія**, 134, 136.
- Лукьяпчиково**, деревушка, 207.
- Лембаранъ**, селеніе, 260, 261.
- Ленкоранъ**, крѣпость, 67, 106, 122, 124, 125, 126, 193.
- Лори**, крѣпость, 14.
- Мазандеранская провинція**, 191.
- Макинское ханство**, 248.
- Маку**, городъ, 291.



- Малоярославецъ, 160.  
 Манглисъ, 67, 71.  
 Марага, 313, 315.  
 Марандъ, городъ, 15, 196, 222, 304, 305, 307—309.  
 Матуръ, церковь, 95.  
 Мешкинскій округъ, 193, 310.  
 Мешхедъ, городъ, 313.  
 Міане, городъ, 60, 63, 310, 313, 315, 316.  
 Мигри, укрѣпленіе, магаль, 48, 98, 106.  
 Мингрелія, 66.  
 Миракъ, селеніе, урочище, 53—60, 71, 73, 74, 76, 80, 82, 83, 140, 185, 227.  
 Моздокъ, крѣпость, 4, 72.  
 Мокрыя горы, 90, 91.  
 Москва, 4, 176, 200, 208, 210, 211, 212, 215, 216, 217, 218.  
 Мугалинская переправа, 137.  
 Муганская степь, 10, 27, 128, 188, 192, 255, 262, 263, 264.  
 Мцхетъ, селеніе, 189.  
**Н**  
 Нальчикъ, укрѣпленіе, 163.  
 Насиръ Абадъ, селеніе, 194.  
 Нахичеванское ханство, область, 10, 15, 48, 196, 197, 199, 223, 239—245, 248, 249, 254, 256, 258—261, 265, 266, 303, 304, 319.  
 Низовое укрѣпленіе, 214, 215.  
 Новая Куба (Кусары), 128, 131, 132.  
 Нуха, городъ, 68, 122, 130, 134, 187, 188, 189, 190.  
**О**  
 Ордубадъ, городъ, замокъ, 267, 268, 269, 271.  
 Охчи, селеніе, 48.  
**П**  
 Памбакская провинція, 10, 58, 59, 67, 68, 70, 71, 72, 74, 75, 77, 80, 84, 87, 88, 89, 90, 91, 184, 226.  
 Парнаутъ, селеніе, 98.  
 Персія, 3—5, 7—14, 16, 19, 20, 22, 27, 29, 30, 32—36, 39, 41—43, 45—48, 52, 53, 55, 57, 61—63, 65, 71, 73, 77, 80, 82, 106, 122, 134, 135, 142—144, 147, 167, 171, 174, 180—182, 187, 188, 191, 192, 197, 210, 214, 222, 232, 253, 255, 257, 258, 266, 302, 304, 305, 306, 307, 311—316, 318, 319.  
 Петербургъ, 4, 5, 34, 52, 53, 54, 57, 84, 143, 176, 181, 195, 97, 198, 203, 215, 257.  
 Поти, городъ, 93.  
 Прочный Окопъ, станица, 163.  
 Пятигорскъ, городъ, 148.  
**Р**  
 Редутъ-кале, укрѣпленіе, 67.  
**С**  
 Сагратло, переправа на р. Койсу, 33.  
 Сагу-Саванга, селеніе, 280.  
 Салмасъ округъ, 309, 310, 312, 313.  
 Салтановка, селеніе, 160.  
 Сальварти, гора, 265, 266.  
 Сальянскіе рыбные промыслы, 127, 128, 129, 259, 261, 262, 263.  
 Самаанъ-Архи, урочище, 19.  
 Самбуръ-чай, рѣка, 193.  
 Самійскій постъ, 95.  
 Сара, островъ, 125, 127, 192.  
 Сардаръ Абадъ, крѣпость, 69, 230, 232, 234, 242, 247, 277, 292—294, 296, 298, 303.  
 Сатанагачъ, урочище, 79.  
 Севанскій монастырь, 43.  
 Смоленскъ, 160.  
 Сомхетія, 134, 189, 240, 291.  
 Судагенъ, (Суда-кентъ), урочище, 185, 227, 241.  
 Султанъ, лѣтняя резиденція шаха, 18, 19, 21, 25, 27, 29, 31, 53, 60, 61, 63, 199.  
 Сунжа, рѣка, 66.  
 Сурамъ, городъ, 67.  
 Сурпъ-Ниянъ, монастырь, 41.  
 Сухумъ, городъ, 67.  
**Т**  
 Габасаранъ, 134.  
 Тавризмъ, городъ, 10, 13, 15, 17—19, 29, 32, 35, 39, 45, 46, 57, 60, 62, 63, 74, 75, 78, 116, 142, 180, 194, 196, 197, 199, 200, 222, 223, 240, 244—246,

- 255, 256, 276, 289, 291, 293,  
296, 304, 305, 306, 307, 308,  
311—313, 315—317.  
Тагапрогъ, городъ, 206.  
Талынъ, селеніе, 14, 230.  
Талыши, Талышинское ханство, 7,  
10, 26, 27, 40, 41, 44, 45, 46,  
47, 49, 54, 55, 56, 62, 70, 122,  
123, 126, 130, 188, 190, 193, 255.  
Тарки, селеніе, 65.  
Тативскій монастырь, 102.  
Таузъ, рѣка, 151.  
Тахты-чай, урочище, 263.  
Тегеранъ, городъ, 9, 13, 17, 18, 20,  
34, 35, 37, 39, 42, 56, 199, 200,  
312, 313, 315—317.  
Терекъ, рѣка, 66, 189.  
Тертеръ-чай, рѣка, 157, 179.  
Тифлисъ, городъ, 14, 32, 45, 51,  
54, 57, 58, 60, 67, 73, 77, 83,  
90, 91, 94—96, 98, 99, 101,  
112, 113, 119, 121, 140—142,  
145, 147, 150, 157, 158, 61—  
164, 183, 184, 187, 190, 202—  
206, 222, 241, 276, 292, 303,  
305, 317.  
Топорванское озеро, 232.  
Топрахъ-кале, 33.  
Трапезондъ, городъ, 62.  
Турція, 38, 39, 55, 65, 67, 80, 81,  
187, 210, 214, 232, 244, 293.  
**У**джапъ, замокъ, 18, 19, 60, 244,  
310, 315.  
Урмія, городъ, 309, 310, 313, 315,  
317—319.  
Урухское укрѣпленіе, 206.  
Ушаганъ, селеніе, 277, 281, 282,  
287, 289.  
**Х**анашинь, рѣка, 175.  
Хорумъ, армянское селеніе, 80.  
Хива, 191.  
Хизы, деревня, 131.  
Хорасанская область, 192.  
Хоя, крѣпость, 69, 222, 243, 247,  
255, 256, 291, 299, 305, 306,  
309, 310, 315, 316, 318, 319.  
Храмъ, рѣка, 91, 94, 149.  
Худоферинскій мостъ, 43, 57, 59,  
98, 99, 100, 164, 175, 223, 224,  
244, 260.  
Хумзаръ, урочище, 252.  
**Ц**алка, рѣка, 67, 32, 277.  
Царскіе-Колодцы, штабъ - квартира,  
136, 137, 138, 140, 189.  
**Ч**алавапы, деревня, 269.  
Чаундарскій магалъ, 43.  
Чевистеръ, мѣстечко, 309—311.  
Червленая стапца, 57.  
Черекень, рѣка, 180, 183, 223.  
Черная, рѣка, 88.  
Чечня, 66, 76, 128.  
Чинахчи, селеніе, 97, 98, 99, 100,  
111, 115.  
Чорсъ, крѣпость, 246, 248, 252,  
276, 290, 294.  
Чубухлы, урочище, 51.  
Чугундуръ, рѣка, 48.  
**Ш**амхоръ, постъ, рѣка, 117, 53,  
154.  
Шамшадиль, (Шамшадильская дистан-  
ція), 10, 50, 59, 70, 71, 75, 88,  
134, 135, 149, 83, 240.  
Шахъ-Булахъ, замокъ, 99, 175.  
Шахъ-голя, замокъ, 19.  
Шекинское ханство, провинція, 27,  
70, 134, 146, 187, 189.  
Шемаха, городъ, 62, 100, 124, 127,  
128, 129, 130, 131, 132, 188,  
198, 259, 263.  
Шиндиларъ, урочище, 92, 93.  
Ширванское ханство, провинція, 27,  
48, 49, 68, 70, 98—100, 122,  
124, 125, 128, 130, 187, 189,  
198, 239, 259, 261, 263.  
Шихъ-Мезитъ, деревня, 130.  
Шулаверы, селеніе, 92, 225, 230,  
240, 241.  
Шурагѣйская провинція, 10, 58, 59,  
67, 68, 70, 71, 72, 74, 75, 80,  
88, 89, 91, 184.

- Шуша, городъ, крѣпость, 62, 67,  
97, 99—103, 105, 106, 108—  
112, 114, 115, 117, 118, 125,  
135, 152, 157, 164, 175, 179,  
180, 183, 198, 239, 257—260.  
Шушакендъ, деревня, 109.
- Эддибулуъ**, бродъ, 194.  
**Эльборусъ**, гора, 163  
**Энзели**, городъ, портъ, 9, 192.  
**Эрзерумъ**, крѣпость, городъ, 38, 208,  
232.  
**Эриванское ханство**, область, 10, 13  
— 15, 39, 43, 49, 51, 52, 58,  
59, 63, 64, 68, 70—74, 76, 77,  
81, 94, 118, 140—142, 145, 146,  
151, 166, 180, 181, 184—186,  
196—199, 222, 223, 227, 228,  
233, 239—244, 259, 265, 272,  
273, 275, 276, 279, 287—298,  
300—304, 305, 307, 309, 319, 320.  
**Эчмиадзинъ**, монастырь, 14, 15, 41,  
64, 186, 197, 226—230, 232,  
233, 240—242, 275—280, 285—  
293.  
**Эшакъ-Мейданъ**, урочище, гора, 10,  
49, 85.
- Южная Табасаранъ**, 128, 130,  
133.

### III

#### Войсковыя части.

- Апшеронскій полкъ**, 128, 129, 131,  
168, 198, 259, 263.  
20 **Артиллерійская бригада**, 230,  
242, 283.
- Борисоглѣбскій уланскій полкъ**, 243,  
250, 251, 256.  
**Бѣлогородскій уланскій полкъ**, 259,  
261, 303.
- Витебскій пѣхотный полкъ**, 160.
- Грузинскій гренадерскій полкъ**, 168,  
170, 183, 189, 225, 233, 243,  
247, 251, 268, 270, 291, 309.
- Донской казачій Андреева полкъ**,  
71, 225, 231, 233, 242, 279, 300.  
**Донской казачій Басова полкъ**, 289.  
**Донской казачій Грекова полкъ**, 223.  
**Донской казачій Иловайскаго полкъ**,  
164, 243, 250, 251.  
**Донской казачій Карпова полкъ**, 189,  
225, 231, 233, 243, 291.  
**Донской казачій Костина полкъ**, 164,  
223.  
**Донской казачій Кутейникова полкъ**.  
189.
- Донской казачій Леонова полкъ**, 243.  
**Донской казачій Молчанова полкъ**,  
97, 183.  
**Донской казачій Побѣднова полкъ**,  
189, 223.  
**Донской казачій Сергѣева полкъ**, 189,  
242, 279, 289, 300.  
**Донской казачій Фомина полкъ**, 189.  
**Донской казачій Шамшева полкъ**,  
189, 243.  
**Донская конно-артиллерійская (рота)**  
**№ 3 батарея**, 189, 243, 250, 299,  
301.
- 13-й **Егерскій полкъ**, 270  
14-й **Егерскій полкъ**, 274.  
39-й **Егерскій полкъ**, 230, 242,  
279, 282, 283, 298—301  
40-й **Егерскій полкъ**, 242, 279,  
282, 284, 287.  
41-й **Егерскій полкъ**, 83, 163, 223,  
260, 277.  
42-й **Егерскій полкъ**, 43, 97, 103,  
128, 183, 223, 224, 260, 314, 314.  
43-й **Егерскій полкъ**, 66.  
44-й **Егерскій полкъ**, 66.

## XII

**Кабардинскій полкъ**, 66, 287, 288, 293, 298, 300, 308, 309, 311.

**Кавказская гренадерская артиллерійская бригада**, 65, 66, 71, 168, 225, 243, 247.

**7-й Карабинерный (д-гр Эриванскій) полкъ**, 51, 60, 163, 168, 173, 222, 233, 271, 240, 243, 246, 291, 295, 299, 304, 310.

**Каспійскій морской баталіонъ**, 123, 126, 128.

**Козловскій пѣхотный полкъ**, 223, 224, 246, 260, 265, 266, 309.

**Крымскій пѣхотный полкъ**, 240, 242, 279, 282, 297, 300, 301.

**Куринскій егерскій полкъ**, 128, 129, 130, 132, 198, 259.

**Лейбъ-гвардіи Гренадерскій полкъ**, 163.

**Лейбъ-гвардіи Московскій полкъ**, 163.

**Лейбъ-гвардіи сводный полкъ**, 240, 243, 254.

**Мингрельскій пѣхотный полкъ**, 66.

**Навагинскій пѣхотный полкъ**, 66, 163, 303.

**Нашебургскій полкъ**, 223, 224, 246, 260, 309.

**Нижегородскій драгунскій полкъ**, 136, 138, 140, 164—166, 168, 171, 173, 175, 234, 243, 245, 247, 249—252, 256, 272, 291, 296, 299, 309, 310.

**Орловскій пѣхотный полкъ**, 160.

**8-й Пионерный баталіонъ** 240, 242, 243.

**Преображенскій лейбъ-гвардіи полкъ**, 159, 211.

**20-я Пѣхотная дивизія**, 145, 190, 223, 243, 282, 288, 289, 303.

**21-я Пѣхотная дивизія**, 221.

**Сводный гвардейскій полкъ**, 163, 183, 309.

**Севастопольскій пѣхотный полкъ**, 189, 240, 242, 275, 277, 279, 285, 298, 300, 301.

**Серпуховскій уланскій полкъ**, 190, 243, 250, 251, 303.

**Тевгинскій пѣхотный полкъ**, 66, 263, 303.

**Тифлиссскій егерскій (гренадерскій) полкъ**, 51, 59, 71, 72, 79—81, 85, 184, 225, 231, 233, 243, 251, 267, 272, 277, 303.

**Троицкій пѣхотный полкъ**, 19.

**2-я Уланская дивизія**, 145, 189, 234.

**Херсонскій гренадерскій полкъ**, 152, 157, 183, 243, 256, 309.

**1-й Черноморскій конный полкъ**, 230, 234, 243.

**2-й Черноморскій казачій полкъ**, 243.

**4-й Черноморскій конный полкъ**, 230, 234.

**Чугуевскій уланскій полкъ**, 259, 291, 296, 299, 300, 310.

**Ширванскій пѣхотный полкъ**, 136, 140, 157, 163, 189, 225, 229, 230, 233, 234, 243, 251, 291, 298, 309, 317.



# КАРТА

ТЕАТРА ВОЙНЫ СЪ ПЕРСІЕЙ 1826-1828 г.г.

ВЛАДИКАВКАЗЪ

Тарки



Лит. Кавк. Военно-топогр. отд.

Масштаб: 1:100,000

Составил Подполковникъ Томъевъ.

ТЕГЕРАНЪ